

# **О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...**

---

**ВОСПОМИНАНИЯ**

Москва  
«ПолиМЕдиа»  
2004

ББК 84-4  
О-33

Составитель Г.И. Касабова

**О времени, о Норильске, о себе... Книга 5 /**  
О-33 Ред.-сост. Г.И. Касабова. — М.: «*ПолиМЕдиа*»,  
2004. — 592 с.

ISBN 5-89180-045-4.

ББК 84-4

*Некоммерческий издательский фонд  
«Норильский»  
благодарит за финансовую поддержку*

**ООО «Транспромресурс» и  
Вадима Федоровича Николайчука,  
Олега Михайловича Бударгина,  
Николая Герасимовича Вензика,  
Владимира Павловича Алыпova**

ISBN 5-89180-045-4



© Составление. Касабова Г.И., 2004

© Оформление. ООО «*ПолиМЕдиа*», 2004

## СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Книга пятая, как и предыдущие, тоже сборник воспоминаний, но с одним отличием: почти все авторы рассказывают не только о своей жизни, но и о директорах комбината. Мы предлагаем своеобразную эстафету руководителей, которые с 1935 по 1988 год возглавляли Норильский горно-металлургический комбинат им. А.П. Завенягина. Первым (В.З. Матвееву и А.П. Завенягину) и последнему (Б.И. Колесникову) уделено особое внимание.

Мало кто знает о первом начальнике Норильскстроя и лагеря В.З. Матвееве, и это понятно: Владимир Зосимович был в 1938 году репрессирован, и потому мы много десятилетий начало истории комбината связывали в основном с именем А.П. Завенягина. Но, не умаляя его заслуг, справедливости ради нельзя не сказать, что за три самых первых и трудных года освоения Заполярья под руководством В.З. Матвеева с нуля была создана основная инфраструктура рабочего поселка — лагеря. Заработала железнодорожная ветка Валек–Норильск, и началось строительство железной дороги Норильск–Дудинка, заложен подземный рудник «Угольный ручей», началась проходка рудных штолен, вошел в строй кирпичный завод, в строительстве которого впервые применен метод свайного фундирования, началась добыча известняка и керамзита, была освоена однотонная установка непрерывной флотации... Невозможно перечислить все... В первые три года родились химлаборатория, мерзлотная и метеостанция, совхоз, типография, появились первые

детсад и школа, почта и техническая библиотека, радио- и телефонная станции и прочее, и прочее, необходимое для жизни на Крайнем Севере.

Сегодня для многих мы открываем совсем новую фамилию: Михаилу Акимовичу Зингеру первому поручили строительство первой очереди Норильского комбината. О его горькой судьбе еще многое предстоит узнать, что наверняка будет непросто...

Замыкает эстафету директоров комбината Борис Иванович Колесников, ушедший из жизни в 2003 году. Именно это скорбное обстоятельство подвигло нас посвятить книгу пятую «О времени, о Норильске, о себе...» директорам комбината, памяти Бориса Ивановича Колесникова. Он разделил судьбу миллионов людей: пережил нищету и голод, но трудолюбием и целеустремленностью всего в жизни добился сам. Его северный стаж превысил 40 лет, из которых 15 он был директором комбината.

...Ушел в прошлое XX век. К счастью, еще живы люди, которые были его очевидцами. Правда, свидетелей минувшего столетия год от года становится все меньше и меньше, и скоро некого уже будет расспросить о его главных событиях. Вот почему мы торопимся записать, опубликовать воспоминания тех, кто жил и работал на Таймыре. Если государство вкладывало в развитие промышленного района огромные средства, то люди положили на это свою единственную жизнь. В большей мере это относится к истинным первостроителям Норильска — заключенным.

Их восстание после смерти Сталина стоит в особом историческом ряду. Заключенные принципиально отказались от насилия, свой протест политические з/к выразили отказом от работы. Это было восстание духа людей, борющихся за свои права. В книге шестой «О времени, о Норильске, о себе...» впервые будут собраны и опубликованы исследования о восстании, воспоминания руководителей и участников, очевидцев из числа з/к и вольно-



наемных, документы... Мы обращаемся к тем, кто помнит норильское лето 1953 года, кто знает участников и свидетелей восстания, кто имеет записи и документы об этом событии в семейном архиве — откликнитесь! Может быть, из-за возраста и болезней это не могут сделать сами участники восстания — помогите им записать рассказ о жизни в Норильске или обратитесь к нам, и мы поможем вам в этом. Обязательно поможем!

Некоммерческий издательский фонд «Норильский» обрел друзей и единомышленников из инициативной группы участников норильского восстания 1953 года, которую возглавляет Лев Александрович Нетто. При финансовой поддержке ОАО «ГМК «Норильский никель» в 2003 году состоялась международная конференция, посвященная 50-летию восстания в Норильске. Она открыла новые имена и факты, дала мощный импульс в поисках неизвестных доселе материалов. Но об этом — в книге шестой нашего издания.

Каждый, кому есть что рассказать о времени, о Норильске, о себе, может стать одним из авторов нашей книги. Пишите, присылайте старые фотографии, документы, газеты — все дорогие вам семейные реликвии мы вернем потом по указанному вами адресу. Если у вас есть уточнения, дополнения, замеченные вами неточности в опубликованных материалах, известите нас через издательство «*ПолиМЕдиа*» по телефону в Москве: 159-86-11 или по адресу: 125212, г. Москва, Ленинградское шоссе, д. 23, корп. 3, стр. 1. Здесь же можно узнать и о возможности покупки наших книг. Каждый покупатель становится спонсором издания «О времени, о Норильске, о себе...», ибо книги издаются на деньги, вырученные от их реализации.

*Галина Касабова,  
генеральный директор некоммерческого  
издательского фонда «Норильский»*

# ДИРЕКТОРАМ НОРИЛЬСКОГО КОМБИНАТА П О С В Я Щ А Е Т С Я

У директоров Норильского горно-металлургического комбината им. А.П. Завенягина, когда бы они ни стояли у его руля, легких времен не было. Каждый из них был сильной личностью и незаурядным человеком, каждый вписал свои страницы в историю развития заполярного горно-металлургического гиганта.



**1935—1938**

**Владимир  
Зосимович  
МАТВЕЕВ**



**1938—1941**

**Авраамий  
Павлович  
ЗАВЕНЯГИН**



**1941—1948**

**Александр  
Алексеевич  
ПАНЮКОВ**



**1948—1954**

**Владимир  
Степанович  
ЗВЕРЕВ**

**1954—1957**

**Алексей  
Борисович  
ЛОГИНОВ**



**1957—1962**

**Владимир  
Васильевич  
ДРОЗДОВ**



**1962—1969**

**Владимир  
Иванович  
ДОЛГИХ**



**1969—1973**

**Николай  
Порфирьевич  
МАШЬЯНОВ**



**1973—1988**

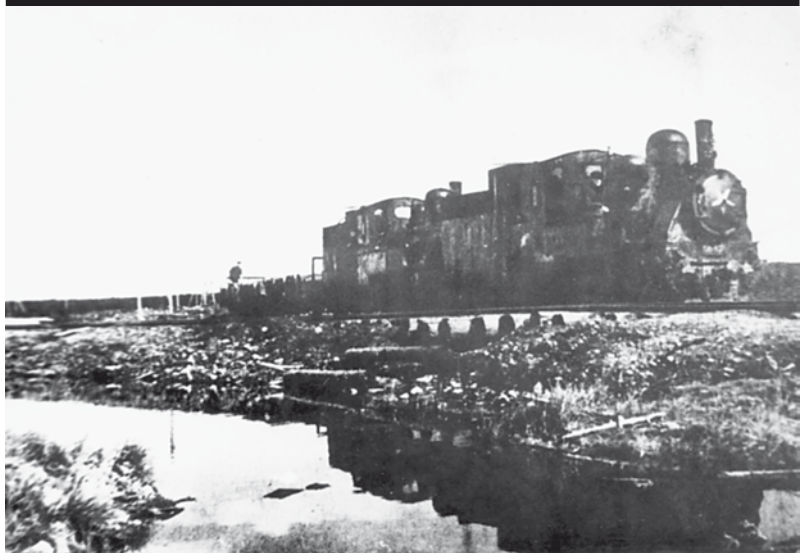
**Борис  
Иванович  
КОЛЕСНИКОВ**





*Владимир Зосимович Матвеев*

**1935—1938 гг.**



**Владимир Матвеев:**

*«Сего числа 1(2) июля 1935 года вступил в обязанности начальника Норильскстроя НКВД. Основание: приказ наркома Внудела Ягоды».*



*Владимир Зосимович Матвеев*

## **МИХАИЛ АКИМОВИЧ ЗИНГЕР — ИМЕННО ЕМУ ПОРУЧИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВОГО ЭТАПА НОРИЛЬСКОГО КОМБИНАТА**

**Н**орильское месторождение полиметаллических руд, как и другие разведанные подземные богатства Севера, к началу 30-х годов было в ведении ГУСМП (Главного управления Северного морского пути). Начальником этого управления в 1932–1939 годах был Отто Юльевич Шмидт, ученый и государственный деятель, а начальником политотдела — С. Бергавинов.

Для решения вопросов дальнейшего освоения Севера и начала строительства Норильска как промышленного объекта Шмидт и Бергавинов в 1934 году были на приеме у С. Орджоникидзе, председателя ВСНХ (Всесоюзного совета народного хозяйства), предварительно подав ему записку о целесообразности его освоения. Вот текст записки О.Ю. Шмидта:

«Норильское месторождение по мощности запасов является в области никеля и платины примерно тем же, чем Колыма в области золотой промышленности, с теми же преимуществами по насыщенности ценными металлами (никель, платина, кобальт, палладий) и такими же трудностями по освоению. Район Норильска обладает рядом экономических благоприятных факторов, а именно:

1) концентрацией руды на небольшой площади (радиус 4 км);

2) наличием около самого месторождения значительных запасов высококачественного каменного угля (свыше 60 млн т);

3) наличием большого количества проточных озер в том же районе для обеспечения технической и питьевой водой;

4) в окрестностях Норильска имеются стройматериалы (известь, песок и глина) и флюсы (кварцевые песчаники);

5) возможностью простыми методами обогащения однообразных по минералогическому составу сульфидных руд, гарантирующих получение высоких выходов концентратов;

6) простотой общего геологического строения и условиями залегания рудного тела, что дает возможность применять наиболее производительный и дешевый метод разработки месторождения.

Произведенное обогащение показало высокие результаты. Например, по извлечению никеля — 85 %, по извлечению меди — 97 %, платиноидов — 90 %».

Строительство металлургического комбината Главсевморпуть планировал осуществить в три очереди, начиная с весны 1936 года и заканчивая 1940 годом, с добычей руды в конце третьей очереди в 10 млн т в год. Получается, что сначала Норильский комбинат на подведомственной ему территории хотел строить и эксплуатировать ГУСМП, значит, первоначально планировалось использовать здесь вольнонаемную рабочую силу.

На приеме Орджоникидзе Шмидту и Бергавину дал добро на начало работ. Но строить Норильск без железнодорожной ветки Дудинка—Норильск было нельзя. Руководство ГУСМП из нескольких вариантов (широкая колея, подвесная дорога и узкоколейка) выбрало последний. Для этого нужно было на место отправить изыскательскую партию. Работу поручили Желдорпроекту. Начальником этой партии был назначен Михаил Акимович Зингер, именно ему поручили строительство первого этапа Норильского комбината. Таким образом официально М.А. Зингер стал первым начальником Норильскстроя от ГУСМП. Но мы-то знаем, что первым начальником был В.З. Матвеев. Вся эта загадочная и трагическая история стала известна в 90-х годах, когда в Норильск приехал сын Михаила Акимовича Эльгард Михайлович Зингер.

В 1934 году в изыскательскую партию Желдорпроекта М.А. Зингер подобрал только добровольцев.



Но пока ее снарядили, пока она прибыла в Красноярск — наступила весна 1935 года.

В краевом центре первоначально планировали воспользоваться авиацией, но подвела погода: весна оказалась очень ранней. Гидросамолет в Дудинке должен был приземлиться на лыжи — ведь там еще вовсю была зима. Короче, летчики лететь отказались. Поэтому экспедиция закупила подводы с лошадьми и двинулась вниз по Енисею на север. Колонну все время догонял ледоход, и в Игарке он ее все-таки настиг. Михаил Акимович и еще несколько человек уехали из Игарки в Дудинку на лодке, а оставшаяся партия стала дожидаться первого парохода.

Зингер прибыл в Дудинку 12 июня, еще не зная, что в Москве было принято решение о передаче строительства ГУЛАГу и что начальник Норильскстроя и ИТЛ Матвеев именно 12 июня сел на пароход, который повез его в Норильск. Не подозревая об этом, Зингер между тем сразу же включился в работу: надо было измерить уровень воды во время ледохода и после спада воды, что было чрезвычайно важно для подготовки строительства порта в Дудинке. Медлить с началом изысканий было нельзя. О ходе этих работ Зингер докладывал на заседаниях окружкома партии в Дудинке. Там же приняли решение о размещении рабочей силы. К тому времени из Красноярска уже сообщили, что в Дудинку по Енисею вышел караван барж во главе с Матвеевым.

Зингер с Матвеевым встретились 2 июля 1935 года. Это было очень символическое свидание: по сути, государство столкнуло два способа, два пути строительства комбината — вольный и невольный, цивилизованный и с применением рабского, подневольного труда. И выбрало второй. Уже в то время крестьяне, которых потом много оказалось в местах лишения свободы, в том числе и в Норильске, так расшифровывали аббревиатуру названия партии ВКП — второе крепостное право. А сколько бы жизней было сохранено, если бы в Норильске не было лагеря?..

После встречи с Матвеевым Зингеру стало понятно, что ему надо сдать свои полномочия и возвращаться в Москву. А Матвеев в тот же день написал свой первый приказ, а потом зачеркнул двойку и исправил ее на единицу: «Сего числа 1(2) июля 1935 года вступил в обязанности начальника Норильскстроя НКВД. Основание: приказ наркома Внудела Ягоды».

Подтвердил факт сдачи дел Зингером О.Ю. Шмидт, который в то время облетал север Сибири. Сделал он это весьма своеобразно. Он летал по своей «епархии» с классным летчиком полярной авиации Василием Михайловичем Махоткиным. Был в Игарке, Дудинке, посетил Норильск. После поездки Шмидт рассказывал: «Полет мой в Норильск был не вполне удачным. Как раз на Стрихнинном (сейчас оно называется Долгим) озере не удалось сесть. Махоткин прилетает и видит, что обстановка неблагоприятная. Тем не менее Махоткин рискнул, и хорошо сделал. В это время налетает ветер, и самолет моментально скатывается, и я вы-

летаю из самолета, меня уже схватили и удержали за хлястик. После этого я сел рядом с Махоткиным, и мы привязались».

Шмидт выразил свое мнение, сказав, что сначала в ГУСМП обиделись, узнав о передаче Норильска ГУЛАГу, «но, когда я увидел эту силищу, я понял, что нам все это не по силам». Тут хочется добавить, что «прекрасный летчик Махоткин», по словам Шмидта, был репрессирован и 10 лет провел на обогатительной фабрике в Норильске.



*В.М. Махоткин,  
полярный летчик, з/к*

Э.М. Зингер долго искал следы деятельности отца, интересовал его вопрос: с кем и когда вернулся Михаил Акимович в Москву? Видимо, его взял с собой в августе 1935 года О.Ю. Шмидт, они летели в самолете, который пилотировал В.М. Махоткин.

Дальнейшая судьба М.А. Зингера печальна. Он оказался не у дел. Очень быстро обнаружил за собой постоянную слежку агентов НКВД. И как честный партизнец совершил поступок, который и сегодня не укладывается в голове: в органы он пришел сам и сказал: «Если я виновен, то арестуйте, если невиновен, то оправдайте...» Просьбу выполнили, арестовали и в 1936 году «лишний» начальник Норильскстроя был расстрелян. Двоевластие в Норильске не состоялось. А В.З. Матвееву судьба и органы отвели три года жизни и работы на свободе.

### **«НАШ ОПЫТ ПОКАЗАЛ, ЧТО НЕ ЕНИСЕЙ ВИНОВАТ, А ЛЮДИ...»**

В марте 1935 года состоялось совещание Политбюро ЦК ВКП(б) по никелевой проблеме. Согласно этому решению при Всесоюзном совете народного хозяйства была создана комиссия по этой проблеме под председательством С. Орджоникидзе. В апреле эта комиссия разработала мероприятия по первому этапу строительства Норильского комбината. 10 мая того же года были даны конкретные указания главному подрядчику той эпохи — ГУЛАГу НКВД, и через несколько дней началось составление заявок на необходимые для этого материалы, оборудование, снаряжение, продовольствие. Все делалось в аварийном порядке, ибо до открытия навигации по Енисею оставался один месяц.

Когда я начала собирать материалы о Матвееве, то обнаружила, что при всем их обилии в Норильске о Матвееве сведений было очень мало. Уже сейчас существует большая литература о Завенягине, многие мемуаристы, исследователи и просто пытающиеся

писать непременно упоминают об ошибках В.З. Матвеева, о которых докладывал А.П. Завенягин, принимая дела у него — первого начальника Норильскстроя, хотя, это понятно, многие отдают себе отчет в том, что Матвеев начинал, а это всегда трудно.

Есть много сведений о том, что было сделано в Норильске в первый период строительства комбината, но почти никто не рассказал о Матвееве как о человеке. Какой он был?

Владимир Зосимович родился в 1897 году в Ташкенте. Принимал участие в борьбе с басмачами. Существует легенда о том, что однажды он после удачной операции принес отрезанную голову басмача, чем здорово напугал секретаршу, свою будущую жену. В воспоминаниях современников Матвеев — всегда сотрудник ВЧК—НКВД. Вот что писал о нем Виктор Александрович Веремеенко, невольный норильчанин с 1936 года: «Он был настоящим чекистом, храбрым, бесстрашным человеком. Когда его направили на борьбу с басмачами, он тогда был оперуполномоченным по Средней Азии, то басмачи за его голову давали пять тысяч золотых рублей. В Норильске он всегда ходил один в военной форме. Никогда не повышал голос, не ругался, особенно не наказывал. Один финн сделал ему аэросани и возил Матвеева на аэросанях. Одно время я был у Матвеева референтом...»

До 12 июня 1935 года в Красноярск, на берег реки Енисей, было доставлено и погружено на пароходы и баржи 24 тысячи кубометров стройматериалов и других грузов. Для этого потребовались все плавединыцы Енисейского пароходства.

А 12 июня из Красноярска на пароходе «Спартак» отправились на Таймыр начальник Норильскстроя Матвеев с женой Елизаветой Карловной и двумя дочерьми (3 и 9 лет), первая сотня строителей и изыскательская группа Моспромтранса во главе с А.С. Кудрявцевым. 1 июля «Спартак» подошел к Дудинке. По пути пароход останавливался в Игарке. Здесь Матвеев организовал представительство Норильскстроя — Игарка должна

была поставлять на строительство круглый лес. Барж для этого леса не было. Ждать, пока они освободятся, было некогда. И Матвеев решил сплавлять лес по воде. По его приказу стали сплачивать плоты, а это было рискованно. Опытные в этом деле люди не советовали этого делать: ниже Игарки лес не сплавляют, потому что его может унести в море. Но Матвеев приказа не отменил — в этом сказались его характер и революционный напор эпохи. Матвееву надо было отправляться вниз, в Дудинку, а кого же он оставил руководить сплавом кругляка и самим Игарским представительством? Решение Матвеева было неординарным — им стал начальник санчасти Норильскстроя врач Сергей Дмитриевич Ларионов. Владимира Зосимовича Матвеева с семьей поместили в избе дудинской радиостанции. Приехавших с ним разместили не только в избах, но и в сараях, на чердаках.

Пока пароход был в пути, 23 июня 1935 года вышло постановление СНК о норильском строительстве. Первую очередь его надо было пустить через четыре года. А ведь в то время в Норильске ничего не было: первый свой приказ о вступлении в должность Матвеев написал в Дудинке 1(2) июля. (Обе первые книги приказов хранятся в Норильском музее.) Мощность временной электростанции в Норильске была 25 (!) киловатт. Из стенограммы выступления Матвеева на совещании в конце 1935 года:

«12 июня сюда двинулась первая партия наших работников. Следом двинулись грузы, не предусмотренные никаким планом, а в сентябре мы имели все, что нам нужно.

Естественно, что мы в спешке сделали некоторые ошибки в заказах, когда мы отбирали вагоны и гнали грузы сюда в таком военно-походном порядке.

Когда я сколачивал первые плоты, чтобы сплавить лес в Дудинку, в Игарке говорили: «Да он сумасшедший или вредитель». Мне пытались доказать, что в этом районе сплавлять лес по Енисею невозможно, что весь лес унесет в море.

Наш опыт показал, что не Енисей виноват, а люди, которые не хотели по-настоящему взяться за дело.

Правда, одна баржа с лесом утонула.

Из 24 тысяч кубометров леса в плотях мы упустили только 100–150 бревен. Это спичка по сравнению с этим домом».

По всем имеющимся данным, в 1935 году в Норильск прибыло 1200 человек. Прибывали по Енисею, Северному морскому пути, по реке Пясине до реки Норилки, по ней до Валька и потом, так же как и из Дудинки, до Норильска шли пешком. И после летней навигации 1936 года число заключенных на 1 января 1937 года составило 9139 человек.

Дальше Веремеенко вспоминает: «...из Дудинки вышло нас по этапу 2 тысячи человек. Выдали сухой паек на два дня, обмундировали, пошли. Были у нас лошадь и проводник. Дошли до озера Боганидка. Сутки блуждали вокруг него, не заночевали, пошли дальше. Было много комаров. У Амбарной нас подкормили. Спросили, есть ли магометане и евреи. Их накормили бараниной, нас свиной. В Норильск пришли со стороны Шмидтихи, к Нулевому пикету». Впоследствии такое «религиозное» питание было немыслимо.

Комендантом управления Норильскстроя НКВД 17 июля 1935 года Матвеев назначил Е.Я. Табачникова. В сентябре того же года были организованы: 1. Дудинский ОЛП (отдельный лагпункт); 2. Дудинская товарная база; 3. Норильский ОЛП; 4. Лагпункт Норильск-2, который включал: а) заготовку крепежника для штолен; б) механическое бурение; в) ШИЗО; 5. Лагпункт Валек: строительство железной дороги, товарная база Валек. Таким образом, в 1935 году в Норильлаге было 4 лагпункта (л/п).

Исследуя историю Норильлага, читая всевозможные материалы, всегда наталкиваешься на одну их особенность: в них все время говорится о том, как люди работали, все преодолевая, досрочно сдавали, выпускали, добивались новых трудовых успехов,

догоняли и перевыполняли... А жили как? На эти вопросы мы можем попытаться ответить при помощи самого Матвеева, точнее, приказов, которые издавал начальник Норильскстроя и ИТЛ.

Даже трудно выделить, какие проблемы были главными, потому что все они были жизненно необходимы: строительство жилья и железной дороги, открытие почты и курсов машинистов паровозов, доставка грузов и открытие свиноводческой фермы и молочно-товарной (коровы в пути отморозили соски) и т.д. Да и трудностей была неисчислимая пропасть: темнота и снежные заносы, отсутствие кадров и опыта строительства на вечной мерзлоте зданий и дорог, нехватка снабжения...

Но для высокого начальства важно было только выполнение планов, цена их исполнения не интересовала никого (я не говорю о финансах). Потому строить временную (капитальную строить было некогда) железную дорогу Норильск—Валек—Дудинка начали в декабре 1935 года. Сначала строили только первую линию. Вторую — до Дудинки — начали в следующем году. Для этого 1 июля организовали два железнодорожных участка численностью 1,5 тысячи человек. День и ночь скрипели по катальным доскам тачки — сотни, тысячи. Когда недоставало земли или возить ее было слишком далеко, в полотно дороги укладывали торф, тундровый валежник, мох. С началом зимы, когда морозы сковали землю, дорогу начали отсыпая из снега, смешанного с хворостом, поливая все это водой. Шпалы делали из сырой лиственницы. «Без туфты и аммонала не построили б канала» — этот метод возведения сталинских ударныхстроек уже был опробован на Беломорканале. Норильск был его достойным преемником.

Из воспоминаний П.П. Величко: «Лагеря было два главных — Норильск и Дудинка. А по трассе железной дороги через каждые 15–20 км тоже были лагеря до самого Норильска. Бараки фанерные, отопление — печки-буржуйки. Спали на нарах впокат. Постели, набитые мхом. Одевали зимой хоро-

шо — валяная обувь, ватная и шубная одежда, но все равно мерзли и обмораживались. Кормили плохо, чем попало, так как доставка из этих баз была трудная, тракторами на санях и балках; и так два года зимою и летом строили эту узкоколейку».

З/к жили в палатках, больницы не было. У заведующего дудинским стационаром один больной дизентерией 10 суток пролежал на голых нарах. Не было даже тюфяка, набитого сеном. За что Матвеев приказал арестовать заведующего Гондаровского на 30 суток и лишить зачета рабочих дней за третий квартал.

Лишение зачета рабочих дней — эта мера наказания постоянно встречается в приказах Матвеева. Это значит, что срок наказания увеличивается на количество рабочих дней, умноженное на 3.

По итогам 1936 года 1 км главного пути железной дороги обошелся Норильскстрою в 53 800 рублей при плановой стоимости, определенной ГУЛАГом, 21 360 рублей. Получился перерасход 2 861 тысячи рублей. Планами ГУЛАГа снегоборьба даже не предусматривалась. А.П. Завенягин потом напишет, что снегоборьба в отчет была очковтирательски включена.

В объяснительной записке к отчету за 1935 год Матвеев писал, что обеспеченность теплой одеждой была очень плохая. При составлении сметы не было учтено изготовление нар. Был перерасход по медсанрасходам. Одна аренда бани в Дудинке стоила 3,5 тысячи рублей.

В 1936 году самым трагическим событием была авария пясинского каравана, который до Норильска не дошел. Строительство осталось без леса, оборудования, паровозов и еще многого другого. Если бы все грузы привезли в Дудинку, то их бы не на чем было привезти в Норильск, да и причалов в Дудинке еще не было. Поэтому было решено доставить грузы к Вальку следующим путем: по Енисею, затем по Карскому морю около 500 км вокруг Диксона и 900 км по реке Пясине, озеру Пясино до Валька. А оттуда до Норильска 8 км. Впервые, и очень удачно, этим путем воспользовались



в 1935 году. Но на следующий год произошла катастрофа. Вот как объяснял потом в записке к годовому отчету сам Матвеев: «Руководство Норильскстроя, не отрицая тяжелых ледовых и климатических условий в Карском море и падения уровня воды в Пясинской системе, все же считает, что зимовка на озере Пясино явилась следствием нечеткой работы транспортной конторы ГУСМП в Красноярске.

В результате несвоевременной подготовки экспедиция опоздала с выходом на о. Диксон, где морские суда стояли до 14 дней, ожидая перегрузки.

Речные суда были поданы на о. Диксон в недостающем, против договора, количестве и тоннаже, в результате чего суда вошли в Пясинскую систему с нагрузкой на осадку свыше 200 см, а часть груза была не принята экспедицией и направлена для разгрузки в Игарку и Дудинку.

Экспедиция опоздала с выходом с о. Диксон, и суда вошли в Пясинскую систему уже после начавшегося спада воды...

Экспедиция оставила обстановочные знаки на о. Диксон, в силу чего могла продвигаться только днем с обязательными остановками всего каравана на ночевки: это обусловило ненормально медленное продвижение судов... и привело к зимовке».

35 (по другим данным — 40) судов участвовали в этой операции. Каждое судно тянуло за собой караван. Матвеев летал к севшим на мель судам, объяснял, что без машин норильские заводы не могут войти в строй. Но только нескольким судам удалось дойти до Валька. А все остальные грузы этого каравана с Пясины вывезли уже в 1938 году.

Авария баржи с лесоматериалами в Пясинскую экспедицию 1935 года, а затем и всего каравана в следующем году привела к тому, что Норильск остался без лесоматериалов, и поэтому пришлось строить бараки временного типа с применением местных стройматериалов. Когда их не на чем было привезти, бараки вовсе не строились, и происходил перерасход топлива в палатках.

В 1935 году было добыто 600 т угля в горе Шмидтиха и пройдено 60 м горных выработок. Все делали вручную: техника появилась позже. Породу и уголь отвозили тачками, а потом лошадь тащила вагонетку.

Утвержденные ГУЛАГом нормы питания были следующие: основной котел (для выполняющих нормы) — 800 г хлеба в день, мяса соленого — 1600 г в месяц. В стационаре больные должны были получать 260 г ржаного хлеба, мяса — 80 г, хлеба пшеничного — 260 г в день. Отказчики и подследственные получали 300 г хлеба в день, мяса, сахара — по 200 г в месяц.

Кормящие в течение двух месяцев получали, так же как и беременные, общий котел и премблюд бесплатно. Однажды я спросила лагерника, что это за премблюд такое? Николай Петрович Соколов ответил, что это вареная вермишель величиной в половину ладошки.

А вот какую картину рисовал сам Матвеев в своих приказах. План железнодорожного строительства в сентябре 1936 года был выполнен на 58 %. Основная причина — снятие 150 лучших рабочих на работу в порт (капитаны судов грозили уйти из Дудинки, если грузы не будут вовремя выгружены). Кроме того, плановые нормы не соответствуют действительной трудности выработки. Рабсила на земляных работах уменьшена, несоизмеримо увеличены подсобные группы. Не хватает катальных досок, что затрудняет выполнение нормы и задерживает транспортировку грунта.

Не все горняки и трактористы могут пользоваться водой в достаточном количестве. В баню их водят один раз в месяц, но и там горячей водой моющиеся не обеспечиваются; наблюдается почти полная завшивленность лагерного контингента. Кипяток выдается взамен на индивидуально приносимую холодную

воду. В палатке № 3 горняков лагерники вынуждены находиться в верхней одежде даже ночью, ибо палатка абсолютно не утеплена. Отапливаются бараки хворостом, который заготавливали часто за 10–12 км от лагеря.

На железной дороге бараки тоже не утеплены, в них нет печей, света, зато много грязи.

Потери рабочего времени на разводах составляют до 1,5 часа. Отдельные рабочие безнаказанно уходят с трассы до окончания работ. С потерявших или поломавших инструмент ничего не взыскивается.

Хранение вещевого довольствия и продовольствия безобразное, кладовки занесены снегом, который таял, отчего полушубки покоробились. Вещи расхищаются. Порча вещевого довольствия лагерниками носит массовый характер.

Кухни на дистанциях не утеплены, в них почти темно, печи дымят, санитарное состояние очень скверное. Ларьковый хлеб выдается редко. Работа пекарен не контролируется. Иногда уголовники врывались в пекарни и тащили хлеб, а работники пекарни это замалчивали.

На трассу продукты отправляются более худшего качества, например рыба только черных сортов, а чир и муксун распределяются только в Норильске. Пища не имеет жиров. На местах достаточно продуктов, но они полностью не закладываются в котел и не выбираются из каптерок. Черпаки текут. Хорошее начинание по доставке пирожков к месту работы проводилось только во время наездов комиссии из управления. Нормы питания обезличены: ударники и лодыри получают одинаковое питание, в палатке стахановцев нет воды.

Не все горняки и трактористы своевременно получают пищу. Заявки об оставлении горячей пищи не выполняются. Рабочие, занятые на производстве, остаются без пищи или получают остатки.

В стационаре на одном из железнодорожных участков больные лежат в темноте, единственная лампа нужна для амбулаторных приемов. Нет кипяченой воды, нет примуса для ее кипячения и обработки инструментов. Отсутствуют нормы цинготного пайка.

Впервые о труде несовершеннолетних з/к в Норильлаге упоминается в приказе Матвеева от 21 июля 1936 года. Бытовые условия и питание детей были такими же бесчеловечными, как и у взрослых з/к: «...бараки грязные, нет вентиляции, сушилки, воздух спертый, нет столов, скамеек. Едят на нарах». Что ели дети? «Питание однообразное, в очереди за пищей простаивают по часу и более. Рыба дается тухлая, хлеб плохого качества, ларьков мало. Нормы питания занижены чуть ли не вдвое, премблюда не выдавалось».

Есть ли вина Матвеева в том, что условия жизни и работы первостроителей были такими безрадостными? Не думаю. Когда людей высаживают на пустынном месте и только кричат: «Давай!» — по-другому не получается. Критический текст приказов положительно характеризует Матвеева, говорит о его чутком отношении к людям. В силу своих полномочий он пытался поддерживать дисциплину, стремился выполнять план и создать нормальные, если они вообще были тогда возможны, условия труда.

Что же успели заключенные сделать, построить, организовать в Норильске, и прежде всего в Дудинке? Первый объект — пекарня в Дудинке, затем созданы химлаборатория и при управлении строительства проектное бюро Норильскстроя. В сентябре 1935 года построена мерзлотная станция для изучения возможностей строительства на вечной мерзлоте, установлена центральная радиостанция и открыта начальная школа (всего одна комната, семь учеников и один учитель). Появились первые

объекты торговли — ларьки. В конце 1935 года с помощью двадцатиномерного коммутатора впервые установлена телефонная связь.

Зимой 1936 года дала себя знать цинга, и потому уже в феврале начали заготовку хвой и приготовление противоцинготного напитка — хвойного кваса.

Тогда же была открыта для движения поездов временная железная дорога Норильск—Валек. Гужевой транспорт мог немного передохнуть: действовала авиатрасса Дудинка—Норильск, было закончено капитальное строительство железнодорожной трассы (вместо ледяной) Валек—Норильск. В конце 1936 года уложили первые рельсы железной дороги на Дудинку, заложили подземный рудник «Угольный ручей», началась проходка рудных штолен.

В 1937 году сдан в эксплуатацию кирпичный завод проектной мощностью 100 тысяч штук кирпича в месяц. При его строительстве, писал Т.Я. Гармаш в своей картотеке, впервые применен метод свайного фундирования. Завод построен по проекту и под руководством инженера-керамика Федора Григорьевича Холодного.

В то же время бригада Цгинцветмета (Центральный госинститут цветной металлургии) под руководством С.С. Бочарникова и научно-исследовательская обогатительная станция Норильскстроя завершили исследования по обогащению норильской руды. Была смонтирована и освоена однотонная установка непрерывной флотации.

Геологическое бурение в районе Медвежьего ручья выявило рудное тело больших размеров. Местоорождение получило название «Медвежий ручей».

Как мы видим, очень много направлений в работе было начато в эти три года при В.З. Матвееве. Но было и такое: 15 ноября 1935 года начальник Норильскстроя приказал выделить из лагпункта Норильск-1 командировку Норильск-2 со штрафизолятором в

отдельный лагпункт (ОЛП) и подчинить управлению. Начальник Норильска-2 Качановский стал и начальником ШИЗО.

По воспоминаниям И.Я. Бузмакова, барак усиленного режима (БУР) был в каждом лагерном отделении. ШИЗО первоначально располагалось на Амбарке, а в 1938 году его построили на Каларгоне.

18 июня 1936 года был организован распределительный пункт в Дудинке с пропускной способностью до 1 тысячи человек в день. Его начальником стал Табачников.

Но существование распрелпункта не внесло организующую струю в стихию прибывающей рабочей силы. Вот что писал Матвеев в объяснительной записке к годовому отчету 1936 года: «Вместо намеченного планом прибытия основного контингента рабочей силы в июле и августе, то есть к началу земляных работ на трассе, основной контингент пришел в августе и сентябре и попал на трассу в сентябре–октябре. Большая часть сезона земляных работ была потеряна... Поступившие на распределительный пункт этапы шли в большинстве без списков, обезличенные



*Штрафной изолятор на Каларгоне*

в Красноярске. Списки из Красноярского представительства поступали в потрепанном виде, написанные под копирку, и прочесть фамилии не представлялось возможным. Более того, некоторая часть этапов за спешкой работ на распредпункте не была оформлена даже опросом и прошла мимо него».

Видимо, в целях повышения производительности труда з/к в начале 1936 года в Норильск пришел приказ НКВД о введении сдельной заработной платы. Весь остаток зарплаты, причитающейся лагернику за вычетом фактически израсходованных сумм на его содержание, выдавать полностью (то есть высчитывать содержание охраны, стоимость питания). Разreshалось 50 % суммы отсылать родственникам. Но это только с разрешения начальника комендантского отделения. Но вот характерная деталь: никто ни разу не вспомнил о помощи деньгами своей семье, да и сами лагерники денег в руках не держали...

В апреле 1938 года вышел приказ о сверхударных зачетах рабочих дней. Примерами обычной советской риторики были праздничные приказы начальника Норильлага. Вот приказ к 1 мая 1936 года: «Вы, советские лагерники, не являетесь отбросами общества, как при капитализме, а являетесь временно изолированными. Да здравствует советская исправительно-трудовая политика и наш любимый нарком Ягода!»

Приказ Матвеева к 7 ноября того же года: «Страна Советов готовится к встрече праздника. Трудящиеся продемонстрируют свою счастливую, радостную жизнь и творческую силу».

Это мы теперь знаем, что такая «временная изоляция» продолжалась не один десяток лет, а сам Матвеев вскоре стал, увы, советским лагерником.

23 июля 1936 года Матвеев приказал отдать под суд стрелков ВОХРА за стрельбу в бараке, за то, что стрелок проколол штыком одного з/к, другого избивал прикладом.

Из воспоминаний В.А. Веремеенко: «...за вторым домом от теперешнего ГРУ стоял низкий, выросший

в землю барак. Там жили начальник строительства Матвеев и комендант. Надо было отнести Матвееву бумаги. Когда звонили, выходили встречать. А тут я пошел. Вдруг погас свет. Часовой говорит: «Ложись!» Я лег. Прележал до 6 утра. А было это в 12 ночи...»

Из воспоминаний А.А. Полянского, бывшего з/к: «Песню «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», услышанную на Дудинском распреде, з/к слушали за колючей проволокой, стоя на коленях весь день...»

## ОН ЗНАЛ, ЧТО НЕ БЫЛ ВИНОВАТ

Подвел итоги первому, «матвеевскому» периоду существования Норильлага А.П. Завенягин в сообщении Ежову: «Положение стройки хуже, чем указывалось в отчете... Управление лагерем отсутствует, твердых подразделений в лагере не создано, ограждений нет, нет должного режима. На стройке вскрыто явное вредительство». Вредительство искали на железной дороге, были пострадавшие. Матвееву это стоило свободы, потом жизни. Он был арестован, привезен на Лубянку, а через 50 лет норильчане в молдавском журнале «Кодры» прочитали воспоминания Дмитрия Быстролетова «Как я умер» о его лагерной эпопее. Он-то и рассказал о своей встрече с Матвеевым на Лубянке: «...потом меня повели по узеньким коридорчикам и сунули в небольшую камеру на четыре койки без окон. Там уже сидел стриженный мужчина в черной телогрейке, ватных брюках и грубых сапогах. Мы обменялись рукопожатием и назвали себя.

— Не слышали моей фамилии? — удивился незнакомец. — Я — начальник строительства в Норильске. И такого города не знаете? Тоже странно! Это поселок в заполярной тундре недалеко от устья Енисея. Там строится огромный завод и при нем город на полтора-два тысяч жителей. После суда вас, если не расстреляют, могут послать туда. Зачем? — Незнакомец криво усмехнулся. — Работать, милый мой иностранец. Наденете ватник и будете ломом бить вечную мерзлоту.



Я пожал плечами:

— Оставьте! Я этого не жду. У меня другие дела.  
Поважнее!

Незнакомец изменился в лице:

— Были да сплыли. Всунут двадцатку и повезут на Север.

— Что значит «всунут двадцатку»?

— Дадут по суду двадцать лет срока.

Во мне боролись два чувства — надежда и сомнение.

— Глупости. Я не виноват! Вас арестовали и привезли сюда, вероятно, по какой-то серьезной причине. Вы и должны ожидать жесткого приговора. А у меня другое дело: меня прокатали на газике из поселка Сокол до Лубянки. Пуганут как следует, проверят, убедятся в моей невиновности и выпустят. В Советском Союзе не осуждают без вины. Это вам не капиталистические страны!

Мужчина в черном скрипнул зубами.

— Значит, я — виновен, а ты — нет? Собака! — Он поднялся с постели. Я тоже. Оба тяжело задышали и сжали кулаки.

— Положим, не собака, — сказал я внешне спокойнo, — и не советую переходить на такой тон. За следующее оскорбление я набью вам рожу: я недурной боксер.

У него задрожали побелевшие губы. Я вынул пачку американских сигарет, закурил, предложил ему. Мы оба сели. Бывший начальник тяжело перевел дух.

— Знаете, что отсюда никого не выпускают? Раз вы зарубежный работник и арестованы, значит, получите расстрел или большой срок. За что? Вот за то, что вы были за рубежом и многое знаете. Вас упрячут подальше. Вы конченный человек! Как и я. Как тысячи белых негров в Норильске. Тундра вас быстро обработает без расстрела. Сидите и слушайте. Вам выпало счастье — с ходу, у первой двери получить всю нужную информацию о лагерях. При случае это спасет вам жизнь! Слушайте внимательно!»

Но Быстролетов не слушал Матвеева, думая о своем скором освобождении... Как же он потом, получив срок и оказавшись в Норильске, жалел о своей промашке! Ведь Матвеев рассказал ему о лагерном быте, порядках, назвал фамилии тех, к кому Быстролетов мог бы обратиться...

Матвеев тоже был осужден и отправлен в Талагиллаг Архангельской области.

\* \* \*

**В** 1991 году вышел первый выпуск исторического альманаха «Звенья». В нем Дмитрий Юрасов опубликовал «Реабилитационное определение по делу работников ГУЛАГА», из которого следовало, что Владимир Зосимович Матвеев 7–9 апреля 1939 года был осужден по статье 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР к тюремному заключению сроком на 15 лет с поражением в правах сроком на 5 лет, с конфискацией всего имущества. Определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 августа того же года тюремное заключение было заменено лишением свободы в ИТЛ на тот же срок.

Таким образом, Матвеев находился под следствием больше года. Это было время «Большого террора», по определению американского исследователя Конквеста. О методах психологического и физического уничтожения арестованных уже писано-переписано, не будем повторяться. А вот что такое 58-я статья — это для молодого поколения надо объяснять с помощью «Справочника по ГУЛАГУ» Жака Росси.

Термин «контрреволюционные преступления» свойствен исключительно советскому уголовному праву. Он содержался еще в Кодексе редакции 1922 года, к редактированию которого приложил руку сам вождь мирового пролетариата, мол, «пролетарии всех стран, не обольщайтесь!». Через четыре года был принят новый УК, который действовал до

1960 года. В пункте первом 58-й статьи давалось определение, что «контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти...». Пункты этой статьи определяли составы отдельных видов этих преступлений.

**Пункт 2.** *«Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР ... какую-либо часть ее территории...»*

**Пункт 3.** *«Сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельным его представителем...»*

**Пункт 4.** *«Оказание каким бы то ни было способом помощи той части мировой буржуазии, которая ... стремится к свержению «коммунистической системы...»*

**Пункт 5.** *«Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР...»*

**Пункт 6.** *«Шпионаж...»*

**Пункт 7.** *«Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы...»*

**Пункт 8.** *«Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти...»*

**Пункт 9.** *«Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода...»*

**Пункт 10.** *«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти...»*

**Пункт 11.** *«Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению ... преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений...»*

**Пункт 12.** *«Недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении...»*

**Пункт 13.** *«Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения...»*

**Пункт 14.** *«Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата...»*

Таким образом, В. Матвееву инкриминировались: подрыв промышленности, транспорта, совершение террористических актов. Одиннадцатый пункт означает, что Матвеев «подрывал» советскую власть с группой лиц... Вот как это было записано в приговоре: «Матвеев, будучи начальником Норильскстроя, по заданию врагов народа Плинера и Госкина как участник контрреволюционной организации занимался вредительством в строительстве Полиметаллического комбината, вредительски построил железнодорожную ветку Норильск–Дудинка». (Плинер — начальник ГУЛАГа, а Госкин ведал в ГУЛАГе железнодорожным строительством.)

Всего по этому делу проходило 11 человек. Это были руководящие работники ГУЛАГа. Обвинения против них были сфабрикованы и в 1955 году были отменены. Рядовое дело, обычная в таких случаях

реабилитация, до которой дожили не все, в том числе и В.З. Матвеев. Из тюрьмы после приговора Владимир Зосимович был отправлен в село Талаги под Архангельском, отбывал наказание на лесоповале. Упал в реку, заболел воспалением легких, затем туберкулезом. Военная коллегия Верховного суда в 1955 году определила: Матвеева Владимира Зосимовича ... из-под стражи немедленно освободить... А его уже летом 1948 года освободила смерть. Он знал, что не был виноват.

*Подготовила к печати*

*Н. Дзюбенко*







## Кемаль Маликов

Из «Поэмы без названия»,  
написанной в 1965 году  
к 30-летию Норильского комбината

А может, не писать о лагерях?  
А может быть, поднявшись над мгновеньем,  
Отбросить прочь тревоги и сомненья,  
Как отрывной листок календаря?  
В поэзии я сам политотдел,  
Но наделяю равными правами  
И критика с бездушными глазами,  
И веский аргумент:  
— А сам сидел?  
Пиши о настоящем, говорят,  
Писать о лагерях уже не в моде.  
...Да, воскресают люди на свободе,  
Но умирают все же в лагерях.

(Мою весну не заметит пурга:  
Стихи норильских поэтов.  
М.: Конкорд, 1995)



Дорогая Альбина Александровна!

**Ш**лю Вам большой привет и сердечную благодарность за память обо мне, всего Вашего коллектива.

Доброта, как громко звучит это слово, спасибо всем, кто пишет мне так много теплых, ласковых слов, это дает мне еще жить, а ведь я как-то давно была разочарована жизнью за несправедливость к моему мужу Володе, но люди постарались поднять дух и не думать, что я одна, а есть добрые, душевные люди, которые разобрались в моем горе, и справедливость восторжествовала. Спасибо всем. Газету я получила. Спасибо, эта газета уже шестая, я читаю и благодарна всем, кто еще помнит меня, а ведь многие меня не знают совсем.

Скоро 50-летие Норильска, как жаль, что не смогу приехать к вам, дорогие. Самолет со своим сердцем я не вынесу, а вот дочери смогут приехать, да, надо дожить до этого времени, а пока приезжайте в Нальчик, у нас весна в полном разгаре (в этом году задержалась). В прошлом году у меня гостила Оленька Медведевская, как жаль, что ее не стало. Я послала свое фото, правда 5-летней давности, Даниловой Н.К., ул. Орджоникидзе, 9, кв. 20, будете иметь представление обо мне. Ну вот и все.

Шлю низкий поклон всем женщинам Норильска. Спасибо всем, кто не забывает меня и пишет добрые, искренние письма. Крепко обнимаю и целую за доброту Вашу.

*Е. Матвеева*

*P.S.* Руки меня плохо слушаются, извините.

Посылаю Вам «Заполярную правду» от 11/XI–70 г., где есть заметка «Председатель» о моей деятельности в те далекие годы. Перепечатать негде, оказывается, мы с Вами родня по нашей деятельности. Спасибо Владимиру Ник. Лебединскому, в те далекие годы он много писал обо мне и о моем муже. Пришлите ее мне обратно.

*Это письмо Елизавета Карловна Матвеева написала председателю городского женсовета Норильска А.А. Брилевой. Предлагаем вниманию читателей рассказ о первом председателе первого женсовета в заполярном Норильске Е.К. Матвеевой, опубликованный в «Заполярной правде» 11 ноября 1970 года.*

## ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

**Т**ридцать пять лет назад, летом 1935 года, в Москве было принято решение о строительстве Норильского никелевого комбината. В правительственном документе подчеркивалось: «Строительство норильского Никелевого комбината признать ударным...»

Первого июля 1935 года в Дудинку прибыли первые строители, всего около сотни человек. Среди них выделялась единственная женщина — высокая, красивая. Это была Елизавета Карловна Матвеева, жена первого начальника строительства. Привезли Матвеевы и двух дочерей.

Елизавета Карловна привыкла к частым переездам мужа, которого переводили с одной стройки на другую. Матвеев снискал себе заслуженную славу энергичного и добросовестного руководителя строек, и это обстоятельство приносило ему новые назначения, а с ними и переезды. Назначение в Норильск было неожиданным. Матвеев только что руководил строительством дороги от Сочи на гору Ахун. И вдруг — переезд с крайнего юга на крайний север. Елизавете Карловне врачи категорически запрещали ехать в суровое Заполярье из-за ее нездоровых легких, которые могли послужить уважительной причиной отказа Матвеева от назначения в Норильск. Но Матвеев принадлежал к числу людей, беспрекословно выполняющих приказы. Его не остановили ни плохое здоровье жены, ни собственные раны — он был дважды прострелен в грудь в схватках с басмачами.

...Летчик Василий Махоткин перевез Матвеевых из Дудинки в Норильск. Здесь временно устроились в одном из бараков. Вид поселка, состоявшего из не-

скольких бараков и палаток, суровая природа, полная оторванность от Большой земли, нехватка самых элементарных предметов быта и продуктов — все это вселяло уныние, и молодая женщина думала, что им не пережить наступающую зиму.

Уже в августе ударили морозы, утром просыпаясь, люди стучали зубами от холода. Из каждого окна барака торчали железные трубы печей-буржеек, но они грели, только когда их топили, а когда уголь сторал, то сразу становилось холодно. Горы покрылись до половины снегом. Жители терпели перебои с питанием, особенно с хлебом: пекарню еще не успели построить.

Вскоре приехал главный инженер комбината А.Е. Воронцов с женой Софьей Георгиевной и двумя дочками. Одна из них родилась в Норильске еще в 1932 году. Стало немного веселее. Семьи Матвеевых и Воронцовых жили рядом.

А в поселке уже появились семьи с детьми, надо было думать об их учебе. Женщины беспокоились: вот пройдет пора напряженных работ, снег и полярная ночь упрячут народ в дома, и тогда может начаться полоса чисто «мужских» занятий — карты, водка, драки...

Как-то собрались у Матвеевых. Стали говорить на большую тему — о зимнем досуге. Решили, что лучше всего об этом позаботятся женщины. Надо создать женский совет.

В октябре 1935 года женсовет организовали, общее собрание женщин единодушно избрало первым председателем совета Е.К. Матвееву, а секретарем С.Г. Воронцову.

Первым делом, которым занялся женсовет, была школа. С большим трудом выкроили одну комнату, и здесь начали учиться семь учеников.

Чтобы во время пурги дети не заблудились, от школы к домам, где жили школьники, натянули проволоку. Ребенку надевали поверх шубки пояс с веревкой, на конце которой привязывали карабин.

Карабин скользил по проволоке, и за детей можно было не беспокоиться — дойдут. Однажды дочь Воронцовых Лена вышла на крыльцо раньше матери. Порыв ветра сдул ребенка, и Лена пропала... Что тут было! Искали долго и только через час с лишним обнаружили девочку в снегу. Ее удалось спасти.

Второе дело, им занимались одновременно, состояло в том, чтобы среди норильчан выявить певцов, артистов, танцоров, музыкантов, шахматистов, спортсменов. Всех решили собрать в коллектив самодеятельности. Сразу же перед Матвеевым и Воронцовым женщины поставили ультиматум: как ни тяжело с жильем, а клуб нужен — не меньше! Начальники вздохнули, и клуб начали строить. Построили его довольно быстро. Это был обычный дом, и мебель в нем — просто деревянные скамейки.

В день открытия клуба показали кинофильм «Цирк». Это был единственный фильм, и его крутили всю зиму, и все время зал был переполнен.

Постепенно создали группу самодеятельности и группу драматических артистов. Софья Воронцова играла главные женские роли. Ставили такие пьесы, как «Платон Кречет» и «Квадратура круга». Эти пьесы в те годы пользовались большой популярностью, шли в академических театрах Москвы и Ленинграда. Устраивались шахматные турниры, лыжные вылазки. Матвеева не жалела сил для организации этих дел. Ее внешняя обаятельность покоряла очень многих норильчан, они бросались выполнять любые ее просьбы.

К весне 1936 года в семье Матвеевых забеспокоились, что туберкулез Елизаветы Карловны даст очередную весеннюю вспышку. Готовились к ней как к чему-то неизбежному. Но болезнь отступила! Видно, палочкам Коха климат Заполярья пришелся не по душе.

Прошло два года. Норильчан в поселке стало несколько тысяч. Появилась школа, где учились десятки детей. Матвеева организовала группу пионервожатых. Первым в этой роли выступил комсомолец

Костя Ярцев. В клубе регулярно шли кинофильмы, ставились пьесы, концерты, проходили вечера отдыха и вечера танцев, — словом, культурная жизнь была ключом и вносила много радости в трудный быт первых норильчан. Так продолжалось до весны 1938 года, когда Елизавета Карловна лишилась мужа.

Весной 1938 года Матвеева с девочками выехала из Норильска и решила обосноваться на Урале, где у нее жили родственники. Работала на заводе, воспитывала дочерей.

Прошли годы. Дочери стали самостоятельными, получили образование, у них свои семьи. Елизавета Карловна нянчит двух внучек. Мы посетили в Нальчике (ул. Толстого, д. 190, кв. 25) эту немолодую, но удивительно бодрую женщину. Мне очень хотелось знать о том, откуда, из какой семьи вышла Елизавета Карловна. Вот что она очень кратко о себе рассказала.

Родилась она 1 октября 1905 года в семье штабс-капитана Карла Робертовича Рассы в Кронштадте. Военная служба отца вынуждала их семью ездить по городам страны. Лиза хорошо училась. Она со своей сестрой Ларисой делала всю домашнюю работу. Девятнадцати лет, в 1925 году, встретила удалого чекиста Володю Матвеева. Они полюбили друг друга и поженились. Вот и все, что рассказала Елизавета Карловна.

1 октября 1970 года ей исполнилось 65 лет. Я долго думал, чем же отметить такое торжество, и послал ей к юбилею большой фотоальбом с фотографиями норильчан, Норильска и поселков Кайеркан и Талнах, города Дудинки и снимками норильских пейзажей, цветов, грибов и птиц, который специально для нее изготовил.

*В. Лебединский,  
г. Калинин*





## Авраамий Завенягин:

*«От вашей продукции зависит очень многое в работе всей нашей промышленности».*

**1938—1941 гг.**

Имя А.П. Завенягина с 1957 г. носит Норильский комбинат, с 1959 г. — одна из норильских улиц, тогда еще выходившая в тундру, с 1961 г. — площадь, на которой находилось управление комбината (сейчас управление никелевого завода). Впрочем, Завенягина считают «своим» и в Узловой Тульской области, где он родился, и в Донбассе, где он был секретарем Юзовского окружка партии, и в Магнитогорске (руководил металлургическим комбинатом в 1933–1937 гг.), и в Арзамасе-16. (Медали Героя Социалистического Труда, полученные им в 1949 и 1954 гг., не случайно совпадают по датам с испытаниями отечественных атомной и водородной бомб.) При этом формулировка «советский государственный и партийный деятель», которая сопровождает фамилию Завенягин в энциклопедиях, вряд ли полностью соответствует следу, оставленному им в жизни страны, и отражает его роль в нашей истории.

В должности заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра среднего машиностро-

ения он провел меньше двух лет. Но четверть века — после окончания Горной академии — была отдана организации строек и производств, новых отраслей науки и промышленности.

В Норильске А.П. Завенягин работал 3 года, однако за это время были заложены основы не только Норильского комбината, но и «Норильского никеля». До конца своих дней он называл себя «болельщиком» Норильска и долгие годы осуществлял шефство над комбинатом (не всегда гласное). Это не мешало А.П. Завенягину заимствовать отсюда кадры специалистов и размещать здесь «особые заказы», вроде кобальтовой рубашки для бомбы или предприятия по производству тяжелой воды.

Тесную связь Завенягина с Норильском и норильчанами первого поколения можно объяснить не только знанием высокого потенциала и возможностей полусекретной точки на карте индустриализации СССР. От того, как пойдут дела на отстающей от правительственного графика стройке, когда поступит на материк норильский металл, напрямую зависела в 1938-м и в последующие годы судьба самого Завенягина. Эта «точка» едва не оказалась последней в его биографии: «дело» было заведено НКВД еще на Магнитке, дружеские отношения с Орджоникидзе и рекомендация Серго на место своего заместителя только способствовали сгущению туч над головой, тем более что Завенягин не сошелся характером и взглядами с новым наркомом — Л.М. Кагановичем.

Видимо, его спасло отношение к нему В.М. Молотова. Грозовая обстановка — отстранение от работы и, по существу, домашний арест — разрешилась поручением Политбюро возглавить северную стройку. Норильск Авраамий Павлович назвал сам, и предложение было немедленно принято...

«Оппозицию» прибывшему из Москвы начальнику возглавили (вряд ли по собственной инициативе) руководители отделов: политического и Первого. В список обвинений входило «потакание «врагам наро-

да», допуск осужденных по 58-й статье к ответственным должностям... В крайне осложненной ситуации очень помог документ за подписью Председателя Совнаркома о расширенных полномочиях Завенягина.

Окончательно (условно говоря, ибо очередная серия преследований могла возникнуть в любой час) ситуация прояснилась в апреле 1939 г. после долгой беседы в кабинете Сталина. «Хозяин» поверил в преданность Завенягина, а деловые качества Авраамия Павловича сомнений не вызывали. Ежеквартальная проверка подтверждала: стройка выходит из прорыва. В марте 1941 г. Завенягин был назначен заместителем наркома внутренних дел.

Да, Завенягин был человеком своего времени. Однако нельзя, услышав о принадлежности кого-либо к НКВД, делать скоропалительные выводы. Конечно, это факт, что один из высших чиновников страшного ведомства сохранял человечность в условиях, в каких это мало кому удавалось. Даже среди заключенных его авторитет был исключительно высок — и в Норильске, и много позже. А сколько людей он спас от холода, голода и смерти... Если кого-то не убедят во многом субъективные оценки личности и поступков Завенягина, есть бесспорный факт, доказывающий его полную невиновность в отношении людей, попавших в беду и под каток репрессивной машины. Завенягина избрали членом ЦК на XX партсъезде (1956 г.), на котором бывший начальник Норильлага и тем более заместитель Берии (в течение 12 лет!) никак не должен был оказаться в чести. А приговоры Завенягин подписывал, во всяком случае санкционировал, матерым уголовникам, подбивавшим других на отказ от работы, а также и за новые, внутрилагерные преступления. Трудно исключить и вероятность серьезных ошибок в деятельности замминистра внутренних дел. Но в принципе этому человеку ошибки были несвойственны. Один инженер, весьма осведомленный в своей и других отраслях, не раз наблюдавший Завенягина в работе и не отличавшийся излишней эмоциональностью, утверждает:



— При нем Чернобыля могло и не случиться.

Идеализирует Завенягина? Наверное. Но почему-то именно его.

Разные по форме, но восторженные по сути характеристики Завенягина принадлежат людям очень несхожим по характеру, жизненному опыту, интеллекту, молодым и старикам, видевшим Авраамия Павловича в разных ситуациях.

Не выделял себя, не давил авторитетом или голосом, не давал болтать, ограничивая во времени (показывая на циферблат), мигом реагировал на свежую мысль, тут же развивая ее, не опускался до грубостей, но позволял себе издевательский тон, услышав ноту лести или подхалимства.

Из тысячи мемуарных страниц приведем одну, принадлежащую почетному гражданину Норильска К.Н. Чернышеву (1915–1985):

«Вспоминается аврал, когда ветер опрокинул деревянные фермы анкерного типа так называемой временной электростанции (ВЭС-2)... Он быстро организовал крепление с помощью тросов, лично возглавил работу. Не ушел, пока существовала опасность. А замесы бетона? Их же делали вручную, а он распорядился, и проложили деревянные пути, построили эстакаду, бетон пошел по желобам, появились шахтные вагонетки... Без всего этого, не знаю, сколько провозились бы с фундаментом, — он же там четырехметровый.

(Заметим, что решения, возможно, рядовые, толкового прораба, но речь-то идет о металлурге по образованию и о разжалованном первом заместителе наркома тяжелой промышленности. Другой на его месте и не вышел бы из своего кабинета.)

Что рудники открытых работ его идея — известно. (Удачные опыты открытой добычи руды на Урале Завенягин перенес за полярный круг. — А.Л.) А я приведу другой пример — как не держался за неправильное решение. Построили фабрику для промывки золота, возили песок с Угольного ручья — толку нет,

убыток один. Тогда Завенягин говорит: «Закрыть фабрику, переоборудовать под прачечную, перевести туда китайцев». (Норильлаг был многонациональным — от американцев до японцев, от адыгейцев до якутов. — А.Л.)

...Мечтал о социалистическом городе, пролетарском центре. Не только металлургическом, но и медицинском, и культурном. (Характерное высказывание Завенягина времен Магнитки: «Городу, где будут жить наши рабочие, техники, инженеры, должно быть уделено больше внимания, чем уделяется всем агрегатам и всем основным участкам нашего строительства». — А.Л.)

Что же успел сделать А.П. Завенягин за три норильских года? Кем остался в истории комбината, носящего его имя?

Он вдохнул веру в осуществимость идеи, в успех строительства. На личном примере доказал, что работать, и работать эффективно, можно в самых невероятных по тяжести обстоятельствах. Не согласился с проектом комбината, представленным центральными институтами, и организовал мощную многопрофильную проектную службу на месте. Добился принципиально важного решения осуществлять в Норильске полный металлургический цикл — от добычи руды до получения чистых никеля, меди, кобальта (а не ограничиться получением полупродукта, как планировалось). Параллельно наладил опытные производства черновых металлов с отправкой их партий на дальнейшую переработку. Заложил Норильск, выбрав для него площадку, и сформулировал принципы градообразования на Крайнем Севере...

Можно поразиться размаху этой фигуры, создавшей феномен Норильска, включающий собственную школу роста кадров, не имевшую аналогов систему материально-технического снабжения автономного района вдали от железных и автомобильных дорог, психологический климат, способствующий выживанию в экстремальных условиях, и многое другое.

Это был человек редкой одаренности, и не только инженерной: абсолютный слух, острое перо... неисчерпаемой энергии, блестящих организаторских способностей, поразительной памяти. Остается лишь гадать, сумел бы А.П. Завенягин найти себя в сегодняшней России или нет, но точно, что таких людей остро не хватает в современном обществе, внутренне свободных и далеко видящих.

В завершение приведем строки из одного документа:

«В глубоко трагический момент, переживаемый нами, величайший момент в истории, когда колеблются и рушатся, казалось, самые незыблемые устои мира, мы обращаемся... с пламенным призывом сознательно и вдумчиво относиться к происходящим событиям... Города остаются без хлеба и топлива, фабрики и заводы... почти прекратили производство мануфактуры, машин, металлических изделий и других предметов первой необходимости; посевная площадь сокращена из-за недостатка рабочих рук и т.д. и т.п.

Тяжелое и почти безотрадное наследство получил русский народ. Но природные богатства нашей страны еще велики... и ждут только правильно организованного труда. Но дело поднятия экономического благосостояния России повелительно требует крайне решительных, немедленных мер... Старые мировоззрения безвозвратно рухнули, а новые еще не успели сложиться и окрепнуть. Спотыкаясь, падая и вновь подымаясь, народ мучительно ищет новых, ясных путей...»

Это написано 17-летним А. Завенягиным.





*Лидия Михайловна Бизяева*



**Лидия Вуколова-Бизяева:**

*«...я запомнила слова Завеня-  
гина на всю жизнь» .*



*Лидия Михайловна Бизяева*

## «ЭТО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА»

Осень 1939 года. Мой муж, Александр Денисович Бизяев, завербовался, как тогда говорили, на Норильский горно-металлургический комбинат.

Мы недавно поженились, у меня на руках был маленький ребенок. Поскольку я училась на 3-м курсе в ИФЛИ (институт философии, литературы, истории), было решено оставить меня с ребенком в Москве.

Александр только что окончил Московский электромеханический институт инженеров транспорта, поэтому в Норильске ему предложили должность сменного инженера на временную электростанцию, но очень скоро перевели на должность ее начальника. Эта электростанция (другой тогда не было) должна была обеспечивать энергией Малый и Большой металлургические заводы, угольные шахты, рудник открытых работ, жилой поселок, с ее помощью освещались многочисленные лаготделения.

Энергии не хватало, ежедневно случались аварии, приходилось отключать в первую очередь жилой поселок. На станции работали практически сутками, жили в 2-этажных бутовых домах. Удобствами приходилось пользоваться во дворе при морозе в 45–50 градусов. Постоянные ветры подчас сносили с домов крыши.

Осенью 1940 года, не закончив 4-й курс института и оставив ребенка на попечение матери, я прибыла в Норильск. Мне, 20-летней здоровой и крепкой женщине, жизнь в Норильске казалась прекрасной. Все было интересно. Муж быстро продвигался по службе. Через год он уже был заместителем главного энергетика комбината. Его любили и уважали сослуживцы, друзья, начальство и работавшие бок о бок с ним заключенные. Александра Денисовича Бизяева отличали работоспособность и гуманное отношение к за-



*Супруги Бизяевы*

ключенным. За хорошую работу он выписывал им дополнительное питание и спецодежду, а многих представлял и к досрочному освобождению.

Однажды вечером Александр рассказал мне, что, проезжая мимо работающих на морозе заключенных, увидел среди них своего институтского профессора А.Н. Грампа! Он подошел к нему: «Здравствуйте, Александр Николаевич!» — и пожал руку. Узнал, за каким подразделением он числится, на другой же день ходатайст-

вовал о переводе Грампа на работу, близкую его специальности. Нужно сказать, что человеческое отношение к заключенным проявляли большинство молодых специалистов. Я помню, в каких превосходных степенях рассказывал муж об Александре Николаевиче Грампе. Он во всем был нестандартно мыслящим и соответствующим образом поступающим. Однажды, когда он заметил на лекции, что Александр Бизяев отвлекся, Грамп метко кинул в его направлении кусочек мела. Александр его поймал и инстинктивно отослал обратно. Грамп ловить мел не стал, но был доволен: внимание студента к лекции восстановлено.

Меня направили на работу литсотрудником в многотиражку «За металл». Ответственным секретарем был Фролов, он руководил литературным кружком, сам писал стихи. Человек он был так себе: наусничал, а если сам сделал что-то не так, просил нас никому ничего не говорить. О нас по себе судил... В войну его призвали на фронт, но через год вернули на комбинат: здесь тоже остро не хватало кадров.



Помню, как я писала материал ко Дню Конституции о преподавателе, о его жизни до нее и после. За отсутствие запятой в нужном месте мне здорово влетело. Я писала, что жизнь у моего героя была плохой до и сразу после Октябрьской революции. Вот тут-то и должна была стоять запятая, после которой шли слова: «...я не знал, что такое счастье и радость жизни». А получилось, что после революции ничего хорошего у моего героя не было. Начальник политотдела Миронов сказал: «Это политическая ошибка». Сам преподаватель сначала меня поддержал, но после бесед с Мироновым согласился, что я допустила серьезную оплошность. «Нет!» — спорила я. «Вы всегда такая упрямая?» — недовольно спросил меня Миронов, и я твердо ответила: «Да!»

Литсотрудник Вера Ивановна Юшина, жена начальника 3-го отдела, сказала, что статью я написала хорошую. Но ее заступничество мне не помогло. Муж говорил: «Смотри, арестуют, не упрямься...» Как бы то ни было, меня никак не наказали, но перевели в КВО — культурно-воспитательный отдел. Днем я в помещении политотдела работала, а вечером читала стенгазеты, которые выпускали заключенные, присутствовала на их репетициях... Обычно мне давали лошадь и возчика, он привозил меня в лаготделение и уезжал — возвращалась домой сама.

Дорога была пустынной — по обеим сторонам шло проволочное заграждение, за ним бараки с заключенными. Я шла и не боялась... Это через год секретарь мужа Роза вечером пошла на Нулевой пикет и пропала. Без следа. Так и не нашли ее. Потом Овчинского зарезали, он был начальником электроцеха... А тогда муж мог послать ко мне чужого человека с просьбой... Однажды здоровенный детина пришел с поручением от Бизяева и сказал: «Можешь ничего не бояться, с тобой ничего не случится, потому что мужа твоего уважают за справедливость». Может быть, потому и страха у меня тогда не было, да и молодозелено...



*Памятник Сталину в Норильске на стадионе  
(сейчас на этом месте цех механического завода)*

Однажды я присутствовала на сдаче пьесы «Свадьба» по Чехову. Споры женихов о приданом были такими сумбурными и бестолковыми, что при обсуждении я не могла не отметить: «Получается не эпизод, а какой-то бардак». Всеобщая тишина была мне ответом. Когда после репетиции мы возвращались с Кайданом-Дежкиным (автором песни «Взвейтесь кострами», уже отсидевшим к тому времени 10 лет и работающим письмоводителем), он объяснил мне причину такой реакции: «Вы знаете, что вы сказали? Неприличное слово!» Он пояснил мне, что оно означает публичный дом, что я оказалась не деликатной и шокировала артистов — они остолбенели оттого, что я, молодая женщина, позволила себе такую вольность. Я поняла, что в артистической среде заключенных я оплошала...

Еще один случай неприятно запомнился мне. Это случилось с журналистом Гарри, он был з/к, работал в технической библиотеке. Конечно, он хотел писать и писал, видимо, в стол без надежды на опубликование. Однажды Гарри предложил дать в газете его материал под моим именем. Я отказалась, не в последнюю очередь потому, что побоялась. Я хорошо к нему относилась, хотела бы хоть чем-то помочь, но эта затея могла плохо закончиться и для него, и для меня. Как-то случайно в библиотеке я услышала такие слова: «Обидно, что власть, которую защищал, не щадя жизни, теперь тебя ни за что наказывает...» С большим чувством это сказал человек военной выправки... Время не располагало к откровенным беседам...

После рождения второго ребенка я вышла на работу в финансовый отдел, в котором работали Островский, в прошлом дипломат во Франции и посол в Румынии, Егоров, возглавлявший до ареста финансовое ведомство в Москве, любитель поэзии Хадзинский. Начальник отдела Иш, толковый и добрейший человек, сумел хорошо поставить дело (до него даже зарплату вовремя не насчитывали). Его побаивались,

но уважали и отношение к нему выразили в стихах: «Кто на свете выше крыш? Небо, Шмидтиха и Иш!» И это при том, что роста начальник отдела был не-большого...

Я многому научилась от сослуживцев, очень уважала их и жалела. Каждое утро я брала с собой большой сверток с бутербродами — для них.

Островский не говорил спасибо, но с чувством произносил: «Очень мило с вашей стороны!» А Егоров как-то при мне сказал, что им грех жаловаться на свое положение, когда в Ленинграде умирают от голода: «Мы относительно сыты и в тепле». Но без наших завтраков им было бы плоховато ...

Чтобы не заболеть цингой, все пили хвойный квас — красивый, душистый, но очень горький. Мужу это не помогло. Как следствие цинги на его ноге образовалась язва, долго не заживающая. Но вскоре после пуска ТЭЦ А.А. Панюков на радостях сказал: «Ну, Бизяев, теперь проси чего хочешь!» И Александр Денисович ответил: «Я все время голодный хожу...» Александр Алексеевич окинул с ног до головы длинного худого подчиненного и распорядился выделить Бизяеву три рабочие карточки. Когда муж рассказал мне об этом, я тут же вспомнила, как по утрам заворачиваю завтраки для сослуживцев... Александр видел это (так поступали в очень многих семьях!), но молчал...

Впрочем, он выздоровел потому, что стал больше есть мяса... Когда друзья узнали, что Александр «прописали мясо», над ним стали подтрунивать, а Бронштейн однажды позвал его в гости и открыл 8 банок сосисок, американских консервов. Наконец муж сказал, что наелся, спасибо. Бронштейн засмеялся: «Не верю, пиши расписку». И Бизяев написал: «Наелся мяса до отвала, больше есть не могу». Шутки-то шутками, но могучее телосложение требовало калорийной пищи...

В мороз, пургу муж шел пешком на ТЭЦ семь километров. Однажды они проделали этот путь с



*А.Д. Бизяев*

Бронштейном, устали, замерзли и, как по команде, сказали: «Да пропади все пропадом!» Отогрелись, и Бизяев спросил товарища: «А если бы предложили тебе хорошую работу в Москве, уехал бы?» «Нет», — ответил Бронштейн. «И я нет», — признался Александр. Им нравилось работать в Норильске, они, молодые специалисты, испытывали азарт в любимом деле и удовлетворение от результативного труда...

### ЗАВЕНЯГИН

Когда я работала в газете, часто бывала на совещаниях в политотделе. Здесь я впервые увидела Авраамия Павловича Завенягина — крупного человека, довольно полного, лысого, большеголового. У него были умные серые глаза — раз увидев их, уже не забудешь. Я сидела на совещании и делала записи. Иногда Миронов жестами показывал мне, что надо обязательно записать... Я почувствовала на себе внимательный взгляд Завенягина. Ответсек газеты Фролов предложил мне газировку, я отказалась. Он про-



*Александр Денисович Бизяев с детьми — Игорем и Аленой*



*Л.М. Бизьева. 1942 г.*

явил настойчивость и протянул мне стакан с водой. «Да не хочу», — улыбнулась я. «Ну вот, женщину насилуют», — с юмором отреагировал Завенягин. Я ответила ему, что женщина умеет и сопротивляться. После чего словесная перепалка закончилась, деловой разговор продолжился.

В 40-х годах я состояла в лекторской группе политотдела. Выбрала тему войны 1812 года, написала текст, его одобрили и предложили мне про-

честь его по радио. Я выступила. Начальник отдела кадров Васильев предложил мне работать диктором — на радио работала актриса театра, но в чем-то провинилась. Я отказалась. «Прикажем — пойдешь», — сказал Васильев. «Не пойду, и все», — упрямилась я. «Тогда посадим...» В те времена это никому не казалось черным юмором.

Прихожу домой и рассказываю об этом мужу. «Может, согласишься, работа-то хорошая?» — спросил Александр. Но я не хотела быть диктором на радио. Тогда Бизьев после очередного доклада Завенягину решил замолвить словечко и за меня... Авраамий Павлович пошутил: «Придется тебе вместо жены к микрофону сесть...» И на этом все закончилось: от меня отстали.

Шло время, я работала... Мы решили с мужем, что пора мне доучиться в институте. Без вызова это было невозможно. Мне посоветовали обратиться к



Завенягину — к норильчанам он относился с особой симпатией. Я написала ему письмо-просьбу, и меня вызвали на учебу. Шел 1944 год. Наша квартира была занята семьей фронтовика. Я поселилась у бабушки подруги. За пропиской, продуктовой карточкой ходила в Московскую контору Норильского комбината, но здесь мне ничем не помогли. А как мне жить, на что? И однажды, занимаясь в библиотеке, я разочлилась настолько, что тут же написала Завенягину, поплакалась: муж работает в Норильске, а о семье его заботы никакой...

Проходит какое-то время, и меня вызывают в Московскую контору комбината. Вижу свое письмо, поперек которого много чего красным карандашом написано. Мне помогли с пропиской, дали карточки с литерой Б — в 40-й магазин. Сказали, что дадут и кубометр дров. Я обрадовалась такому повороту событий, а подруга и говорит мне: «Обязательно поблагодари Завенягина, если б не он...» Я позвонила, услышала, что сейчас меня соединят с Авраамием Павловичем. Он выслушал мои добрые слова и спросил:

— А где же вы живете?

— У женщины, которая в Норильске со мной работала.

— Вы чудная, и она тоже, — сказал с долей иронии Завенягин.

— Это почему же?

— Не умеете свои жизни устраивать... А как учеба?

— Трудно, сдавать приходится и то и это. — Я назвала предметы.

— Наймите меня, помогу... — пошутил Авраамий Павлович и уже серьезно пригласил поговорить о моих проблемах.

Пришла. Меня привели к Завенягину. Вижу, за столом сидит озабоченный Авраамий Павлович, даже как будто сердит на что-то. Увидел меня, заулыбался, вышел из-за стола. Поговорили о моей житейской неустроенности.



— Муж — начальник, недавно орден Ленина получил, сама начальница, а такая небоевая, — улыбнулся Завенягин. Так я впервые услышала, что муж за труд в годы Отечественной войны получил высокую награду. Про себя не говорю, конечно, Авраамий Павлович не мог не знать, что я самый что ни на есть рядовой работник... Вообще-то я считала, что дела у меня складываются удачно, могло быть хуже. Мне в 24 года все было нипочем. Я и сказала об этом Завенягину:

— Вот я рада, что наконец из Норильска уехала...

— А для меня Норильск — земля обетованная. — Он сказал это так серьезно и так прочувствованно, что я запомнила слова Завенягина на всю жизнь. Я тоже разоткровенничалась, про себя рассказала, про институт, про трудные экзамены и даже про дрова... Я принесла их в кухню, попыталась рубить топором. Вышел сосед, ни слова не говоря, унес их во двор и так же молча принес поленья... А жила я и вправду неплохо, несмотря на всякие нескладушки. Суд мне вернул квартиру. Семье фронтовика жить было негде, и мы дружно жили вместе. Жена за мужа паек получала, я поначалу только хлеб. Питались как одна семья. Мои вещи здесь сохранились в целости-сохранности. Через несколько месяцев мы расставались, как родные...

...Час был поздний, и Авраамий Павлович распорядился, чтобы домой меня отвезли на машине.

Еще одна встреча с Завенягиным случилась в Агуджерах, под Сухуми, — здесь Александр Денисович Бизяев возглавлял объект Средмаша — исследовательский институт. Курировал его работу А.П. Завенягин. Высокого гостя из Москвы встречали местное начальство и А.И. Качвашвили, прикомандированный к объекту от Совета Министров СССР. Я просила мужа пригласить к нам в гости Авраамия Павловича, если это будет возможно.

Когда закончилось совещание, всех пригласили на прощальный пир. И тогда муж сказал А.П. Завенягину:

— Лидия Михайловна тоже приглашает вас на обед...

— С удовольствием, — тут же ответил Авраамий Павлович и обратился к организаторам: — Вы как хотите, а я приглашен в гости.

Ему составили компанию Александр Иванович Качвашвили, недолголюбивающий Бизьева, и Иван Иванович, начальник какого-то главка, не помню его фамилию. Мне рассказывали, что Завенягин любит вареники, карасей в сметане, но, как назло, сметаны во всей округе не нашлось, развели сливочное масло. До этого мы поросенка забили и сделали колбасу... Авраамий Павлович оценил мои старания и повара детского сада, ел с удовольствием. А.И. Качвашвили ни к чему не притронулся, Иван Иванович, напротив, ел охотно, но молчал... Странная компания собралась за столом... Завенягин шутил, смеялся, но говорили мы, как водится в подобных случаях, ни о чем... Уж не помню, по какому случаю речь зашла о смерти. Яотреагировала словами «страх-то какой!». И тогда Авраамий Павлович спросил меня (по большей части мы одни и вели разговор за столом):

— Вы боитесь смерти, Лидия Михайловна?

— Еще как боюсь!

— А я, представьте, совсем не боюсь. — И рассказал такую историю. 1919 год. Завенягин руководил комсомольской организацией на Украине. С ближайшими товарищами был захвачен в плен белогвардейцами. И вот их повели на расстрел. Сапоги с них сняли, идут босиком. И тут какая-то свалка образовалась... Драка... Нарочно



*Лидия Михайловна Бизьева*

это устроили. Солдаты стали растаскивать людей. А остальные бросились врассыпную, удрали. «Вот тогда я боялся! Бежал так, что только пятки сверкали. А сейчас ничего не боюсь. Даже готов жизнь отдать за другого человека...»

Мне показалось, Авраамий Павлович устал от работы, может, был нездоров... Нагружал он себя делами чрезмерно. Я знала, что жена уехала от него еще из Норильска, хотя с детьми, по сути, не расстался — встречался с ними, очень любил. Просто он не афишировал свое семейное положение.

На другой день мы пришли на вокзал проводить Завенягина в Москву. Вот тут без свидетелей он и спросил нас, как здесь живется. Муж ответил: «Не всегда хорошо» — и коротко рассказал о главном. Авраамий Павлович слушал молча, временами улыбался. Тогда недаром называли Абхазию страной чудес и беззакония. Мне показалось, что Завенягин, безусловно информированный об агуджерских делах до поездки, хотел сверить эти сведения с тем, что расскажут о том же «свои» — норильчане.

Видимо, и правда А.П. Завенягин отбоялся и в 1919 году, и в Норильлаге. Вспоминаю, как я 7 ноября 1940 года слушала его выступление по радио. Наряжалась дома, собираясь на концерт в клубе. И вдруг слышу: «Мы знаем, что не все вы являетесь врагами народа. Правительству это известно, и оно принимает меры к пересмотру ваших дел». Это было адресовано осужденным по 58-й статье. Я не очень удивилась, услышав такие слова от Авраамия Павловича. Но понимала, что они требуют от него мужества. Не говоря уже о том, как много надежды они давали политическим заключенным. При мне освободили Григория Петровича Локштанова, заместителя начальника Проектной конторы. Помогли многочисленные ходатайства матери. «Меня в одну дверь выгонят, я — в другую», — рассказывала она, когда приехала в Норильск. И добились-таки: с Григория Петровича сняли обвинения.

Последняя встреча с Авраамием Павловичем состоялась в Москве в 1954 или 1955 году, точно не помню. Мы жили тогда в двухкомнатной квартире в пятнадцатом доме на Котельнической набережной, по тем временам в шикарной квартире. У нас часто останавливались норильчане, жила семья Саввы несколько месяцев. И вот, однажды собравшись у нас, решили вместе отпраздновать день 7 ноября. «А что, если Завенягина пригласим?» — подал кто-то идею, которую тут же все подхватили. Позвонить Авраамию Павловичу поручили мне.

Он сразу узнал мой голос и сразу сказал, что с удовольствием приедет к нам.

— А когда? — спросила я.

— Когда скажете.

— Даже 7 ноября?

— Приду, когда пригласите.

У нас собралось человек двадцать: Зарапетян, Савва, Фугзан, Никулин, Перфилов. Все с женами... Мужчины спустились с нашего десятого этажа вниз, решили встретить Авраамия Павловича. На звонок я вышла из кухни — Авраамий Павлович галантно поцеловал мне руку, вручил коробку конфет... За столом говори-



*Лев Александрович Савва*

ли тосты, тамадой был Зарапетян... Авраамий Павлович расспрашивал нас, кто, где, кем, как живем. А Зарапетян продолжал комплиментарные тосты в честь нашего почетного гостя. А ему тягостно было слушать славословие тамады. «Давай ты, Мария Александровна», — сказал он жене Перфилова... Когда Завенягин приезжал в Норильск, она всегда записывала к нему на прием людей. Но после нее опять слово взял Зарапетян, и снова прозвучала здравица за А.П. Завенягина.

— Да хватит тебе, у меня от тебя голова заболела, — остановил его Завенягин.

Авраамий Павлович посидел еще немного и распрощался с нами. И опять мне показалось, что он устал и, наверное, не очень хорошо себя чувствовал после перенесенного инсульта. Милица Сергеевна Шаройко рассказывала мне, что он жил на даче по Белорусской дороге между Одинцовом и Усовом. Она бывала там вместе с В.С. Зверевым, познакомилась там с девушкой, миловидной и скромной. Та очень смущалась, а Завенягин ей сказал: «Будь хозяйкой, принимай гостей!»

Зверев не очень тактично тогда сказал Авраамию Павловичу: «Ах, старина, как тебя скрутило...» В общем встреча вышла не очень веселой. Завенягин не любил обсуждать свою личную жизнь, но говорили, что его симпатия училась в консерватории, хорошо играла — Авраамий Павлович для нее купил пианино. Незадолго до смерти он просил П.Ф. Ломако позаботиться о ней... Наверное, мало кто знал об этой молодой женщине, даже имя ее забыла, но, думаю, с ней ему было спокойно и интересно, раз он ее выбрал. Многие женщины восхищались этим удивительным и сильным человеком, но предпочтения он не выказывал никому, кроме этой скромной особы, о которой никто ничего не знал.

#### **«ОТКЛЮЧАЙТЕ 4-Й ФИДЕР!»**

Началась война — все службы перешли на особый режим работы. Для промышленных нужд все боль-

ше требовалось энергии. Еще не была пущена ТЭЦ, на временной электростанции частыми были аварии. Мужа я почти не видела, а если он приходил, то засыпал немедленно и спал как убитый. Ночью часто звонили о неполадках. Чтобы их устранить, нужно было отключить какой-то участок.



*Энергетики на собрании*



*Выступает А.Д. Бизяев*

— Отключайте 4-й фидер, — в таких случаях говорил Бизяев. 4-й фидер — это жилой поселок.

И вот однажды ночью снова зазвонил телефон. Мне так стало жалко мужа, он так устал, не разбудил его даже громкий звонок. И тогда я сама взяла трубку. Услышала доклад об очередной аварии и сказала знакомую мне фразу: «Отключайте 4-й фидер...» На другом конце провода трубку положили.

Александр так и не проснулся. Больше нам не звонили. А утром А.П. Завенягин спросил Бизяева: «У тебя что, появился помощник?» Спросил нестро-го, и я поняла, что энергетики дали мужу хоть раз за несколько дней выспаться... Удивительно, какое напряжение, не щадя себя в работе, выдерживали норийчане. Трудились ради победы над фашистской Германией все. И з/к, и в/н. Помню случай на ТЭЦ, он приобрел широкую огласку. Я не энергетик, так что расскажу его, как помню. Случилась какая-то критическая ситуация с котлом на строящейся ТЭЦ. Надо было лезть в почти раскаленный котел. Вызвался заключенный. Его одели в спецодежду, облили водой, и он спустился в адскую жарницу. Работал он там недолго — его подняли наверх, облили густо и снова отправили в котел... По сути, он был смертником. Но с работой справился и выжил. Потом его освободили. А ТЭЦ пустили 13 декабря 1942 года...

Из Москвы на комбинат время от времени приезжал А.П. Завенягин. Помню, как муж рассказывал про одно из совещаний. Страх тогда сковывал людей. Спрос с руководителей был жестким. Очень скованно и нервно начал доклад руководитель рудника С. Хромченко. Когда он стал сыпать цифрами, его коллега Савва бросил фразу: «Ну уж это ты загнул...» Завенягин рассмеялся, и как-то сразу разрядилась обстановка. Страхи, натянутость, вызванные присутствием зама Берии, рассеялись, и разговор пошел сугубо деловой. Ну а Лев Александрович Савва мог позволить себе такую вольность, ведь они с Авра-





*Временная электростанция. 1939 г.*



*Новая ТЭЦ*



амием Павловичем были знакомы с первых дней его пребывания в Норильске...

Крайний Север познакомил меня со многими замечательными людьми. Помню семью Ельяна. Ваган Сергеевич работал заместителем начальника комбината по снабжению. Его жена Александра Федоровна была добрейшей женщиной. У них было два сына — Бока и Вока. Однажды во дворе на меня летела собака, я крикнула мальчикам: «Вы знаете эту собаку?» Они преградили ей путь: «Идите, тетя, не бойтесь!» Смелые были мальчишки, один из них стал знаменитым полярным летчиком. Их мать устраивала утренники, праздники, звала на них детей. А когда арестовали энергетика Арнольда Семеновича Линцера, Александра Федоровна почти ежедневно ездила к его жене Валентине, с которой, кстати, была довольно поверхностно знакома, — опекала ее, помогала малышу, привозила им продукты. Линцера почему-то невзлюбил В.С. Зверев, он часто ругал специалиста, обвинил его во вредительстве. Заступивший на должность начальника комбината А.А. Панюков поддался настроению Зверева и дал согласие на арест Арнольда Семеновича. Заключенным тот был год, до приезда Авраамия Павловича Завенягина. В феврале 1943 года он приехал в очередную командировку в Норильск. К нему на прием пришла жена Линцера. Позже Завенягин вызвал А.А. Панюкова и сказал слова, которые, уж не знаю как, стали нам известны.

— Линцер, оказывается, вредитель! За неполный год ты успел так хорошо его узнать? А я его знаю 10 лет, но так и не догадался, что он вредитель...

Когда мы друг другу передавали возмущение Авраамия Павловича, то вкладывали при этом всю издевку, на которую были способны.

После этого Линцера расконвоировали, а потом по ходатайству Завенягина пересмотрели и его дело. Володя Мазур, как только узнал, что Арнольду Семеновичу разрешили ходить без конвоя, везде провоз-

глашал: «Да здравствует Линцер!» Самого Владимира, попавшего в Норильск после ареста родителей, со студенческой скамьи взяли под опеку политические: учили жизни и металлургии. Он стал хорошим специалистом и завидным женихом. Я встречала Владимира Мазура в 1949 году в Москве — он уже женился, но вид имел грустный: тогда всех по второму разу стали сажать...

В Норильске я на всю жизнь подружилась с тетей Полей, как называли ее мои дети. Когда я в 1944 году уехала в Москву учиться, муж остался с мамой и детьми — нам потребовалась домработница. Перед мужем выстроили девушек, получивших 7-летний срок заключения за опоздания на работу или другое незначительное нарушение дисциплины. Среди них он увидел тихую, скромную женщину в платочке. Оказалось, Полину Акимовну Журавлеву посадили за излишки, которые обнаружила проверка в хлебном магазине. «Борщ умеешь готовить?» — спросил муж. «А як же», — ответила украинка. Так она стала другом нашей семьи на долгие годы. И в Агуджерах, и в Москве она жила с нами. Потом ее сына (тоже сидел за какую-то ерунду) освободили, тетя Поля увезла его на Украину к сестре, а потом и сама туда переехала. Когда умер Александр Денисович Бизяев, тетя Поля приехала в Москву с ним проститься.

Мой муж прожил 67 лет. Он был рядовым инженером и занимал высокие посты — от председателя Красноярского совнархоза до министра энергетики и электрификации РСФСР, трудился в Норильске, Красноярске, Египте, Германии, Москве, но всегда работу на горно-металлургическом комбинате имени А.П. Завенягина считал особой страницей своей жизни. Может быть, потому, что в Заполярье было особенно трудно, а он, тогда молодой, только начинал свою карьеру и здесь нашел верных друзей...

Я пережила мужа уже на 26 лет... Но и сегодня дружу с норильчанами... Первый человек, с которым я познакомилась в Норильске, был Георгий



*Георгий Николаевич Лисягин*

Николаевич Лисягин. Муж привез меня в маленькую комнатнушку и убежал на работу. Долго не думая, я принялась наводить в ней порядок. И тут открылась дверь, показался шустрый молодой человек и захлопал в ладоши:

— Ну вот, теперь наша жизнь пойдет веселее!

Это был друг Александра, тоже энергетик. К тому времени он был уже освобожден (посадили за анекдот). Всю войну мотался по командировкам, часто

встречался с Завенягиным — Авраамий Павлович очень помогал Г.Н. Лисягину добывать материалы для комбината, помог и ему самому в пересмотре дела. В 1944 году Георгий женился, через год его Татьяна родила сына... Норильский стаж Лисягина 37 лет. До последнего дня жизни он оставался работающим пенсионером и, как «скорая помощь», всегда был готов помочь людям...

Наши мужья рано покинули этот мир — тяготы жизни надорвали их здоровье... А нам с Татьяной Васильевной в свои годы за восемьдесят остается радоваться своими детьми, внуками и правнуками. Нашей дружбе, которая родилась в Норильске, в 2004 году 64 года...





## Александр Панюков:

*«Мы очень часто шумим, кричим, а с движением вперед очень слабо дело обстоит. Мы обязаны организовать труд заключенных по-ударному».*

**1941—1948 гг.**

Когда А.П. Завенягину (несколько неожиданно для него) в марте 1941 г. объявили о том, что его отзывают в Москву, и предложили назвать преемника, он ответил не сразу. Конечно, можно было сказать что-то вроде «Там негусто с кадрами», то есть вольнонаемными, а это не расходилось с истиной, и заодно снять с себя ответственность за все будущие ошибки преемника. Но это не соответствовало характеру Завенягина, к тому же он успел убедиться на собственном опыте, что начальник должен знать весьма специфические местные условия.

Из ближайшего окружения жизненным опытом и опытом руководящей работы на промышленном предприятии обладал 48-летний начальник Дудинского отделения комбината А.А. Панюков. Завенягин встречался с Панюковым еще на Урале. Ему импонировали внутренняя дисциплина Александра Алексеевича, его самоотдача, спокойствие в сложных ситуациях. Отсутствие высшего образования и ... полное незнание металлургии создавали проблемы, но себе Завенягин

верил больше, чем диплому, а узкоспециальные знания в данном случае не играли решающей роли, поскольку Завенягин уже видел тандем Панюков—Зверев, а инженерная интуиция и подготовка, а также организаторские способности последнего сомнений не вызывали.

У Завенягина случались ошибки в назначениях на конкретные должности, но тут он не прогадал. Во всяком случае, во время войны и в следующие 3 года (когда фактически начальником был Зверев, а Панюков создавал Енисейстрой, подолгу находясь вне Норильска) фамилия руководителя Норильского комбината часто звучала с титулом «князь», однако без зловещего колымского смысла («кого хочу — казню») и тем более не насмешливо. Имелась в виду, безусловно, практически неограниченная власть гулаговского начальника, но одновременно и то, что должность досталась незлобивому и сравнительно порядочному человеку.

«Порядочному?!» — услышал бы автор лет 50 и даже 40 назад от многих возмущенных соратников, подчиненных и других, кто пользовался только слухами за неимением других информационных каналов.

Да, Александра Алексеевича не обошла дурная слава, связанная с тем, что «князь Таймырский» позволил себе жениться на бывшей жене своего сына. Ей было 22, а ему 50, и они любили друг друга. В этом не сомневались и недруги. Наверное, такое существует в природе и свидетельствует не о распущенности, а о ниспосланном...

Тандем Панюков—Зверев в наше время распался бы сразу. Но надо отдать должное Панюкову. Он полностью доверял действительно знающему заместителю, но по ночам старался проводить свои «рабочие смены» в цехах, наблюдая за действиями опытных металлургов, среди которых нашлись земляки-уральцы. Ко времени пуска Большого металлургического завода начальник комбината уже отнюдь не был профаном, а Зверев... главным инженером. По край-

ней мере, формально, ибо на эту должность пришел В.Б. Шевченко, будущий директор курчатовского института, отозванный в Москву А.П. Завенягиным в 1944 г.

Панюков управлял комбинатом уверенно и умело, понимая, что рассчитывать на особое внимание правительства не приходится, а возможности региона практически не ограничены.

Это не относилось к рабочим рукам — пополнение «контингента» осуществлялось лишь в навигационные месяцы, следовательно, необходимо было создавать условия для выживания.

При Панюкове, а потом и при Звереве большинство рабочих, техников, инженеров были лагерниками и жили в бараках. Но те же люди свидетельствуют: в условиях действующего производства делалось все, чтобы они не чувствовали свою ущербность, а, наоборот, проявляли максимум старания, сметки, даже творчества. Увы, эта атмосфера не распространялась на общие работы по строительству фундаментов, хотя



*Норильск 40-х гг. Начальник комбината генерал А.А. Панюков (в форме) с руководителями ведущих служб*

завенягинские традиции — по возможности быстро выводить из котлованов способных специалистов — продолжали жить.

С первого военного приказа от 22 июня 1941 г.: «С сего числа впредь до особого распоряжения прекратить увольнение в очередной отпуск с выездом из Норильска» А.А. Панюков вел комбинат к цели и действовал эффективно на ряде направлений. Основной целью был металл, отправляемый на оборонные заводы, и прежде всего Челябинска. Параллельно велись строительство, подготовка кадров, самообеспечение, геологические изыскания и прочее, что в комплексе именовалось «делом освоения Енисейско-Ленской области».

По точным подсчетам, Норильску военных лет принадлежит лишь восьмая часть произведенного страной никеля, но, во-первых, лучшая по качеству. Во-вторых, не оценить созданного в те трудные годы потенциала! За считанные годы, пусть пока на засекреченной карте отечественной индустрии, появился могучий центр по производству никеля, меди, кобальта, платины и др.

За ценой, правда, не постояли. Среди генералов тыла назовем и А.А. Панюкова.





## Владимир Зверев:

*«В Норильске можно жить только по максимальному режиму».*

**1948—1954 гг.**

В.С. Зверева присмотрел в одной из многочисленных комиссий, проверяющих комбинат, А.П. Завенягин. Как он разглядел в 30-летнем инженере будущего начальника, сказать трудно. Известно только, что в конце командировки Завенягин предложил Звереву остаться в Норильске заместителем начальника по производству. К тому времени Завенягин уже хорошо знал отличительные качества Зверева: хватка, знания, своеобразный подход к разрешению сложных ситуаций, воля. В.С. Зверев блестяще окончил вуз во Владикавказе, хорошо проявил себя на строительстве казахстанских предприятий похожего профиля и в руководстве эксплуатацией.

Зверев ответа не дал, комиссия улетела в полном составе, но Авраамий Павлович не отступал от своего выбора (Норильск, вспоминал Владимир Степанович, не сразу лег ему на душу).

Когда мы говорим о возведении первой очереди комбината (по завенягинскому плану), то человеком номер один в этой работе, безусловно, следует на-



звать В.С. Зверева. Начиная с безусловной поддержки идеи о возможностях разработки месторождения Норильск-1 открытым способом и обязательности полного технологического цикла получения металлов и заканчивая пуском кузнечно-термического цеха механического завода, Зверев добивался точного следования намеченному курсу.

Очень показателен следующий эпизод. Электролинейщики вовремя не закончили участок цепи. Об обстановке работ доложили и.о. начальника комбината. Тот выехал на место происшествя и обнаружил причину: камнем преткновения оказался дом, каким-то образом не принятый во внимание проектировщиками или построенный без согласования с ними. Обход занял бы время, а искривление трассы было нежелательным. Изумляет скорость и характер принятого решения: вызвал пожарных и приказал поджечь...

Он был крут, груб, своеволен. Невероятно трудоспособен, честолобив и талантлив как инженер. Упрямство, упорство и целеустремленность в нем были доведены до крайней степени. Вседозволенность сказывалась несомненно, однако трудно упре-



*В.С. Зверев вручает знамя*

кнута Зверева в каких-либо злоупотреблениях. Его фамилию многие произносили с весьма определенной интонацией, но за внешней неприветливостью можно было, однако, разглядеть и чуткое сердце. Мало к кому он обращался на «вы», но находящийся на грани срыва человек вдруг слышал: «Ты переработался, тебе пора отдохнуть, не месяц, конечно, но недельку — надо».

Вспоминают, как Зверев собственным примером заставлял весь «штаб» в обязательном порядке являться на стадион «болеть» (средство сбрасывать напряжение!). Раз-другой в месяц Владимир Степанович самым неожиданным образом заканчивал планерку: «Чтобы я вас ближайшие 24 часа нигде не встречал» (еще один вариант разрешения на отпуск). Мог, наконец, предложить пятерке начальствующих металлургов: «Приходите вечером, перекинемся в картишки, жена приказывала». Неявка была чревата нагоняем.

При всей внешней несхожести в Звереве было много общего с Королевым. Это проявилось гораздо позже, когда Зверев уже работал в средмаше.

...Как-то группа академиков (А.П. Александров, А.А. Бочвар и др.), в которой Зверев отнюдь не чувствовал себя чужим, делилась воспоминаниями о первой ступени своего образования: гимназия... домашние учителя... коммерческое училище... лицей в Швейцарии... Подошла очередь Владимира Степановича (из семьи весьма скромной по возможностям), и тот сказал: «Я вообще не имею среднего образования. Слава богу, хоть высшее получил».

— Как?!

— С большим трудом...

...Именно Зверев заметил главного инженера аффинажного завода в Красноярске В. Долгих.





## Алексей Логинов:

*«Меня учили так: выгляди веселым и уверенным, даже если кошки скребут на сердце».*

**1954—1957 гг.**

Среди эвакуированных из Мончегорска в Норильск металлургов комбината «Североникель», как позже выяснилось, находились три будущих главных инженера НГМК — И.С. Береснев, В.А. Дарьяльский, В.В. Терпогосов — и один директор.

Алексей Борисович Логинов вступил в главную норильскую должность в 1954 г., ровно через 100 лет после открытия российского никеля. (Нашел месторождение рудоискатель Тихон Башмаков в 7 верстах от Ревдинского завода. На том же заводе Бекишев, а в Уральской химической лаборатории Данилов, капитан корпуса горных инженеров, изучили пробы и установили присутствие в руде дорогого и редкостного металла. — *Ред.*) И если этот факт не более чем совпадение, то, что Логинова, а не кого-то другого рекомендовал директором сам Завенягин, случайностью не назовешь.

А.Б. Логинов прошел все ступени не только служебной лестницы, но и освоения отечественной никель-кобальтовой технологии — сначала в лабораторных условиях, потом в производственных на комбинате «Североникель». (С 1936 г. он участвовал

в исследованиях Ленинградского горного института по переработке сульфидных медно-никелевых руд. Изучалась вся схема — от плавки до электролиза и попутного получения кобальта. Результаты испытаний были заложены в проекты норильских и мончегорских цехов.) Опыт Логинова и других ведущих специалистов определил успехи норильчан военных лет и скорость становления норильского коллектива. А.Б. Логинов возглавлял кобальтовый сектор, начиная со строительства и пуска опытной установки НК (норильский кобальт), подготовки кадров для нее, получения первого слитка и кончая строительством и эксплуатацией кобальтового завода. Затем Алексей Борисович руководил Малым металлургическим заводом. Командировка Логинова в Канаду и США также дала ощутимые результаты для развития производства.

Долгожителем в управлении НГМК Логинову стать не было суждено. Неполные 3 года проработал он на этом месте, а затем по состоянию здоровья оставил его для длительного лечения. В дальнейшем он работал в ведущем научно-исследовательском институте цветной металлургии «Гиредмет». Задачи, стоящие перед Норильским комбинатом в 1954–1956 гг., А.Б. Логинов выполнил с честью.

С переводом на новые рельсы всего комбинатского хозяйства пришлось менять (в массовом порядке) кадры — только металлургия и энергетика были укомплектованы вольнонаемными. Прежде чем лагерные бараки были перестроены на комнатную систему с паровым отоплением, необходимо было разместить тысячи новоселов. Требовали пересмотра прежние тарифные ставки, нормы на спецодежду, необходимо было менять стиль руководства, организацию труда... Новые условия хозяйствования выявили бесчеловечную эксплуатацию рабочей силы (считанные бульдозеры, буровые станки, отсутствие снегоуборочной техники). Производительность труда была самая низкая в отрасли, государственные дотации, предвзятое отношение в верхах к северным предприятиям как к заведомо нерентабельным...



*Директор комбината  
Б.И. Колесников (справа) на  
юбилейной выставке с гостем  
Норильска А.Б. Логиновым. 1985 г.*

По существу, Логинову при поддержке штаба экономистов, трудящихся, юристов, финансистов, инженеров удалась промышленная, правовая, техническая революция и начало социальной — строительство жилья, учреждений здравоохранения, культуры. Реорганизация 1955 г. принесла свои плоды, и 1956 г. комбинат завершил выполнением планов по основным показателям.

Судьба уготовила А.Б. Логинову особое испытание: невероятной силы ураган (черная пурга) в середине января 1957 г. парализовал работу комбината. Один из последних приказов Логинова был: «Руководителям всех предприятий вывести всех рабочих и служащих на расчистку подъездных путей и территорий; создать комиссию по выявлению последствий урагана...»

22 июня 1957 г. впервые в истории Совмин СССР принял решение возместить НГМК потери от январского стихийного бедствия.

...В послужном списке А.Б. Логинова мы пропустили главк «Енисейстрой», который организовал А.А. Панюков. Главку была подчинена вся геологоразведочная служба Красноярского края, а также все действующие, проектируемые и строящиеся горные и металлургические предприятия края, включая и Норильский комбинат. Логинов был у Панюкова главным инженером.





## Владимир Дроздов:

*«Норильск научил размаху, смелости. Нигде я не чувствовал себя таким счастливым».*

**1957—1962 гг.**

В книге «Есть советский никель!» (издана в Челябинске к 25-летию первенца отечественной никелевой промышленности — Уфалейского никелевого завода) есть такой абзац:

«Износился комплект рубашек брикетных прес-сов, полученных из-за границы. Ни один завод не брался за выполнение заказа, и решили фрезеровать рубашки у себя. Взялись за это фрезеровщик А. Ми-ронов и молодой техник В. Дроздов... Изготовленные ими рубашки... не хуже зарубежных».

А все дело в том, что династию работников по металлу основал дед, бывший крепостной (в Бежице освоил прокат рельсов); отец после технического училища княгини Тенишевой, пока не выбился в конструкторы, слесарил; да и сам Владимир Дроздов на Брянском машиностроительном помогал слесарям... с 10 лет. С 13 до 17 лет будущий норильский директор добивался седьмого токарного разряда — добился; потом индустриально-конструкторский техникум, Бауманское училище, которое открыло в Брянске свое

отделение. Молодого начальника цеха В. Дроздова отправили на Урал.

После пуска Уфалея Дроздова перевели в Орск. На Южуралникеле он проработал 16 лет и прошел путь от инспектора-механика до директора.

Москву ему предлагали и в 1938 г., и в 1945 г., с неохотой переехал в 1952 г. Через 2 года стал членом коллегии Министерства цветной металлургии СССР. Еще через 2 года, отчитываясь о командировке в Норильск, В.В. Дроздов высказался, что не возражал бы взять на себя ответственность за комбинат, его рост и развитие.

Владимир Васильевич неуютно чувствовал себя в министерских кабинетах. Характер, темперамент, практический опыт требовали простора и самостоятельности. Дрозд, как называли его за глаза, получил их сполна. Было это в нем — желание быть первым во всем, победителем во всем и признаваемым в этом качестве, а честолюбие — один из двигателей прогресса.

Он действительно сделал очень много за свою пятилетку в Норильске: наладил дисциплину, связь и диспетчерскую службу; открыл глаза центральным ведомствам на практически неизвестный им промышленный комплекс на Севере, его значение и нужды; организовал (впервые) отгрузку металлолома на материк и строительство складского хозяйства; сумел точно определить ориентиры (техническое перевооружение, ликвидация отставания горных предприятий, введение новых энергетических мощностей, укрепление строительных организаций) и т.д.

Мемуары В.В. Дроздова свидетельствуют, что он, безусловно, недооценивал сделанное его предшественником, в частности новую структуру комбината, подбор и расстановку кадров. Не сразу понял, как повезло с главным инженером... Но было фактом, что он имел полное право написать: «Нам удалось подобрать большую группу отличных руководителей». И перечислил 55 фамилий. Список содержит около 20 начальников

(с замами) главных управлений, примерно столько же лауреатов Ленинских и Государственных премий и еще ряд руководителей министерств и ведомств в ранге не ниже заместителей министра.

С именем Дроздова связывают норильскую «социальную революцию» на рубеже 50–60-х гг. В этот период в городе построены кроме жилых домов, столовых, магазинов хлебозавод и молокозавод, колбасный цех, парники и овощехранилище, концертный зал и стадион, плавательный бассейн и телецентр, широкоэкранный кинотеатр, санаторий в Сочи ...

Кто-то скажет: «При чем тут Дроздов? Просто время пришло». Да, лагерное время осталось позади, новое время требовало новой жизни, которую начнут сильно критиковать через 25 лет и со вздохами вспоминать спустя еще 10 лет.

Другой директор в этих же условиях мог обойтись минимумом, Владимир Васильевич оказался максималистом.

В 1961 г. В.В. Дроздову — первому из норильских директоров — присвоили звание Героя Социалистического Труда. В 1965 г. он «вернулся» к Норильску, став начальником Главникелькобальта. В 1975 г. ушел на пенсию, но через месяц попросился на работу. Человек, поднимавший после Норильска еще четыре комбината, покоя не переносил.







## Владимир Долгих:

*«Чтобы отбиться от предлагаемых сверху глупостей, надо придумать что-то цинное».*

**1962—1969 гг.**

Пятилетку перед открытием Талнаха вспоминают редко. Между тем именно в те годы НГМК стал настоящим комбинатом — организмом, а не просто объединением, построенным на административных связях. Этому способствовало не только время, но и опытное руководство директора и в первую очередь главного инженера Владимира Ивановича Долгих. Во всяком случае, при нем основы плана технического перевооружения стали реальностью. И дело не только в новых думпках, экскаваторах, электровозах, буровых установках, но и в рудно-термической плавке, свайном фундировании (революция в промышленном и особенно в гражданском строительстве), реконструкции заводов и ТЭЦ...

Наступали тяжелые времена. Рассчитывать на долгую эксплуатацию месторождения Норильск-1 не приходилось. Прорабатывались разного рода проекты, почти в одинаковой степени экономически не обоснованные, а геологи явно опаздывали... Открытие Талнаха стало точкой отсчета новой истории Нориль-

ска, переломным моментом, определившим судьбу промышленного района. Норильск родился заново. Для развития комбината открылся практически необозримый горизонт.

Но Талнах сам-то не подрос. Это слово не произносилось — государственная тайна. Геологам честь и слава, но при «разворотливости» отечественной бюрократии богатства еще долго могли лежать втуне и ждать человека. Норильску повезло на главного инженера, который взял на себя труд пробивать новые масштабы добычи руд и необходимость многократного наращивания металлургических мощностей. Взял на себя смелость бросить строителей в прорыв, на необжитой берег реки Норильской, не дожидаясь результатов экспертизы комиссии по запасам.

В.И. Долгих лично сэкономил несколько лет на освоении Правобережья. Его приказ № 333 об организации Талнахрудшахтстроя по своевременности (27 апреля 1962 г.) и продуманности деталей может служить образцом стратегии и тактики. (Кстати сказать, все письма в крайком, совнархоз, министерство, ЦК с обоснованиями инициативы и первым набором сведений подписаны «и.о. директора».)

...Самое время отлистать назад 20 лет этой биографии. С февраля 1942 г. до февраля 1943 г. Долгих воевал на Брянском фронте, поднялся до замкомроты, 9 февраля, можно сказать, был убит под станцией Змиевка Орловской области — так разворотило грудь. А мог ведь спокойно доучиваться в глубоком тылу — за школьной и курсантской партией...

Не мог спокойно, потому и отправился комсорг школы с сибирской станции Иланская в военкомат и на фронт. Потому и доучивался в десятом классе после относительного выздоровления в медсанбате и эвакуогоспиталях.

Потом был диплом с отличием Иркутского горно-металлургического института, ступеньки цеховых и заводских лестниц Красцветмета, а в 34 года было



*Председатель Красноярского землячества В.И. Долгих (в центре) на традиционной встрече с красноярцами и норильчанами. 2001 г.*



*На заседании Красноярского землячества выступает его председатель В.И. Долгих*

утверждение в должности главного инженера НГМК. «Не иначе при содействии...» Точно. Однако не семьи — отец, мастер своего дела, ушел на пенсию из родного депо в 1937 г., а из жизни в 1951-м. А вот биография «выдвиженца» действительно понравилась, не могла не понравиться.

Легко ему на первых порах в Норильске не было. На аффинажном заводе он уже знал все. В Норильске, по существу, впервые столкнулся с горным делом и энергетикой, транспортом и жилищным строительством (из северных изб — не срубов, а так называемых балков — предстояло переселить 30 тысяч человек за считанные годы)... По несколько часов от сна приходилось отрывать на книги из научно-технической библиотеки комбината, а днем вместе с проектировщиками и исследователями овладевал секретами горного давления, извлечения ценных компонентов из уникального сырья...

Талнах дал первую промышленную руду в 1965 г. Семь лет директорства Долгих не только включили в себя оперативное вовлечение в производственную орбиту рудных богатств Заречья, но в эти годы сформировался и стал быстро развиваться промышленный район (гидроэнергетика, газодобыча, транспортные узлы, продление навигации, стройиндустрия, объекты культуры). На картах Таймыра и Гыдана появились кроме Талнаха Снежногорск, Мессояха, Соленое, Тухард, а Дудинка превратилась в самый механизированный порт Крайнего Севера и Сибири.

...25-летие НГМК почти не отмечали. Праздник состоялся, но отложенный на пятилетие — под знаком Талнаха, его первой руды. Как бы мы ни ругали сегодня старую систему награждений (а ведь и раньше ругали), спустя еще 30 лет вспоминая достигнутое комбинатом в 1960-х гг., даже обиженные директором — без них не бывает — вряд ли подвергнут сомнению его заслуги, оцененные медалью «Золотая



*В.И. Долгих в музее истории развития Норильского промрайона*

Звезда» Героя Советского Союза. А для многих важнее другое — демократичность, здравый подход к ситуации, доверие к людям, умение выслушать человека и не откладывать на завтра необходимое решение.

В 1969 г. В.И. Долгих вернулся в Красноярск первым секретарем крайкома КПСС. Через 3 года переехал в Москву секретарем ЦК. В 1976 г. к его прямым обязанностям добавилось руководство отделом тяжелой промышленности ЦК КПСС. В 1982 г. Долгих стал кандидатом в члены Политбюро, в 1988 г. — персональным пенсионером... по собственному желанию Генерального секретаря. Кто знает, прислушайся М.С. Горбачев к советам толковых людей, не стремись он избавиться чохом от прежних соратников (в большинстве своем, безусловно, заскорузлых партократов, засидевшихся во власти), не пошла бы страна по одному из самых невыгодных для нее путей или не откатилась бы наша экономика на не подготовленные заранее позиции.

В декабре 1994 г. Владимиру Ивановичу исполнилось 70 лет. В приветственном адресе, подписанном руководством АО «Норильский горно-металлургический комбинат», в частности, говорится: «В близком сердцу юбиляра Норильске еще немало людей, которые вас помнят и любят. Есть такие, кто называет себя вашими учениками. Еще более гордящихся личным знакомством, работой под вашим началом и даже просто фактом: их директор, руководитель общесоюзного масштаба, много лет возглавлял отечественную промышленность, самые могучие ее отрасли».





## Николай Машьянов:

*«Организовать выездные комплексные бригады проектировщиков на важнейших пусковых объектах...»*

**1969—1973 гг.**

Приведенная цитата — одно из полностью себя оправдавших предложений Николая Порфирьевича в его бытность директором еще института «Норильск-проект».

Пожалуй, именно во главе проектировщиков Машьянов проявил себя как организатор с большими возможностями дальнейшего роста. Во всяком случае, в предыдущей должности заместителя начальника ПТО комбината он вряд ли смотрелся будущим директором. Выдвигая главного металлурга директором института, возможно, В.И. Долгих видел дальше других. К месту заметим, что после Владимира Ивановича первыми лицами на комбинате становились только выросшие в коллективе руководители, знавшие весь комплекс, что называется, наизусть. Например, Колесников шел к этой должности 28 лет, Филатов — все 30, будучи готовым к ней много раньше...

Николай Порфирьевич Машьянов открывает список директоров, выросших на комбинате. Его путь начался с производственной практики студен-

та Ленинградского горного института. Видимо, в управлении металлургических заводов (было такое в 1950 г.) или самому Звереву практикант, с ходу успевший поруководить отделением в сернокислотном цехе, понравился. Ему даже предложили остаться в инженерной должности без защиты диплома, и Машьянов... задержался на год в Норильске. Потом доучился и был оставлен на кафедре металлургии, но уже тянуло домой. Нет, не в родную деревню на Вологодчине...

Его направили на завод № 25, сейчас это хлорно-кобальтовый цех. Через полтора года, в 1954 г., молодой специалист стал исполнять при случае обязанности главного инженера завода. Но в такие взлеты Норильск обычно не верит, и Машьянову пришлось пройти все, что требовалось производству: от плавильного отделения до бюро техконтроля. И только после этого, проявив себя как исследователь на железомедоочистке кобальтового раствора, доказав окружающим, что ответственность, настойчивость и трудолюбие — его коренные черты, Машьянов появился в управлении комбината. (Через 15 лет заинтересованные лица из Госплана РСФСР наводили справки о своем новом шефе: «Он что, герой? Звездочку не носит. И в Норильске раньше всех приходил на работу и уходил поздним вечером? Со стопкой книг и папок?»)

Когда-то, на заре биографии, сразу после армии, он собирался в текстильщики. Потом передумал, да так решительно, что, когда врачи не давали добро на Крайний Север, взял на себя личную ответственность за собственное здоровье. Любопытная справка лежит в личном деле: «...на предмет пригодности в должности (последнее слово зачеркнуто, добавлены другие) в атмосфере пыли и газа...»

К счастью, в жизни Норильска всегда присутствовали постоянный поиск, интерес к работе, новизна тем. Старые подшивки «Цветных металлов» подтверждают сказанное, а фамилии директоров



комбината среди авторов постоянны, причем фамилии Машьянова и Колесникова часто соседствуют под статьями: «Вопросы производства меди и никеля из комплексного сульфидного сырья», «Применение дутья, обогащенного кислородом...» и другими, вплоть до получения никеля «четыре девятки».

Министр собирался отправить Н.П. Машьянова советником по никелю на Кубу, но у Долгих были свои резоны оставить Николая Порфирьевича в Норильске. За 2 года работы главным инженером комбината Машьянов немало способствовал продвижению в практику положений доклада, сделанного в 1970 г. уже в качестве директора на Президиуме Совмина СССР (предложения были приняты в виде специального постановления), и другого доклада, технико-экономического, в котором металлургическая часть была его детищем, пусть коллективным.

Можно долго перечислять, что занимало Машьянова-металлурга (от схемы загрузки и новой конструкции отражательной печи с подвесным сводом до автоклавной переработки руд), Машьянова-проектировщика (рудники Талнаха, цехи никеля и меди), главного инженера (новая техника, самая высокая плотность тока при электролизе, автоматизация производства), директора комбината (выполнение специального правительственного задания, косыгинского, по сверхплановой рафинированной меди и прочее). Но, чтобы не сложилось впечатление, что он был начисто лишен «социальной» жилки, приведу один пример. В целях закрепления кадров на строительстве пообещал семейное жилье уходящим в запас солдатам через полгода после дня свадьбы в Норильске. Откликнулись две с половиной тысячи будущих женихов.





## Борис Колесников:

*«Самое приятное для меня... все социальные показатели выражены в цифрах, превышающих сугубо производственные».*

**1973—1988 гг.**

Эта цитата — из 1985 г. Колесникову довелось отмечать и 40-, и 50-летие комбината. Мало того, он директорствовал даже не 10, а 15 лет (1973—1988 гг.), что, естественно, было рекордом пребывания на посту руководителя НГМК. Впрочем, Борису Ивановичу принадлежит и рекорд долгожительства в Норильске (среди директоров, конечно, ибо Г.И. Сапрыкин, буровых дел мастер, здесь с 1935 г.). Колесников стал норильчанином в 1946 г.

Ему было 16 лет, когда он совершил этот мужской поступок. Лучший математик, свидетельствуют одноклассники минусинской средней школы, за год до получения аттестата отправился на свой страх и риск в далекое лагерное поселение с жутковатой славой (его название на юге края произносили, понижая голос), заслышав о том, что в тамошнем техникуме бесплатно кормят-поят, да еще приплачивают. Рано оставшись без отца, он постоянно помнил: силы матери небеспретельны.

Через 4 года Колесников пришел мастером на медный завод... Через 20 лет стал директором на никелевом. (К тому времени на комбинате ему был знаком практически любой участок — после нескольких лет в производственном отделе под присмотром толковых учителей.) В 43 года, после четырех лет в должности главного инженера, он стал директором комбината.

Диплом о высшем образовании он получил в Свердловске, хотя в основном учился дома, но выезжать приходилось. А чтобы не приходилось выезжать другим, Колесников по мере сил старался помогать местному вузу, выросшему на базе горно-металлургического техникума. Сегодняшние студенты Норильского вечернего индустриального становятся работниками комбината в день поступления в институт — даже на дневное отделение...

Это не было отступлением от темы. Дело в том, что директор (начальник) комбината всегда олицетворял высшую власть в Норильске. До сих пор городские администрации Норильска, Талнаха, Кайеркана и Дудинки свободны от... даже эксплуатации домов, чистки дорог и тротуаров от снега. Но со времен Колесникова в круг постоянных забот директора помимо комбината и его социального сектора вошла территория всего автономного района с невеликим населением (одна треть миллиона), но с удаленностью крайних точек на триста с лишним километров (от поселка Снежногорск на реке Хантайке до поселка газодобытчиков на Северо-Соленинском месторождении за Енисеем, в Тюменской области).

В сферу норильского притяжения попадают как портовики и метеорологи Диксона, так и в тысяче километров от них гидроэнергетики Светлогорска на Курейке, устье которой находится между Игаркой и Туруханском. Но и это еще не полюса, за которыми норильский директор не несет никакой ответственности...

Точки на карте, именовавшиеся «тыловыми базами», у комбината были всегда — порты перевалки грузов, участки леспромхоза Норильскснаба, сельскохозяйственные производства Норильскторга, места отдыха северян. В последние десятилетия «норильские острова» выросли числом и расширили границы в Красноярском и Краснодарском краях, в Мещере, в Белгороде и других городах России, где исполнялись производственные, санаторные и другие функции, среди которых едва ли не важнейшая — расселение ветеранов комбината на материке.

Вот почему заместители Колесникова с некоторых пор посчитали принципиально неверным отвлечение директора от стратегических задач и взяли на себя принятие тактических решений в подведомственных им отраслях. Об этом «Цветные металлы» рассказывали в № 10 за 1987 г., незадолго до отъезда Бориса Ивановича в Москву, где ему была предложена должность замминистра цветной металлургии СССР. В том же очерке автор уделил внимание личным качествам последнего директора НГМК: надежность, основательность в особой степени, личная скромность и организованность, даже пунктуальность, неспешность в оценке ситуации, невозмутимость и спокойствие в чрезвычайных обстоятельствах, отзывчивость, заряженность на помощь ближнему... Однако почему же мы называем Колесникова последним директором Норильского комбината? Ведь он передал эстафету своему главному инженеру А.В. Филатову.

Потому что, и эти страницы должны были в какой-то степени ответить на вопрос, наименование должности перестало отражать реальность. Малоозначащим и крайне не точным стало название «комбинат», ибо от объединения разнородных предприятий до территориально-производственного, социально-культурного и прочих комплексов — дистанция огромного размера. Поэтому даже «гене-



*Слева направо: Б.И. Колесников, А.Б. Логинов и В.И. Долгих в разные годы были директорами Норильского комбината. 2001 г.*

ральным директором» преемник Бориса Ивановича именовался недолго, ибо жизнь стала подсказывать поиск новых форм связей смежных и родственных коллективов на основе общих экономических целей. Председатель правления концерна, президент Российского акционерного общества, председатель совета директоров — должности, отражающие новые времена...

*Наброски к портретам норильских руководителей разных периодов истории комбината сделал Анатолий Львов.*

*Журнал «Цветные металлы».  
1995. № 6.*





*Надежда Колесникова.  
Сентябрь 1956 г.*



**Надежда Колесникова:**

*«... не избалованный жизнью человек...»*



*Надежда Степановна Колесникова. 1978 г.*



За встречу с мужем я должна благодарить студенческий профсоюз. Родом я из Приморья, окончила школу в Уссурийске. После экзаменов мы с подругой Тоней взяли карту и по ней стали выбирать город, куда поедem поступать в вуз. Критерий был один — близость к железной дороге. Так мы оказались в Свердловске. Сдали шесть экзаменов (я набрала 29 баллов) и поступили в Уральский университет на химический факультет. На четвертом курсе нам выпало счастье поехать в дом отдыха города Реж: студенческий профсоюз справедливо решил, что ехать домой в Приморье на зимние каникулы далековато. В Реж приехали отдыхать и студенты Уральского политехнического института, в их числе был Борис Колесников.



*Семья Надежды Коляды-Колесниковой. В первом ряду слева направо: Степан Васильевич Коляда, его внучка Оля, Мария Владимировна, дочь Надежда. Стоят: справа — Борис Колесников, братья Александр и Виктор Коляда*

Мы познакомились. У Бориса всегда в руках книжка. Над его молчаливостью мы даже начали подшучивать... Мне хотелось разговорить его, чтобы узнать получше. Ходили на лыжах, вошли в группу по разучиванию танцев, какие нынешней молодежи неизвестны — падеспань, падеграс, падепатинер, краковяк... Мы с Борисом составляли пару — учиться танцам было весело. Мы не только научились танцевать, но еще и разучили много задорных частушек — с ними выступали на сцене дома отдыха. Каникулы провели замечательно, обменялись с Борисом адресами. В Свердловске встретились, потом он приходил к нам в общежитие.

Я жила в комнате на 29 человек — это была бывшая аудитория на 6-м этаже здания на улице 8 Марта. Мне повезло, ведь были комнаты и на 40 мест. Впрочем, наши скромные потребности вполне удовлетворяли кровать и тумбочка, а вся одежда была на нас. Мы с Борисом часто бывали в кино, театре, ходили на студенческие вечера. Однажды объявили танец из тех, что мы выучили в доме отдыха. Мы с удовольствием



*Семья Колесниковых без отца.*

*В центре — Анфиса Трофимовна, справа — Борис, слева от матери — Светлана. Стоят: справа — Валентина, слева — Виктория*

вышли танцевать при первых звуках... Вспомнились счастливые каникулы, мы улыбались друг другу и только потом заметили, что танцуют всего две пары. Мы даже получили приз — игрушку.

Мы оба не любили красивых слов, просто каждый чувствовал другого. Полюбила, да и все. И Борис, наверное, также. Как-то и объяснений особых не было. Недавно перебирала семейный архив и нашла дорогое мне письмо. В нем была записка: «Извини меня, пожалуйста, за бесцеремонность, но я прошу приехать тебя в четверг в парк имени Маяковского к 8-ми. Буду ждать до 9 у входа... Нам нужно о многом с тобой поговорить, и чем быстрее, тем лучше для обоих». А дату я и сегодня помню: 23 мая 1956 года. Оказалось, Борис получил тревожную телеграмму от сестры Виктории: мама заболела и сестры просили его срочно приехать в Минусинск. Он тут же решил досрочно сдать экзамены, засел за учебники, написал мне письмо и решил объясниться. Я еще ничего не знала и очень волновалась, идя на свидание. Как только увидела Бориса, сразу заметила и его волнение.

— Я все время думаю о тебе, — сказал он. — А ты?

Я тоже призналась в этом и обещала дать ответ о нашем будущем.

Я знала, что Борис должен уехать срочно и это может случиться неожиданно. Так и вышло: не успела его проводить, как культорг в тот день организовала поездку на озеро Шарташ... Мы переписывались год. Тогда я впервые узнала подробности его норильской жизни... Борис перевелся во Всесоюзный заочный политехнический институт. На весеннюю сессию он поехал в Москву через Свердловск. Мы подали заявление в загс, а через какое-то время я побывала впервые в столице. Борис повел меня на Воробьевы горы к университету — его только построили и вокруг посадили молодые деревца. Мы выстояли огромную очередь в Мавзолей В.И. Ленина, побывали на концерте ансамбля «Березка», в театре музыкальной комедии.

ВГУМе Борис предложил мне выбрать плащ. Тогда только появились болоньевые — мне понравился небесно-голубого цвета, я прямо отойти от него не могла... Выстояли длинную очередь, купили. И только потом я сообразила, какую дорогую обновку выбрала, ведь моему жениху надо было думать не только обо мне, а еще и о матери, троих сестрах... Недаром Борис сначала показал темно-синий плащ... Потом много таких видела в Норильске. Женщины надевали их поверх пальто, чтобы холодный ветер не продувал до костей. Он был вдвое дешевле...

Свадьбы у нас было две. В общежитии на ул. Чапаева, 20, освободили большую комнату, и здесь политики и химики нас поздравляли. Через день поехали в Уссурийск к моим родителям. Во дворе дома накрыли столы — гуляли неделю. Сохранилась памятная фотография — мы сидим на фоне дома, побеленные стены которого расписаны словами: хрусталь, ваза, тюль, скатерть, 50 р., платья... Это подарки, которые



*Свадьба Колесниковых в Уссурийске*



*День рождения в Уссурийске отмечают пирогом «именинник»*

нам вручили. Вот только озадачивает надпись «корова», точно знаю — не дарили... Скорее всего в поздравлении что-то в шутку зарифмовали вроде «здорово, корова»... Еще одно фото той поры — за столом родственники, а на столе «именинник» — так называли мы большой праздничный пирог...

Из Уссурийска поехали в Минусинск. Нас встретили сестры Бориса Света и Валя, старшая Виктория дома с матерью ждали — были нездоровы. Приняли меня по-доброму, рассказали, что раньше в этом доме у них побольше была комната, а после смерти отца их переселили сначала в подвал, потом на первый этаж. Комната меня удивила: длинная и неширокая, как автобус. В ней стояли кровать, стол, сундук и этажерка — больше ничего и не поместилось бы.

Я не знала Ивана Николаевича Колесникова, отца Бориса. Но слышала, что он, экономист по профессии, занимал видные должности, когда семья жила в Приморье. Но однажды по доносу отца арестовали. Правда, вскоре его выпустили на свободу — призна-

ли невиновным. Через какое-то время добрые люди ночью посоветовали ему немедленно уехать «от греха подальше», и семья перекочевала в Минусинск.

Память об Иване Николаевиче осталась в трех старых фотографиях, на их обороте витиеватым, но четким почерком написано, кто изображен. На двух снимках отец поставил свою роспись — сложную, но



*Курсы инструкторов райисполкомов*



*Рухловский Р.И.К. В среднем ряду третий справа — Иван Николаевич Колесников, отец Бориса Ивановича*

красивую. Кто ее видел, признают, что подписи отца и сына очень похожи.

Отец и мать Бориса были образованными людьми. И хотя их дом удивил меня бедностью, на ее фоне большим богатством казались книги — в войну и их продавали, чтобы выжить.

Все фотографии запечатлели дальневосточные страницы жизни отца Бориса. Вот фото с первых курсов инструкторов райисполкомов, которые проходили в Хабаровске с 15 июля по 15 августа 1927 года. Инструкторы встали в 5–6 рядов возле памятника Ленину — среди них наверняка стоит и Иван Николаевич Колесников. К сожалению, на снимке нет подписи, а люди даны так мелко, что их не разглядеть. Два других снимка позволяют рассмотреть простое и умное лицо Ивана Николаевича. Вот он в среднем ряду третий справа в кепке. Под снимком подпись: «Рухловский Р.И.К. 1928 год». Иван Николаевич работал в райисполкоме. Третья фотография очень красноречива. На стене висит стенгазета «Батрак на учебе». И судя по тому, что перед



сидящими бумага, ручки, чернильный прибор, — это ученики. Нет листа только перед Иваном Николаевичем — он их учитель. И.Н. Колесников был экономистом, он и в Минусинске на винно-водочном заводе занимал должность начальника планового отдела. Вечерами работал в военкомате — военное положение страны обязывало. Здоровье у Ивана Николаевича было слабое, из-за больных легких его не взяли на фронт. В 1943 году он заболел и скоропостижно скончался. Мать осталась с четырьмя детьми мал мала меньше, Борису — старшему — было 13 лет.

...Долго задерживаться в Минусинске нам было нельзя: Борис торопился на работу. Анфиса Трофимовна уже тогда сильно болела, из-за этого семья отказалась от огорода. Она договорилась со знакомыми, и мы с ней пошли рвать помидоры с их грядки. Набрали много, каждый помидор обернули бумагой и уложили в большой зеленый чехомдан. Потом в посылочную



*Город Рухлово. 31 января 1930 г.  
За столом второй справа — Иван Николаевич Колесников*



коробку рядами сложили яйца. Это был драгоценный подарок от Анфисы Трофимовны.

До Игарки плыли на колесном теплоходе «Мария Ульянова», здесь нас пересадили на баржу, и через сутки мы добрались до Дудинки. Первое, что сделали, — на последнюю трешку купили хлеба и тут же с удовольствием его съели. Было солнечно, тепло. В Норильске удивило отсутствие деревьев, а высотные дома создавали впечатление большого города. Поселились в квартире однокурсника и тоже минусинца Анатолия Панова — его семья была в полугодовом отпуске. Наутро вышла в магазин — холодно! А через недели две уже был лед под ногами...

На другой день принимала первых гостей. Среди сослуживцев Бориса была семья Степанюков — Вадим Афанасьевич и Вера Петровна. Угощала знаменитыми минусинскими помидорами, яичницей. Оказалось, это такой деликатес для норильчан! Овощи здесь только сухие, как и яйца — в порошке. Посидели приятно...

Жизнь начали с долгов, без своего жилья, а у меня и работы полгода не было. Я не знала, что у Бориса в то время неприятности на заводе были, — он из отпуска опоздал, его уволил за это директор завода. Муж попросил ребят не говорить мне об этом, а сам уходил из дому как всегда. Принесет мне денег («занял на еду до зарплаты») — и на завод. Так продолжалось неделю, пока директор Кибалин не принял его обратно на медный и распорядился записать об увольнении не заносить в трудовую книжку. Не скоро я узнала об этих неприятностях мужа... Так было и дальше — Борис не взваливал их на семью. Даже если вижу, что он переживает из-за чего-то, и спрошу: «Что случилось?» «Нормально», — отвечает. Еще и добавит: «Все хорошо». Вот и все. Много лет спустя, уже в Москве, я перебирала наши пенсионные документы, раскрыла и трудовую книжку... Вспомнила несостоявшееся увольнение Бориса с медного — сколько же он пережил тогда! — и открыла страницу: первая за-

писать работы на комбинате — это медный завод с 1950 по 1958 год, далее — диспетчерская...

А я не работала полгода, куда ни пошлют из кадров — везде отказ. Записалась на прием к директору комбината В.В. Дроздову. Он узнал, что муж работает на медном заводе, и сказал, что там в антикоррозийный цех химии нужны. Так, с 11 февраля 1958 года началась моя трудовая биография. Первая запись в книжке: антикоррозийщик-универсал 6-го разряда. Я недолго составляла технологические карты на резиноканевые шланги, отводы, защиту труб и запорной арматуры для цехов электролиза никеля и меди — вскоре ушла в декретный отпуск и родила дочь. Борис прибежал в роддом с цветами на день раньше, чем Оля появилась на свет. Дело в том, что в роддоме тогда было две Колесниковы: та, другая, на день раньше меня мальчика родила, а я — девочку на следующее утро. Мы с ней потом встречались и, как водится, о детях говорили. Ее тоже звали Надеждой, она работала в тресте «Норильскреммонтаж».

Борис тоже на прием к начальнику ЖКУ ходил — просил жилье для семьи. В общежитии ИТР, где у него было место, меня даже не прописывали, потому что я не работала. Тогда на улице Павлова строился дом — там дали нам комнату. Будущие жильцы помогали строителям — мусор убирали, подносили материалы... Мы уже знали, какая комната будет нашей, какая роскошь — 10 кв. метров! Здесь мы соорудили свой первый шифоньер с занавесочкой между боковыми стенками. Он служил нам еще в двух следующих комнатах: в июле мы перебрались в комнату 22 кв. метра на Ленинский проспект, 11. Летом в выходной я умудрялась голубику собирать недалеко от дома. Здесь было озеро, по берегам которого я и бродила с кружкой. Ребенка отдам Борису, а сама драгоценный витамин ищу...

Жили, как многие, трудно. Это я сейчас понимаю. А тогда все казалось нормой, как и должно было быть в тех условиях. Когда родился мой первый ребе-



*Борис Колесников. 1954 г.*

нок, на второй день ко мне пришла медсестра — она посещала меня через день. И это тоже было нормой. Она приходила в любую погоду! Осматривала Олю, учила меня купать ее, кормить... Помню, как посоветовала мне залепить пластырем пупок. Я искупала ребенка, а пластырь снять побоялась, мне казалось, он с кожей сойдет... Хорошо, что на другой день медсестра пришла, все сделала сама: нагноения избежали.

Потом у моих соседок дети родились. Бывало, соберемся на кухне, но только услышим детский писк, бежим к малышам... А как мы помогали друг другу... Мы были молоды и полны надежд...

Однажды, когда я в обед прибежала с работы покормить грудного ребенка, Борис закрыл меня в квартире на ключ. Он решительно велел мне сидеть дома: «Больше никуда не поедешь! Ребенок дороже!» И ушел. Сменять друг друга при сменной работе не получалось, а помощи не было. На другой день побежала с дочерью в поликлинику, объяснила свою ситуацию и попросила дать мне больничный, иначе за прогул с работы выгонят, а я с таким трудом ее нашла... Каково же было мое удивление, что по закону я могу 4 месяца сидеть дома с ребенком! С облегчением оформила отпуск. А в сентябре к нам приехала Светлана, сестра Бориса, — до болезни Оли она стала ее нянькой. Потом врачи посоветовали увезти ребенка на материк, и с Олей стала нянчиться Анфиса Трофимова в Минусинске.

Я вернулась на работу, а в мае 1959 года меня назначили начальником антикоррозийного цеха меха-

нического завода. Жизнь постепенно налаживалась, у нас даже появилось место, куда мы стали класть семейные деньги: кому надо — брал. В основном тратила я, Борис был очень занят на работе. В нашем семейном архиве есть фотография: мы сидим у телевизора. Один из первых телевизоров купили наши соседи и друзья Васильевы. Когда мы смотрели какой-то фильм, к ним пришли с телестудии и сделали этот снимок.

Борис уже работал в диспетчерской. Придет со смены, поспит 5–6 часов (он никогда не спал много) и едет на какое-нибудь предприятие. На уговоры отдохнуть терпеливо объяснял мне, что как диспетчер должен знать на комбинате все — рудники, фабрики, заводы, склады, дороги... Возвращался с исписанной тетрадкой. Он вел ежедневник — писал, с кем и по какому поводу встречался, кого принимал, где выступал... В его шкафу и сегодня стопками лежат блокноты... Если Борису Ивановичу предстояло писать доклад, он делал это в утренней тиши, вставал в 3–4 утра. Сколько его помню, он всегда чему-то учил-



*Первый телевизор, первые телепросмотры в комнате Васильевых.  
Слева — Б. Колесников, справа — Н. Колесникова,  
между ними — супруги Васильевы*

ся, что-то изучал... Читал много — с ручкой в руке... И всегда с благодарностью вспоминал великих учителей из заключенных...

Впервые в гости мы пошли с Борисом к его однокурснице по техникуму. Меня поразила ее рассказ о лекции по кристаллографии в стихах: попробуйте не запомнить такой материал! Ее читал з/к, знаменитый профессор, член-корреспондент Академии наук СССР Николай Михайлович Федоровский. А как учился Борис? Его, бывало, спросят: «Выучил?..» А он отвечал, что по ходу доказательства сам формулу выведет... Это так похоже на него, недаром его называли колесоматематической головой.

В 1960 году мы впервые поехали отдыхать в Сочи. И тут выяснилось, что Борис, выросший на Енисее, хорошо плавать не умеет. Когда вернулись в Норильск, он стал ходить в бассейн. Встанет в 6 утра и идет плавать... Каждую субботу Борис работал, в лучшем случае — до обеда. В феврале-марте, если



*Борис Иванович Колесников с женой Надеждой Степановной  
и детьми Олей и Виктором*



*Надежда Степановна  
Колесникова с детьми  
Олей и Виктором.  
Новый, 1968 год*

мороз ниже 30 градусов, ходили на лыжах, особенно он любил ездить на рыбалку, охоту. Поймает одну-другую рыбу и говорит: «Мне хватит!» Любил бродить по тундре, лесу, пить чай у костра, петь песни... По молодости горячо спорили о жизни, играли в карты, нарды. Играть с Борисом в дурака было просто невозможно, я даже жульничала, но он всегда помнил все карты и выигрывал.

В быту Борис был непритязательным, как всякий человек, познавший нужду. Я звала его маленькой. Уж как, бывало, обра-

дуется пирогу, а съест кусочек — и все! Но детей понимал, когда они что-нибудь вкусненькое хотели съесть в кафе «От двух до пяти». Правда, Оля потом говорила про брата: «А Витя почему-то только фруктовый суп захотел...» Я шутила: «В отца пошел...» За всю жизнь Борис ни разу на детей голос не повысил, и при этом для них всегда был авторитетом № 1. Ни в больницу, ни в школу не ходил — это я брала на себя. А на лыжах, в тундру ездили всей семьей. Сейчас, когда Бориса Ивановича уже нет со мной рядом, я так жалею о том, что меньше внимания ему уделяла, чем нужно. Все крутилась: то с детьми, то на работе, то дома... Он понимал это. А если случалось что, молча переживал...

Я никогда не знала никаких комбинатских сплетен — Борис не терпел этого. Я и в управление комбината не ходила — что мне там делать? У меня был свой круг профессионального общения. Как пришла в антикоррозийный цех, так тут 30 лет и проработала. Серди-

лась, когда Бориса Ивановича с просьбами в подъезде встречали. Однажды женщина домой нам позвонила. Я открыла дверь... «Время к десяти вечера идет, приходите на службу завтра», — только и успела сказать. Вышел Борис Иванович и пригласил непрошеную гостью пройти. «Хоть дома моим побудешь», — говорила я Борису, но и это удавалось не всегда.

Нина Романовна Трушкина научила меня держать готовность № 1 — это значило, что для мужа всегда должен быть готов чемоданчик с бельем, сорочками на неделю. И дома тоже имели немалый запас свежих сорочек, ведь бывало, что за сутки он две менял. Позже очень выручала меня прачечная Дома быта — я ведь тоже очень была занята... Родились внуки — хлопот добавилось...

Заместителем министра цветной металлургии Бориса Ивановича назначили не вдруг — все знали, что мы уезжаем в Москву. Но он не считал это расставанием с Норильском, хотя были проводы 23 августа 1988 года и прощальные речи. Мы отправили контейнер в Красноярск — он больше года ждал нас там, пока не дали квартиру в Москве.

Столица встретила житейской неустроенностью, бурные перемены в стране не обошли и министерства. Очень скоро мы остро ощутили, что прижиться здесь не удастся — корни-то остались в Норильске. Я до сих пор чувствую себя в Москве в каком-то подвешенном состоянии...

В ноябре 1989 года я полетела в Норильск, где еще жила семья нашего сына. Пошла на демонстрацию, чтобы встретиться с друзьями, сослуживцами. Вот тут и подошел ко мне наш давний знакомый с вопросом: «Твой дед уволился — это правда?» «Не знаю, — ответила. — Уезжала — работал». Забеспокоилась, побежала домой, звоню и слышу от мужа: «Да, я ушел из Минцветмета...»

Сразу вспомнила, как на мальчишнике отмечали 55-летие Бориса Ивановича и он неожиданно для всех сказал: «В 60 лет я уйду на пенсию». Тогда все посмея-



лись и не поверили. А получилось, что он тогда правду сказал. Но я знала: он хотел работать, просто не смог не уйти — побудили серьезные причины... Не мне судить о реорганизации Министерства цветной металлургии, о том, что задумывали, а что получилось, но убеждена в одном: огромный опыт, энциклопедические знания, порядочность Бориса Ивановича должны были быть востребованы государством. Но оно само рушилось, и это добавляло оставшемуся без работы Колесникову еще больше страданий.

Мы тяжело пережили разруху в стране. Я столько времени провела в очередях за молоком для внуков... Накопления северян превратились в ничто. К счастью, нам к тому времени терять уже было нечего — средства вложили в дачу. Премьер Н.Рыжков определил Борису Ивановичу при уходе из министерства пенсию в 220 рублей, он получал ее до 1997 года, пока гендиректор «Норильского никеля» не назначил бывшим директорам комбината персональную пенсию.



*Б.И. Колесников на даче*



Нельзя сказать, что Борису Ивановичу не предлагали никакой работы или что он ни за что не брался, нет... Но как бы то ни было, он не нашел себе дела по душе и знаниям. Помню, как он умирлял бури, которые бушевали в нем после ухода из министерства: в квартире дочери он начал ремонт. Содрал со стен и потолка все, до первозданного состояния, трудился с ожесточенным подъемом. Я понимала, что мужу надо выпустить пар, — он хотел устать так, чтобы не осталось сил думать о том, что происходит, что будет дальше...

Позже он пережил это во второй раз, сказал: «Будем жить в деревне...» Мы поехали на дачу. Строили вместе с Николаем Викторовичем Поппелем — работы было много, я чувствовала, что она в радость Борису. И я даже не удивилась, когда он сказал однажды: «Оказывается, я больше всего люблю строить...»

...Прошло время. Борису Ивановичу предложили снова возглавить Норильский комбинат. «Два раза в одну реку не войдешь» — таков был его ответ. Он порекомендовал на эту должность Джонсона Таловича Хагажеева. Он встречался с руководителями «Норильского никеля», летал на Таймыр, ездил в Питер, любил бывать в санатории «Озеро Белое». Мысленно он всегда был там, в Заполярье, с норильчанами, знал их заботы, переживал за простых людей... Он и сам был простым человеком.

Мой муж — не избалованный жизнью человек... Но его доброта к людям вернулась к нему бумерангом — я всегда знала, видела, чувствовала, что многие искренне уважали, ценили, любили его... Пережить утрату родного человека тяжело, я, как и он, «лечусь» работой: все время посвящено сегодня правнучке Дашеньке...





*Норильский горно-металлургический техникум*



*Правительственной комиссии, прибывшей в Норильск, докладывает  
Б.И. Колесников, директор НГМК*



*Турбаза на озере Лама. П.Ф. Ломако, министр цветной металлургии,  
и Б.И. Колесников, директор НГМК*



*Справа налево: А.Н. Косыгин, В.И. Долгих, Б.И. Колесников*

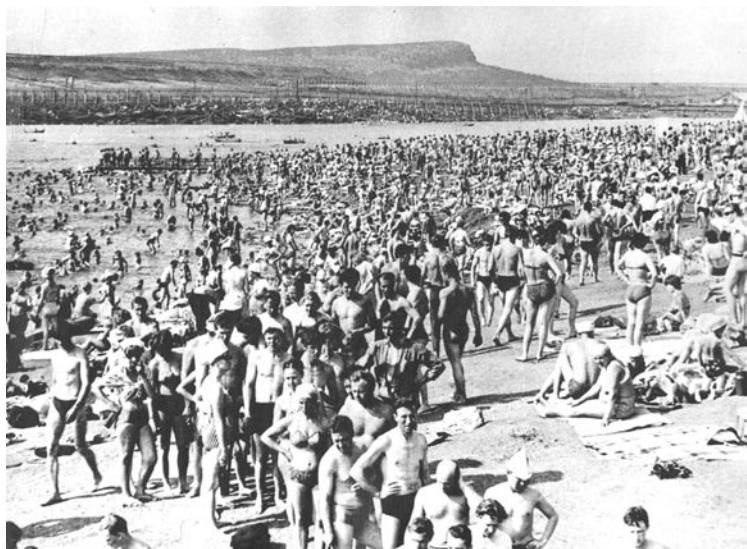


*С охотничьим трофеем Б.И. Колесников (слева) и Ю.М. Смолов*





*На озере Долгом семьи Колесниковых и Ерофеевых. 1966 г.*



*Пляж на озере Долгом. 1973 г.*



*Борис Иванович Колесников с дочерью Ольгой*



*Коллектив участка № 3 ЦРСУ.  
Пятая слева в нижнем ряду — Н.С. Колесникова*



*Чай в тундре*





*Лыжный забег в весеннем Норильске.  
Под номером 102 — Борис Иванович Колесников*



*Надежда Степановна Колесникова на даче. 1995 г.*



*Виталий Александрович Фалалеев*



**Виталий Фалалеев:**

*«...высшая оценка директору...»*



*Ветераны медного завода приехали в Норильск на 50-летие родного предприятия. Памятный снимок в гостинице. 1999 г.*

В декабре 1999 года мы с Борисом Ивановичем Колесниковым полетели в Норильск на 50-летие медного завода. На воспоминания настроились уже в самолете... Борис Иванович рассказал, как однажды в Красноярске увидел женщину с лицом, похожим на нашего школьного товарища Гену Чухломина: ну один к одному! Постоял, посмотрел на нее внимательно да и подошел с вопросом: «Вы не Чухломина?» «Нет, — отвечает, — а Чухломин мой отец». Вот это встреча через 50 лет! А Гена к тому времени, оказывается, уже скончался... Чухлома, звали мы его в детстве. Вспомнили и Рыжего, и Бармалея, и Геракла... Наш физрук Николай Иванович Валов разденется — ну точно Геракл! А как сильными мускулами играл — все мальчишки хотели походить на него... В 8-м классе он пришел к нам после фронта, вместо руки из гимнастерки черный протез висел...

— А ты это помнишь? — спрашивали мы друг друга. Оказалось, помнили оба все и до мелочей. Нам было по 11–12 лет, шла война. Воинов-сибиряков готовили к отправке на фронт под Москву — тренировали на протоке Енисея. Нас, мальчишек, ставили через километр — мы записывали время и номер пробежавшего лыжника. Отчеты сдавали командиру для отбора самых выносливых. За свой труд мы получали награду — 10 рублей на три стакана сушеной сладенькой свеклы. Это были наши конфеты...

А летом мы приходили к раненым. Для них в сквере в центре города расстилали одеяла, и они лежали на солнышке в бинтах, с оторванными руками и ногами. Мы приносили им лук, редиску, бегали за папиросами. Из-за госпиталей, которые разместили в школе (две школы объединили, одну отдали для лечения раненых), у нас было трехсменное обучение, но никто не роптал...



*Дом, в котором в Минусинске с 1933 по 1946 г.  
жил Б.И. Колесников. Спустя 57 лет сюда пришел его  
школьный товарищ В.А. Фалалеев*



*Школа в Минусинске, где учился Б.И. Колесников*



*Минусинская школа № 3. За партой Б.И. Колесникова сидит директор школы Татьяна Владимировна Волошина*



*Минусинский краеведческий музей им. Н. Мартыанова.  
Директор музея Людмила Николаевна Ермолова  
и Виталий Александрович Фалалеев*



Мы вспоминали, как жизнь воспитывала в нас силу воли... Вот в школе нам дадут сайку — как же хочется съесть ее! — а мы зажмем в себе голод и несем ее домой младшим сестрам и братьям. А кишкотряска? Так называли мы спуск на лыжах. Гору Высокую мы переименовали в Замираловку... Пока несешься с ее вершины под острым углом между соснами, натерпишься страху, но уж достиг подножия — ты герой! Я однажды сломал лыжу, кубарем катился, расшибся до крови — до сих пор шрам на верхней губе. Как Борис вел меня до дому 5 км, мы тоже припомнили в самолете...

В норильской гостинице наши комнаты были рядом. По вечерам Борис Иванович предлагал: «Кипяток готов, давай свой чай заваривай!» Я лет пять на вершинах Саянских гор искал курильский чай, наконец нашел его, обо всех его целебных свойствах Борису Ивановичу рассказывал... Пьем чай, разговариваем, и обязательно кто-нибудь к Борису Ивановичу придет — «посоветоваться». Это поразило меня больше всего. Ведь уже 11 лет прошло, как Колесников уехал из Норильска в Москву, а руководители самого разного уровня шли к нему как к прежнему директору комбината.

Бывало, Борис Иванович спросит меня: «Тебе не скучно нас слушать?» «Нет, — отвечаю, — даже интересно». Наливаю собеседникам свой чай, сажусь в углу, слушаю и удивляюсь! С Борисом Ивановичем действительно советуются о перспективах развития предприятия... Ненадолго вышел в коридор — а там еще четверо сидят — ждут своей очереди! Настоящее признание Руководителя и Человека.

Мне кажется, карьера Бориса Ивановича началась после того, как он получил диплом инженера, с тех пор, как пришел трудиться в диспетчерскую. На моей памяти немало хороших диспетчеров, но среди них Колесников в особом ряду. Он сразу составил для себя график изучения предприятий. На каждом побывал, впечатления заносил в тетрадочку, в кабинете



продолжал подсчеты, анализ работы — так по цепочке он в деталях изучил механизм горно-металлургического комбината. И если на планерке или совещании Борис Иванович говорил: «Не получится...» — все знали, что так и есть и он это сейчас докажет. Да, он умел заглядывать в будущее. Его память была настоящий компьютер. Я убедился в этом еще раз, слушая гостей Бориса Ивановича в норильской гостинице...

В 2003 году я побывал в Минусинске, прошел по местам нашего с Борисом детства. Зашел в нашу школу, поговорил с директором Татьяной Владимировной Волошиной, сфотографировал ее за партой, где сидел Колесников. Познакомился с Ольгой Алексеевной Игумновой, директором школьного музея «Память», с 10-м классом, который ведет краеведческую работу. Позже я пришел сюда с фотокорреспондентом (в прошлом норильчанкой) Людмилой Ивановной Порошиной. Все мы загорелись сбором материалов о жизни Бориса Ивановича, и здесь же родилась инициатива установки в школе мемориальной доски.

Я заходил и в двухэтажный старый дом, где жила семья Колесниковых — сначала на втором этаже (при отце), потом в подвале и на первом этаже (после его смерти). Зашел в темный подъезд, позвонил в одну дверь, другую — ответа нет. А за дверью слышу: кто-то подошел. Тогда я громко спросил: «Есть тут кто Бориса Ивановича Колесникова помнит?» И дверь открылась: «Да молодые тут живут, только я и помню...» «Это ты, Анна?» — не поверил я своим глазам. В пожилой женщине я узнал Анну Павловну Кузьмину, жену своего покойного друга. Она пригласила меня в дом. Сидели — вспоминали... Потом я встретился и с Анной Михайловной Екимовой — она училась с Борисом в начальных классах. Вот что они рассказали.

В семье Бориса была корова-кормилица — еще при отце купили. У Ивана Николаевича были слабые легкие — из-за этого его на фронт не взяли, а умер он



*Бывшая норильчанка, фотокорреспондент музея Людмила Ивановна Порошина прошла по памятным местам, где жил и учился Б.И. Колесников вместе с В.А. Фалалеевым*



*Презентация книги «О времени, о Норильске, о себе...» в музее г. Минусинска. Ее представила зав. библиотекой музея Тамара Авергиевна Лоненко. Декабрь, 2003 г.*



*В.А. Фалалеев выступает перед членами Норильского землячества в Минусинске. За столом — зам. директора музея  
Елизавета Михайловна Лясковская*



*На вечере, посвященном памяти Б.И. Колесникова, рассказывает о директоре председатель Норильского землячества в Минусинске Н.Н Михайлов*

скоропостижно в 1943 году. Борис остался старшим мужчиной в семье в свои 13 лет. Он заботился о дровах, собирал шишки, главное — кормил корову. Он косил траву для нее между деревьев, в оврагах, везде, где можно было. Он с детства познал и нищету, и тяжкий труд. Так жизнь воспитала в нем ответственность за близких людей.

С удивлением я узнал от этих женщин, что бабушка Бориса не была ему родной: просто в трудную минуту она взяла девочку Фаню и вырастила как могла. Борис знал это, но считал бабушку родной. Это к ней в Минусинск семья Колесниковых отправилась из Приморья, где отцу грозил второй арест. Бабушка жила на так называемом опытном поле — позже Норильский комбинат выстроил там гостиницу...

В краеведческом музее Минусинска я познакомился с энтузиастами своего дела директором Л.Н. Ермоловой, ее замом по науке Е.М. Лясковской, заведующей библиотекой Т.А. Лоненко. Еще при жизни Бориса Ивановича они стали собирать о нем материал. По их просьбе он написал автобиографию, со мной передал ее и снимки разных лет. Сфотографировала места детства Б.И. Колесникова фотокор Л.И. Порошина. В музее о жизни прославленного земляка рассказывают большой стенд и выставленная книга «О времени, о Норильске, о себе...». Презентацию книги, которая заинтересовала землячество норильчан, организовали заместитель директора Минусинского краеведческого музея Елизавета Михайловна Лясковская и заведующая библиотекой Тамара Авергиевна Лоненко. На презентации книги воспоминаний норильчан выступил председатель Минусинского землячества Н.Н. Михайлов. Он с теплотой вспоминал Б.И. Колесникова: встречался с ним на никелевом заводе, где работал в плавильном цехе.

— Если что случится на рудно-термической печи, первым на завод приезжал Борис Иванович, дирек-

тор комбината, другие — после него... И это хоть ночью, хоть в четыре утра, хоть днем. И что удивительно, — рассказал Н.Н. Михайлов, — мы никогда не слышали фразы: «Разберитесь и доложите!» Нет, он все хотел понять сам. При этом никакого крика, во все вникал спокойно.

Я слушал Николая Николаевича и вспоминал наш школьный девиз: «Знать, хотеть, уметь и сделать!» Борис следовал ему всю жизнь. Вот так встречи в школе, музее, землячестве норильчан в Минусинске родили идею установления мемориальных досок в школе, где учился Колесников, и в доме, где он провел детство. Руководитель АСК «Тесь» Николай Петрович Жданов расходы на изготовление досок взял на себя. Администрация г. Минусинска одобрила инициативу норильчан и руководителей школы, музея. Жизнь Бориса Ивановича Колесникова — достойный пример для молодежи.

... В декабре 2002 года мы провели весь день у Бориса Ивановича (а накануне он побывал у меня в г. Долгопрудный). Вечером он вышел меня проводить.

— Давай руку! — сказал так, как будто предчувствовал недоброе. Мы пожали друг другу руки. — Вот полечусь, и в Минусинск съездим.

Но побывать в местах своего детства Борис Иванович не успел... Это была наша последняя встреча...





*Михаил Георгиевич Васильев.  
60-е гг.*



**Михаил Васильев:**

*«Борис умел быть другом...»*



*Студенты Норильского горно-металлургического техникума.*

*Внизу справа — Михаил Васильев,  
вверху третий справа — Борис Колесников*



**Я** родился в селе Межево — это в 90 км от Красноярска. Через три года после моего рождения, в 1930 году, моего деда раскулачили. Мы жили отдельно от него, моя мать была из батраков. И все же клеймо «сын кулака» и начавшаяся паспортизация вынудили семью уехать сначала на остров Попов в бухте Золотой Рог, потом в уссурийскую тайгу на реку Бикин. В 1935 году мы оказались в Забайкалье, где отцу наконец-то удалось получить паспорт — для этого ему пришлось «помолодеть» на 6 лет. И все же миновать беды отцу не удалось. В 1937 году в селе Харауз (это 30 км от Петровска-Забайкальского) отца арестовали. В то время он занимал должность председателя сельсовета, был кандидатом в члены партии. Вместе с ним арестовали и председателя колхоза Геникова, бывшего командира партизанского отряда, награжденного именным оружием. Партизана и председателя расстреляли, отцу «повезло» больше — его осудили на 10 лет по 58-й статье за то, что он «травил колодцы в Заполярье». Доказательствами никто себя не утруждал...

Родственники забрали нас в Красноярск. В 1935 году я пошел учиться. Помню, что писать приходилось между строк на газетной бумаге... Жили мы, как почти все тогда, — бедно и плохо. Летом 1940 года отцу повезло еще раз — его освободили, сняли с него судимость. Но от греха подальше семья, воссоединившись, уехала жить в Игарку. Здесь я учился в ремесленном училище № 8. Обучение совмещал с работой в судоремонт-



*Эти фотографии Борис Колесников прислал своему другу Михаилу Васильеву из Свердловска. На них он среди студентов Уральского политехнического института*

ных мастерских ЕНУРПа. Летом 1943 года я участвовал в ремонтных работах на теплоходе «Революционер» — судно подбил на острове Диксон немецкий крейсер «Адмирал Шеер». Тогда в Игарке похоронили погибшего под обстрелом моряка.

В октябре 1943 года нас, ремесленников, везли работать на материк. Вместо недели на разных судах с пересадками плыли месяц. В дороге очень голодали, так как питания с собой дали на неделю. Доплыли до села Атаманово, отсюда трое суток добирались до Красноярска. Всю войну я страдал острым малокровием из-за недоедания, бывало, терял сознание во время работы.

В Красноярск из Коломны эвакуировали патефонный завод — он стал военным, выпускал зенитные, сухопутные и морские пушки, минометы, авиабомбы (большого калибра), мины. Здесь я в числе 40 тысяч человек работал в две смены. Смена длилась 12 часов. Выходной полагался раз в месяц, каждое первое число. В ноябре и мае мы отдыхали по 2 дня, но в предыдущий месяц при этом не отдыхали совсем.

Когда все 48 цехов переходили на новую продукцию, для всех объявлялось на одну-две недели казарменное положение. Это означало, что никто не уходил домой, пока не был выполнен заказ. Мы спали на койках прямо в цехах по 3–4 человека. Питались по дополнительным талонам. Один раз непрерывно без сна я проработал 36 часов!

На восьмичасовой рабочий день и еще недельные выходные мы перешли в августе 1945 года. Отпуск за неиспользованные выходные в военные годы составлял две недели в год — отсчет начался в 1946 году. Взамен паспортов нам выдали удостоверения — по ним ни один военкомат не мог при-

звать нас в армию (хотя желающих было много). Трудовая дисциплина была строгой, за опоздание на работу даже на 5 минут (нарушение фиксировали на 48 проходных) из зарплаты в течение полугода высчитывали 15 %, за второе опоздание 20 %, после третьего лишали свободы.

Возле завода, где я работал, открыли школу вечернего обучения. Я пошел учиться в 7-й класс. Из нашего цеха я был один желающий пойти в школу, и поэтому мне всячески мешали. Я хотел уволиться — не отпускали. Пришлось по согласованию с приемной комиссией техникума г. Норильска буквально сбежать. Заполярье прельстило меня тем, что сразу после приема документов абитуриенту выдавали бесплатный (и огромный по тем временам!) продовольственный паек. Воображение покорила и килограммовая банка американской колбасы из ондатры — на банке был рисунок. Кроме того, мне предоставили бесплатную возможность добраться до Дудинки и Норильска.

Поскольку мне пришлось решать вопрос с увольнением, я попал в последнюю партию, которая отправлялась из Красноярска 8 августа. В этой партии оказался Б.И. Колесников из г. Минусинска. Он выделялся из всех тем, что был одет в потертую кожаную куртку, галифе и простые тапочки. В Дудинке на пристани наш пароход встретил сам директор комбината А.А. Панюков. С Борисом Ивановичем ближе мы познакомились во время сдачи приемных экзаменов. Мы с ним помогали решать задачи по математике рядом сидящим абитуриентам после того, когда выполнили свои задания. Нас зачислили в одну группу металлургов, где мы учились четыре года. Преподавательский состав техникума состоял главным образом



*Перед выпуском из техникума. 1949 г.  
Внизу первый слева — М. Васильев, в четвертом ряду четвертый слева — Б. Колесников*

из заключенных — кандидатов и докторов наук Москвы и Ленинграда. Борис учился на одни пятерки (исключение один раз составила оценка по минералогии), причем он никогда не занимался дома. Мне никогда не приходилось встречаться с таким феноменом.

...Здесь нас поселили в бараках, где раньше жили заключенные. В одной секции спали 40 человек. Началась сытая и интересная жизнь. По окончании последней сессии в феврале 1950 года пять человек, отличников учебы, направили на практику на Пышминский медеплавильный завод — готовили к пуску анодное отделение медного завода, нас послали поучиться у уральцев.

Кроме меня в группу вошли И.А. Аникеев, фронтовик, Б.И. Колесников, Г.М. Константинов и А.И. Панов. Руководил производственной практикой Ювеналий Прокопьевич Купряков, выпускник Иркутского политехнического института. С марта по октябрь мы работали плавильщиками. В июне сдали экзамен заводской квалификационной комиссии — она официально присвоила нам квалификацию плавильщика. В июне–июле мы перешли на Кыштымский медеэлектролитный завод Челябинской области — здесь перерабатывали завезенную туда из Норильска партию черновой меди. Сюда приехали и наши металлурги, их практика проходила уже под нашим наблюдением. В результате были аттестованы старшими плавильщиками Н.Криворучко, Д.Сергеев, А.Диметрюк, В.Пащев, в качестве разливающих — Ю.Никитин.

В ноябре всем коллективом возвращались в Норильск через Красноярск. Из-за нелетной погоды сидели поочередно в Курейке и Туруханске.



*Руководители плавильного цеха медного завода. 1957 г.*

Долетели только до Дудинки, заблудились в норильском небе, вернулись и от порта до места назначения добрались поездом.

На заводе сразу приступили к строительству анодной печи. Строителями были каторжане (срок заключения 25 лет) — они работали по 12 часов с одним выходным в месяц и совсем не походили на врагов народа, напротив, мы чувствовали, что они преданы советской власти, как и все мы. Печи строили под открытым небом. Одновременно возводили здание цеха. Металлоконструкции монтировали с помощью лебедок, а кирпич подавали вручную на всю высоту цеха. Будущих работников переделов набрали из уголовников — каторжане не имели права работать на эксплуатации.

В начале декабря начали разогрев печей. Главной задачей было получение из анодной меди катодной — это событие приурочили к 21 декабря, дню рождения Сталина. Вообще-то первые аноды

отлили 8 декабря. Но из-за плохого качества меди аноды были без ушей и весом около 600 кг (вместо 250 кг), поэтому самодельные уши прикрепили с помощью болтов.

Процесс осваивали два года, мы работали без выходных, поэтому дипломы защитили только в 1952 году. Потом была пущена вторая анодная печь. Так был завершен период первоначального освоения процесса огневого рафинирования. Из-за постоянной загруженности коллектива захламленность передела была ужасающей: гора из отработанных огнеупоров, никелевого шлака доходила до 6 метров. В конце 1952 года нас с Борисом направили на создание опытного передела по получению слитков из катодной меди для прокатного производства. Эту задачу мы решили к лету 1953 года.

Борис умел быть другом, всегда был готов прийти на помощь — об этом его не надо было просить, он все замечал и понимал сам. Я бывал у него в Минусинске, мы рыбачили, отдыхали, высокие должности не портили его, он всегда оставался простым человеком.

Сам я по настоянию Бориса Ивановича в 1959 году поступил в вечерний институт и в 1965 году его окончил. Затем была заочная аспирантура, защитил кандидатскую диссертацию и посвятил себя научно-производственной деятельности.

В 1976 году по протекции Бориса Ивановича получил в г. Красноярске квартиру, куда и переехал в 1977 году. Однако до 1990 года работал на НГМК — участвовал в освоении плавки в жидкой ванне (ПЖВ) — печей Ванюкова.

Имею более 200 авторских свидетельств на изобретения и патентов. До сих пор занимаюсь внедрением своих разработок (содержу конструкторское бюро) в Приморском крае, Минатоме. Из-



бран членом-корреспондентом Инженерной академии. Ввиду того что я был сыном «врага народа», с которого сняли судимость, но не реабилитировали, я не был октябреньком, пионером, комсомольцем и членом партии — это, конечно, мешало моей карьере.

В феврале 1963 года мы по собственным чертежам запустили в работу планосъемную машину, которая позволила снизить длительность технологического процесса более чем в два раза. Соответственно снизилась и трудоемкость процесса съема шлака. Машина работает до сих пор. Мы с Борисом Ивановичем хотели зимой 2003 года отметить на комбинате эту дату — не удалось, 5 марта его не стало.



# Эдуард Григорьянц:

## *«...удивительный урок...»*

Весной 1963 года, как заместитель главного инженера горнорудного управления по буровзрывным работам, я был ответственным за подготовку первого самого крупного взрыва одновременно на двух карьерах — «Медвежьем» и «Угольном ручье». Директор рудника «Заполярный» Р.М. Крестников заранее согласовал время взрыва с главным инженером ГРУ В.И. Куриловым, ибо газы от взрывов проникали в выработки «Заполярного» — его приходилось останавливать на проветривание.

Для взрыва требовалось 880 тонн взрывчатых веществ. Подготовка ко взрыву шла планомерно. За два дня до взрыва я решил позвонить на базисный склад «медвежки» для уточнения сортов завезенных взрывчатых веществ и услышал ответ, от которого волосы встали дыбом. Вместо литого тротила привезли гра-



*Борис Иванович Колесников беседует с горняками. 1974 г.*

нулированный — это означало, что зарядка скважин остановится, а два рудника с заминированными блоками будут остановлены.

Звоню в Дудинку, дежурный отвечает, что уже отгрузили 5 вагонов, а что в них — не знает. Наконец нашел заведующего складом, который сказал, что только в одном вагоне литой тротил. Катастрофа!

Как к последней надежде обращаюсь в диспетчерскую комбината: прерывистым голосом прошу помочь. И тут слышу спокойный голос Бориса Ивановича Колесникова, в то время он был заместителем главного инженера комбината — начальником производственного отдела.

— Бери свой график и приезжай сюда, — командовал он.

Я приехал, доложил по существу проблемы. Борис Иванович поинтересовался, можно ли в Норильске найти замену литому тротилу. Толовыми пашками!.. Как я сам, растерявшись, забыл об этом?!

Надо сказать, что диспетчерская служба горнорудного управления времени тоже зря не теряла, на базе взрывчатых материалов в Дудинке и Норильске уже собрались бригады грузчиков и заведующие складами. Борис Иванович поднял начальника железнодорожной станции Дудинка и приказал немедленно два исправных вагона подать тепловозом на базовый склад, погрузить в них ВМ, доставить в Дудинку и первым же составом с ранее погруженными четырьмя вагонами до 3 часов ночи отправить в Норильск! Номера вагонов передали диспетчеру дороги и комбината. В 9 часов шесть вагонов должны быть в Норильске! Их надлежало поставить в хвост состава, чтобы потом быстрее подать на базу ВМ рудника «Медвежий ручей».

Спать в эту ночь не пришлось. В 4 часа ночи диспетчер железной дороги сообщил, что в районе Кайеркана идет плановый ремонт пути — движение откроется только в 8 утра. И тогда Борис Иванович дал команду начальникам ремонтного участка и станции



*Взрыв!*

Кайеркан — к приходу состава сшить «на живую» пути, отцепить два вагона с тротилом и руками потихоньку перекатить их через ремонтный участок. Далее тепловоз на норильской стороне эти два вагона «резервом» подать на «медвежку». Остальные 4 вагона взрывчатки было предложено отправить, как только откроется путь.

Через два часа нам сообщили, что два вагона благополучно прошли аварийный участок. Еще через два часа стало известно, что вагоны пришли на станцию Норильск. В 8 утра они уже стояли у ворот базового склада, а в 10 стали прибывать на зарядные блоки. Крупный взрыв на двух карьерах не был сорван.

Потом я узнал, что Борис Иванович следил за каждым часом движения вагонов, — вот почему этот сложный путь с препятствиями был пройден так благополучно. Это был удивительный урок в моей жизни: Борис Иванович показал, как надо мобилизовать силы, сохраняя выдержку и спокойствие, уметь четко организовать работу свою и других.

...Утром на оперативной планерке комбината он ни словом не обмолвился о ночном ЧП. Мы, причастные к нему, облегченно и с благодарностью вздохнули.

...В 1975 году выпускники Северо-Кавказского горно-металлургического института отмечали в Норильске 40-летие своего вуза. На торжество в ресторан «Таймыр» пригласили Бориса Ивановича Колесникова. Он тепло нас поздравил, сказал, что, как директор комбината, просто не мог не прийти — так много выпускников СКГМИ трудится в Заполярье. Борис Иванович вспомнил ветеранов металлургии, тепло общался с нами... А я никогда не забуду урок, который он преподавал мне в ночь доставки взрывчатых веществ на рудник.



## Михаил Махновецкий:

### *«Педагогический смысл сапог...»*

Я уже знал, что в конце месяца (через недели две) перейду на медный завод заместителем директора по общим вопросам. Торопился завершить дела в Медьстрое, когда неожиданно поступила команда прибыть с утра в субботу на медный завод на планерку. По-весеннему было тепло, солнце всю светило... Перед управлением медного завода собралось много руководителей предприятий комбината. Ждали директора. Он не заставил себя ждать. Вскоре подъехала машина, из нее вышел Борис Иванович Колесников... в резиновых сапогах. Педагогический смысл сапог мы поняли почти сразу, когда пошли за ним по территории завода, где журчали бурные ручьи талого снега, стояли глубокие лужи... Мы шли за ним в туфлях, ступали по грязи и воде, пока Борис Иванович не остановился возле большой кучи грязи, черного снега, мусора у цеха электролиза меди и не спросил грозно:

— Где Махновецкий? — Я выступил вперед. — Когда будешь убирать все это?

— Борис Иванович! — удивился я. — Я еще из Медьстроя не ушел...

— Почему? Завтра же приступить к своим обязанностям на медном заводе!

Назавтра было воскресенье, но в понедельник утром я вышел на новое место работы. Казалось бы, ругать меня было не за что, но этот эпизод был вполне в духе Бориса Ивановича Колесникова. Он знал, что после этого эпизода без лишних напоминаний, без официальных предписаний все руководители веду-

щих служб комбината немедленно проконтролируют уборку своих производственных территорий после долгой зимы. Это всегда было очень серьезной проблемой в Норильском промышленном районе: если не вывозить снег и грязь, подсохших дорог и площадок так и не будет — до первого снега. Только он способен без участия человека скрыть огрехи хозяина...

Помню еще одно утро на медном заводе... К XVII съезду комсомола мы обязались запустить конвертер. Торжественный срок приближался, а у нас готовности нет — неделю мы с главным инженером Сибтехмонтажа Киосевым не выходили из цеха. А ночью и вовсе случилась непредвиденная ситуация (вот что значит авральная работа!), а утром уже назначен митинг. В общем, временный выход все же нашли, решив, что после праздничных рапортов и торжеств сделаем все как полагается в спокойной обстановке. К утру мы с Киосевым так устали, что еле живые вышли во двор покурить. Сели на землю и не заметили, как уснули... Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Открыл глаза — Борис Иванович улыбается.

— Зажгли конвертер?

— Зажгли, — отвечаю.

— Пойдем — покажешь.

Киосев так и не проснулся, а мы пошли на восьмой конвертер (тогда он был седьмой). Видно было, как Колесников рад... Уходя, он еще раз тепло поблагодарил меня, сказал, что пришлет свою машину:

— Езжайте домой отдыхать!

Тут и Киосев открыл глаза... В общем, от машины мы отказались. Борис Иванович уехал на митинг в старый город, а мы помылись и вместе с товарищами хорошо отметили свою трудовую победу в честь съезда ВЛКСМ. И только поздним вечером мы добрались до дому. Вот уж когда мы отоспались...



## Анатолий Козлов:

*«...он все хотел знать сам — не с чьих-то слов»*

Я работал в подрядной организации «Сиб-энергоцветмет» на ТЭЦ-1. Конец месяца. Надо «закрывать» рабочим зарплату, а акты формы-2 от Норильского комбината так и не поступили. Я поднялся из котла и направился к технику-учетчику Гале. Это был последний день, когда можно



*Сколько было митингов и выступлений в жизни директора Норильского горно-металлургического комбината Бориса Ивановича Колесникова... Сколько подобных снимков хранится в семейных альбомах норильчан...*



было оформить документы. Получив от нее неутешительный ответ, я, в каске, грязной одежде, сел в грузовую машину и поехал в управление комбината. Наши бумаги должен был подписать тогда главный инженер Борис Иванович Колесников. На счастье, он оказался на месте. Посмотрел на мой вид, взял акты формы-2 и молча подписал их. Я успел вернуться к себе до конца рабочего дня. С тех пор при встрече с Борисом Ивановичем обязательно улыбались: оба вспоминали тот случай. А уж как его помнят те, кто подвел своего руководителя, можно только догадываться. Хотя уверен, крика или какой-то другой громкой накачки они не слышали. Б.И. Колесников был образцовой выдержки человеком.

Директор комбината всегда спокойно вел производственные совещания. Например, на медном заводе стояла на ремонте печь. В 8 утра Борис Иванович присутствовал на ежедневных планерках. Но до их начала он шел к печи, интересовался, что там и как, — тогда ситуация менялась каждый день. Было заметно, что он все хотел знать сам — не с чьих-то слов. Планерки Б.И. Колесников проводил немногословно, порой у меня создавалось впечатление, что это и не он ее ведет, а дело как-то очень разумно идет само. Я видел директора на планерках до тех пор, пока не запустили отражательную печь на медном заводе...



## Ирина Андросова:

*«... своим спасителем считаю  
Бориса Ивановича...»*

Как-то под настроение я стала перебирать старые норильские фотографии и вспомнила рождение клуба туристов «Таймыр» в 1963 году, первый слет на реке Амбарной... Какое это было романтическое время, удивительное знакомство с красотами природы Заполярья!.. На глаза мне попала и заметка из «Заполярной правды». Вот она.

### Помощь пришла вовремя

В один из выходных дней мы с товарищами из отдела главного механика комбината были на Черногорке, катались с гор на лыжах. И. Хаустова, съезжая с горы на большой скорости, упала и ударилась о листовницу. Требовалась срочная медицинская помощь.

Сообщили о несчастье ответственному дежурному геолого-

разведки В. Важову и главному диспетчеру комбината Б. Колесникову. Немедленно на Черногорку были посланы вездеход и вертолет. Пострадавшая была доставлена в больницу.

А. ИВАНОВ.

Пострадавшая И. Хаустова — это я. Может, кому-то покажется этот случай незначительным, но только не мне. Черногорка находится на солидном расстоянии от Норильска, травму я получила серьезную, крови потеряла немало... Это случилось в ночь на 1 мая. В праздничный день отдыхают даже врачи, можно представить, как мы волновались, выходя на связь с диспетчерской комбината! Нас очень скоро известили, что послали вездеход, но первым до нас добрался вертолет. Борис Ивано-

вич Колесников связался с летчиком, и тот повернул к Черногорке. Вездеход прибыл позже, и, как оказалось, не напрасно: еще одну травму получил лыжник, его тоже повезли в Норильск.

Вертолет сел в районе плавательного бассейна — тогда там еще был пустырь. Его уже ждала «скорая помощь» — в больнице меня принял наш замечательный хирург Карпушин. Здесь меня лечили 6 недель. С той поры своим спасителем считаю Бориса Ивановича Колесникова. Казалось бы, главный диспетчер комбината отправил к месту происшествия вездеход, что еще? Но нет, его не покинуло беспокойство за жизнь человека, ведь он понимал, с какой скоростью вездеход по майской тундре доберется до Черногорки и обратно... И когда стало известно, что к аэропорту Валек направляется вертолет, он попросил командира экипажа взять на борт пострадавшую, то есть меня.

Среди старых туристических фотографий я увидела исторический очерк «Клуб туристов «Таймыр». Его написал еще в Норильске турист с большим стажем Игорь Яковлевич Эпштейн (с 1999 года живет в Израиле). Вообще-то до сих пор нет единого мнения о том, когда родился норильский клуб туристов: одни называют осень 1963 года, другие — весну 1967-го. Он вырос как любительское объединение при Дворце культуры комбината. Первый официальный документ, хранящийся в архиве клуба, датирован 1965 годом — это план работы из 17 пунктов. Тогда клуб еще не имел названия... Впервые туристы собрались на свой вечер в зале музыкального училища — тогда играл эстрадный оркестр, а на стене висел лозунг: «В коммунизм — через туризм!» Сегодня это звучит забавно...

В начале 60-х открытие Талнахского месторождения дало новый толчок развитию туризма. В Норильск прибыли выпускники Северо-Кавказского горно-металлургического и Московского горного институтов. Многие из них еще в студенческие годы хо-



*На речке Валек. Конец июня 1969 г.*



*На переднем плане Ирина Андросова, сидят рядышком супруги Альбина Королева и Валерий Кравец. Ергалах, 1967 г.*

дили в походы. Таймыр был туристической целиной, и каждый считал за счастье попасть сюда...

...Конечно, туризм в Заполярье был и до 1963 года, его печальные следы навеки остались на реке Ергалахе — здесь стоит памятник туристам, погибшим на слете в 1956 году... И исторический очерк Игоря Яковлевича Эпштейна, и старые фотографии, и заметка «Заполярной правды» как бы вернули меня в 1964 год, когда я так неудачно съехала на лыжах с большой горы. И снова я испытала чувство благодарности к Борису Ивановичу Колесникову, отзывчивому человеку и замечательному директору Норильского комбината. Недаром про него говорили: поможет без лишних слов. И также на планерках: слушает, слушает перепалку подрядчиков, субподрядных организаций и прервет их своим негромким, но твердым голосом: к такому-то сроку должно быть то-то и то-то. И все знают — сам проверит исполнение своего решения...



# Надежда Тепнадзе,

директор городской киносети (1973–1996 гг.):

*«...просто свой человек!»*

Если количество проданных на киносеансы билетов поделить на число людей, населяющих Норильский промышленный район, получится показатель, который определяет посещаемость кинотеатров. В 70–80-х годах он в Норильске был значительно выше, чем по стране: 30 против 12–17. О билетах в кино приходилось заботиться заранее... Вот почему строительство нового, современного кинотеатра приветствовали все, следили, как скоро росли его стены... Городские власти взяли под него ссуду 1 миллион 800 тысяч рублей, но уложиться в эту сумму не сумели. Реальным хозяином в городе, не в обиду будь сказано исполкому горсовета, всегда был Норильский горно-металлургический комбинат. Ни одно заседание исполкома не проходило без участия первых руководителей НГМК, часто это был Борис Иванович Колесников. Без его личного одобрения и помощи вряд ли открылось бы столь крупное учреждение культуры.

Борис Иванович внимательно следил за стройкой. Когда началась внутренняя отделка здания, стало ясно, что либо это будет дешевый типовой вариант, либо на его оформление надо добавлять деньги. Борис Иванович обошел стройку, выслушал всех специалистов, потом проверил все расчеты и вынес решение о дополнительном финансировании. Как хороший хозяйственник, думающий о людях и их будущем, он распорядился, чтобы кинотеатр был оформлен красиво, был удобен для зрителей. Для оформления фасада пригласили московского скульптора Зураба Церетели — ему заказали витражи. Он даже представил их эскизы. Но то ли сложность за-

каза не вписалась в его планы, то ли другая причина помешала участию скульптора... Все решили делать своими силами. За проект срочно взялись наши художники Палей и Васильков. Им предоставили полную творческую свободу, разрешили использовать дорогие строительные материалы. И наши творцы постарались... Саянский мрамор, удобные, мягкие кресла в зале, уютный свет и прекрасное оформление фойе, кинозалов, сцены сразу по достоинству оценили норильчане. Предусмотрели не только красоту внутреннего убранства кинотеатра, но и новую технику: кинооборудование со стереозвуком, широкоформатный показ лент. Тогда это было последнее слово в кинотехнике — она позволила брать для демонстрации новые фильмы на 70-мм пленке, обычные и узкоплёночные. Так улучшились возможности кинопоказа в Норильске.

Кинотеатр сдали в эксплуатацию в кратчайшие сроки — через полтора года с начала стройки он принял зрителей. Первый сеанс был торжественным, но не без курьеза. Его открывали глава города, как сейчас бы сказали, Юрий Михайлович Смолов, директор комбината Борис Иванович Колесников. Только он поднялся на сцену, подошел к микрофону, как погас свет. Все замерли в темноте — так продолжалось чуть больше минуты, а потом снова загорелись светильники, заработал микрофон...

— Наши строители, — сказал с улыбкой Борис Иванович, — как вечные студенты... Им тоже не хватает перед экзаменом одной ночи...

Зал засмеялся, обстановка разрядилась... Борис Иванович был просто свой человек! Он никогда не был неприступным начальником или необъективно строгим... Открытие кинотеатра пошло своим чередом... Закончилось торжество мини-банкетом в подсобке. Подняли тост за строителей. Борис Иванович и здесь был свой человек — выпил водки со всеми, без пафоса сказал еще раз добрые слова строителям (а они срабатывали не благодаря, а многому вопреки!) и помечтал:

«В ближайшем будущем оформим площадь возле кинотеатра, назовем ее в честь металлургов...» Тогда об этом я слышала впервые.

Кинотеатр «60 лет Октября» с первых дней и до конца своей жизни возглавляла Марта Романовна Домникова. А название не то что не прижилось, но между собой кинотеатр часто называли по-другому: шесть-ноль.

Ссуду на строительство кинотеатра мы погашали банку пять лет — залы кинотеатров Норильска всегда были полны зрителями... Единственное, что неприятно отразилось на работниках киносети, — отсутствие премий на такой же срок. Не без ходатайства Ю.М. Смолова и Б.И. Колесникова мы получали новые фильмы напрямую с копировальных фабрик, и это тоже помогало нам максимально перевыполнять свои финансовые планы...

А теперь еще об одном кинотеатре. Архитектор города Лариса Григорьевна Назарова заразила нас своей идеей привести в первозданное состояние кинотеатр им. Ленина. По сути, до сих пор стоит центральная часть здания без боковых крыльев, где должны быть просторные фойе. Вернулись к первоначальному проекту и обратились как к последней инстанции — к Борису Ивановичу Колесникову с просьбой нас поддержать.

— Сколько будет стоить исторический замысел? — первое, что спросил директор.

— 700 тысяч.

Борис Иванович был не против архитектурной красоты, но деньги на нее надо было вытаскивать из премиальных денег работников комбината... И рачительный хозяин снова победил в Борисе Ивановиче, как тогда, при строительстве нового кинотеатра... 700 тысяч оказались слишком дорогой ценой за восстановление исторического проекта...

Но когда зашла речь о новом помещении для кинопроката, Борис Иванович без колебаний решил вопрос положительно: 14 тысяч пленок (солидный



киноархив!) разместили на первом этаже нового дома на улице Кирова.

23 года моей работы в норильской киносети были временем интересной творческой жизни. Очереди на сеанс, поиски лишнего билета были обычными тогда. А воскресные сеансы «В кино всей семьей»! Всю неделю мы готовили двухчасовую программу для взрослых и детей из мультфильма и фильма, викторины или каких-то интересных игр в фойе. Штаб Всесоюзного соревнования кинотеатров назвал нас инициаторами новой формы воскресной работы с населением. А как норильчане стремились попасть в кино клуб «Ракурс», который возглавляла Татьяна Ивановна Марчевская! Здесь обсуждали фильмы, вели интересные беседы о картинах — этот клуб и сегодня жив и объединяет многих любителей кино. Лучшего комплимента создателям и организаторам кино клуба просто не может быть... А сама киносеть Норильска всегда была лучшей в Красноярском крае, была она и участником выставки на ВДНХ.



*P.S.* Надежда Гавриловна Тепнадзе собиралась написать историю жизни кинотеатров, проката, любительских кинообъединений Норильска, в который она приехала по окончании Ленинградского института киноинженеров и который покинула в ранге пенсионерки. Увы, ее планам не суждено было сбыться: в феврале 2004 года ее сердце остановилось...



*Александр Давидович Горр*



**Александр Горр:**

*«Их главная должность —  
Человек»*



*Мемориал Славы воинам-сибирякам в районе г. Белый*

## ЧЕРНЕНКОВЫ

**В** общей сложности Черненковы в Норильске работали более 150 лет. Началось с того, что Владимир Черненковы приехал работать на Норильский комбинат после армии. Потом он перетащил в Заполярье своих шестерых сестер. Недавно с Владимиром мы встретились на Озере Белом, где я живу и куда он приехал на отдых в санаторий.

Я был рад встретиться с норильчанином, разговорились, вспомнили родной северный город, а общих знакомых у нас много. Владимир Черненковы долгие годы работал водителем на хлебозаводе, которому в годы, когда я возглавлял торговлю, всегда уделял приоритетное внимание. Владимир рассказал о своей многодетной семье и ее главе — Григории. Я слушал его и все больше понимал, что именно на таких людях, как Черненковы, держится наша страна, а корень ее — отец, переживший две войны, плен, тяжкий труд в колхозе, а значит, бедность...

В поисках лучшей жизни семья Черненковых еще до революции переселилась из Смоленской области в Сибирь и обосновалась в деревне Березовке Ирбейского района Красноярского края. Здесь и родился Григорий-старший, вырос. Пережил коллективизацию, вступил в колхоз, где проработал всю жизнь. Григорий рано потерял жену, женился во второй раз. Мачеха, как настоящая мать, любила детей, всех поставила на ноги.

Жили трудно, заработки в колхозе были маленькими, хотя трудодней (в народе их прозвали палочками) зарабатывали много. Но они позволяли разве что прокормить для семьи три десятка кур да поросенка. Поэтому жизнь с особым усердием заставляла работать на приусадебном огороде — выращивали картофель, капусту и другие овощи.

В зиму, как правило, входили с коровой-кормилицей, в достатке заготавливали сено. Осенью забивали вскормленного за лето бычка, и на какое-то время в рационе семьи появлялось мясо. Хранить его было негде, поэтому в деревне сложилось правило — дворы забивали скот поочередно, делились между собой.

Еще сложнее было с одеждой, которую покупали в райцентре Ирбея. Порой приходилось рабочие сапоги, ботинки носить по очереди. Самой распространенной из верхней одежды была телогрейка.

Дети учились в школе, расположенной в соседней деревне, — 6 километров каждый день и в стужу, и в сылякоть ходили пешком. Вечерами собирались в небольшом клубе, событием становился приезд кинопередвижки. Обычно картину смотрели много раз, отдельные моменты запоминались в подробностях, их долго пересказывали друг другу.

В семье добавилось трудностей, когда Григория забрали на войну с финнами в 1939 году. Известно, что поворотным итогом в этой войне стало участие с нашей стороны воинов-сибиряков. Они в условиях бездорожья, большого снега, сильных холодов проявляли наибольшую выносливость, смекалку. Встав на лыжи, разбирались с «кукушками» на деревьях. Среди сибиряков был и Григорий Черненко.

Это было настоящее чудо — с финской войны Григорий пришел целым и невредимым. Он мало рассказывал о непонятной войне, не любил вспоминать о том, что пришлось на ней пережить.

Среди жителей деревни Григорий пользовался особым уважением. Способный мастеровой человек помогал людям чем мог. Запросто решал задачи для учащихся старших классов, хотя сам имел за плечами 4 класса сельской школы. Он умел поддержать в трудную минуту и вдову, и товарища. Организаторские способности позволяли ему много лет возглавлять бригаду на сельхозработах — от посевной до убороч-

ной кампании. Учет труда каждого, расход нефтепродуктов — все лежало на нем. Работал, как все селяне, с раннего утра до позднего вечера.

Любил он после длинной рабочей недели помыться в бане, истопленной по-черному, попариться березовым веником, а зимой еще и поваляться в снегу. После бани его ждала простая еда: соленые огурцы, капуста, грибы, картошка в мундире, сало домашнее, хлебный квас и... бутылка «Московской». Первый стакан он пил сразу после парилки, немного закусывал, а затем продолжал в свое удовольствие. Привычка пить граненый стакан оставалась у него, пока позволяло здоровье. На свадьбе одной из дочерей его как почетного человека усадили на видное место, перед ним поставили красивую рюмку с водкой. Свадьба веселилась, а Григорий сидел и не пил.

Сын понял, на что обиделся отец... Владимир пытался убедить его, что стакан ставить на стол неудобно... «Тогда нечего было звать меня», — ответил Григорий. Пришлось уступить его желанию и подать стакан.

И снова война, в 1941-м его забрали на фронт в числе первых. Он опять воевал плечом к плечу с сибиряками, был рядовым солдатом-стрелком. Долгие три года он провел на передовой, их редко отводили на вторую линию помыться, отдохнуть. В один из тяжелых боев Григория сильно контузило, раненный, он попал в плен к немцам. В лагерном деле упоминалось его знание сельхозработ, поэтому его направили работать к фермеру, где он стал разводить лисиц. Их еда иногда была и его едой. Здоровье Григория ухудшилось, он сильно похудел, стало плохо со слухом...

Здесь, в Голландии, и застал его конец войны. Всех пленных собрали в лагеря и без долгих проволок союзники передали нашим военным. Радости не было предела. Наконец-то домой! Родина встрети-

ла Григория закрытым лагерем, который назывался фильтрационным. Как ни странно, но он довольно быстро прошел проверку в органах и получил право вернуться в родные места, в деревню Березовку. На всю оставшуюся жизнь ему приставили клеймо «был в плену». Отсюда и отношение власти — время от времени она давала понять: «не высовывайся».

Григорий вновь взялся за работу. Мужиков с войны вернулось мало, женщины и подростки тяжело работали под лозунгом «Восстановим народное хозяйство в короткие сроки!». Ежегодные займы, налоги государства, особенно натуральные сборы с каждой животного молока, яиц, мяса, даже шкуру забитого поросенка следовало сдавать заготконторе... Все это необычайно затрудняло жизнь.

Григорий был ведущим трактористом — пахал, бороновал, сеял и убирал урожай. С раннего утра до позднего вечера работал в поле. Бывали у него и срывы — подводила «Московская». В этих случаях на трактор садился подросший Володя и работал за отца. Как ни билась семья, концы с концами сводили с трудом.

Пришло время, и Владимира призвали на службу в армию. У отца прибавилось забот. Вместе с воинскими документами Владимир наконец-то получил долгожданный паспорт (сельские жители его не имели) и вместе со сверстниками подался на Север, в Норильск. И надолго остался в этом городе.

В Норильском промышленном районе бурно развивались строительство, горная и металлургическая промышленность. Разрастались город и его спутники Талнах, Кайеркан. Остро не хватало рабочих рук. Комбинат создал службу, которая выезжала в воинские части и приглашала работать на Крайний Север демобилизованных. Выпустили брошюру об условиях труда, быта в Норильске, о льготах северян. Тысячи ребят в форме прибыли в Норильск.



Через какое-то время иные возвращались в родные края, но немало военнослужащих запаса оставались работать. Среди них был и Владимир Черненко. Он стал шофером (военная специальность), на автофургоне развозил по магазинам и столовым хлеб. Вот где сказались его работоспособность и дисциплина. Доставка хлеба — дело вроде простое, но вместе с тем и очень ответственное. В мороз и пургу не всегда машина выдерживала — это человеку все нипочем. Соблюдение расписанного по часам графика доставки хлеба на предприятия (кольцевой завоз водители в шутку называли петлявым) было делом сложным. Но Владимир справлялся. Он одним из первых внедрил ночной завоз хлеба в магазины, часто помогал разгружать хлеб, хотя это не входило в обязанности шофера, всегда ладил с напарниками.

На хлебозаводе самый трудный передел — складирование и подготовка муки к производству. На этой тяжелой работе (мешки по 70 кг) грузчики долго не задерживались. Разве что Лева, который с юмором говорил, что он единственный еврей на всю страну, проработавший более двадцати лет грузчиком. С виду небольшого роста, он был очень силен, запросто подавал мешки к бункерам транспортеров, обеспечивая бесперебойную доставку муки в цехи завода. На спор он поднимал два мешка муки. В перерывах любил перекусить теплой булкой хлеба со сливочным маслом. «Настоящий бутерброд», — любил он говорить. Володя и Лева, два трезвенника, были дружны, вместе сглаживали разные неурядицы по работе.

Уже находясь на пенсии, я встречался с Левой на Озере Белом — он отдыхал здесь с женой. Вспоминали сослуживцев, расширение завода, он, как высококлассный товаровед, знал сорта муки, лучшие мелькомбинаты страны. Мы вспомнили и такую историю. На заводе, в бытность директором Василия Максимо-

вича Кривоспицкого, вопреки строгому запрету производили брагу и распивали ее под видом кваса. Все знали об этом, а найти емкость, где бродила брага, не могли. Продолжалось это довольно долго, пока сами рабочие не проговорились. К общему удивлению, под емкости браги приспособили пожарные огнетушители, которые находились на самых видных местах. Вот смеха-то было!

...И сегодня в Норильске живут Черненковы — три дочки, внуки и внучки Григория. Когда он приезжал в гости, это был для них настоящий праздник. Недолго продолжались эти счастливые встречи — сказались две войны, тяжкий труд старшего из рода Черненковых. Григория похоронили в его родной деревне Березовке.

Летом 2002 года я вспомнил Григория Черненко-ва, когда побывал в тех местах, где зимой 1941 года под Москвой воины-сибиряки остановили фашистов. В память об этом сооружен замечательный памятник. Главный инициатор памятника под Москвой — Владимир Иванович Долгих, председатель правления Красноярского землячества, председатель Московского городского совета ветеранов. К строительству памятника он привлек сибиряков Красноярского и Алтайского краев, Томской, Тюменской, Новосибирской, Кемеровской, Московской и других областей нашей страны. В строительстве участвовали и благодарные москвичи. «Норильский никель» тоже внес свой, и немалый, вклад в это благородное дело: памятник создан из норильской меди, а это ни много ни мало 15 тонн...

К мемориалу воинам-сибирякам едут и идут люди, чтобы почтить память тех, кто сражался за Москву, кто в нелегких боях отстоял независимость Родины. Среди них был и Григорий Черненков, сибиряк...

## ПОТАПОВЦЫ

**Н**есмотря на то что я был очень близок, крепко дружил с большой семьей Миргуновых, — их появление на Севере так до конца и не познал. Они упоминали Туруханск, Подкаменную Тунгуску, одинокий большой дом на берегу Енисея в 30 км южнее с. Потапово, по карте обозначено «Протока». Ну и, наконец, станок Потапово, куда семья переехала после большого пожара на Протоке. Здесь на берегу реки они вновь построили большой дом, жили вместе, а по мере взросления детей, разъезжались кто куда. Истинно русские, красивые, симпатичные и рослые люди несли в себе что-то кавказское — широкие глаза, у многих нос с горбинкой. Порядочность и трудолюбие отличали их. По существу это были две семьи двух родных братьев — старшего Василия Михайловича и Алексея Михайловича.

Василий Михайлович в начале 40-х годов работал сторожем, а к концу войны не работал, мало двигался, весной в хорошую погоду частенько сидел на завалинке с неизменным березовым посохом. Очень приветливый, открытый старик преображался и становился хмурым, даже злым, когда сыновья Михаил и Иннокентий подшучивали над ним. Повторялось это каждый раз, когда, захмелев от самодельной браги, он затягивал любимую песню: «Хас-Булат удалой!..». Сыновья прерывали песню и напоминали ему годы становления советской власти в Туруханском районе. Как он, приспособившись к менявшейся власти, пошил себе суконный кафтан (сокуй) из красного сукна с белой подкладкой. Показывая свою лояльность к новой власти, он успевал сориентироваться и встречать ее одеждой надлежащего цвета. Василий Михайлович замолкал, вспоминая далекие годы молодости. Умер он тихо в один из солнечных весенних дней, сидя на улице, подперев палкой подбородок.

Клан Василия Михайловича продолжили дочь Капитолина, сыновья Константин, Михаил, Владимир, Алексей, Иннокентий, Аркадий. Все заядлые охотники и рыболовы. Досконально знали уголья тундры, рек и речушек, озер, благодатные места на Енисее. В урожайные годы заготавливали бруснику, морошку, голубику, грибы, дикий лук, черемшу. Без моторов, «ручной тягой» они обживали участки Енисея вдали от Потапово. К примеру, поднимались по реке Хантайке, к порогу, где построена сейчас ГЭС. Ловили там хариуса, тайменя, а в устье осетров, стерлядь. Берега реки Хантайки богаты черной и красной (кислица) смородиной. Можно себе представить, сколько сил надо, чтобы лодкой на ручных веслах пройти по реке до большого порога?! Уж это я знаю хорошо, поскольку сам работал веслами вместе с братьями Миргуновыми. Мы чувствовали скрытую силу реки Хантайки и не подозревали, что на ней заработает мощная ГЭС. Тогда даже в голову не приходило, что спустя годы я буду активно участвовать в строительстве станции, обеспечивая там рабочее снабжение (торговлю, общественное питание, хлебопечение и т.д.). Вот когдагодились мои знания реки при организации завоза годовых запасов продовольствия, включая картофель, лук, капусту и т.д.

Мы научились накапливать для этого на складах в Красноярске все необходимые товары. Трудности были в том, что по сложному фарватеру реки Хантайки проходили суда с малой осадкой. Свежемороженое мясо, молокопродукты, жиры и т.п. доставлялись небольшим рефрижератором, который был нарасхват, — он единственный в паромоходе работал на все поселки малых рек Енисея. Большое количество товаров завозили силами Дудинского морского порта.

Мне посчастливилось участвовать в пуске агрегатов станции. Торжественный момент состоялся на глубине почти 100-метрового тоннеля. Незабываемые дни в моей жизни! К этому важному событию были

причастны и торговые работники — в непростых условиях короткой речной навигации, а зимой вертолетами и самолетами Ан-2 они доставляли все необходимое для работы и жизни Хантайской ГЭС. Их работа была оценена наравне со строителями государственными наградами, почетными знаками «Участнику строительства Хантайской ГЭС».

Но вернусь к семье Миргуновых. У них было семейное призвание к работе радистами. В селе Никольском (было такое село между Дудинкой и Потапово) трудился Василий. В те времена связь осуществлялась техникой по азбуке Морзе. Михаил работал радистом в Потапово после возвращения с войны. На Хантайском озере был радистом Алексей. Другой связи в годы войны, за исключением привоза почты редкими оленьими аргишами, не было. Об окончании войны первыми узнали радисты...

Возвратившись с войны, Иннокентий много лет работал бессменным секретарем сельского совета. Председателем была Анна Юрлова, очень энергичная, беспокойная женщина. Долгое время председателем сельского совета работал Кирилл Данилович Ямкин. Скромный труженик из местного национального населения был депутатом Верховного Совета СССР. В конце войны многие селяне, в том числе и школьники, на льду Енисея сшибали заструги, сугробы снега — готовили площадку для самолета. Это было большое событие для поселка: все выходили смотреть, как двухмоторный самолет удачно произвел посадку и увозил Кирилла Даниловича в Москву на сессию Верховного Совета. До вылета самолет стоял сутки. Летчики отдыхали, а нас, старшеклассников, отправили охранять самолет. Померзли мы изрядно... Спустя неделю Кирилл Данилович вернулся из Москвы и собравшимся в клубе рассказал, как мог, о сессии, передал школе несколько тетрадей, блокнотов, карандашей — большая редкость в те времена.

Дольше всех председателем сельского совета работал Константин Васильевич Миргунов. Красавец мужчина со своей женой Антониной воспитал 8 детей. Старший из них Виталий (все его звали почему-то Виктором) учился в местной школе, был много младше меня и своего дяди Аркадия, моего одноклассника, с которым мы учились в 6–7-х классах, многие годы дружили в Потапово, затем в Дудинке. Аркадий работал в Дудинке директором Дома культуры (старое деревянное здание), хорошо рисовал, умело писал лозунги. Как и я, учился в школе рабочей молодежи. Виктора же взяли на работу в районный совет на какую-то небольшую должность. Так председатели райсовета Миков, Смородинов помогали большой семье Константина Миргунова.

Виктор окончил школу, заочно институт, был на комсомольской работе, несколько лет работал первым секретарем Дудинского ГК КПСС. Способный, деловой человек, он создал семью, безумно любил свою невесту Римму, к которой из Дудинки на Левинские пески ездил до свадьбы на свидание в любую погоду, часто на лыжах. Римма работала учительницей.

Несколько лет Виктор Миргунов возглавлял краевое управление рыбного хозяйства, превратил отрасль в рентабельную. Мне приходилось часто встречаться с ним по вопросам развития и работы торговых предприятий Норильскторга в Дудинке, поставок рыбы из Хатанги, Усть-Порта и т.д. Он всегда рьяно и успешно защищал интересы столицы округа. Привез из Потапово родителей, но они тяготились городской жизнью. Только и вели разговоры об охоте, рыбной ловле, жизни в селе Потапово. К сожалению, Виктор рано ушел из жизни.

Аркадий поступил в норильский техникум, откуда его призвали в армию. Служил на Дальнем Востоке, на флоте. По болезни был демобилизован, хотя приехал с бравым видом моряка. Теплую тельняшку, которую он мне подарил, я сохранил до сих пор. Мы

учились и росли вместе. При постоянной нехватке хлеба, других продуктов в годы войны нас поддерживала еда из куропаток. Аркадий научил меня ставить силки на куропаток, капкан на зайца. Я старался как мог, а возвращался без трофеев. Мама, жалея меня, просила бросить это занятие. Но в любую погоду с утра (занятия в школе начинались позже) обходил путик своих силков и наконец достиг успеха — добывал до десятка куропаток. Поймал и одного зайца... В основном, как говорил Аркадий, «они плясали на твоём капкане». Кстати, в поселке работал заготовительный пункт рыбокооп — принимал пушнину, куропаток, а весной малыми самолетами увозил их в Дудинку.

После школы я работал в совхозе на разных работах, а Аркадий помогал Алексею Михайловичу, бесменному приемщику рыбы от рыболовецких бригад. Тогда за сданную рыбу денег платили мало, но получали рулоны (талоны) на муку, сахар, крупу, которые до 1947 года продавались по карточкам.

Иннокентий был на несколько лет старше нас с Аркадием, женился на библиотекарше Наде Гуниной, перебрался с семьей в Дудинку, работал в рыбокоопе.

Наши школьные годы в Потапово пришлось на трудные военные и послевоенные годы. В поселке все знали друг друга. Не было склок, воровства, хулиганства. Встречались в небольшом клубе, летом — на спортивной площадке: играли в городки, волейбол, благо солнце светило круглые сутки.

Совхоз относился к Норильскому комбинату. Главная его деятельность — оленеводство. За стадами свыше 3000 голов ходили опытные бригадиры Н.Н. Куропатов, И.А. Мельников, Василий Сапожников, Степан Еремин, бывший заключенный казах Сапегов возглавлял бригаду транспортных оленей. Два колхоза, «Заполярьник» и вновь образованный «Новая жизнь» (из числа спецпереселенцев — немцев, латышей, финнов, калмыков), занимались рыболовством. В поселке работали метеорологическая и рыболовец-

кая станции, последняя обеспечивала рыбаков (хотя и в малых количествах) снастью, инвентарем, принимала и отправляла на Дудинский рыбозавод десятки тонн рыбы. Потаповский рыбокооп снабжал население (включая Хантайку, Норильск и ларьки в местах вылова рыбы и выпаса оленей), принимал и хранил в огромных амбарах запасы муки, крупы, соли, в том числе особо ценный, без преувеличения, товар — спирт. В годы войны литр спирта стоил 330 руб., для сравнения — месячная зарплата пастуха оленей 450 руб., не зря же народ научился изготавливать брагу! С особым подъемом ею угощали возвратившихся с войны солдат Юрлова, Крестецкого, Баженова, Горинского...

Какие интересные люди жили в поселке! Вспоминаю Никандра Абрамовича Баженова, тяжело раненного на войне. Он круглый год на лошади вывозил сено, заготовленное летом по берегам близлежащих речек, озер и левого берега Енисея. Ездил и в мороз, пургу, гололед. Бывало, спросишь его: «Сколько сена привез сегодня?» Подумав, он отвечал: «Однако, паря, на двух подводах тонн десять было». Человек малограмотный, он вполне серьезно считал, что так оно и есть. Одно его ранение пришлось на мягкую часть тела ниже спины. Когда над Баженовым подшучивали (мол, улепетывал от фрицев и подставил зад), он понимал шутки, потому что множество наград лучше всего убеждали в его военных заслугах. Он рассказывал, как выдумка, находчивость помогали бывалому охотнику в боях. Была у Никандра Абрамовича и главная солдатская медаль «За отвагу».

Разный люд жил в Потапово — старожилы, условно освобожденные, бывшие заключенные, спецпереселенцы. Как правило, на рыбную путину приезжал уполномоченный райкома партии. Он совместно с комендантом строго контролировал работу ссыльных рыбаков, заставляя их неводить в любое время суток. Под угрозами они цедили воду огромным неводом (300–500 м), часто вылавливая каких-то 5–10 кг





рыбы. По здравому смыслу лучше больше потрудиться, когда «идет» рыба — ночью, ранним утром. Алексей Михайлович Миргунов «держал» точку на левом берегу Енисея, в устье речки Васькино. Помогали ему ставить переметы, сети Аркадий и Виктор. Чтобы ввести в заблуждение рыбадзор, на крючки перемета насаживали приманку — гальянов для налима, а ближе ко дну реки — вьюна на осетровые. Снасти полностью «топили» в реке, чтобы не привлекать внимания рыбадзора, а к моменту проверки перемет вылавливали из реки специальной металлической кошкой. Улов осетров Алексей Михайлович держал на кукане в речке Васькино, как правило, в ночное время привозил в село. Я был поражен, когда однажды увидел огромного осетра, напоминавшего небольшое бревно! У большой семьи Миргуновых это были радостные дни — вокруг огромной сковороды «трудились» и стар и млад, затем был малосол, вяленая боковина осетра... Непревзойденный деликатес! Но такие уловы были редкостью.

Виталий Миргунов, возглавляя рыбную промышленность края, имел квоты вылова на весь бассейн реки Енисей всего 5 т осетровых! Как он говорил, этого количества даже для столовых краевого начальства не хватает. Поэтому Норильскторгу выделялось осетровых всего 400 кг на квартал, которые привозили самолетами с хладокомбинатов Новосибирска или Свердловска. Может быть, все это вынуждало рыбаков и охотников утаивать свои трофеи. Когда бы ни спросили Алексея Михайловича, ответ один: «Рыбы совсем не стало...» Так же плакался и знаменитый охотник Ламбин. А на самом деле, к примеру, Ламбин в весеннюю охоту набивал столько дичи, что не вмещавшихся в лодку гусей сплавляли привязанными к лодке.

Учитывая близость Норильска, откуда хотя и редко, но все же случались побеги заключенных, в каждом поселке несли службу оперативники — военнослужащие внутренних войск (ВОХР). В те време-

на шутили: на Таймыре три национальности — саха, зэка и ВОХРа. Бессмысленность побегов была очевидна, тем не менее Михаил Дерягин и Петр Голышев несли службу, обзавелись семьями. Совхоз ежемесячно обеспечивал их твердым пайком — бесплатным набором продуктов. Длинной зимой у них было мало забот. В одну из зим оленеводы случайно нашли в тундре нескольких замерзших беглецов. Это жуткое зрелище я увидел еще раз в начале 50-х годов, когда ходил на работу в Дудинский порт. Около главной проходной, через которую водили в рабочую зону заключенных, были выставлены напоказ для устрашения замерзшие трупы в немыслимых позах с надписью на большой доске: «Они совершили побег».

Местные жители постоянно в поселке жили мало, разве что сестры Елена, Груня и их брат Василий Ямкин обитали в небольшой избушке. Жили случайными заработками — Груня была большим мастером по шитью женских меховых унтаек. В один из заездов поисковой экспедиции в Потапово Василий сумел за небольшую плату указать ей озеро недалеко от села, на поверхности которого плавали мазутные пятна. Геологи обсуждали планы расширения поисков, а Вася, когда был навеселе, откровенно признался им, что накануне вылил в озеро пару бутылок керосина... Их старший брат Николай Николаевич Ямкин мастерил лучшие легковые санки. Он мастерил их прямо на улице с помощью всего-то топора и ножа. К сожалению, вместе с упряжкой оленей он утонул в полынье Енисея... Тяжело жилось местным в Потапово. Ходили слухи, что оленевод Лырмин связан с кланом, ведущим в тундре частный образ жизни. Приехал из Дудинки представитель НКВД. С группой работников совхоза, колхоза, сельсовета и арестованным Лырминым он много дней гонялся за отшельниками. Их настигли далеко в низовьях енисейской тундры. Сопротивления они не оказали, у них отобрали много оленей, яко-

бы потерянных совхозом, ременные мауты, красивую упряжь и т.д. Лырмина увезли, а его пожилая жена, не знавшая русского языка, влачила жалкое существование.

Долгое время в ветхих лачугах, построенных из местных материалов, ютились интернат и медицинский пункт. В конце 40-х годов на окраине села построили больницу, а в центре поселка двухэтажную школу-интернат. Бытует мнение, что родители без желания отдавали детей в школу. Это не так. Просто ребята часто опаздывали к началу занятий только потому, что ждали первого снега, когда замерзали озера и Енисей. Среди детей тундры много одаренных художников, мастеров по дереву.

Любимый праздник в Заполярье — День оленевода. Он совпадал с праздником 7 ноября. На упитанных оленях в поселок приезжали целыми семьями. Красивая, нарядная одежда, украшенные санки и упряжь усиливали праздничное настроение. К этому времени привозили кинопередвижку с несколькими фильмами. Уважением пользовались секретарь райкома партии Иван Звонарев, председатель райисполкома Александр Смородинов. Они частенько бывали в бригадах оленеводов, рыбаков.

Поселок Потапово, являясь одним из пунктов отдыха возниц и лошадей, гонявших почту из Енисейска до Дудинки, издавна был местом жительства предприимчивых, богатых людей. Свидетельством тому добротные дома, надгробия захоронений из гранита, деревянный сруб — склеп, который мы, молодежь, привели в порядок по просьбе сельсовета. Но больше здесь было много небольших избушек, в которых жили ссыльные или тундровики.

Норильский комбинат передал Потаповский совхоз Институту Крайнего Севера, занимающемуся полярным земледелием и оленеводством. Эту инициативу проявил бывший директор совхоза Николай Онуфриевич Дьяченко. Позднее он долгие годы воз-

главлял институт. Совхоз превратился в опытно-производственное хозяйство (ОПХ) при организованной институтом Таймырской комплексной оленеводческой опытной станции со штатом научных сотрудников — зоотехников, ветврачей, агрономов, техников. В тундре работали ученые, доктора наук, профессора Голосов, Андреев, Лайшев и др.

Некоторое время ОПХ возглавлял бывший директор совхоза Влас Петрович Власов. Деловые, ровные отношения с местным населением снискали ему авторитет и доверие. В 1950 году переводом из Республики Коми директором станции назначили Андрея Николаевича Смирных. У него не было высшего образования, но он имел практические знания оленеводства, он поощрял научные эксперименты. Он сделал запись в моей трудовой книжке «Уволен в связи с отъездом на учебу» и всегда интересовался моими успехами.

Крайний Север сурово экзаменует людей. Где бы они ни работали, в совхозе, на Таймырской оленеводческой станции или в тундре, каждый как бы держал экзамен на звание человека. И эту оценку знали все. Без коллективного труда, без взаимовыручки здесь не выжить, и северяне всегда поддерживали друг друга. Простой пример. В Потапово все дома топили дровами. Их заготавливали в весенний ледоход на Енисее. Пропустить его — значит остаться без топлива на зиму. Представьте, как мимо поселка среди чистого льда несется огромное количество бревен. С большим риском для жизни на лодках мужчины вылавливали лес и сплавляли его к берегу. Здесь его ждали другие заготовители. Так каждая семья получала свою порцию дров.

Мой сверстник Андрей Гришко и сейчас живет в родном Потапово. В молодые годы он женился на ссыльной финке Эльзе Карху, вырастил детей, включая приемного сына погибшего друга Василия Котеленца. В биографию заполярного поселка вписали свои достойные строки не только семья Миргуновых,

но и семьи Чирковых, Копосовых, Хайрулиных, Качелаевых, Морозовых, Юрловых, Гришко, Канаевых. Где бы они ни жили сегодня, они навсегда останутся потаповцами — людьми, прошедшими суровую школу жизни.

## ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК КОЛЕСНИКОВ

**С**Борисом Ивановичем мы почти одновременно заступили на высокие должности. Директор Норильского комбината Колесников вскоре предложил мне стать его заместителем по торговле и рабочему снабжению. Вот как это было в 1973 году. Борис Иванович неожиданно пригласил меня к себе. Разговор был долгий, но не о настоящем положении дел, а о будущем норильской торговли. Это было наше первое серьезное знакомство. Не знаю, что он вынес из беседы, а я удивился его мечтам иметь в магазинах Заполярья свежий картофель, овощи. Ведь это было время дефицита всего и вся! А Борис Иванович хотел, чтобы в Норильске апельсины продавали, как в Москве. Закончилась встреча предложением новой должности. Я обещал подумать и через несколько дней дал согласие.

Первое время я чувствовал настороженность нового директора, он изучал меня: сработаемся ли? А я мысленно возвращался к нашему первому разговору... Чтобы свежий картофель был в наших магазинах всю зиму, надо было привезти 30 тысяч тонн. Ездили в Брянскую, Псковскую, Новгородскую, Калужскую области, закупили много картофеля, привезли, но где его хранить до нового завоза? Складов-то было маловато. Без подсказки Бориса Ивановича не обошлось — ведь он знал все тупики, переезды, склады, места временного размещения разных грузов со времен работы в диспетчерской комбината. Мы объехали с Б.И. Колесниковым разные места Норильского

промышленного района и разместили картофель на производственных площадях комбината. Это был первый год, когда Норильск отказался от сухого картофеля, завезенного сюда с большим запасом еще в лагерные времена.

Боевым крещением для нас стало обрушение кафе «Белый олень», когда погибли люди. Я уже писал об этом в третьей книге «О времени, о Норильске, о себе...». Тогда я понял, что директор комбината Б.И. Колесников своим принципом считает найти не козла отпущения, а виноватого, чтобы в дальнейшем не повторилась подобная трагедия. А его заступничество за меня на коллегии Минцветмета («Прошу учесть, что Горр заступил в должность руководителя торговли несколько месяцев назад») я ценю и сегодня... Главную вину за случившееся несли проектанты, но, защищая честь мундира, все тогда говорили нам: «Торгаши, сушите сухари...»

Я понял, что Борис Иванович умеет постоять за себя и за своих ради правоты дела. Чувствовалось, что и его самого первое время приняли в штyki высокие московские начальники. Он многим не походил на них — был прост и доступен в общении, никто никогда не слышал от него не то что матерного слова, но даже сгоряча сказанной грубости, не пил. Он заставил всех уважать себя достойными делами, выдержкой, спокойным, негромким голосом. Тут кстати вспомнить, как Борис Иванович волновался на первых публичных выступлениях, но очень быстро освоился: по-моему, он просто увлекался темой разговора и забывал о внешней стороне дела. Сознаюсь, я и этому учился у него.

А однажды (уже много позже) я был свидетелем такого диалога. В Норильск приехал наш куратор из Минцветмета Иван Васильевич Глушков. После прощального застолья мы сидели расслабленные, усталые... И вдруг И.В. Глушков в снисходительно-поу-

чительном тоне, но довольно доброжелательно обратился к Б.И. Колесникову:

— Борис, ну зачем тебе надо по лезвию бритвы ходить? Смирись, повинись...

Тогда пресса критиковала Норильский комбинат за излишние вложения в санаторий «Заполярье». Борис Иванович выслушал И.В. Глушкова и в том же духе ответил, что все сделано для людей, а работающих, умеющих хорошо дело делать он всегда будет защищать. И закончил: «Вот так, Ваня». После чего встал и ушел. И это его «Ваня» сразу расставило все точки над «i», потому что до этого оба руководителя друг друга по именам не называли. Борис Иванович был всегда сторонником новых материалов, современного оформления, что, конечно, удорожало смету расходов. Но он говорил: «Что старое-то повторять... Неинтересно». Все, кто бывал в Норильске, всегда отмечали индивидуальные красоту и удобство наших магазинов, ресторанов, кафе.

Сейчас мне кажется, что директор Норильского комбината как бы компенсировал примером своей работы недостатки государственной политики: тут на первом месте были сверхплановые тонны, квадратные метры и прочая промышленная продукция. А Борис Иванович всегда думал о людях. О конкретном человеке. Деловая поездка на стройку, завод, фабрику, шахту обязательно заканчивалась в рабочей столовой, в кулинарном магазине. Питанию людей он уделял особое внимание. Столовые по месту работы кормили хорошо и дешево, а в кулинарии усталый человек мог купить полуфабрикаты, из которых быстро дома можно приготовить обед. Однажды Борис Иванович узнал, что многие из 20 тысяч несемейной молодежи приезжают в выходные обедать на предприятия в конце месяца: кому-то денег не хватает, кто-то потратился... Он обратил на это мое внимание, а бывало, и спрашивал, чем мы порадуем рабочих перед праздником. Когда в числе первых мы привезли из Югославии на комби-



нат 10 линий раздачи, Борис Иванович сам расписал, в столовых каких предприятий будут установлены эти передовые линии самообслуживания, — выбрал самые массовые и вредные производства.

И при этом директор никогда не занимался распределением дефицитов, а сам он, его семья в быту всегда были скромными. Только однажды, когда мы привезли в Норильск меховые унты и сапоги, Борис Иванович посмотрел списки предприятий. В продажу отдавать небольшую партию теплой обуви было нецелесообразно, расписали обувь по предприятиям — их было много. Но, ознакомившись со списком, директор добавил еще несколько и пояснил: «Вписал тех, кто на морозном воздухе работает». Это были в том числе работники, обслуживающие ЛЭП, рабочие хоздворов, скотники совхоза.

В Норильске никогда не было полупустых полок, что в 70–80-х годах было обычным явлением для магазинов многих городов страны. Но каким трудом это давалось! Бывало, заканчиваются запасы сливочного масла, а взять его негде! Перестали завозить в магазины бруски масла по 25 кг, стали отправлять в торговлю пачки по 200–300 граммов. Это позволило сэкономить ежедневную продажу масла в магазинах.

Продержались еще какое-то время... В эти дни позвонил мне Борис Иванович, спросил, могу ли я к нему приехать до 9 вечера. Конечно. «Чаю попьем?» — встретил он меня вопросом. Прошли в скромную комнатку за его кабинетом и доверительно поговорили о многом. В том числе и о масле, и о мясе, с которым положение было и вовсе критическим. Борис Иванович сказал: «Выход один — взять мясо из госрезерва. Потом вернем». А это строго воспрещалось! «Ты напиши мне докладную, а я там свое «разрешаю» напишу...» «Да я и без докладной могу», — начал было я. Но Борис Иванович только засмеялся в ответ: «Положи для прокурора бумажку... У меня погоны побольше твоих...» Так и сделали.

Борис Иванович всегда брал ответственность на себя. Но уж прежде разберется во всем в деталях. Снабжение мясом в стране ухудшалось с каждым годом. А на Крайнем Севере разве может быть здоровым питание шахтеров, металлургов без мяса?! И тут снова поддержал торговлю директор комбината, но проблему усугубила нехватка складов. В Красноярский комбинат поступил второй холодильник, но и этого не хватало, чтобы долго все мясо хранить замороженным. А завезти его надо было обязательно в короткую летнюю навигацию. Что делать? Решили промороженное мясо доставлять осенью до Дудинки на четырех-пяти судах. В дороге мясо, конечно, подтаивало, в порту его срочно разгружали на причалы... Это была рискованная акция (а если дефицитная продукция попортится?), но слаженная работа помогала... В крайком партии на это закрыли глаза: «Сами решайте, как поступать», а местные доброжелатели сигнализировали о нас народному контролю... Но я знал, что директор комбината с цифрами в руках докажет оправданность риска норильской торговли. Он помогал нашим успехам тем, что поддерживал строительство холодильников и складов в Дудинке, Норильске. Мы гордились, что на наших овощных базах заработала машинная переборка картофеля, лука.

Во всем директор комбината руководствовался государственными интересами. Мы были управлением торговли Норильского комбината, а снабжали чуть ли не всех на Таймыре — население Снежногорска и Тухарда, газовиков и кого только! Причем из своих фондов. Иногда разозлюсь на них: «Да пусть их руководители сами...» Но Борис Иванович не позволял мне даже договорить: «Мы-то сильные, всегда сможем из критической ситуации выйти, а они как?» И беспокоился за тундровиков и работающих вдали от города больше, чем за норильчан. Настоящий государственный человек. Борис Иванович очень много работал. Всегда ходил с блокнотом или чуть ли не амбарной

книгой. Все записывал, всегда помнил самые разные производственные показатели, знал даже незначительные особенности предприятий. Бывало, позовет вечерком к себе в кабинет. Пьем чай, начинаем беседу вроде не о деле, а потом опять к работе возвращаемся. Это же был главный смысл нашей жизни.

Однажды в 90-х годах Борис Иванович приехал в санаторий «Озеро Белое». Утром позвонил мне домой, пригласил к себе. Посидели, поговорили — оба пенсионеры, оба не работаем... Вспоминали Норильск... И я спросил: «Борис Иванович, скажите откровенно, дело-то прошлое, торговля была большой обузой для вас как директора комбината?» «По-моему, мы дружно работали», — ответил он и улыбнулся.

До последних дней своих он думал о Норильске, следил за работой «Норильского никеля», охотно встречался с норильчанами. Он любил попариться в бане, вести там неспешные беседы... А как они задушевно пели дуэтом с Надеждой Степановной! Русские народные песни и любимые «Дрозды»...

...Я рассказал о трудолюбивых, добрых людях, на которых держится наша страна. Неважно, кем и где они работали, хотя легкой жизни не было ни у кого. Их главная должность — Человек.





*Александр Григорьевич Кизим*



**Александр Кизим:**

*«...в ЛЮБОЙ ситуации он оставался надежным и принципиальным человеком» .*



*Александр Григорьевич Кизим*

**В** 1967 году, как главный инженер проекта, я успешно защитил в Минцветмете, Госстрое исследование по развитию Дудинского порта и со всей группой приступил к разработке перспектив Сургутского речного порта. Заказ Новосибирскому проектному институту, где я работал, поступил от Министерства речного флота. Здесь рассматривались два варианта спусковых слиповых дорожек, которые используются при подъеме судов на берег. Министерство предлагало использовать традиционные шпальные основания, мы настаивали на свайном основании слиповой дорожки. Мы с заместителем министра только что не подрались, отстаивая каждый свою позицию. Закончилось это тем, что министр Кучкин посадил нас вдвоем для обсуждения темы. «Поставьте им чай с бубликами, — сказал он, — если выпьют чаю и договорятся, будут работать». Я отступать не собирался, но начал миролюбиво: «Если меня выгонят, ничего страшного не случится, а если вас, заместителя министра, жалко будет. Вот послушайте...» Короче, мы выпили чаю, общий язык нашли. Остановились на нашем варианте.

А через полгода в Новосибирск приехал главный инженер Дудинского порта Владислав Анатольевич Баранов. Он пригласил меня работать в Дудинку, обрисовал заманчивые перспективы порта. Я не раз бывал в Заполярье и посчитал инженерным счастьем воплотить здесь свои проекты. Согласился. Вышел и думаю: «Жену не спросил, а ведь на край света ехать!» Дома никак не могу начать разговор о новом назначении. Моя мудрая Валентина и говорит: «Рассказывай, в чем дело». Она сразу меня поняла, но устраиваться на работу я все же поехал без семьи, к тому времени у нас уже двое детей было.

Мой тесть Петр Степанович Обоянцев, человек трудной и интересной судьбы, посоветовал: «Хочешь

лучше понять Крайний Север, езжай к моим старшим братьям, после Норильска остались живы, реабилитированы...» И я поехал, поговорил с ними. До сих пор помню, как поразили они меня рассказом о выражении протеста, праве возражать в лагере: заключенные просили дополнительной работы. Мне объясняли: по-другому протестовать нельзя — убьют! Трудились ночью или полтора часа после того, как все закончили работу. Это з/к придумали для сохранения жизни человека. Администрация и охрана лагеря согласились с таким протестом. «На сколько часов?» — спрашивали и делали соответствующие отметки. Получалось, труд — мерило человека, он же и его спасение.

Еще раз я очень удивился уже на месте. Мне дали четыре дня, чтобы оглядеться, посмотреть положение дел в порту, побеседовать с людьми. Самостоятельность инженерного мышления отличала многих! Это меня вдохновило, я «от и до» прошел всю Дудинку,



*Валентина Петровна Кизим (Обоянцева)*

побывал и в УКСе, и в Норильскнабе — все говорили без оглядки на начальников о сути проблемы, я сразу понял смысл своей инженерной должности... За плечами у меня были производственный опыт механика речного флота, исследовательская работа. Проверка практикой позволила мне теперь найти ошибки в своих проектных предложениях... Я с головой погрузился в дела...



Через семь месяцев приехала семья, ее уже было куда везти — мне дали квартиру. Накануне я бегал на рыбалку, хотел удивить своих северной рыбой, но что-то мне не везло. Соседи сжалились надо мной — дали три больших муксуна. Кроме того, я на кухне развесил чиры, другую рыбу помельче — подвяливал... Это произвело впечатление на жену и детей. С рыбной гирлянды они состригали рыбу и ели. Я посмотрел, с каким удовольствием они это делали, и подумал: «Не уедут обратно!» Так и случилось.

1969 год. Он запомнился как год потрясения от ледохода. Начальник порта Владимир Николаевич Ли, главный инженер Владислав Анатольевич Баранов, главный механик порта Леонид Афанасьевич Сабеев позвали меня посмотреть, как идет ледоход, в рубку диспетчерской порта. Это было зрелище не для слабонервных! Ледовые поля в полтора метра толщиной прут над водой, круша все и вся... В это время первые руководители порта бегали по рубке, радуясь, что один угадал, до какой отметки спусковой дорожки порталных кранов дошла ледовая масса, другой предрекал, что упадет столб и заденет угол здания... Это потрясло меня больше, чем сам ледоход! Они угадывали разрушительную силу ледохода, а не защищались от нее! От ужаса увиденного, забыв о субординации и приличиях, я убежал к себе в кабинет — меня буквально трясло! Что-то надо делать! Оказывается, мои теоретические представления о ледоходе были просто смешными. Размышления о незнании буйной стихии прервал звонок. Начальник порта сказал: «Зайди!»

— Что означает твоё поведение? — первое, что он спросил.

— Владимир Николаевич! — Я не мог говорить спокойно. — Я 10 лет занимаюсь проблемами Дудинского порта, мы делали разные проекты, учли многие особенности Заполярья, но вы ни разу не проинформировали нас об особенностях ледохода! Вы что, слепо подчинились ему? Смирились со стихией?

— А что мы можем? Сам-то как думаешь?

— Порт защищать надо! — выпалил я. И был абсолютно в этом уверен. С этого момента я стал искать способы укрощения ледохода.

Вернулся в свой кабинет и тут же созвонился с коллегами новосибирского института... Разговоры прервали корреспонденты радио, их послал ко мне начальник порта, пригласили на запись в студию. Как инженер, я наговорил такого! Ледоход непредсказуем, но это не значит, что нельзя предусмотреть границы его разрушения, скорость его движения... Закончил словами:

— Мы найдем пути решения проблемы: вы у себя под носом больше не увидите ледовые горы — им не место на причале! Место ледохода в стороне от железнодорожных подкрановых путей, на левом берегу устья речки Дудинки...

Мое выступление прозвучало по радио в час дня. После обеда иду по порту — как-то странно на меня смотрят люди. А мой зам Леонид Васильевич Потапов прямо спросил, что это я наговорил о ледоходе какую-то чепуху? Он считал, что защиты от стихии нет. Я пригласил гидрологов, ледотермистов, геодезистов и предложил им программу наблюдений и изучений ледохода, чтобы определить действительное направление и силу ледохода в пределах акватории и причальных сооружений Дудинского порта.

Началась серьезная работа. Мы подняли гидрологические таблицы наблюдения Енисея с 1936 года, расспрашивали жителей, на каких отметках берега Енисея жгли костры в ледоход, сравнивали, рассчитывали, обдумывали ледозащитное сооружение...

Порт между тем набирал в своем развитии темпы, все больше морских и речных судов приходили в Дудинку. А природа делала свое — река замерзала то 5, то 15 октября... В 1973 году по возвращении в Красноярск сковало льдом 72 судна, только с помощью ледокола их вернули в Игарку, где им пришлось стать на зимовку. Это событие стало последней каплей, переполнившей чашу терпения руководителей порта, они



*Ледоход остановили перед отстоем портальных кранов на период навodka. Увидев живописную концентрацию кранов на безопасном от ледохода расстоянии, министр речного флота С. Кучкин сказал: «Это гимн портальных кранов...»*

поняли, что надо срочно и комплексно заниматься как ледоходом, так и ледоставом.

Первая дамба по усмирению ледохода была ледяной. Этот проект оказался неудачным. Из 6 трубок с высоты 15 метров капала вода. Нам казалось, она превратится в крепкий лед, но вода замерзла почти сразу и падала вниз непрочной снежной пудрой.

К осени 1974 года для отстоя речного флота мы были вынуждены расширять канал на речке Дудинке — для этого извлекали мерзлый грунт. И вот однажды весной я смотрел, как мерзлый грунт засыпают в озеро, досадовал, что проект ледяной дамбы оказался ошибочным и в сердцах ударил по кочке. Ноге стало больно, а она не шелохнулась... Пригляделся к ней и увидел с удивлением: это был настоящий гриб из мерзлого грунта, сверху прикрытого опилками. Все вокруг растаяло, а кочка стоит замороженным столбиком. Это была подсказка природы! Я сразу подумал: зачем же мы засыпаем грунт в озеро, ведь его можно использовать для наполнения дамбы. Опыт подсказал, что, если мерзлое ядро дамбы «укутать» слоем древесных опилок, которых в порту достаточно, дамба сохранится и летом! ...Автором проекта дамбы кроме меня были Л.А. Сабеев, А.Г. Ноздрачев и Ю.А. Анчаров.

В разгар наших экспериментов на меня пришла анонимка. Меня вызвал к себе прокурор Дудинки, показал письмо. Читаю: наметился срыв навигации, во всем виноват начальник порта Кизим, который считает, что дамба безопасна. А на самом деле, построенная из земли и опилок, она не сумеет противостоять ледоходу, весь грунт будет смещен в русло реки Дудинки, следовательно, будут выведены из работы речные причалы высокой и низкой воды и один для спецгрузов...

До чего грамотно было написано, но как противно было это читать...

На анонимку дал ответ. Пришла еще одна. Я понял, что этот якобы аноним, используя прокурора, ведет со мной дебаты. А в открытую спорить нельзя? От-

казался отвечать на очередное письмо, нагрубил прокурору и ушел... А прокурор взял и переправил все бумаги Генеральному прокурору СССР. Оттуда их направили в Министерство цветной металлургии, потом директору Норильского комбината Б.И. Колесникову.

Первым мне позвонил Владимир Николаевич Всесвятский, святой человек! Он никогда никого не гнобил, умел разбираться в сути конфликта. Еще он славился тем, что способным работникам настойчиво советовал учиться. Говорил при этом: «Я ваш первый помощник в учебе, очно, заочно — как сможете...» В это время В.Н. Всесвятский возглавлял Норильскснаб, его Борис Иванович Колесников попросил вникнуть в проблему.

После беседы с Владимиром Николаевичем я успокоился. К этому времени я уже работал начальником Дудинского порта (с 1970 года), стал им после того, как полтора года руководил конструкторским бюро порта. После себя на эту должность рекомендовал Юрия Анчарова, и вот теперь вместе с ним мне предстояло защитить проект дамбы. Собрал конструкторов, попросил каждого высказаться, а потом предоставить мне все чертежи, пояснительные записки и другие материалы. Вместе с Юрием Анчаровым мы дали исчерпывающие аргументы на анонимку. Мне дали понять, что в любом случае отвечать за дамбу я буду один.

Вскоре меня вызвали в Москву, в Генеральную прокуратуру СССР. Любезно привезли туда на машине и оставили одного. Представитель генпрокуратуры в присутствии 12 оппонентов огласил суть вопроса. Гидрологи, гидротехники, ледотермисты, строители и другие специалисты работали три дня и пришли к выводу, что дамба рассчитана правильно и построена безопасно. Ее живучесть показали 1975 и 1976 годы. Комиссия вынесла решение: Генпрокурору СССР рекомендовать подписать постановление, запрещающее разбирать последующие анонимки по данному сооружению. И тут сразу в Дудинке, Норильске передо мной опять открылись все двери...

А меня никак не отпускала мысль о том, что стиль анонимок мне знаком. И я все понял... Ко мне подошли авторы нашего проекта с поздравлениями, что наконец-то нервотрепка закончилась.

— Ну, шеф, теперь все в порядке! — весело сказал и Юрий Анчаров.

— А ты пиши заявление и уходи. — На все его вопросы реагировать не стал, только еще тверже повторил, что больше он работать в конструкторском бюро не будет. Всесвятскому доложил о фамилии анонима и о том, что его уволил.

— Александр Григорьевич, неужели это правда? — это уже удивился Борис Иванович Колесников. — Вы же сами хвалили Анчарова?

— А я и сейчас его хвалю, специалист он хороший, — сказал я, — но после анонимок работать с ним морально тяжело.

Борис Иванович согласился со мной. Чтобы меня не упрекнули в гонении на инакомыслящего, директор перевел Ю. Анчарова в Норильск на должность гидротехника на хвостохранилище Лебяжье. Много позже мы встретились с Юрием в Москве, он подошел и пригласил меня посидеть в ресторане «Берлин». Наверное, с души тяжесть греха снять хочет, подумал я и оказался прав. За столом в основном говорил Юрий. Он объяснил, что об этой услуге его попросили местные кагэбэшники. Они узнали, что вскоре он собирается покинуть Заполярье, обещали помочь ему с работой в Москве, если он уедет с «багажом по линии КГБ». И Юрий поддался, проявил слабость... Мы помирились, я не держу на него зла. До сих пор пишу в списке авторов проекта дамбы его фамилию, мы, кстати, тогда честно поделили гонорар за проект между собой, не вычеркнув его фамилию...

Даже сегодня я вспоминаю эту историю с некоторым волнением, что уж говорить, как пережил ее тогда... Если бы не принципиальная позиция и поддержка Бориса Ивановича Колесникова, Владимира Николаевича Всесвятского, Владимира Ивановича Полищука, все могло закончиться для меня по-другому. Ведь мы



*Ледоход бывает не только страшным, но и красивым. Эту ледовую хрустальную красоту засняли многие жители Дудинки*



экспериментировали, значит, рисковали, нашу правоту могла омрачить какая-нибудь мелкая неудача, иди тогда доказывай, что ты не верблюд...

Не только один Анчаров, начальник конструкторского бюро порта, испугался ответственности. Свою подпись под нашим проектом не поставил и Леонид Иванович Анисимов... Он всячески уходил от этой процедуры, приезжал на дамбу, осматривал ее, в конечном счете сказал мне:

— Давай строй! А я подписывать не буду...

Я понимал его. Ведь у него был опыт строительства первой дамбы на мерзлоте на озере Долгом, и тогда, в страшные сталинские времена, они допустили ошибку, использовав талый грунт для ядра дамбы. Он помнил этот горький опыт... Ведь его тогда тоже подозревали во вредительстве... Леонид Иванович Анисимов мне тогда помог своей критической настроенностью — мы тогда предусмотрели многое, чтобы дамба стала надежной и безопасной. Она и сегодня служит Дудинскому порту. А мне приятно, что ее прозвали дамбой Кизима...

...Как-то в санатории «Заполярье» мы шли с норильчанкой и увидели, что навстречу нам идет Борис Иванович Колесников. Мы почтительно поздоровались, а моя спутница сказала ему вслед:

— Этот человек дальше диспетчера не вырастет!

С тех пор я помню эту женщину только потому, что продолжаю мысленно спорить с ней о Борисе Ивановиче. Жизнь доказала ее неправоту. Как руководитель, он удивлял многим, например, умением сдерживаться. Какие иной раз на совещании страсти бушевали! Но он никогда не позволял в споре переходить на личности. Слушает громкие речи, не вмешиваясь, а потом тихо, но веско скажет: «Запишите то-то, срок исполнения такой-то». И все, как отрезал. Колесников никогда не сидел в бездеятельности, всегда был настроен на логическую и аналитическую волну. Часто, когда все говорили — слушали, он на листочке что-то вычислял... Мозговая работа не прекращалась в нем.



Борис Иванович никогда не назначал совещание сразу по приезде в Дудинку. Вместе с помощниками и руководителями он объезжал порт и город, складские помещения и, только все увидев своими глазами, поговорив с людьми на месте, начинал официальный, деловой разговор. Меня приятно удивляло, что мою профессию речника он понимал, как свою, — профессионально. Сколько я знаю примеров на своем веку, когда толковые предложения снизу наталкивались на глухое непонимание вышестоящих начальников, вот когда гром грянет, они сразу начинали действовать... Борис Иванович глубоко вникал в проблему сразу. Вот так с его помощью состоялось второе рождение Дудинского порта.

Базовая численность рабочих и ИТР порта уже не первый год была тормозом для его развития. Людей не хватало. Борис Иванович вышел с ходатайством в Министерство цветной металлургии. Из Москвы при-



*А.Г. Кизим (справа) за работой*

ехал зам. министра Н. Глушков, обошел порт, изучил проблему на месте и плановую численность коллектива было разрешено увеличить на 1100 человек. Если бы не вдумчивость Бориса Ивановича, его умение заглянуть в будущее, дело могло еще тонуть в разговорах и переписке...

Б.И. Колесников был не из тех, кто в сердцах мог наорать. Он и наказывал не всегда, главное, чего он всегда добивался, чтобы не повторилась ошибка, тот или иной просчет. Уверен, с ним не могло произойти случая, который связан с именем В.В. Дроздова. Он, руководитель высокого ранга, однажды небрежно бросил фразу главному инженеру института «Гипропроектранс» Науму Яковлевичу Смайловскому: «Да ты так и не знаешь Дудинский порт!» Науму Яковлевичу, человеку трудной судьбы, стало плохо... Он не успел вернуться домой в Новосибирск, через три дня умер в Москве... Вот какой дорогой может быть цена слова начальника...

Я вырос без отца, пережил всякое... Всегда с благодарностью вспоминаю директора школы, начальника речного училища — родной не отнесся бы ко мне лучше них. Серьезным ориентиром в жизни навсегда остался для меня и Борис Иванович Колесников, хороший руководитель, умный, требовательный, умеющий планировать будущее. И все же главное в нем — в ЛЮБОЙ ситуации он оставался надежным и принципиальным человеком. Я доверял ему всем сердцем.



## Сергей Брилев:

*«... за годы работы он никого никогда не унижил».*

Первую запись в трудовой книжке мне сделали на Норильском комбинате. Начинать дежурным электромонтером, начальником смены, цеха, руководить предприятием «Высоковольтные сети», возглавлял строящуюся ТЭЦ-3, управление энергетики, был генеральным директором производственного объединения «Норильскэнерго». Последняя должность на комбинате — зам. главного инженера по энергетике. Все это укладывается в 43 года — за эти десятилетия я сам учился руководить людьми и общался с начальниками разных уровней. Мне везло на хороших людей, но самая большая удача — работа с Борисом Ивановичем Колесниковым.

15 лет его руководства Норильским комбинатом — самое бурное время развития современного производства, роста социальной инфраструктуры промышленного района. При нем каждый год сдавали 100–120 тысяч кв.м жилья и более. А ведь это требовало от энергетиков огромных усилий. Заслуга директора Колесникова в том, что он умел объединить вокруг себя единомышленников, опытных профессионалов, — он ставил их на ответственные посты. И уж если он доверял людям, то не вмешивался в их работу, но координировал ее с большими задачами комбината.

Время нам досталось жесткое: часто приходилось делать, казалось бы, невозможное, забывали об отдыхе, необустроенном быте, трудных условиях работы... Тяжко бывало всем... Но как бы то ни было, наш директор всегда был образцом выдержки: даже в чрезмерном волнении, в самой критической ситуации

Борис Иванович не срывался, не устраивал разносов, но умел настроить на дело — не пропадало настроенные работать, скорее устранить недостатки. На нас действовал даже его негромкий голос — его слушали с особым вниманием. И при этом Колесников умел жестко сказать: «Я вам делаю замечание», и это было очень серьезное предупреждение. Как говорится, умному достаточно.

Мы запомнили нашего директора как скромного человека. Он никогда не якал, не подчеркивал свое высокое положение директора НГМК, депутата Верховного Совета СССР. Однажды я поехал с Б.И. Колесниковым в Сочи: надо было канализационные стоки санатория «Заполярье» врезать в городскую систему. А преград этому возникало немало, нам даже предложили специальные очистные сооружения строить. Для разрешения проблемы надо было встретиться с руководителем водоканала города. Главный врач санатория хотел договориться о приеме, но Борис Иванович категорически возразил. Мы приехали на встречу, как и все его посетители. Сидим в приемной 10 минут, 20... Я попытался напомнить секретарю о должности Колесникова, но он остановил меня словами: «Раз занят — подождем». Через 40 минут мы зашли в кабинет и, вооруженные цифрами и фактами, разрешили свою проблему.

А как — благодаря Колесникову! — мы вышли из аварии на газопроводе в феврале 1987 года! Морозы стояли жуткие — 45 градусов, ветер. Мы заглушили участок газопровода от Большой Хеты и потихоньку стали использовать оставшийся в трубах газ для плавного перехода котлов на сжигание аварийного дизельного топлива. Диспетчер комбината требовал от меня прекратить это: газ нужно было оставить для технологических целей. Я категорически возражал: если мы потеряем температуру теплоносителя в городе, замерзнут дома, люди, дети... Мы просчитали, сколько газа надо оставить для производства, чтобы и здесь не случилось беды, но диспетчера это не убе-

дило. Борис Иванович позвонил мне домой ночью и тактично спросил, как идут дела. Я понял, что на меня пожаловались: мол, не выполняет вышестоящие указания. Суть наших разногласий я объяснил. «Правильно. Делай как знаешь», — сказал директор. Его понимание было настоящей поддержкой, а вскоре жизнь доказала мою правоту.

Когда вместе с Надеждинским заводом на Кайеркане строилась ТЭЦ-3, каждый день Борис Иванович проводил планерку. До нее он обязательно заезжал на ТЭЦ-3. Падение уровня Хантайского водохранилища могло привести к критической ситуации, и Борис Иванович взял под личный контроль монтаж оборудования на теплоэлектроцентрали. «Энергетика — это серьезно, это как точка отсчета», — говаривал Б.И. Колесников. Он появлялся у нас всегда подтянутым в чистой белизны сорочке и с неизменной улыбкой, тепло здоровался со всеми и приносил с собой уверенность, что все будет хорошо...



*Слева направо: А.В. Филатов, Б.И. Колесников, П.Ф. Ломако*

Каждый из нас сталкивался с самыми разными начальниками — чванливыми, грубыми и просто хамами. Борис Иванович не был таким, за годы работы он никого никогда не унизил. И не позволял этого другим. Помню совещание в Норильске, которое вел министр Минцветмета П.Ф. Ломако. Уже забыл суть его недовольства, но он так начал распекать главного механика комбината Леонида Ивановича Данилова... Обстановка накалялась... И тут Борис Иванович предложил: «Давайте я сам разберусь с этим делом и приму меры. Если надо, накажу». Ломако сразу сбавил обороты... Борис Иванович не позволял вот так ругать своих подчиненных...

С ним приятно было в командировках, бывало, что мы заезжали к директору и без дела. Разговоры все равно возвращались к работе, но они были неформальными, откровенными, интересными и для нас, и, наверное, для Бориса Ивановича. Тогда в Москве было невозможно пообедать, не отстояв в очереди 2–3 часа. Зная об этом, Колесников часто после совещания в Москонторе говорил нам: «Поехали обедать со мной». В гостинице «Москва» он с кем-то договаривался, и мы обедали с ним в зале для депутатов...

Наш директор оставался человечным даже в аварийных ситуациях. Однажды при прокладке водовода между насосной станцией и кислородным комплексом НМЗ затопило тоннель, по которому прокладывали трубопроводы, где стояли тракторы: кто-то плохо закрыл затворы бассейна. У начальника управления строительства НМЗ А.Н. Закопырина была манера все возводить в степень, и потому, чтобы сразу настроить людей с нервного на деловой лад, Борис Иванович пошутил: «Смотрю — в тоннеле одни трубки торчат, что такое? — И через паузу: — Откачаем воду, трактора покажутся...» Так он шуткой разрядил зловещее напряжение...

Справедливо замечено, что многое о руководителе могут сказать его кабинет и стиль работы секретаря. Конечно, есть тут неизбежный шаблонный

набор предметов, привычек, условностей, и все же индивидуальные приметы есть у каждого. На рабочем столе Бориса Ивановича всегда был порядок — он умел четко систематизировать огромное количество поступающих к нему документов и собственные блокноты с записями. Любил красивые ручки. Шариковые не признавал, писал только чернилами. Ставил очень затейливую подпись. «Подделать ее невозможно», — шутил Борис Иванович. Он всегда живо интересовался политикой, много читал, его эрудицию отмечали все...

Каждый четверг с 16 до 20 часов я сидел в своем кабинете (как и все руководители ведущих служб комбината), потому что это были часы приема директора комбината по личным вопросам. Это как-то родилось само собой, никакой инструкции на этот счет не было. Мы даже не знали, кто записался на прием к директору и по какому вопросу, а информация могла понадобиться ему именно в это время. Абсолютное большинство просьб Б.И. Колесниковов удовлетворял, и это говорило не только о том, как готовил эти приемы его аппарат, но и о его готовности помочь людям. За это его любили. Впрочем, он помогал многим и помимо приемов.

Секретарь Нина Михайловна Дмитриева работала с Борисом Ивановичем с первого до последнего дня. Она была не просто секретарь, а его настоящий помощник. Бывало, она сама звонила руководителям по мелким вопросам — берегла время директора. Борис Иванович любил ее и доверял безгранично Нине Михайловне, человеку простому и душевному, трудолюбивому и ответственному, постоянно готовому помочь своему директору и людям. Эти качества отличали и роднили директора и его секретаря.





*Борис Албегов. 1968 г.*





**Борис Албегов:**

*«...Норильск — главный город  
в моей жизни...»*



*Б.Б. Албегов. 2000 г.*

## КОРНИ

Осенью 2002 года в череде трагических событий, периодически потрясающих нашу многострадальную Родину в последние годы, разыгралась еще одна трагедия, невиданная доселе в новейшей истории России и не имеющая аналогов, по крайней мере, в последние 100 лет. В Кармадонском ущелье Северной Осетии, известном теперь всей стране, сорвался с гор громадный ледник Колка, обрушил вниз миллионы кубометров льда, снега и воды, все это с огромной скоростью устремилось вниз на равнину, сметая с пути все живое и неживое. Стихия уничтожила село Нижний Кармадон, пострадали другие близлежащие селения, уничтожены также корпуса построенного в 60-х годах санатория «Кармадон». Самое страшное — погибло более 100 человек, в том числе — съемочная группа С. Бодрова-младшего, которая работала в горах над новым фильмом. Вся страна с тревогой и напряжением следила за этой страшной драмой из жизни Северной Осетии.

В моем сердце эта трагедия отозвалась острой и долго не утихающей болью. Кармадонское ущелье — это могилы моих предков, дом моих родителей и годы моего далекого теперь уже детства.

В нескольких километрах от печально знаменитого ледника Колка расположены сохранившиеся остатки старинного осетинского селения Тменикау, теперь это всего несколько домов, где в конце XIX века родился мой отец Битка Бибоевич Албегов. В соседнем селении, расположенном на другом склоне горы, родилась моя мама Згыта Габлаевна. Селения эти расположены достаточно высоко над долиной реки Геналдон, где разыгралась трагедия, и стихия не достала семейные могилы наших пра-

родителей. В подростковом возрасте — в 12–14 лет я слушал и запомнил рассказы отца о бедствиях, которые причиняли горцам ледники, лавины, отвалы. В 1902 году — 100 лет назад — ледник Колка также уничтожил дома горцев, расположенные близко к реке в долине. После этого горцы ушли вверх в горы.

Мои родители прожили долгую жизнь — совместно около 60 лет, и оба умерли в возрасте 90 лет. Отец мой рано потерял своего отца — моего деда, о котором, к сожалению, я почти ничего не знаю, у нас в доме не сохранилось даже его фотографий. Может быть, потому, что в горах в те годы их просто не умели делать. Отца и двух его братьев, которым было по 5–7 лет после смерти деда, воспитала бабушка. Это было тяжелое время — в горах остаться одной с тремя детьми, но бабушка никогда больше не вышла замуж, у нее был твердый характер. Я помню, что в годы моего детства в нашем доме висел портрет бабушки, на котором она была похожа на красивую и пожилую испанскую или итальянскую актрису. Умерла она в 1952 году.

Отец в детстве и отрочестве ходил в пастухах у богатых осетинских алдаров — князей, в молодости искал возможность как-то заработать и построить свой дом. В начале XX века он уехал в Турцию, какое-то время работал в шахтах Донбасса. В те годы многие осетины в поисках заработков и счастья уходили и уезжали в дальние страны, но, увы, немногим улыбалась удача. Отец мой вернулся в Осетию, а вскоре случилась революция 1917 года. Он принял революцию и активно боролся за установление советской власти на Северном Кавказе. Вступил в Красную Армию, был членом революционной партии, названия которой я, к сожалению, не помню. На всех фотографиях 20-х годов отец изображен в форме красноармейца с ремнем через плечо, как было модно в те годы. В детстве я всегда гордился отцом, глядя на его фотографии.



*Родители Б.Б. Албегова в 20-х гг.*

В 30-х годах началась коллективизация, отец одним из первых вступил в колхоз, долго работал в нем, а в 1940 году был избран председателем колхоза имени Губа (осетинского революционера). К тому времени семья отца переселилась на равнину — в село Нижняя Саниба Пригородного района, где позже родился я. А поженились мои родители в 1918 или 1920 году, за давностью лет трудно восстановить точную дату.

Работать председателем колхоза в те годы было очень трудно: началась коллективизация. Кого-то раскулачили ни за что, опыта ведения коллективного хозяйства не было, многие люди были недовольны, мстили друг другу и властям. Отца арестовали по доносу в 1943 году и, как это делалось в те годы, быстро осудили на 10 лет заключения. Это был страшный удар для семьи! Можно представить себе положение семьи, в которой было шестеро детей, старшему из которых было 18 лет, а младшему — 2 года (это был я)...

Как прокормить семью, как выжить?! Шла война, все работали для фронта. Мои братья и сестры — несовершеннолетние подростки начали работать и хоть как-то добывать хлеб. Мой брат Умар в 15 лет после занятий в школе шел в колхоз, запрягал быков и возил до темноты дрова, сено, какие-то мешки. Глубокой ночью он делал уроки, а утром все сначала — школа, быки, колхоз. Так же работали и сестры.

Это был самый тяжелый период в жизни нашей семьи. Выжили не все — в 1944 году от болезней умер брат Дмитрий. Годом раньше забрали на фронт старшую сестру Фросю. Она служила в зенитном полку, защищала город Грозный от налетов немецких самолетов. Говорят, что на войне люди взрослеют раньше времени. Я верю в это, глядя на фотографии военных лет, где моим братьям и сестрам по 15–19 лет...

Моя мать приложила все силы к тому, чтобы добиться настоящего и справедливого рассмотрения «дела» отца. Она продала вещи в доме, наня-



*Сестра Фрося и братья  
Умар (слева), Асланбек Албеговы. 1943 г.*

ла лучших адвокатов, они писали в Москву на имя М.И. Калинина, И.В. Сталина. Но денег все равно не хватило и в конце концов пришлось продать последнюю нашу кормилицу — корову. В те годы корова в доме спасала семью, так как все жили тем, что давали огород и корова. Пришлось пережить и это. Наконец «всесоюзный староста» каким-то образом откликнулся на письма матери, назначили новый суд по делу отца, его освободили, и он, отсидев больше двух лет по доносу негодяя, вернулся домой. Это был 1946 год. После этого он много лет работал заведующим животноводческой фермой в колхозе, где раньше был председателем, и дожил до преклонного возраста.

Моя мама Згыта Габлаевна всю жизнь была домохозяйкой, но она совершила свой материнский подвиг: воспитала нас, шестерых детей, в самые тяжелые военные годы. За это она получила от государства высокую женскую награду — «Медаль материнства». До самых последних дней своей жизни она очень гор-



*Борис Албегов (справа) с братом Умаром  
и сестрами Ниной и Досей. 1954 г.*

дилась своими детьми, тем, что все мы получили хорошее образование, выучились и работали педагогами, бухгалтерами, инженерами, юристами.

Мое воспитание и мировоззрение складывалось под очень сильным влиянием старших братьев и сестер, которые учились в техникумах и институтах. В нашем большом деревенском доме допоздна горел свет, я с удивлением рассматривал непонятные мне цветные географические карты, учебники зарубежной литературы с портретами французских писателей. Это брат Умар помог мне полюбить литературу и поэзию.

В 16 лет он поступил на литературный факультет Северо-Осетинского пединститута, который окончил в 20 с половиной лет. На чердаке нашего деревенского дома после его смерти много лет хранились подробные конспекты и собственные статьи с разбором творчества Ф. Рабле, Данте Алигьери, В. Шекспира, Э. Золя и других писателей и поэтов. Особенно подробно он анализировал пьесу Лопе де Вега «Собака на сене» — она ему нравилась больше других.

Стихи Умар начал писать на первом курсе института. Он посылал их в разные журналы, осетинским писателям. Писал он на русском и осетинском языках. И пришло время, когда его стали печатать в газетах, журналах, сборниках. Одно стихотворение было включено в школьную программу по литературе — его читали во всех школах Осетии. Помню, как меня, ученика 5-го класса, вызвали к доске и я был преисполнен мальчишеской гордости оттого, что читаю стихи своего брата, которому в то время было всего 24 года.

Вероятно, есть какой-то глубокий и загадочный смысл в словах древнегреческого поэта Менандра: «Тот, кого любят боги, умирает молодым». Мой брат Умар прожил всего 38 лет. После его смерти я собрал его неизданные стихи, и Союз писателей республики издал их в литературном журнале отдельной подборкой.



Мои сестры носили русские имена: Фрося, Дося, Нина. После возвращения с фронта Фрося окончила техникум по бухгалтерской линии и много лет была главным бухгалтером одной из больниц г. Владикавказа. Дося и Нина окончили педагогические вузы и посвятили себя учительской работе в школах Осетии. Время неумолимо берет свое — из нашей большой и дружной семьи многие ушли из жизни, остались только сестра Нина и я.

В детские и юношеские годы я очень много работал с отцом в домашнем хозяйстве и в колхозе — вспахивал огороды, косил сено, заготавливал дрова. Каждую весну мы обрабатывали колхозный гектар кукурузы, так поступала каждая семья. Крестьянская работа закалила мой характер и волю, что очень помогло мне в дальнейшем. В 10-м классе я перешел из сельской школы в школу Владикавказа, окончил ее с золотой медалью и уехал в г. Ростов-на-Дону, где поступил в институт инженеров железнодорожного транспорта.

## **ПУТЕВКА В НОРИЛЬСК**

После института вполне осознанно и самостоятельно я связал свое будущее с Норильском. В конце 1965 года в кабинете председателя комиссии по распределению выпускников института инженеров железнодорожного транспорта царил бурное оживление. Мои однокурсники выходили из кабинета по-разному: одни — с восторгом победителя, другие — с мрачным, каменным видом, а некоторые из девушек просто впадали в истерику... Причины были понятны: кому-то предстояло работать в престижных Волгограде и Саратове, кому-то даже удалось остаться в Ростове, а иные вынуждены были ехать на работу в далекое и старое локомотивное депо на глухой станции.

Я не испытывал особых волнений, потому что заранее сделал свой выбор. На вопрос председателя, где я хочу работать, ответил: в Норильске. Я подошел к

огромной карте железных дорог страны, на самом ее верху нашел указкой короткую красную линию железной дороги, соединявшей Дудинку с Норильском, и попросил направить меня туда. Члены комиссии молча, с удивлением переглянулись друг с другом. Председатель с удовлетворением пожал мне руку, пожелал успехов и на прощание спросил: «А вы знаете, что там очень холодно, ведь вы — южанин?» Я не помню, что я ему ответил, но его вопрос почему-то запомнился...

Так пять минут распределения после института стали прологом интересной и долгой жизни в Норильске длиной в 32 года! На Крайний Север я прилетел 24 января 1966 года. Меня встретил мороз — 46 °С. С непривычки было трудно дышать, но молодой организм быстро привык к любой погоде. Первым, с кем я встретился, был начальник Норильской железной дороги Михаил Дмитриевич Новгородов. Он долго объяснял мне, что сначала надо потрудиться на рабочей должности, познать премудрости профессии на практике, а уже потом руководить людьми. Я же со свойственной молодым специалистам амбициозностью настаивал, чтобы меня сразу назначили мастером по ремонту оборудования, как было написано в направлении на работу. Но в конце концов с доводами руководителя пришлось согласиться — я получил свое первое рабочее назначение помощником машиниста тепловоза.

Жилищный вопрос решился довольно быстро — мне, молодому семейному специалисту, дали комнату площадью 9,8 м<sup>2</sup> в коммунальной квартире, и все это произошло через неделю после моего приезда. Меня это приятно удивило, и уже тогда я подумал, что, видимо, в Норильске очень серьезно и внимательно относятся к молодым специалистам, если так быстро решают их проблемы. В дальнейшем я неоднократно убеждался в том, что это было действительно так. При управлении кадров комбината было создано бюро молодых специалистов, которое возглавляла Е.Д. Рож-

кова, после нее — Л.П. Прокаева, на общественных началах действовал совет молодых специалистов. Эти структуры играли очень заметную роль в подготовке резерва кадров для предприятий комбината.

Волею судеб моя работа на железной дороге оказалась недолгой. Примерно через месяц ко мне домой пришел начальник отдела кадров Проектной конторы Борис Михайлович Белоголовкин и предложил перейти на работу инженером в отдел автоматики. Я смутился и удивился одновременно — серьезные люди ходят домой ко вчерашним студентам, предлагают им работу... Как быть — я не знал. Позже я понял, что это была претворяемая в жизнь политика руководства комбината на выдвижение молодых. Организационные вопросы решились, и я оказался в отделе автоматики Проектной конторы (позже — институт «Норильскпроект»).

Здесь я в первый же день работы попал к человеку, которого в Норильске знали все — на работу меня принимал лично будущий директор комбината Николай Порфирьевич Машьянов. Он тогда работал начальником Проектной конторы. Когда меня ему представили, Николай Порфирьевич спросил: «Что, надолго?» — «Лет на десять». Ему мой ответ понравился, он заметно оживился и посоветовал мне: «В таком случае работайте не менее 15 лет», очевидно имея в виду действовавшие в те годы льготы по пенсиям, жилищным кооперативам и т.д.

Я не знал, как вести себя с ним в разговоре, волновался. Николай Порфирьевич, заметив это, спокойно стал рассказывать, что старая гвардия замечательных специалистов — профессоров своего дела, к сожалению, постепенно уезжает, нужна молодая смена, поэтому мое будущее зависит от меня самого. Я запомнил эту встречу, она рассеяла мои сомнения в том, стоило ли мне переходить на работу в Проектную контору.

При мне Н.П. Машьянов руководил Проектной конторой больше трех лет, я систематически встре-

чался с ним по работе. Николай Порфирьевич запомнился своей энергичностью, напористостью, во всем он добивался порядка, системы, строго выговаривал неисполнительным работникам и особенно — нарушителям трудовой дисциплины, в число которых два-три раза попадал и я. Его строгость и требовательность наводили определенный страх, заставляли людей подтягиваться, быть собранные в работе. Запомнился один эпизод.

Когда Машьянов принимал меня на работу, в его кабинет зашел кто-то из начальников отделов и, увидев меня — незнакомого молодого посетителя, решил прервать нашу беседу и задал какой-то вопрос. Это привело в ярость Николая Порфирьевича. Он немедленно вызвал секретаря и устроил ей разнос: «У меня сидит товарищ Албегов, я с ним разговариваю. Почему вы позволяете кому-то входить ко мне? Здесь не проходной двор...» Воцарилось молчание, посетитель и секретарь вышли, а я почему-то почувствовал себя неловко — как будто я в чем-то провинился.

О дальнейшей работе Н.П. Машьянова в должностях главного инженера комбината, директора комбината я не могу судить — на этом уровне я с ним не встречался, но за время работы в Проектной конторе он остался в моей памяти как строгий, требовательный, энергичный руководитель. Мне импонировала его практика работы — с каждым работником независимо от его должности, звания, возраста он лично выяснял важные вопросы сам, не перепоручая другим.

В середине 60-х годов Норильск имел совсем другой вид, чем сегодня. Не существовала еще улица Лауреатов, Талнахскую застроили только с одной стороны, не было набережной Урванцева, высотных домов вдоль озера Долгого, Дворца спорта «Арктика», по понятным причинам в те годы не могло быть ни церкви, ни мечети, ни домов молитвы. От нынешней площади Металлургов до пересечения улиц Нансена и Бегичева был огромный пустырь с громадными

валунами, через который я ходил пешком на работу в институт «Норильскпроект». Жил я в то время на улице Хантайской и в любую погоду независимо от времени года и температуры практически через весь город шел пешком. Через пустырь была проложена тропа, она виляла между камнями, и если не поднимать глаза на виднеющийся впереди город, то было ощущение, что на несколько минут ты оказался в талнахских горах. Позже это место застроили жилыми домами, о чем я очень сожалел.

В 70-х годах кроме жилья на этом месте было построено много социальных и культурных объектов: кинотеатр «60 лет Октября» (ныне — ККЗ «Арт»), магазины «Культура жилища», универсам, здание Сбербанка, почты и др. Вообще по размаху гражданского строительства 70-е и 80-е годы в истории Норильска неповторимы — строилось очень много жилья для норильчан, очередь на получение жилья двигалась быстрыми темпами, жизнь людей улучшалась буквально на глазах одного поколения. Примерно в то время построены: прекрасное по своей архитектуре новое здание драматического театра, спорткомплекс «Арктика», лыжная база «Оль-Гуль», Дом быта, Дом правосудия, магазин «Дом торговли» и много других объектов. Ежегодно в планах строителей значились не только сдача в эксплуатацию жилья, но и возведение новой школы, детского сада, больницы.

Говорят, большое видится на расстоянии... Сейчас — по прошествии десятилетий — многие из нас поняли, что это была та самая социальная защита граждан, которой сегодня, в эпоху реформ, нам так не хватает. Тогда же все мы считали, что все так и должно быть: комбинат дает нам работу, жилье, место ребенку в детском садике, путевку в санаторий за символическую плату, больницы лечат нас бесплатно...

Но возвращаюсь в середину 60-х годов.

## НОРИЛЬСКПРОЕКТ

В Норильскпроекте я проработал с 1966 по 1980 год, занимал разные должности — от инженера до главного инженера проектов АСУТП. Это был период активного накопления знаний, изучения самых разных производственных процессов комбината, я занимался автоматизацией производства. Специфика же работы по автоматизации того или иного производства заключается в том, что проектировщик должен досконально изучить сам технологический процесс, его параметры, контролируемые узлы, последовательность работы всех электроприводов, их взаимную связь, порядок их запуска в работу и остановки, то есть он должен знать не меньше, а больше технолога, разработавшего этот процесс. Только в этом случае можно спроектировать эффективную и технически совершенную схему управления механизмами, измерения контролируемых параметров, регулирования самого процесса, сигнализации о нормальной или аварийной работе оборудования. Работа эта очень интересная, захватывающая и увлекательная, постоянно нужно быть в курсе всех новейших достижений в области автоматизации и закладывать в проекты самые последние модификации контрольно-измерительных приборов, средств управления и другой аппаратуры.

Постоянно приходилось заниматься творчеством, так как стандартные решения по автоматизации существовали, пожалуй, лишь для приточной вентиляции, все остальное приходилось разрабатывать самим. Диапазон производственных процессов был самый широкий — от производства строительных материалов до рудно-термических печей и контроля уровней в рудоспусках. Это давало нам, молодым проектировщикам, огромный кругозор, расширяло наши знания. Можно сказать, что все эти 14 лет работы в отделе автоматики Норильскпроекта были школой профессионального мастерства.



*Норильскпроект. Инженерная бригада по АСУТП. 1979 г.*

Я попал в инженерную бригаду Анушавана Геворковича Арутюняна. Бригада была большая — 12 или 13 человек, нас, молодых в возрасте до 27–28 лет, было там 5 человек, мне в то время было 24 года. Анушавана Геворковича мы почему-то прозвали Хозяином, за что, я уже не помню. Ему это даже нравилось. Это был человек сложной и трагической судьбы. В молодости, в военные годы, он был осужден на 10 лет, отсидел их все, за что его судили — не могу сказать. Но хорошо помню его рассказы о том, как он в паре с другим заключенным копал вручную фундаенты под здания на Октябрьской площади, там, где потом выстроили магазины «Сияние», «Москва», техническую библиотеку комбината. Один из них стоял наверху и держал веревку, другой внизу рыл киркой мерзлую землю и подавал ее с ведром наверх. Потом они менялись местами, и это — в морозные зимние дни. Он пережил эти ужасы, остался жив, стал работать в Проектной конторе. Под руководством А.Г. Арутюняна были разработаны десятки проектов автоматизации металлургических процессов медного завода — его бригада занималась в основном медным заводом.

В жизни Арутюнян был добродушным человеком, сдружился с нами — молодыми специалистами, у нас сложились с ним хорошие отношения. Мы иронизировали над его слабостями — он любил выпить иногда, а на следующее утро ходил с тяжелой головой и в таких случаях всегда собирался ехать на медный завод. Он говорил с кавказским акцентом: «Я из утра еду на медный завод». На обратном пути он снимал головную боль пивом и появлялся довольный. Однажды мы изобразили его в праздничной стенгазете страдающим, с перевязанной мокрым полотенцем головой, полуобнаженного. Он срочно вызывал по телефону такси с просьбой: «Срочно! Надо на медный завод, дэвушка, голова...» Он смеялся вместе с нами над этим шаржем, но не обиделся. На материк мы провожали его с грустью — Хозяин нас покинул...

В бригаде А.Г. Арутюняна, да и в других бригадах отдела автоматики работали эрудированные инженеры: И.П. Куприянова, Л.А. Павлова — по металлургии, Т.Н. Катцына, Ф.Ф. Кроваль — по горному хозяйству, П.А. Постовалов, Е.С. Лопухинская, Э.И. Гайдар — по обогащению и производству строительных материалов, Л.А. Белякина — по связи. Это был инженерный костяк отдела. По роду работы со всеми бригадами взаимодействовала А.И. Благих. Но душой отдела, его мозговым центром и генератором идей был мой товарищ и друг Евгений Херсонский, о котором я еще расскажу подробнее. Начальником отдела у нас был В.А. Корнеев, позже он стал директором проектного института в г. Красноярске.

В середине 70-х годов в работе отдела автоматики появилось новое, более современное направление — диспетчеризация и автоматизированные системы управления. Пришло новое пополнение к проектировщикам: В.А. Чухнин, позднее ставший начальником отдела АСУТП комбината, В.М. Черненко, В.Г. Мазоха. Я был назначен руководителем бригады диспетчеризации, а позднее несколько лет занимался автоматизированными системами управления



технологическими процессами (АСУТП). Мы разработали несколько проектов по диспетчеризации рудников «Комсомольский» и «Октябрьский». Системы телемеханики, которые были заложены в проектах, позволяли диспетчеру со своего рабочего места контролировать состояние энергетических объектов и управлять подстанциями, водоотливными установками, турбокомпрессорными и т.д., а ведь они были разбросаны на больших расстояниях друг от друга. Это очень облегчало работу эксплуатационников. Когда мы согласовывали с ними проект решения, они с некоторым скептицизмом спрашивали: «Неужели у нас на руднике будет энергодиспетчер?» Не могу сказать о сегодняшнем состоянии этих систем, но тогда они вызывали большой интерес у специалистов.

Более сложными для разработки и внедрения оказались системы АСУТП. В то время не существовало единой методики разработки этих систем, не было еще ГОСТов, нормативные документы по этим вопросам были расплывчатыми, грешили неточностями. Поэтому и разработки шли с трудом. «Норильскпроект» совместно с головным разработчиком — Киевским институтом автоматики (КИА) начал разработку проекта «АСУТП рудника «Комсомольский». Киевляне применили в проекте сложную систему телемеханики собственной разработки, она оказалась громоздкой, не приспособленной к местным условиям, и в конце концов первая попытка автоматизированного контроля работы всего рудника оказалась неудачной. Надо отметить, что в те годы в стране не было внедренных систем подобного профиля и масштаба.

Эти ошибки были учтены при разработке следующего проекта — «АСУТП аглофабрики». Здесь головной разработчик — институт «ВНИКИЦМА» (г. Москва) заложил отечественную серийную ЭВМ М-7000, а программное обеспечение к ней было разработано нами. Система контролировала весь технологический процесс получения и обработки агломерата и передачи

его в следующий цикл производства. После ее запуска в работу вскоре я перешел на другое предприятие комбината — завод минераловатных изделий.

В Норильскпроекте наша работа не ограничивалась чисто профессиональными интересами, мы много и оживленно обсуждали после работы новинки литературы, поэзии, искусства вообще. В те годы впервые были изданы массовыми тиражами знаменитые романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», произведения И. Бабеля, Г. Лорки и других писателей и поэтов, которыми мы зачитывались, давали книги друг другу, цитировали наизусть целые абзацы.

Молодая энергия искала самовыражения, и мы нашли выход: стали издавать праздничные стенгазеты, в которых вместо привычных и скучных поздравлений остро иронизировали над пошлостями жизни. Подражая Кукрыниксам, мы придумали себе коллективный псевдоним — Алчерхер, который наши коллеги восприняли с восторгом, руководство и партбюро почему-то посчитали его хулиганством. Составлен же наш псевдоним был из начальных слогов фамилий членов редколлегии нашей стенгазеты — Албегов, Черненко, Херсонский. В нашей стенгазете выражались слишком вольные мысли, но, несмотря на это, она всегда занимала в смотре стенгазет (был в то время и такой вид соревнований) одно из первых мест. Однажды сравнительно молодой секретарь партбюро института, ознакомившись с нашей газетой, улыбнулся и сказал мне: «Вы, конечно, молодцы, но все же это не серьезно!» Я пообещал быть серьезным, и на следующий праздник мы сделали еще более острую газету.

Среди всех инженеров института в те годы, пожалуй, самым эрудированным и талантливым был Евгений Борисович Херсонский. Это был совершенно неординарный человек! Он лучше всех нас знал теорию автоматического регулирования, любил математику, сочинял прекрасные стихи, любил поэзию — он всегда

носил с собой томик стихов какого-нибудь поэта. Он читал стихи даже в ожидании комплексного обеда в ресторане «Таймыр», куда мы ходили обедать.

Все самые сложные проекты автоматизации всегда поручались Жене Херсонскому, и он всегда находил оригинальные решения. Никто не мог сравниться с ним в инженерном творчестве. Экспертиза всех проектов иностранных фирм в части автоматизации, переговоры со специалистами других проектных институтов страны, разработка перспективных технических вопросов по автоматизации на уровне Норильского комбината — для всех этих работ Евгений Херсонский обладал большими знаниями и работал всегда с вдохновением.

Я много лет дружил с Женей, эта дружба до сих пор греет душу светлыми воспоминаниями. Мы звали друг друга «мсье» — это обращение возникло после чтения одного из рассказов Мопассана, который нам обоим очень понравился. В наших отношениях вне работы всегда было много юмора. Однажды я выступил на конференции по энергетике, которую организовал Минцветмет в г. Дзержинске, с докладом по диспетчеризации энергоснабжения горных предприятий. У нас был «круглый стол» на телевидении, за который, к нашему удивлению, заплатили деньги. Я получил, кажется, 38 рублей. Когда я рассказал об этом Жене, он тут же сочинил стихи:

*Рекой текут к нему тугрики  
Из южной далекой республики...*

Полученный гонорар мы в первый же вечер после приезда потратили в ближайшем кафе на популярное в те годы болгарское сухое вино «ТЫМЗА». За столом мне было дано шутливое задание съездить еще на другую конференцию и привезти новый гонорар. Я сказал, что не хочу снова работать над серьезным докладом. «Доклад я тебе напишу сам», — отпарировал Женя. Еще много можно было бы рассказывать о блестящем инженере и замечательном человеке Ев-

гении Херсонском. О его высоком гражданском мужестве — он мог грудью заступиться за слабого, которому нужна была защита; о его знаменитой рассеянности — он мог прийти на работу в разных носках и т. д. Мы в отделе очень любили Женю. Он ушел из жизни в 1995 году.

В 60–70-х годах в Норильскпроекте еще работали замечательные специалисты, которые хлебнули много лиха во времена Норильлага: П.А. Эрец, Н.Н. Лазарев, С.Ф. Румянцев, М.А. Битадзе, Б.В. Херсонский.

Петр Александрович Эрец работал руководителем инженерной бригады горного отдела, а позже — начальником горного отдела. По характеру работы мне часто приходилось согласовывать с ним проектные решения. Несмотря на долгие годы тяжелой жизни, он остался очень жизнерадостным и общительным человеком. С молодыми проектировщиками он всегда общался с улыбкой и часто рассказывал нам анекдоты, почему-то всегда восточные. Когда вопрос по работе был согласован, он говорил: «А теперь я вам



*В Норильскпроекте на рабочем месте. 1979 г.*

расскажу японский анекдот». В следующий раз он рассказывал китайский анекдот, потом корейский и так далее. Но когда он вспоминал о своей жизни в лагерьном Норильске, лицо его всегда становилось грустным и угрюмым... Мы часто цитировали его крылатые выражения. Особенно интересно он рассказывал об А.П. Завенягине.

Серафим Федорович Румянцев запомнился задумчивым и грустным выражением лица, казалось, что он весь в прошлом — о чем-то размышляет молча. Встречался я с ним сравнительно редко, но почему-то в памяти остался его молчаливый взгляд.

Николай Никифорович Лазарев и Михаил Алексеевич Битадзе были в числе лауреатов Ленинской премии за разработку и освоение строительства жилья на сваях в условиях вечномерзлых грунтов. По характеру они были противоположными людьми, по крайней мере, мне так казалось. Суровый и строгий облик Николая Никифоровича наводил некоторый страх на нас, молодых специалистов. А если к этому добавить то, что он был секретарем партбюро, то его действительно побаивались некоторые сотрудники института. Он работал начальником отдела изысканий. Он был принципиальным человеком, и многие за это уважали его. Напротив, Михаил Алексеевич всегда был мягким, дружелюбным человеком, в разговоре с ним мы всегда чувствовали себя легко и уютно. Он работал руководителем бригады в строительном отделе института и со своими инженерами всегда разговаривал уважительно, я это часто видел.

Но одним из самых воспитанных людей, которых я встречал в своей жизни, был, наверное, Борис Вениаминович Херсонский. Когда я поступил на работу в Проектную контору, ему уже было около 70 лет и работал он главным инженером. За несколько лет совместной работы я ни разу не слышал от него повышенного тона в разговоре, раздражительных упреков. Замечания он делал в такой форме, что провинившемуся становилось стыдно за свои поступки. Между тем жизнь у него была

очень сложной и даже трагической. В молодости Борис Вениаминович был способным инженером-металлургом, он работал в Сталинграде на металлургическом заводе. По решению Г.К. Орджоникидзе его командировали в Германию на металлургические заводы Круппа для стажировки. Позже он часто рассказывал нам о своей жизни и работе в Германии, а мы с огромным интересом слушали его рассказы об организации труда на немецких предприятиях, в которых было очень много необычного для нас. Рассказывал он также о своих встречах с Г.К. Орджоникидзе. После нескольких лет стажировки и работы в Германии Б.В. Херсонский вернулся на завод в Волгоград, стал его главным инженером или другим каким-то руководителем — точно не помню. Но через некоторое время его арестовали, осудили, и он оказался в Норильске. Он выдержал долгие годы заключения в Норильске, прошел через все муки лагерей, но остался удивительно добрым человеком. Он сохранил достоинство и какую-то внутреннюю интеллигентность. Эти качества были заметны собеседнику с первых же минут разговора с ним.

Однажды в Норильскпроекте, получившем совсем недавно статус института, решили ужесточить трудовую дисциплину и провели рейд по выявлению нарушителей. Оказалось, что в один из дней на работу опоздали около 20 человек, в число которых попал и я. Опоздания были незначительными — от 5 до 30 минут, всех нарушителей собрали в кабинет главного инженера. Борис Вениаминович очень помрачнел лицом, когда увидел среди опоздавших своего сына Женю, о котором я уже рассказывал, мы с Женей сидели рядом. Всех нас Борис Вениаминович журил по-отечески, он говорил об ответственности, о серьезности в работе, не допустив никаких грубых выпадов ни в чей адрес. Наконец он обратился к своему сыну и спросил:

— А ты что здесь делаешь, тебе не стыдно? Я же знаю, что мать разбудила тебя в семь часов. Тебе не хватило полутора часов, чтобы перейти через дорогу и прийти вовремя?

Женя сидел молча, опустив голову. Надо пояснить, что Херсонские жили напротив «Норильскпроекта» в доме, где размещается универмаг «Талнах». После такого упрека мы почувствовали себя очень неуютно и испытывали чувство внутренней вины. Оказывается, простыми словами, идущими от самого сердца, можно заставить человека глубоко задуматься над своими поступками. Очень эффективный метод воспитания. Жаль только, что не всякий руководитель находит эти слова в нужное время, в нужном месте и адресует их подходящему для этого человеку.

Борис Вениаминович Херсонский знал и умел это делать.

## УПРАВЛЕНИЕ СТРОЙМАТЕРИАЛОВ

В середине 70-х годов руководством комбината было принято решение о строительстве завода минераловатных изделий в составе управления стройматериалов. В связи с интенсивным строительством комплекса Надеждинского металлургического завода, ТЭЦ-3 и многих других объектов существовал острый дефицит в минеральной вате — легком теплоизоляционном материале, который тогда завозили с материка. Этот завоз обходился очень дорого, так как минеральная вата имеет большой объем и малый вес, «завозили воздух», как выражались экономисты.

Новый завод по проекту был размещен рядом с Надеждинским металлургическим заводом (НМЗ) и был оснащен технологическим оборудованием, закупленным в Швеции у фирмы «Юнгерс». Завод был построен в короткие сроки — за 2 года и был запущен в 1978 году. Я пришел на завод вскоре после его пуска и в течение почти 8 лет прошел с ним этапы его расширения и освоения новых производств — трехслойных металлургических панелей, профилированного стального настила, легкого заполнителя — азерита. В разные годы заводу присваивали новое наименование — ЗМВИ, ЗМОКМИ, ЗМОКТМ. Каждое новое

переименование предприятия говорило о том, что на заводе построили новый цех и освоили выпуск нового вида строительного материала. Уже в середине 80-х годов, когда я был назначен руководителем другого предприятия управления стройматериалов, на заводе освоили выпуск еще одного отделочного материала — керамической плитки, которую раньше завозили с материка. Строительство новых цехов и освоение новых производств на заводе шло такими темпами и с таким успехом, что однажды В.П. Механик, работавший тогда заместителем директора комбината по строительству, предложил дать заводу название «Прогресс». Но по каким-то бюрократическим причинам это предложение не было осуществлено.

Работать на новом предприятии было исключительно интересно, хотя и нелегко. Сжатые сроки строительства НМЗ, ТЭЦ-3, ТЭЦ-2 и других объектов комбината требовали от нас резкого увеличения объемов выпуска минераловатных плит, трехслойных металлических панелей, азерита. И молодой коллектив завода успешно справился с этой задачей — уже через несколько лет завод выпускал 1 млн кубометров минераловатных изделий.

Несколько лет спустя был построен цех трехслойных металлических панелей, продукция этого цеха практически сразу же стала дефицитом в Норильске. Легко возводимые и эстетичные долговечные трехслойные металлические стеновые и кровельные панели стали применяться при строительстве и реконструкции многих промышленных объектов Норильского комбината. Я работал тогда заместителем директора ЗМОКМИ по производству, посещал планерки по строительству и реконструкции на объектах и всегда испытывал сильное давление со стороны строителей и ремонтников в связи с нехваткой ограждающих конструкций нового вида — наших панелей. Необходимо было увеличивать объемы производства. Но проблема заключалась в отсутствии необходимого количества краски





*Первые образцы трехслойных металлических панелей.  
В центре — Б.Б. Албегов*

«Кайнар», стойкой к вредным химическим воздействиям, которую мы получали по импорту. Отечественных красок аналогичного качества в те годы не существовало.

Директор комбината Борис Иванович Колесников при всей своей колоссальной занятости часто посещал новый завод, был в курсе наших проблем и всегда находил возможность помочь нам в приобретении дефицитных технологических материалов. Он придавал молодому предприятию особое значение и считал его принципиальным шагом вперед в производстве стройматериалов.

Мы же со своей стороны с огромным интересом изучали и осваивали новейшее оборудование и технологию производства — автоматизированную линию покраски стального листа, профилегибочные станы, сборочные стенды, грузоподъемное оборудование. Подготовка и обучение рабочих и специалистов работе на таком оборудовании и по такой технологии требовали нового уровня знаний и принципиально отличались от привычных стандартов. Например, на минераловатной газоэлект-

рической плавильной печи шихтовка компонентов для получения расплава уже тогда производилась с помощью программируемых контролеров, которые можно было считать прообразом производственных компьютеров. Они были установлены непосредственно на рабочем месте — пульте № 1 управления печью. Таких достаточно сложных автоматизированных пультов управления технологическими процессами на небольшом заводе было более десятка. Эти устройства были значительно сложнее обычных станков с ЧПУ, так как контролировали весь технологический процесс от начала до конца и охватывали десятки, а иногда и сотни параметров. В производстве стройматериалов такого оборудования еще не было; качество изделий, выпускаемых на новом, прогрессивном оборудовании, было значительно выше, чем на материке на родственных предприятиях.

Под стать новой технологии и передовому производству подбирался и коллектив завода. Герман Борисович Созаев, бессменно руководивший заводом более 20 лет, был опытным производственником и до начала строительства ЗМВИ участвовал в сдаче в эксплуатацию нескольких предприятий. Он начал «вести» завод еще со стадии проектирования, руководил пуском всех новых цехов, комплектовал кадры для всех новых производств. Как производственник и руководитель Герман пользовался большим авторитетом в коллективе.

С Германом Созаевым мы учились в одном классе в школе № 6 г. Владикавказа. После школы пути наши разошлись — Герман поступил в институт во Владикавказе, а я уехал в Ростов-на-Дону. Спустя много лет мы случайно встретились в Норильске, тогда я уже работал в Норильскпроекте, а Герман — в управлении стройматериалов. Встреча была радостной, мы много дружили семьями, а когда построили и запустили первую очередь нового завода, Герман пригласил меня туда работать.

Техническими службами руководил грамотный инженер — кандидат технических наук Аркадий Лазаревич Веницкий. Позже Аркадий Веницкий стал известен очень многим норильчанам, так как долгое время руководил управлением стройматериалов, в начале смутных 90-х годов был одним из руководителей горсовета г. Норильска. Сейчас он работает в Москве.

Молодой коллектив завода работал с азартом и с большим энтузиазмом, атмосфера была дружеской и творческой, всем было интересно осваивать новые технологии и оборудование. Достаточно быстро появились классные специалисты и мастера своего дела.

Мы все были уверены, что расплав для минватных плит будет выдан точно по технологическому регламенту, если на пульте управления № 1 у плавильной печи работает Миша Агаметов или Александр Петров. Если в фенольном отделении процесс ведет бригадир Екатерина Карпенко, то связующее для минватных плит будет отличного качества. Молодой мастер Саша Зарезаев в короткий срок освоил технологию профилирования стального листа и сборки трехслойных металлических панелей, смена мастера Николая Зубова была лучшей на комбинате.



*Специалисты ЗМОКМИ на демонстрации 1 мая 1986 г.*

Николай Приходько, Вячеслав Дудкин, Михаил Слугин, Надежда Феофанова, Галина Венжега — все они и многие другие способствовали успеху нового предприятия. Особо следует отметить изобретателя Ивана Мартынюка. Он придумал и смонтировал с группой помощников то, что не удалось сделать отечественным и зарубежным специалистам, — автоматическое устройство для снятия минераловатных плит с конвейера и автоматический пакетирующий для листов профнастила после прокатки. Обе эти операции ранее выполнялись вручную в тяжелейших условиях, особенно вредной была съёмка минватных плит. Эту операцию выполняли две женщины в масках, которые за смену снимали и складировали на поддоны несколько сотен плит. Изобретение Мартынюка автоматизировало эту тяжелую работу и освободило от нее женщин. Так же была автоматизирована укладка в пакеты тяжелых листов профнастила после прокатки, которую ранее выполняли вручную два съёмщика. Смекалка и инженерная эрудиция наших специалистов ничуть не уступала зарубежным коллегам, а иногда и превосходила их.

Вскоре после пуска цеха трехслойных металлических панелей перед нами была поставлена первая сложная задача — в короткий срок изготовить около 20 тыс. м<sup>2</sup> ограждающих конструкций для восстановления цеха подготовки шихты НМЗ, пострадавшего от пожара. Весь завод работал на выполнение этого заказа, график сборки панелей был расписан по часам, о ходе выпуска панелей я регулярно докладывал на штабе, который проводили директор комбината Б.И. Колесников и директор НМЗ Д.Т. Хагажеев. Мы выполнили весь график в установленные сроки и удостоились похвалы от Д.Т. Хагажеева, который на одном из последних заседаний штаба заявил: «Смотрите, как работают на ЗМОКМИ — все решения выполняются в срок и даже досрочно!» Это удивило нас, так как Д.Т. Хагажеев общался всегда со всеми в свойственном ему жестком стиле и практически никогда никого не хвалил.

Далее завод справился с большим объемом ограждающих конструкций для главных корпусов ТЭЦ-2, ТЭЦ-3, началась плановая замена панелей ограждения плавильного цеха НМЗ на наши трехслойные панели. Мне было жаль расставаться с предприятием и замечательным коллективом, но пришлось: в середине 80-х годов мне предложили возглавить завод железобетонных изделий, который в те годы переживал трудные времена.

Завод железобетонных изделий — относительно небольшое предприятие по числу на нем работающих, но в структуре строительного комплекса железобетонные сваи, плиты перекрытий, колонны, ригели для строительства детских садов, давал бетон на стройку — номенклатура изделий насчитывала несколько сотен единиц. Ни один жилой дом не мог быть построен без пустотных плит перекрытий, которые выпускались только на ЗЖБИ. Завод уже давно пережил свои лучшие времена, расцвет производственной деятельности на предприятии был связан с именем известного директора Н.П. Епишева.

К моменту моего назначения дела на предприятии были основательно запущены.

На строительных площадках катастрофически не хватало изделий завода, ежедневно со строителями возникали конфликты, за 30 с лишним лет работы технологическое оборудование сильно изнашивалось и требовало модернизации, в цехах был замечен беспорядок — в проходах лежали остатки бетона, арматуры, мусор... Планы предприятие не выполняло.

В это трудно поверить, но в диспетчерской завода сидели чужие операторы (от управления строительства) и командовали отгрузкой продукции завода. Это был абсурд! Когда я познакомился с состоянием дел, то был шокирован увиденным. Я не спал несколько ночей, мучительно раздумывал: с чего начать, как в короткие сроки исправить положение дел? После новейшего оборудования ЗМОКМИ и блестящих ав-

томатизированных пультов управления положение предприятия казалось мне возвратом назад.

Именно это сравнение двух предприятий и подсказало мне выход, я решил начать наведение порядка снизу — с рабочих мест. В первую же неделю работы я со специалистами завода составил программу улучшения условий труда на всем предприятии, она охватывала практически все рабочие места на заводе. Каждый рабочий, каждый мастер и начальник цеха был заинтересован в выполнении этой программы, потому что она касалась всех.

Был создан свой производственно-диспетчерский отдел, который взял контроль за выполнением заказов в свои руки. Абсурдное положение, которого не было ни на одном другом предприятии, было ликвидировано. Незадолго до моего назначения обрушилась кровля арматурного цеха — здесь работали на станках под открытым небом! Пришлось принимать экстренные меры по ремонту кровли. Нам удалось перестроить номенклатуру выпускаемых заводом изделий так, чтобы она соответствовала потребностям строительного комплекса — продукция не залеживалась на складе завода. Мы освоили выпуск целого ряда новых изделий, в которых остро нуждались строители, начали строить новый цех, значительно увеличили объемы производства.

Взаимоотношения со строителями стали более спокойными, деловыми, постепенно исчезла нервозность в работе. Изменился в лучшую сторону психологический климат в коллективе, люди почувствовали, что в жизни старого предприятия еще может подуть свежий ветер. Пример: через 5–6 месяцев отстававший ранее завод стал занимать призовые места в соревнованиях родственных предприятий комбината в своей группе. Напомню, что тогда итоги работы предприятий комбината подводились по нескольким группам — горняки, металлурги, строители и т. д. Когда нам вручили первую почетную грамоту за 2-е место, появились какие-то надежды и уверенность в себе. Я



*ЗСКД. Обсуждение вопросов качества.*

*Слева от Б.Б. Албегова — начальник ОТК Л.М. Родионова*

хорошо помню этот день. Казалось бы, ничего особенного — просто людей поблагодарили за хорошую работу, и все. Но в те годы внимание к людям и моральное поощрение за свой труд представляло довольно сильный фактор, объединяющий коллектив вокруг руководителя. Сегодня все больше и больше делают акцент только на материальных стимулах — другие времена настали.

Пример: через год, когда ЗЖБИ стал работать достаточно стабильно, меня вызвали на беседу начальник управления стройматериалов Александр Федорович Шамрай и Аркадий Лазаревич Веницкий. Спросили про самочувствие, поговорили о делах на заводе.

— Принимай еще один завод, — неожиданно сказал А.Ф. Шамрай.

— Какой и для чего? — не понял я.

В ответ Александр Федорович рассказал, что они долго искали пути, как улучшить дела на заводе строительных деталей, и практически согласовали с руководством комбината решение об объединении ЗЖБИ и ЗСД в одно предприятие — завод строительных конс-

трукций и деталей (ЗСКД). Руководить объединенным предприятием было предложено мне.

Честно говоря, в тот момент предложение не вызвало у меня большой радости, так как я же хорошо знал, какая это тяжелая работа — выводить предприятие из отстающих в нормально работающие. Все началось сначала...

О том, что дела на заводе строительных деталей идут плохо, я, конечно, знал. На строительных площадках не хватало оконных и дверных блоков, половой доски, погонажных изделий и другой продукции. Кроме того, завод изготавливал деревянные ящики для отправки готовой продукции металлургического цеха № 1 — их выпускали недостаточно. Мы снабжали металлургов никелевого и медного заводов так называемыми деревяшками — катодным брусом, анодной рейкой и другими изделиями, которые применялись в технологии производства металлов, например в процессе электролиза меди. Каждый сбой в работе завода приводил к напряжению в работе металлургов никелевого и медного заводов, цеха № 1.

Проанализировав ситуацию, я понял, что без помощи руководства комбината исправить положение дел на предприятии не удастся. Например, один из цехов завода размещался в старом деревянном бараке, построенном ... в 1941 году! Главный производственный корпус, известный норильчанам как остановка автобуса № 4 «ДОЗ» за медным заводом, находился в аварийном состоянии и требовал капитального ремонта. Свои соображения высказали руководству комбината. Борис Иванович Колесников, лично изучив на месте все наши предложения, дал соответствующие распоряжения. Нам были переданы от строителей недавно построенные производственные цехи, в которых мы разместили оборудование для выпуска оконных блоков. Напомню, что в те годы существовал острейший дефицит в оконных блоках, так как объемы жилищного строительства достигали 200 тыс. м<sup>2</sup> в год, плюс к этому объекты соцкультбыта — школы,



больницы, детские сады и т. д. По поручению директора комбината трест «Норильскспецремонтстрой» приступил к ремонту главного корпуса, и уже через несколько месяцев мы смогли начать увеличение объемов выпуска дверных блоков. Взамен старого деревянного барака полувековой давности началось строительство нового корпуса.

Со своей стороны мы приняли целый ряд мер по улучшению оплаты труда, привлечению новых специалистов, снижению себестоимости, укреплению дисциплины труда, освоению новых изделий, в том числе товаров народного потребления. В конце 80-х годов, когда в магазинах еще не было такого изобилия товаров для быта, как сегодня, на ЗСКД существовала очередь на производимые заводом кухонные гарнитуры, подвесные шкафчики, тумбочки, журнальные столики и т. д. Норильчане покупали эти наши товары через магазин «Сделай сам», а запись покупателей и выполнение заказов осуществляли мы на заводе. В те годы всеобщего дефицита труд наших рабочих и специалистов помог многим норильчанам решить свои повседневные бытовые вопросы. Качество наших товаров было приличным.

Решение же главной нашей задачи по обеспечению строительного комплекса комбината в полном объеме столярными изделиями продвигалось с трудом, но определенные сдвиги к лучшему появились уже через несколько месяцев. Примерно через год нам удалось полностью обеспечить строителей дверными блоками и погонажными изделиями, практически все заказы по половой доске также выполнялись без срывов. Был увеличен объем выпуска продукции для металлургов, это стало возможным благодаря развертыванию производства в новых мощностях, переданных нам по решению директора комбината.

Для объективности скажу, что нам так и не удалось обеспечить строителей в полном объеме оконными блоками. Это производство связано с большими трудозатратами, необходимы были механизирован-

ные линии сборки и покраски. Мы начали работать над этими проблемами, но в конце 80-х годов в стране началось движение по созданию арендных предприятий, увлеклись этим делом и на комбинате. Первое арендное предприятие на комбинате было создано на базе цехов по производству оконных блоков. Оно просуществовало 3 года и, не добившись практических успехов, было возвращено в состав комбината. Но к тому времени объемы строительства на комбинате значительно упали, потребность в столярно-мебельных изделиях снизилась.

## ТВОРЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Моя работа на комбинате сложилась так, что я руководил заводами, которые не были в центре постоянного внимания руководства комбината. Вывод таких предприятий из отстающих в число нормально работающих представлял из себя довольно сложную задачу. Многие вопросы приходилось решать самосто-



*ЗСКД. В рабочем кабинете. 1989 г.*

ятельно, искать необычные методы и пути решения, рассчитывать в основном на свои силы.

Один из таких, на мой взгляд, не совсем стандартных методов работы с техническими службами состоял в том, что мы ввели так называемое творческое время. Мы долго думали над тем, как побудить инженеров заниматься прямым инженерным трудом — творчеством, то есть работать с интересом над новыми технологиями, конструкциями, совершенствовать действующие процессы производства.

Административным давлением нельзя заставить человека изобретать, разносами и нагоняями — тем более. Для содержательной и творческой работы специалисту необходимо создать прежде всего соответствующий психологический климат.

Я разослал смежным по работе организациям — УКСу комбината, ПСМО «Норильскстрой», УПСМ и другим письма с просьбой о том, чтобы специалистов ЗСКД в определенные дни недели с 10 до 12 часов не вызывали на совещания, планерки и другие мероприятия, так как эти часы на заводе объявлены творческим временем. В это время специалисты работали над новыми технологическими процессами, конструкторскими разработками, новыми системами оплаты труда и т. д. На базе нашего завода сотрудники научно-исследовательского института железобетона (НИИЖБ, г. Москва) проводили ряд работ по применению новых материалов в производстве бетона, снижению армирования сборного железобетона и др. Естественно, эти исследования и их практическое внедрение проводились с участием наших специалистов, творческую группу которых возглавлял Александр Басс.

Применение большой доли ручного труда в нашем производстве создавало достаточно серьезные проблемы в, казалось бы, такой простой и рутинной задаче, как система оплаты труда. Существовавшие на комбинате системы не подходили для нас, и нашим специалистам по труду совместно с ОТИЗом комбината пришлось пересматривать и разрабатывать новую

схему, во внедрение которой много труда и энергии вложила Галина Костак — человек, постоянно искавший что-то новое в своей работе.

С утопическими и порой абсурдными предложениями приходил иногда на технический совет главный конструктор Владимир Бескоровайный. Однако при их обсуждении часто оказывалось, что из них можно выделить полезные идеи. Предложенная схема работы «творческое время» была принята нашими специалистами и оказалась одним из путей сплочения коллектива. Она принесла много пользы для решения наших насущных производственных проблем и способствовала улучшению доверия между людьми. В результате таких инженерных поисков нам удалось найти новое решение и доработать начатую еще до моего прихода на завод разработку — механизацию обвязки и сварки арматурных каркасов для свай. На этой тяжелой ручной работе было занято одновременно 6–8 человек. Автоматизированную машину для сварки каркасов свай, которую смонтировали наши инженеры и рабочие, стали обслуживать всего 2 человека. Мы показали эту машину в работе директору комбината во время одного из посещений завода. Борис Иванович Колесников отозвался положительно об этом новшестве: «Машина «живая», нужная, надо довести ее работу до автоматизма».

Были и другие оригинальные решения, найденные в период работы по системе «творческое время». Эти и другие принятые меры позволили нам увеличить объемы производства сборного железобетона с 66 тыс. м<sup>3</sup> до 89 тыс. м<sup>3</sup>, практически решить задачу обеспечения строительного комплекса комбината столярными изделиями, за исключением оконных блоков. Нам удалось продлить активную производственную деятельность двух старых предприятий строительной индустрии на 10 лет, создать работоспособный коллектив.

Я с большой теплотой и благодарностью вспоминаю людей, с которыми работал много лет. Это заме-

чательная бригада Дмитрия Танасова, отличные мастера своего дела Садри Исмаилов, Виктор Михель, Тамара Бреславская, наш «профессор по кранам» Александр Рябов, заслуженный строитель России столяр Георгий Денисов и многие другие. В самые тяжелые, переломные моменты рядом были наши специалисты и руководители служб: Юрий Давыдов, Александр Басс, Леонид Горецкий, Анатолий Бессуднов (до сих пор продолжают трудиться в Норильске), Валерий Униатов, который был энергетиком от бога. Анатолий Усков о железобетоне знал практически все, в настоящее время он работает директором завода в Санкт-Петербурге.

Руководитель управления стройматериалов Александр Федорович Шамрай и Аркадий Лазаревич Веницкий отдали нам, линейным руководителям заводов, полную самостоятельность в текущей работе, но необходимую помощь от них всегда можно было получить. Вмешивались они в нашу работу в случае серьезных упущений, и тогда разговор был очень неприятным. Их предшественник Геннадий Михайлович Чупретов был приверженцем жесткого стиля работы, но в человеческих отношениях всегда



*А.Л. Веницкий и З.Н. Костюшко*

проявлял заботу и внимание к людям. Он руководил управлением стройматериалов почти 10 лет и сделал много в своей работе для развития предприятий стройиндустрии.

С большим интересом и пониманием относились ко всем нашим инициативам и новшествам Зинаида Николаевна Костюшко, Эльвира Артуровна Крендикова, Алла Ильинична Крупенько, с ними было интересно работать.

Нельзя не сказать добрых слов в адрес Людмилы Александровны Гараниной — председателя профкома. Человек тактичный, внимательный к людям, она обладала даром в самых острых и сложных ситуациях находить компромисс между работником и администрацией, не ущемляя при этом интересы работника и не входя в конфронтацию с администрацией. А конфликтных ситуаций в нашей работе было предостаточно. Это и выборы руководителей в конце 80-х годов, и связанные с ними спекуляции недовольных, забастовки, которых не удалось избежать и нам, и многое другое.

### **«ИРИСТОН»**

Три десятилетия интересной жизни, прожитой в Норильске, были заполнены не только активной работой на производстве, но и не менее увлекательной общественной деятельностью, которой мы занимались после основной работы. Много сил и времени мы отдавали объединению наших земляков — выходцев из Осетии — в общественную организацию, которую называли «Иристон», то есть Осетия. Дело в том, что еще в 50-х годах из Северо-Кавказского горно-металлургического института многие выпускники стали приезжать на работу в Норильск. За ними постепенно потянулись родственники, друзья, знакомые, и уже в 60-х годах в Норильске образовалась довольно большая группа специалистов из Северной Осетии. Это были в основном горняки, металлурги, обогати-

тели, а впоследствии и представители других профессий стали приезжать из Владикавказа в Норильск в большом количестве. Наши земляки прибывали из Южной Осетии, Ставропольского края и республик Северного Кавказа.

Одним из первых моих земляков в Норильске был приехавший не по своей воле уважаемый нами Дебола Алкацев. Это был удивительный человек с трагической и яркой судьбой! История его жизни описана в книгах Анатолия Львова. До войны он был секретарем горкома комсомола в Орджоникидзе, был арестован, осужден и отправлен в Норильск. Его рассказы о лагерных годах жизни вызывали ужас у слушателей, но он пережил все кошмары заключений и остался удивительным оптимистом. Несмотря на все пережитое, в нем кипела энергия жизни и такой азарт, которого даже нам, молодым, не хватало. В последние годы он работал заместителем директора рудника «Медвежий ручей».

Дебола Алкацев знал по именам практически всех нас — своих земляков, он вел записи в толстой тетради — кому из нас и в чем нужна помощь.

Когда я, молодой выпускник ростовского института, приехал на работу в Норильск, он каким-то образом узнал о моем приезде и примерно через десять дней сам пришел ко мне домой. Была полярная ночь, январь 1966 года, на улице мороз под пятьдесят градусов, ветер. Я открыл входную дверь квартиры, когда в нее позвонили, и увидел незнакомого человека в валенках и в шапке с опущенными ушами.

— Ты Борис Албегов? — строго спросил он.

— Да, — с удивлением ответил я.

— Как тебе не стыдно, ты приехал почти две недели назад и до сих пор не был у меня и даже не позвонил?! — отчитал он меня.

— Почему я должен быть у вас, кто вы такой? — возмутился я.

Его необычный ответ остудил мой пыл:

— Я — Дебола Алкацев 56 лет, я веду учет при-

езжающих и отъезжающих земляков, ты по номеру будешь... — И он назвал номер.

Я смутился от такого удивительного ответа, мы потом долго сидели за чаем, и оказалось, что у нас есть общие знакомые. До последних лет своей жизни он интересовался, как идет моя работа, пытался чем-то помочь нашей молодой семье.

Многие мои земляки общались друг с другом на работе, встречались и в свободное время, дружили семьями. Они сохранили прекрасные обычаи наших предков — вместе встречать православные праздники и ходить друг к другу в гости.

Когда же в 80-х годах появились законы об общественных организациях, было решено оформить землячество юридически, избрать его руководителей и проводить регулярные собрания и встречи. Я написал необходимые учредительные документы, устав общества, инициативная группа все обработала и на одном из собраний все документы были обсуждены и согласованы. Далее они были утверждены в официальных органах, и с этого момента работа осетинского землячества «Иристон» была узаконена. Я был избран председателем правления. Согласился я с одним условием: все основные и серьезные решения в нашей работе должен принимать коллективно совет старейшин. Таков был обычай наших отцов и предков. Это предложение было принято, и в совет старейшин были единодушно избраны уважаемые люди, которых в Норильске знали очень многие: Хазбечир Асахметович Базоев, Батрадз Майрамович Таболов, Вилен Газакович Дзускаев, Казбек Кириллович Каражаев, Казбек Георгиевич Каргинов и другие.

Я решил уточнить, сколько же трудится во всем Норильске наших земляков. С помощью управления кадров комбината, и прежде всего лично И.Н. Макеевой, были составлены их списки из числа руководителей, специалистов и рабочих. К этому перечню мы добавили сведения о работниках некомбинатских организаций, которые собирали с помощью активис-



тов-добровольцев. В итоге мы насчитали 1550 человек. Когда я на одном из первых заседаний правления развернул на столе рулон бумаги с фамилиями наших товарищей, свиток оказался длиной более 5 метров!

Наше землячество занималось благотворительными делами. Мы провели две серьезные акции по оказанию помощи попавшим в беду нашим родственникам и просто незнакомым людям с Осетии. В 1991 году в Южной Осетии в райцентре Джава произошло землетрясение, в котором погибли родственники наших земляков, многие семьи остались без крыши над головой. Наша организация объявила сбор денег для оказания помощи пострадавшим. На собранные средства были закуплены деревянные домики для временного проживания, они были отправлены в район бедствия и переданы пострадавшим. Около 20 семей получили помощь.

Через год произошел братоубийственный конфликт в Пригородном районе Северной Осетии между осетинами и ингушами, последствия которого до сих пор мешают нормальной жизни людей в этом районе. Мы не могли остаться в стороне от беды, в которую попали наши близкие и родные. Мы обратились еще раз к нашим землякам в Норильске с просьбой о помощи пострадавшим, люди приносили теплую одежду, обувь, деньги, предметы домашнего обихода — кто что мог. Мы призвали руководителей предприятий Норильска оказать посильную помощь, многие предприятия прислали нам комплекты одежды, аптечки для медицинской помощи и многое другое. С помощью руководства комбината попутным рейсом самолета все собранные нами вещи были отправлены в район конфликта и розданы людям, у которых сторело жилье, погибли или ранены родственники, больным, находившимся в больницах. Это был наш моральный долг перед нашей родиной — Осетией, и мы его исполнили как могли.

Кроме этого землячество «Иристон» организовало воскресную школу по обучению детей родному

языку, естественно бесплатную. Некоторое время в этой школе ребяташки изучали основы осетинского языка, но, к сожалению, это начинание продержалось недолго.

Особенно тщательно мы всегда готовились к встрече национальных религиозных праздников, главным из которых был Джоргуба — праздник Святого Георгия. Он отмечается в конце ноября и длится всегда неделю. На празднике воочию видна вся красота замечательных обычаев Кавказа: когда произносят тосты мудрые старшие, все, кто моложе, встают и слушают внимательно. В присутствии старших никто не позволит себе какого-либо неприглядного поступка или неуважительного слова, во всем чувствуется глубокое уважение и почитание старших. На этот праздник мы часто собирались у Клима Бутаева, заядлого охотника и рыбака, который встречал всех земляков, как родных братьев. Он был удивительно гостеприимным человеком, угощал всегда свежей олениной, которую заготавливал за две-три недели до праздника, выполнял очень большую работу по подготовке праздника. Я знаю, что мои земляки в Норильске и сейчас продолжают встречать этот праздник вместе.

На счету нашей общественной организации много благородных дел. У кого-то случилось несчастье — похороны и нужно отправить покойного на родину — в Осетию, у кого-то произошла другая беда... В этих случаях наши земляки старались оказать посильную помощь. За советом мы всегда обращались к нашим старшим товарищам. Хазбечир Асахметович Базоев всегда был душой землячества и мудрым советником во всех наших делах, многие вопросы с руководителями предприятий комбината он решал лично, его авторитет в Норильске общепризнан. На Норильском комбинате Х.А. Базоев проработал, если я не ошибаюсь, более 50 лет! Он руководил Норильской и Талнахской обогатительными фабриками, мне кажется, что в обогащении Хазбечир Асахметович знает все.

Он воспитал хороших преемников — Петра Баскаева, Николая Кайтмазова и других. И сейчас продолжает трудиться в аппарате ГМК «Норильский никель» в Москве.

Другого нашего товарища по землячеству Казбека Георгиевича Каргинова отлично знают тысячи людей не только в Норильске, но и в Осетии. Этот страстный и неутомимый человек берется за любое дело с таким азартом и энергией, что остаться рядом с ним безразличным не может никто. Казбек Георгиевич на Норильском комбинате прошел все ступени служебной лестницы — от горного мастера до заместителя директора комбината по горному хозяйству. Думаю, что деятельность Х.А. Базоева и К.Г. Каргинова заслуживает отдельных строчек в истории Норильского комбината.

Много времени и энергии отдавали работе в общественной организации «Иристон» наши товарищи: А.В. Цховребов, Р.Г. Доев, М.М. Темиров, М.Т. Кобегкаев, Х.М. Хутинаев, Н.Г. Кайтмазов, уже упомянутый К.К. Бутаев, при необходимости всегда помогал нам А.Н. Дельник. В этот перечень можно было добавить еще многих наших друзей и земляков. Норильск всегда был интернациональным городом, в котором дружно жили представители многих национальностей.

## **БОРИС ИВАНОВИЧ КОЛЕСНИКОВ**

Рассказ о работе на Норильском комбинате в эпоху его бурного расцвета в 60–80-х годах был бы неполным, если бы не было названо имя самого выдающегося, на мой взгляд, директора комбината Бориса Ивановича Колесникова. Как и всякая талантливая личность, он был одновременно и великим, и простым. Великим — в решении тех огромных задач, которые претворялись в жизнь под его руководством на комбинате, простым и огромным — в отношениях с множеством людей, которыми он руководил.

Хочу сразу сказать, что не был в близком окружении директора комбината, не встречался с ним ежедневно по работе, не был с ним знаком вне службы. Вместе с тем за 15 лет директорства Бориса Ивановича мне неоднократно приходилось встречаться с ним на разных совещаниях, общаться с ним у себя на заводе, докладывать ему на штабах по ремонту предприятий и, наконец, присутствовать на всех партийно-хозяйственных активах, где он выступал.

О производственной деятельности Бориса Ивановича подробнее напишут его ближайшие соратники. Со своей стороны напомним, что в «эпоху Колесникова» фактически была построена вторая очередь Норильского комбината — рудники «Октябрьский», «Таймырский», Талнахская обогатительная фабрика, Надеждинский металлургический завод, десятки объектов соцкультбыта, в том числе 1000-кочная больница, новый драмтеатр, дом быта «Норильск» и другие. Нам — линейным руководителям подразделений — приходилось чаще встречаться с заместителями директора комбината по разным направлениям. От некоторых из них по поводу упущений в работе мы выслушивали высокомерные замечания, этакие барские упреки. Как правило, эти разносы не подкреплялись конкретной помощью со стороны руководства. Фамилии таких руководителей не хочется называть. В этом плане Борис Иванович отличался от некоторых своих заместителей корректностью и всегда оказывал практическую помощь.

Через несколько месяцев после моего назначения директором ЗЖБИ он приехал на завод для знакомства с состоянием дел. Мы с А.Ф. Шамраем ожидали увидеть за ним целую свиту сопровождающих и были удивлены, когда он вышел из машины один. Я показал ему начатые нами работы по улучшению положения на заводе и попросил его помочь нам в ускорении строительства переходной галереи для рабочих — у нас со строителями не получалось решить этот вопрос самостоятельно. Он остался до-

волен нашими начинаниями, но предупредил, что времени у нас мало, так как жилья строится много и стройка ждет нашу продукцию. Про нашу просьбу не забыл: через два-три дня меня вызвали к нему на совещание, где присутствовали строители, и он лично дал им поручение закончить строительство галереи в короткие сроки.

Честно говоря, я, как и некоторые мои коллеги, поначалу побаивался Бориса Ивановича: он казался очень строгим руководителем. Но очень скоро мы увидели, что строгость сочетается с неподдельным уважением к подчиненным — независимо от того, какую ступеньку в служебной лестнице они занимают. О колоссальной инженерной эрудиции Бориса Ивановича ходили легенды. Для него не было незначительных дел — в любое он вникал глубоко и основательно. Я был тому свидетель.

Как-то в начале 80-х годов я временно исполнял обязанности директора ЗМОКМИ. Мне позвонили из управления комбината и предупредили, что приезжает генеральный директор объединения «Якутзолото» Т.Г. Десяткин, я должен показать ему завод, а потом прибыть с ним на совещание к директору комбината. Я немного нервничал, потому что не знал, о чем будет идти речь на совещании, к тому же непосредственно с директором комбината мне еще не доводилось обсуждать производственные вопросы.

Ситуацию прояснил наш гость Т.Г. Десяткин. Он оказался дружелюбным и простым в общении человеком, рассказал, что для строительства Депутатского ГОКа в Якутии требуется большое количество трехслойных металлических панелей нашего производства. Он согласовал в Минцветмете поставки наших панелей и привез документы. Цифра, которую он назвал, поразила меня — это была годовая программа нашего завода. Такая задача казалась труднодостижимой в ближайшее время, так как мы только-только начали осваивать производство трехслойных панелей, — людей не хватало, импортных

лакокрасочных материалов для покрытия панелей оставалось мало. Что ответить директору комбината — я не знал.

На совещании кроме Б.И. Колесникова и Т.Г. Десяткина присутствовали всего два человека и я. Перед Борисом Ивановичем на столе лежала только стопка чистой бумаги и ручка, больше ничего — ни справок, ни расчетов, ни чертежей. Впоследствии я не раз видел эту аккуратную стопку бумаги на зеленом сукне директорского стола. Борис Иванович объяснил нашему гостю проблему — отсутствие импортной краски «Кайнар», которую необходимо покупать за валюту. При этом он, к моему глубокому удивлению, подробно рассказал технологию покраски стального листа с основными параметрами процесса — температурой, расходом краски и толщиной покрытия грунтовочного и основного слоев в микронах! И это все по памяти, не заглядывая ни в какие бумаги, иногда только спрашивал у меня некоторые уточнения по стадиям процесса.

После этого дня директор комбината Борис Иванович Колесников стал для меня не только большим руководителем, но и человеком, с которым можно было обсуждать узкоспецифичные инженерные вопросы напрямую без посредников. После этого совещания директор комбината распорядился, чтобы нам разрешили принимать людей на работу для выполнения заказа Якутзолото, принципиально решил в Минцветмете вопрос приобретения импортных лакокрасочных материалов и передал его для исполнения соответствующим отделам комбината. Так невозможное стало возможным...

За 32 года моей работы на Норильском комбинате сменилось шесть директоров. Я имел возможность сравнивать отношение простых людей, рабочих и руководителей предприятий к разным директорам комбината. Люди находили у первых лиц комбината какие-то недостатки, одного директора ругали больше, другого — меньше, но все равно ругали.

Но я не помню случая, чтобы кто-то из моих знакомых или коллег по работе резко и негативно хоть раз отозвался бы о Борисе Ивановиче Колесникове. Люди ценили в нем гармоничное сочетание ума большого руководителя и уважительное отношение к простому человеку, отмечали его природную скромность.

Для всех нас, кто с ним работал, он являлся не только руководителем, но и учителем, чей авторитет был просто непререкаем.

Мне кажется, что по масштабу личности, по значению свершенных дел имя Б.И. Колесникова в истории Норильского комбината и города может быть поставлено рядом с именем А.П. Завенягина.

Короткий рассказ о Б.И. Колесникове мне хотелось бы дополнить несколькими словами о его преемнике на посту директора комбината Анатолии Васильевиче Филатове. Он прошел все этапы карьеры от мастера до директора комбината. Б.И. Колесников отозвался о нем кратко, но очень емко: «Анатолий Васильевич — профессионал высочайшего класса». В новейшей истории Норильского комбината Анатолию Васильевичу досталась очень тяжелая задача — сохранить все то, что было построено трудом многих поколений норильчан. Все директора комбината работали на созидание с помощью государства, а А.В. Филатову пришлось защищать созданное от самого же государства. Под его руководством был создан государственный концерн, далее преобразованный в РАО «Норильский никель». При его непосредственной поддержке началось массовое строительство жилья для норильчан на материке и переселение пенсионеров в благоприятные климатические районы. Для работников, отдавших комбинату и Северу много десятилетий своей жизни, он построил квартиры. За это многие норильчане, и я в их числе, и сегодня выражают Анатолию Васильевичу глубокую благодарность.

## НОРИЛЬСК — ГЛАВНЫЙ ГОРОД МОЕЙ ЖИЗНИ

За долгие годы жизни на Крайнем Севере невозможно было не полюбить уникальную и неповторимую по красоте норильскую природу. В выходные дни мы просто рвались за город, зимой с лыжами, летом за грибами и ягодами. Излюбленным нашим маршрутом была лыжная трасса от турбазы никелевого завода «Голубые озера» по просеке до талнахских гор и далее до рудника «Маяк» и до автостанции. Это была трасса длиной около 30 км, и пройти ее мог далеко не каждый, нужна была определенная выносливость. Многие норильчане любили загорать на снегу этой трассы в апрельские и майские дни, когда в воздухе было 8–12 градусов мороза. Лыжи сами неслись по крутым спускам этой трассы, очень красивой и живописной, окруженной соснами и березами.

Зимой же, когда дальние трассы были еще закрыты из-за холода и сильного снегопада, мы бегали на



*В норильской тундре...*



лыжах по освещенной трассе базы «Оль-Гуль». Самым неутомимым на лыжах был мой школьный товарищ Костя. Константин Комболатович Шанаев, управляющий трестом «Норильскреммонтаж», ныне директор объединения «Норильскремонт», часто организовывал походы за грибами и ягодами. Еще один школьный друг Виталий Харитонович Цирихов был директором завода КЖД-2, потом долго работал в тресте «Норильскреммонтаж» заместителем управляющего. Всех нас после школы судьба разбросала по разным областям страны, а потом мы все случайно встретились в Норильске.

Кроме лыж я очень любил собирать грибы и ягоды. Как остаться равнодушным, когда видишь крупные золотые ягоды морошки, красный ковер низкорастущей брусники, когда из-за обилия сверкающих на солнце ягод не видишь листьев! А как красивы были черные заросли черники! За всем этим приходилось ездить далеко — на озеро Лама, Глубокое, Пясино, в верховья речки Валек и в другие места. В нашей компании чувствовалось негласное соревнование: по сбору черники меня часто опережал Костя Шанаев, но в грибах я не оставлял ему шансов на победу. А если мы собирали бруснику, тут не было равных Николаю Назаренко, на каждое собранное мною ведро он отвечал двумя, мы признавали свое поражение.

В культурных событиях Норильска 60–70-х годов самой запоминающейся была театральная жизнь под руководством Леонида Белявского. Старое здание театра, находившееся в конце улицы Севастопольской, часто не могло вместить всех желающих попасть на спектакли, это было место настоящего паломничества. Спектакли «Девятый праведник», «Случай в метро», да и многие другие мы бурно обсуждали на работе, дома, с друзьями. Я часто ходил в театр и хорошо помню, что билеты на очередную премьеру приходилось доставать за несколько недель с большими трудностями. Премьера в театре — это был праздник города! Нас радовали и приезжие звез-



*Б.Б. Албегов с женой Галиной Павловной.  
Карловы Вары, 2003 г.*

ды, помню концерт Эдиты Пьехи, «Необыкновенный концерт» Сергея Образцова, выступление ансамбля скрипачей Большого театра и много других коллективов, дни поэзии в Норильске с участием Окуджавы... Всех знаменитостей, побывавших в нашем городе, не перечислишь...

Моя работа на Норильском комбинате закончилась в 1998 году. В том, что норильчане — люди с особым характером и закалкой, я еще раз убедился уже на новой работе. Человек, прошедший суровую норильскую школу жизни, никогда не будет пассивным, не побоится трудной работы. Недаром многие из нас нашли свое место и в новой жизни, уже на материке. После отъезда из Норильска я, конечно же, не мог удовлетвориться ролью пенсионера и продолжаю работать директором по производству на одном из предприятий Подмосковья. У меня много планов, хочется и здесь применить свой опыт и быть полезным людям. Мы с женой любим путешествовать, активно участвуем в жизни своего города, у нас появилось много новых друзей и знакомых.

После многих лет труда на Норильском комбинате у меня осталось чувство хорошо выполненной работы. С этим душевным состоянием я и выехал из Норильска.

Я задаю самому себе вопрос: что он дал мне? И отвечаю одним кратким, но очень емким словом: все! В Норильске ярко горело солнце нашей молодости, мы с азартом отдавались работе, там прошла вся наша сознательная жизнь с ее победами и неудачами, радостями и огорчениями. И сегодня я с удовлетворением и уверенностью могу сказать: Норильск — главный город в моей жизни...





*Александр Смирнов. 1948 г.*



**А.С. Смирнов:**

*«... я с трудом добился перераспределения в Норильск».*



*А.Ф. Бажутин*



*А.К. Бажутина с детьми.  
Слева направо: Борис, Наташа, Евгения*

## МОИ КОРНИ

**М**ой дед по матери Александр Федорович Бажутин происходил из заводских крестьян Воткинского завода Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне г. Воткинск). Жили зажиточно, держали скот, лошадей. Семьи были большие (дед был восьмым ребенком), работников хватало. Летом крестьянствовали, зимой работали на доменной печи. Чугун баржами сплавляли по Каме и потребляли на месте, ибо близлежащий Ижевск был издавна кузницей оружия. Среди бывших местных заводских крепостных крестьян были в то время характерны стремление к образованию и тенденция посылать детей в институты и университеты России. Естественно, что революционные идеи этому населению при его самодостаточности были чужды. Назревавшую и свершившуюся позже революцию оно не приняло. В ряде упоминаний о крестьянских восстаниях против большевистского режима известна и ижевско-воткинская республика, просуществовавшая 90 дней. После ее разгрома уцелевшие ушли к Колчаку, и в литературе имеются свидетельства о том, что ижевские и воткинские полки были у Колчака наиболее стойкими и боеспособными.

Дед родился в 1863 г., и после окончания окружного училища и Казанского учительского института стал служить по ведомству удельного виноделия. К концу XIX века он в чине надворного советника был управляющим удельным имением Абрау-Дюрсо в районе Новороссийска, где родилась в 1902 г. моя мать Наталия Александровна. После деда осталось несколько орденов, которые я видел в детстве. Бабушка Анна Константиновна (Морозова) происходила из мещан г. Саратова, была дальней родственницей Н.Г. Чернышевского. Окончив гимназию, она неко-

торое время до замужества работала учительницей. Когда дед повез молодую жену показать родным, она не могла понять их говора. Однако было отмечено, что она «баская», то есть красивая.

В семье матери было трое детей, сама она была младшей. Старшая Евгения получила высшее образование, владела несколькими языками, еще до Первой мировой войны вышла замуж за англичанина, работавшего в России, и позже они уехали в Англию. Жили они в Ливерпуле, где основали школу изучения языков, в том числе и русского, просуществовавшую с 1931 по 1964 г. После смерти мужа в 1956 г. Евгения Александровна продолжила его дело. Она постоянно следила за происходящими в СССР событиями, участвовала во встречах с приезжавшими в Англию советскими деятелями культуры и искусства, преподавала разговорный русский язык и активно работала в русском кружке, куда входили помимо англичан русские, и в частности одна из дочерей Шаляпина.

Переписка с тетей Женей по известным обстоятельствам была прекращена в 30-х годах, а в конце 60-х годов, когда мы уже считали ее умершей, дважды приезжала в Россию в возрасте 80–81 года с дочерью Мэри в качестве туристки. Россия была для нее святыней. Правительство Англии ее гуманитарную деятельность оценило — она получала государственную пенсию.

Средний брат, будучи студентом-медиком Московского университета, добровольно участвовал в Первой мировой войне, в гражданскую служил врачом в Красной Армии и полковником медицинской службы участвовал в Великой Отечественной войне. Борис Александрович Бажутин имел медаль «20 лет РККА», ордена Ленина и Красного Знамени, до войны и после работал в военно-медицинской академии в Ленинграде, а уйдя в отставку, — в мединституте в Сталинграде.

Дед по отцу Иван Пименович Смирнов был учителем. Семья жила на территории нынешней Поль-



ши (Седлецкая губ.) в селе. Бабушка Елена Федоровна (Шолле) была полунемка-полуполька, католичка. Мой отец Сергей Иванович родился в 1900 г. и был третьим из пятерых детей. В начале войны семья была эвакуирована в Россию (эта «эвакуация» хорошо описана К. Паустовским) и вскоре оказалась в Москве. Все дети учились в гимназии. Отец после окончания гимназии в 1918 г. и четырехлетней службы добровольцем в Красной Армии поступил на электротехнический факультет института народного хозяйства им. Плеханова. Учился заочно, одновременно работая, окончил институт в 1929 г. Высшее образование имели три средних брата. Младший Валериан погиб в финскую.

Семья Бажутиных переехала в Москву в 1905 г., мать училась в гимназии, окончить которую помешала революция. Потом она работала секретарем, а позже машинисткой. Дед умер в 1917 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище. Его могилу, в которую позже легли бабушка, мама и ее старший брат Борис Александрович, мы сохраняем до сих пор.

Я родился в 1926 г. Жили мы на Садовом кольце напротив Патриарших прудов, где и прошло мое детство. Вырос я, можно сказать, на руках моей бабушки Анны Константиновны. Моя школа № 114 была одной из лучших в Москве, большинство преподавателей имели дореволюционное образование. Учился ровно, но любимыми предметами были физика и особенно химия (в школе были прекрасно оборудованные физический и химический кабинеты). С 5-го класса начал заниматься гимнастикой в школьной секции, а в 7-м классе уже регулярно за-



*Наталья Александровна  
Смирнова*

нимался во Дворце физкультуры общества «Крылья Советов».

В морском кружке районного Дома пионеров изучал морское дело, классы кораблей и т.д. В летнее время два года занимался греблей и другими видами водного спорта на речной базе в Краснопресненском парке на Москве-реке. Планировал по окончании 7-го класса поступить в военно-морскую спецшколу, но 7 июня 1941 г. не смог пройти медкомиссию по зрению, а 22 июня началась война.



*Сергей Иванович  
Смирнов*

После института отец работал на строительстве и подготовке к пуску крупной ТЭЦ в Дагестане — в г. Махачкале, а позже трудился в Наркомате химической промышленности. Когда началась война, семью эвакуировали в город химиков Дзержинск Горьковской области, где отец работал на Черно-реченском химкомбинате. Наркомат вернули в Москву осенью 1942 г., и с ним в Москву вернулся отец. Вскоре он тяжело заболел и в марте 1943 г. умер. Мы остались вчетвером: мама, бабушка 78 лет, мой брат Боря 3,5 лет и я, 16 лет. Было очень тяжело...

Я был отличником. В июне мы вернулись в Москву, и я поступил на подготовительное отделение Московского института цветных металлов и золота, а осенью — на первый курс металлургического факультета.

Время было голодное — на четверых у нас были моя рабочая карточка, у мамы — служащая, две иждивенческие. Приходилось постоянно подрабатывать грузчиком, такелажником, плотником, в чертежном бюро института. Последние два курса был отличником, получал повышенную стипендию. Учиться было интересно у крупных специалистов с мировым име-

нем — это профессора, доктора А.Н. Крестовников, Г.А. Шахов, Б.В. Некрасов, А.И. Беляев, Ф.М. Лоскутов, И.Н. Плаксин, А.А. Цейдлер и др.

Значительными событиями для нас стали денежная реформа и отмена карточек в 1948 г. Получив командировочные новыми купюрами, мы (кроме меня металлург Е.Н. Володин и двое горняков) поехали на преддипломную практику на комбинат «Печенганикель».

Темой моего дипломного проекта была рудно-термическая плавка медно-никелевой руды и получение файнштейна. Попутно мы работали по наладке в плавильном цехе контрольно-измерительной аппаратуры. Позже я применил придуманный мною и до того не применявшийся способ расчета материального баланса путем решения системы  $n$  уравнений с  $n$  неизвестными, где в качестве неизвестных фигурируют количества, например, продуктов плавки и флюсов. Мой руководитель дипломного проекта профессор А.А. Цейдлер советовал опубликовать этот способ расчета в журнале «Цветные металлы», чего я, правда, не сделал. Однако через несколько лет, преподавая в норильском техникуме, я широко этот способ использовал.

## **ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С НОРИЛЬСКОМ**

В Норильске впервые побывал на практике после четвертого курса летом 1947 г. под руководством профессора А.А. Цейдлера. Дудинка встретила снегом; и мы поднимались на берег, пробираясь между огромными трехметровыми льдинами, а потом тряслись в вагонах узкоколейки до Норильска. Поселили нас в бараке, спать пришлось на матрасах и подушках, набитых сырой стружкой. Расконвоированный дневальный топил для нас печку. Начальник комбината А.А. Панюков и главный инженер В.С. Зверев на первой же встрече настойчиво приглашали нас на комбинат по окончании института. На вопрос, где хотим работать, общее мнение выразил наш студент-

фронтовик Салим Абубакиров: «На самом трудном участке».

Несколько лекций о сырьевой базе и технологии комбината нам прочли геолог Урванцев, обогатитель Бочарников и другие специалисты комбината. Около двух месяцев вместе с В.В. Стриго я работал в ватержакетном отделении БПЦ помощником мастера в смене мастера Лаврикова. В свободное время в библиотеке ДИТРа мы изучали историю Таймыра и открытия Норильского месторождения. Нас поразили лаготделения, конвоируемые бригады заключенных, совместная работа вольнонаемных и эзков.

После голодной весны 1947 г. (часто кружилась голова) мы, несмотря на трехразовое питание в столовой ДИТРа, усиленное талонами дополнительного питания, варили у себя в бараке на всех ведро каши овсянки и покупали дополнительно хлеб на рынке (он располагался позади старого здания управления комбината). Выданную нам вперед за 3 месяца стипендию мы проели еще по пути и в Красноярске. Одеты мы были плохо, и нам выдали ордера на отрезы — кому на костюм, кому на пальто. Мы получали приличную по тому времени зарплату, а позже в Москву нам прислали и солидную премию.



*Александр Смирнов*

Из Норильска возвращались на грузовом пароходе-угольщике рейсом Дудинка — Архангельск. Плыли около двух недель, расположившись на палубе. У Диксона нас потрепал сильный шторм, волны перекатывались через палубу, было очень холодно. Дальше пароход шел среди плавающих льдин, и мы жались друг к другу у дымовой трубы парохода. Еще до шторма я почувствовал, что простудился, а дня через два я уже проснул-

ся в полубессознательном состоянии с температурой 39,5 °С. Врача на пароходе не было. Жена какого-то норильского начальника дала мне порошок сульфи-дина, а А.А. Цейдлер уложил меня на день в каюту. На следующий день ко мне вернулся аппетит, я пришел в норму.

Перед отъездом из Норильска мы получили по карточкам по трехлитровой банке сгущенки. Некоторые девушки не удержались от соблазна, открыли банки, но съесть успели очень мало. Эдварда Усова свою банку поставила в чемодан и постоянно следила, чтобы она не перевернулась. Но во время шторма, спасаясь от волн на верхних отметках надстроек, чемоданы пришлось спешно перебросить вверх. Через несколько дней Эдварда вспомнила о сгущенке, оказалось, она вытекла из банки и стоит в чемодане слоем в несколько сантиметров, а на ее поверхности плавают мусор. Ребята не растерялись. Вытащив из-за голенищ и карманов ложки, мы сели вокруг чемодана и через несколько минут сгущенки как не бывало.

Так, полный ярких впечатлений, я закончил свое первое посещение Норильска. Очень интересными для меня и других оказались сложная и многообразная схема металлургического производства комбината и перспективы его развития. В качестве узкой специализации я выбрал металлургию меди, никеля, кобальта. Поэтому, окончив институт, вопреки решению комиссии по распределению, направившей меня в один их закрытых НИИ, я с трудом добился перераспределения в Норильск.

## НА НИКЕЛЕВОМ

Из нашего выпуска металлургов 1948 г. в Норильск были направлены 8 человек, в том числе П. Гордеев, О. Донской, Ф. Ломагин, И. Сикулер, Н. Соболев, А. Смирнов, М. Мерсиянова и Э. Усова (Зеленова). Анкеты мы заполняли на Лубянке, в Главном управлении лагерей горно-металлургичес-

кой промышленности (ГУЛГМП). В Норильск в конце июля — начале августа 1948 г. добрались без особых приключений. Направили нас на те же предприятия и в те же цехи, где работали на практике: О. Донского и И. Сикулера — на ММЗ, Н. Соболева — на 25-й завод (ныне ХКЦ), Э. Усову — на БЭЦ, Ф. Ломагина и меня — в БПЦ никелевого завода. Я на никелевом заводе работал до лета 1949 г. начальником смены БПЦ (вместе с другими начальниками смен Ч.А. Валеевым, В.С. Гурашидзе, Ф.Е. Ломагиным, М. Никифоровым) и некоторое время начальником смены аглофабрики (вместе с Ф.Ф. Раевским, И.Н. Попковым, И.Г. Сикулером, В.П. Суровым). В 70-х гг. я встретил Витольда Павловича Сурова на Алмалыкском ГМК, где он работал начальником ОТК цинкового завода.

В кругу обязанностей начальника смены большого плавильного цеха оказалось огромное многоэтажное хозяйство цеха со многими отделениями, в которых приходилось многократно бывать в течение смены. Начальник цеха А.И. Аристов шутил, что в плавильном цехе начальника смены, как волка, кормят ноги. Однако часто и нам приходилось браться за ломик и кувалду. Объединившись по несколько человек, мы сбивали верховые настывы в ватержакетах. Был случай, когда при этом М. Никифоров нанес серьезную травму кувалдой Ф. Ломагину. Нередкими были прогары кессонов ватержакетов, почему-то это случалось чаще ночью. На их устранение помимо сварщика всегда прибывал в цех начальник отделения В.С. Загарский. Вадим Сергеевич обычно выглядел озабоченным и всегда умел найти причину или повод сделать подчиненным то или иное замечание.

С именем Александра Ивановича связана вся история развития комбината, и особенно никелевого завода. Александр Иванович Аристов был личностью легендарной. О нем мы слышали от проф. А.А. Цейдлера еще до прибытия в Норильск. Строгий и требовательный руководитель, он не терпел беспорядка и разгильдяйства. Когда он утром появлялся в конторке мастеров

ватержакетного отделения, где обычно находились и начальники смен, чтобы ознакомиться с результатами работы за ночь, все присутствующие трепетали, особенно, если было не все в порядке. Многие побаивались его острого немигающего взгляда. Возможно, его суровость была напускной. При более близком знакомстве он оказывался очень внимательным, чутким и сердечным по отношению к товарищам по работе, молодым специалистам и всегда был готов оказать помощь. Таким же отзывчивым при внешней суровости он оставался и позже, когда был уже директором никелевого завода и начальником техотдела Союзникеля...

Вспоминаю такой случай... В начале 50-х гг. я дежурил в зале голосования во время выборов, а свое зимнее драповое пальто оставил в гардеробе без присмотра. Его украли. Узнав об этом, Александр Иванович велел мне назавтра прийти к нему утром до работы и повел меня к некоему начальнику Верещаку, в ведении которого было ателье, где шили для начальства комбината. Он буквально заставил Верещака срочно сшить мне зимнее пальто по высшему разряду. В те времена купить его было нелегко.

Иногда случались происшествия с заключенными — они приходили, чтобы погреться в пустых ковшах и рюмках, иногда это заканчивалось ожогами и травмами. Однажды в мою смену ночью заключенный умышленно положил ногу на рельс при вывозе шлаковозной чаши. Нога была передавлена колесом, отрезана. Его увезли в больницу.

## НАШ БЫТ

Мы жили в общежитии ИТР на Октябрьской площади над магазином № 22 в комнате-люкс вшестером: П. Гордеев, Ч. Валеев, Ф. Ломагин, И. Сикулер, А. Смирнов и работавший на ТЭЦ Л. Казанский (футболист и хоккеист команды энергетиков). Заведующей общежитием Градской мы доставляли немало хлопот.

Мы питались преимущественно консервами, а обедали обычно в столовой ДИТРа. При входе в столовую брали ложку, которую должны были сдать при выходе, — за этим следил привратник. Мясные блюда в столовых готовили из солонины многолетней давности. Было много американских тушенки и колбасы в банках, черной паюсной икры. В течение нескольких лет в магазинах все полки были завалены крабовыми консервами. Наш однокашник Н.В. Соболев, живший в квартире родителей жены, кормил своего кота исключительно крабами. В дудинском магазине позади большого здания на Севастопольской продавали мороженных куропаток и некий «жир морского зверя».

Свежих овощей не было. Картошка была сушеная, а также иногда в продаже появлялась сушеная капуста в виде круглых брикетов диаметром около полуметра. На рынке бывала в продаже квашеная капуста, сделанная домашним способом из сушеной. Осенью в цехах выдавали свежую картошку, можно



1 мая 1949 г.  
Слева направо:  
старший мастер  
Ф.Р. Федюха,  
начальник смены  
А.С. Смирнов,  
главный инженер БПЦ  
В.Н. Знаменский



было взять несколько мешков. Нам негде было ее хранить, и мы брали на весь наш «колхоз» 2–3 мешка, которые быстро съедали.

Запомнилось варенье из лепестков роз и из зеленых грецких орехов. Чай в продаже был американский, он давал настой красивого красного цвета. К Чингизу Валееву в выходные и по вечерам приходили земляки-татары (родственники и знакомые), и тогда мы все сообща долго пили так называемый длинный чай, сопровождая его неторопливой беседой.

Водки и каких-либо вин в продаже зимой не было, они появлялись лишь с началом навигации и раскупались нарасхват. Постоянно был спирт. Для улучшения его вкусовых качеств мы делали из него ликер. В кастрюле на плитке нагревали сахар до плавления и превращения в карамель, которую растворяли в спирту. Праздники мы отмечали, объединяясь с девушками — выпускницами горно-металлургического техникума, жившими в нашем же общежитии. В свободное время я занимался гимнастикой в новом спортзале. Здесь вечерами часто тренировался бывший тогда начальником УМЗ В.В. Терпогосов. Владимир Ваганович был очень доступным и демократичным человеком, хорошо относился к молодым специалистам, помогал им. Через несколько лет, уже будучи главным инженером комбината, он скоропостижно скончался. Хорошо помню всеобщую скорбь на похоронах Владимира Вагановича, траурную процессию...

После женитьбы и ухода из общежития Чингиза Валеева его место занял работавший у энергетиков Леня Чижишин. Леня постоянно приводил женщин и смеялся над нашей скромностью.

## НАЧАЛО МЕДНОГО

В начале лета 1949 г. нас с И.Г. Сикулером перевели в распоряжение руководства строящегося медного завода. Нас с группой рабочих направили для освоения медеплавильного производства на четыре месяца на Среднеуральский медеплавильный завод. В группу

входили рабочие К. Чашин, С. Бочаров, М. Мазуров, М. Попов, Ф. Тихонин, Кунаков, Рожков и другие, а также выпускники Норильского ГМТ В.Л. Матвеев и В. Округин. Другая группа металлургов набиралась опыта на Балхаше. В то время на СУМЗе работали ставшие позже норильчанами начальник плавильного цеха А.Г. Каландаров и мастер конвертерного отделения В. Степанюк.

По возвращении на комбинат мы приняли участие в строительстве основных агрегатов медного завода, в их сушке и разогреве. Набивка подины отражательной печи велась более месяца вручную круглосуточно в две смены бригадами заключенных Горлага (статья 58 с «букетом» пунктов от 1а до 11) по 200–250 человек в смену. Набивали увлажненной смесью дробленого динаса несколько фракций с огнеупорной глиной слоями в несколько сантиметров. Уплотнение слоев осуществлялось ручными трамбовками. В дневную 12-часовую смену работой руководил И. Сикулер, в ночную — я. В бригадах преобладали западные украинцы, но было много латышей, литовцев и даже японцев.

В ноябре меня по моей просьбе поставили мастером конвертерного отделения. Начальником был наш однокашник П. Гордеев, старшим мастером — опытный конвертерщик Г.В. Кузнецов. П. Потылицын приходил мне на смену, бывало, что из-за его тренировок мне часто приходилось работать две смены. В свою смену я набрал рабочих из числа заключенных Горлага — это западные украинцы В. Демчук, С. Веремчук, В. Чумак, ранее работавшие фурмовщиками на конвертерах никелевого завода.

Тогда «воронки» ходили редко и нерегулярно, поэтому нам часто приходилось ездить на работу на самосвалах, доставлявших медный концентрат. Перед Горстроем самосвалы снижали скорость, и нам удавалось на ходу заскакивать в кузов на концентрат.

Запуск медного завода был приурочен ко дню рождения Сталина и готовился в спешке. Хорошо помню

день 21 декабря 1949 г. — первая конвертерная плавка закончилась аварией в присутствии всего руководства комбината. Образование большого объема сернистого газа вызвало выброс массы через горловину. Выброс пришелся на неуспевший отъехать мостовой кран, на нем загорелось все, что могло гореть. Находившийся в кабине крановщика начальник отделения П. Гордеев выскочил на мост крана, чтобы спуститься к конвертеру, но задохнулся концентрированным горячим сернистым газом и упал на площадке у подкрановых путей. Его спустили оттуда на руках и отправили в больницу. После этого отравления он на производстве уже не работал и умер через несколько лет. П. Гордеев был членом партии, фронтовиком. Исключительно честный и порядочный человек, он был ортодоксально предан идеям коммунизма. Например, он отказывался от новогоднего застолья в нашем люксе, сидел в своем углу и демонстративно читал «Краткий курс истории ВКП (б)».

При освоении цеха было много трудностей, вызванных недоделками строителей, недоработками проекта и отклонениями от него. Сказывался и недостаток опыта у рабочих и молодых специалистов. Огнеупоры, магнезитовый кирпич для конвертера привозили на думпкарах навалом, они были покрыты снегом, промерзшие и обледеневшие. Конвертерный пролет не имел четвертой стены со стороны шлакоотвала (иногда в цех залетали куропатки), и при температуре до минус 45–48 градусов въезд в цех паровозов создавал сильный туман и надолго прекращал взаимодействие крановщиков и сигналистов. Часты были простои оборудования. Все это приводило к авариям.

Первый случай опрокидывания конвертера произошел в мою смену. Внезапно и неожиданно конвертер, в котором было несколько десятков тонн расплава, быстро пошел на слив, поворачиваясь горловиной вниз, и вся эта масса хлынула на мерзлый пол, засыпанный щебнем. Я находился у пульта управления

поворотом конвертера и тщетно пытался остановить его ход контроллером. Начались мощные взрывы, металлоконструкции цеха содрогались, щебень летел во все стороны, со звоном ударяясь о металлоконструкции. Мы все, находившиеся у конвертера, попрятались сзади него по углам фурмовочной площадки. Это длилось несколько минут и постепенно стихло. Под конвертером горели кабели, редуктор и все, что могло гореть, а толстый слой снега на обслуживающей конвертер площадке за эти минуты растаял. Позже опрокидывания случались еще два-три раза, но уже не были неожиданностью. Оказалось, что причиной аварии была недостаточная мощность электромагнитных тормозов конвертера.

Был случай, когда из-за неудачной конструкции задвижки, регулирующей подачу воздуха в конвертер, главный инженер завода Н.А. Киселев, пытаясь регулировать дутье, полностью его перекрыл. Внезапно шум дутья прекратился, наступила мертвая тишина — все, находившиеся у конвертера, онемели. Фурмы были мгновенно залиты. Однажды в ночную смену холодный конвертер после зарядки сильно плескал через горловину. Пытаясь приподнять фурмы, я заклинил конвертер защитным козырьком. При попытке отвести заклиненный козырек сломался его привод. Конвертер нельзя было остановить и вести продувку до бесконечности тоже было нельзя. Когда наконец с большим трудом вручную отвели козырек и вывернули конвертер — он был белый внутри.

Главный инженер завода Н.А. Киселев и начальник цеха А.К. Дзгоев, опытные специалисты, уделяли много внимания воспитанию молодежи. Еще в период строительства основных агрегатов в цехе своим опытом щедро делились инженеры: В.К. Пиотровский, А.А. Калмыков (впоследствии начальник НИОЛ), Д.Ф. Кодзаев, А.А. Тотров.

Главной трудностью освоения процесса конвертирования было образование при варке меди густого, тугоплавкого, так называемого свернутого никелевого шлака, богатого медью. Проектом, как ни странно,

не был предусмотрен какой-либо разумный или удобный способ его удаления из конвертера. Шлак вываливали под конвертер на пол цеха, после охлаждения «козла» весом в несколько тонн вытягивали краном и на шлакоотвале разбивали на куски «бабой» или взрывали. Переработка этого шлака в конвертерах никелевого завода значительно увеличивала потери металлов. Трудности, связанные с образованием никелевого шлака, усугублялись дефицитом тепла в конвертере из-за нечеткой работы оборудования цеха, простоев и временами буквально парализовывали работу передела. Происходило быстрое зарастание объема конвертера и уменьшение проема горловины. Иногда приходилось, нарушая все правила техники безопасности, стоя на бочке работающего конвертера и орудуя ломом, проталкивать бракованные штыки в горловину. Посылать на эту операцию рабочих я не мог и делал это сам. Однажды меня застали за этим занятием Н.А. Киселев и Ж.Р. Наджарян. Я получил хорошую взбучку, но другого способа загрузки штыков никто предложить не мог.

Горловину чуть ли не ежедневно расчищали буровзрывными работами. Делать бурки в горячей красной настыли можно было только прожиганием кислородом. Для этого применяли прутки шестигранной буровой стали, приваривая к прутку штуцер для присоединения кислородного шланга. Мы понимали все варварство такого обращения с буровой сталью, но другого выхода не было. Горячие, раскаленные бурки охлаждали затем льдом и снегом до потемнения. Взрывник Бузмаков<sup>1</sup> закладывал туда аммонитные патроны и взрывал. При этом в полете устанавливалось оцепление, было обязательным присутствие зама главного инженера по технике безопасности, нашего одноклассника

---

<sup>1</sup> В четвертой книге «О времени, о Норильске, о себе...» Н.С. Дзюбенко упоминает о норильчанине с 1936 г. взрывнике Иване Яковлевиче Бузмакове. Я не помню имени-отчества нашего Бузмакова, но не сомневаюсь, что это был именно он. Взрывные работы по расчистке горловины конвертера не могли доверить малоопытному специалисту.

Н.В. Соболева. Все это уменьшало вес плавок, снижало другие показатели, вело к образованию большого количества богатых оборотов в виде кучи в цехе высотой почти до подкрановых путей, ее называли «кодзайхой» в честь главного инженера цеха Д.Ф. Кодзаева. На погрузке и разборке богатых оборотов, розливе на стенде черновой меди в цехе в дневную смену работало несколько бригад заключенных Горлага. Работали они неплохо и были уже достаточно опытными.

После ухода П. Гордеева начальником конвертерного отделения стал ненадолго выпускник НГМТ Л. Рыскин, а после его смерти на эту должность весной 1950 г. был назначен я. Обстановка в цехе была тяжелой и требовала постоянного круглосуточного присутствия руководства цеха и отделений. Спал я обычно на диване в кабинете главного инженера завода Н.А. Киселева. Вдобавок ко всему в это время заключенных Горлага (политических) на заводе заменили на заключенных-уголовников, которые не имели никакого опыта работы в цехе, — это еще более усугубило ситуацию. Начались воровство, грабежи.

Забегая вперед, скажу: прошло немало времени, пока обстановка на заводе нормализовалась... Однако проблема никелевых шлаков продолжала оставаться одной из главных на заводе да и на комбинате. До тех пор, пока М. Васильев не сконструировал шлакоотъемную машину для анодных печей.

## **ОПЫТНАЯ БАЗА НОРИЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ**

В конце 1950 г. я был переведен в опытно-исследовательский цех (ОМЦ) на должность начальника пирометаллургического отделения и через два года стал главным инженером цеха. С первых дней я принялся за изучение отчетов цеха по научно-исследовательским работам за предыдущие годы. Они представляли огромный интерес. Работники ОМЦ вели исследования в цехах на промышленном оборудовании, часто путем выявления зависимостей при обработке статистических данных.

В области пирометаллургии исследования велись по совершенствованию технологии агломерации (Шапиро, Езепенко, Метакса и др.). Важной проблемой тогда было повышение извлечения кобальта из файнштейна в конвертерные шлаки, различаемые как рядовые и кобальтовые. С этой целью применялось рафинирование богатой массы и файнштейна в конвертерах штейном. В цехе № 3 завода № 25 (ныне ХКЦ НЗ) при переработке кобальтовых шлаков на железистый анодный сплав велись исследования по повышению извлечения из него кобальта при одновременном обогащении сплава по его содержанию. Все эти работы по кобальту осуществлялись под руководством начальника ОМЦ Ф.Т. Киреенко и при непосредственном участии начальника завода В.А. Дарьяльского, а опытные плавки в ОМЦ и на заводе № 25 проводились инженерами Боряевым, Дмитриевым и др.

В моем отделении работали находившийся в ссылке опытный инженер-металлург В.И. Котов, который еще в 20-х гг. участвовал в организации советской черной металлургии и помнил Курако, и петрограф — отпрыск известной графской фамилии, инженер Н.А. Апраксин, заключенный.

В 1952–1953 гг. на МОФ происходило освоение флотационного разделения файнштейна (вместо раздельной плавки по Орфорд-процессу), разработанного профессором ЛГИ И.Н. Масленицким, что привело к большим положительным изменениям в металлургической схеме завода и комбината. При этом потребовалась разработка режима замедленного охлаждения файнштейна в железобетонных изложницах, что было выполнено инженерами ОМЦ Б.В. Хмылевым и Ф.А. Лебедевым. В этой работе участвовал и ссыльный доцент кафедры металловедения МИЦМиЗ Величко, который вскоре умер, и мы хоронили его всем коллективом. Применительно к никелевому концентрату из файнштейна инженером Е.М. Шапиро была отработана в промышленных условиях технология его глубокого агломерационного обжига, от которой, правда, позже отказались.

В эти же годы велись исследования по получению активного никелевого порошка, переработке электролитного шлама на вторичные аноды, отдельной переработке магнитной фракции файнштейна и др. (А.С. Смирнов, Н.В. Калачикова, Ф.П. Дубовская, Б.В. Хмылев, Ф.А. Лебедев, Н.У. Мошарс и др).

Работавший в то время в ОМЦ Флор Афиногенович Лебедев — бывший начальник шламового цеха ММЗ — вскоре трагически погиб. Он жил в Соцгороде напротив гаража. Выйдя зимой вечером из дому, он подвергся нападению грабителя, который ударил его по голове. Ф.А. Лебедев упал без сознания и замерз.

Замена в последующие годы на никелевом заводе ватержакетной плавки агломерата на электроплавку с получением металлизированного штейна повысила сквозное извлечение кобальта по заводу и упростила процесс конвертирования, исключив необходимость получения кобальтовых шлаков. Основная масса кобальта оставалась в файнштейне и никелевом концентрате от флотации файнштейна и поступала на завод № 25 с железокобальтовым кеком цеха электролиза никеля.

На медном заводе работниками ОМЦ совместно с производственниками в эти годы велись исследования по совершенствованию отражательной плавки и конвертирования с сокращением потерь в отвальных шлаках (А.Г. Каландаров, В.И. Котов, А.С. Смирнов, Е.В. Одегов, Н.А. Павлухина). Были начаты попытки решить проблему никелевых шлаков путем их разложения штейном, а также путем их восстановительной плавки на медные никелистые аноды с выводом никеля в виде сульфата из медного электролита (Н.А. Киселев, В.А. Киселева, Д.Ф. Кодзаев, А.С. Смирнов, В.И. Котов, В.К. Пиотровский, Н.В. Калачикова). Эта технология в 1955 г. была защищена главным металлургом комбината Н.А. Киселевым в качестве кандидатской диссертации, но не была внедрена, так как не гарантировала достаточно высокого качества катодной меди.



В целях заимствования опыта эксплуатации конвертеров медного производства и по ряду других вопросов в первой половине 50-х гг. мне пришлось побывать в командировках почти на всех медеплавильных заводах Союза, но никелевых шлаков, подобных нашим, нигде не получали. Опыт Североникеля нам тоже не подходил: там по мере зарастания объема небольших 40-тонных конвертеров бочку конвертера снимали с опор краном и вытряхивали вместе с футеровкой. В командировке на одном из уральских заводов меня догнала телеграмма гл. инженера комбината В.В. Терпогосова с поручением изучить опыт чистки горловин конвертеров на Нижнетагильском комбинате черной металлургии. Однако в техническом отделе комбината мне объяснили, что на нем вообще нет конвертеров.

Перед пуском на медном заводе в 1951 г. цеха электролиза меди опытному цеху было поручено выплавить из отходов медного производства ММЗ (катодных шишек) слитки для прокатки на ЦРМЗ катодных штанг. В связи с этим мне пришлось изучить на Пышминском медеэлектролитном заводе сложное искусство вайербарсовой плавки катодной меди, трудное необходимостью определять на глаз по излому пробы содержание в меди кислорода до десятых и сотых долей процента. В отражательной печи ОМЦ были срочно выплавлены несколько тонн таких слитков. В работе кроме меня участвовали Л.М. Бочкарев, Н.В. Калачикова, Ф.П. Дубовская, Г. Мельник, Г. Брагин, В. Самок и др.

В 1951–1952 гг. завуч Норильского ГМТ А.Д. Зорин привлек меня по совместительству к работе в техникуме. Я вел занятия со студентами 4-го курса по металлургическим расчетам, читал лекции обогащения по металлургии цветных металлов и в течение нескольких лет был руководителем дипломных проектов. Мои занятия иногда посещал директор техникума Елисеев. Хорошо помню очень толковых студентов Пенькова, Бирюкову, впоследствии рабо-

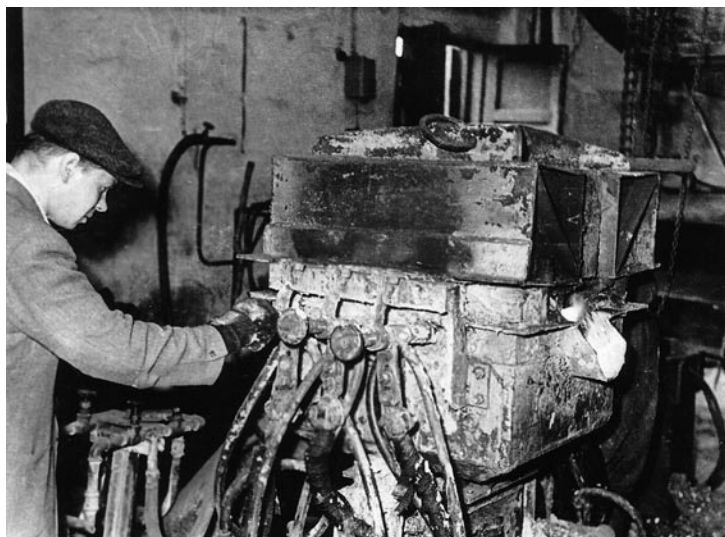
тавшую в Норильскпроекте, Шадрина, а из обогатителей, потом работавших на БОФе, — В. Калачева, Мячину и др.

В 1951–1953 гг. в ОМЦ в области очистки никелевых растворов работал, будучи заключенным, крупный ученый-химик с мировым именем академик А.А. Баландин. На вид ему было 55–60 лет. Он выглядел физически слабым и неловким, плохо видел, был явно «не от мира сего», и, конечно, жизнь в суровых лагерных условиях была для него тяжелейшим испытанием. Все мы в цехе были к нему максимально предупредительны. Работавшие в ОМЦ рабочие-заключенные во главе с Г. Мельником и в лагере, и по пути в цех и из цеха оберегали его, как ребенка. Был случай, когда один из наших рабочих, грузин, имевший на счету несколько убийств, физически защитил его от нападения уголовников.

В связи с желанием многих инженеров ОМЦ работать над кандидатскими диссертациями в цехе организовали лекции по физической химии и химической термодинамике, которые блестяще и без всяких конспектов читал А.А. Баландин. После амнистии 1953 г. А.А. Баландин был срочно освобожден и вылетел в Москву. К сожалению, он скончался через 14 лет. И, конечно, лишь позже я и другие по-настоящему поняли, с каким светлым умом и великим человеком свела нас судьба.

Несколько лет при мне главным бухгалтером ОМЦ работал Н.Б. Васильев — человек весьма незаурядный. Он пребывал неизменно в хорошем настроении, ходил легкой, танцующей походкой, был остроумен и насмешлив, любил анекдоты и всяческие хохмы, владел французским языком и блестяще играл на фортепиано. По-видимому, его истинной профессией была не бухгалтерия, хотя он был толковым бухгалтером, а музыка. И неудивительно, что вскоре он стал и долго был директором Норильской музыкальной школы.

В ОМЦ ГМОИЦ около двух десятков лет проработал инженер-металлург Владислав Казимирович Пиотровский, заключенный. За связь с комсомолкой Наташей Пироговой, работавшей на никелевом заводе, его перевели на промплощадку строящегося медного. Помню несколько комсомольских собраний, где разбирали «проступок» беременной Наташи. Главным обвинителем выступил Ф.Е. Ломагин, секретарь комсомольской организации БПЦ. Остальные чувствовали себя неловко и больше отмалчивались. Вскоре В.К. Пиотровский освобожден из заключения, и их семья с Наташей в течение последующих более чем 50 лет была образцом нормальной семьи. В.К. Пиотровский участвовал в исследованиях по многим проблемам пирометаллургической технологии комбината. Он отличался исключительно ответственным отношением к делу и удивительной скромностью. После Норильска В.К. Пиотровский работал в институте «Гипроникель».



*А. Смирнов проводит опытную плавку печи Грамолина  
в печном зале ГМОИЦ*

В 1955–1957 гг. я учился в аспирантуре на кафедре тяжелых металлов Московского института цветных металлов и золота. По ее окончании вернулся в Норильск и продолжил работать в ОМЦ ГМОИЦ сначала начальником отделения металлургии меди, а с середины 60-х гг. начальником металлургической лаборатории, которая имела исследовательские участки на всех переделах никелевого и медного заводов.

### **ПОПЫТКА РЕШИТЬ ОДНУ ИЗ ПРОБЛЕМ КОМБИНАТА**

В конце 1953 г. по моей просьбе меня возвратили на должность начальника пирометаллургического отделения, чтобы я смог заняться проблемами никелевых шлаков медного завода. В аспирантуре Московского института цветных металлов и золота я провел исследования под руководством доктора технических наук, профессора В.А. Ванюкова, а после его смерти — под руководством его сына доктора технических наук, профессора А.В. Ванюкова и продолжил их в опытном цехе и на медном заводе. В связи с улучшением качества рядовых конвертерных шлаков резко сократились потери металлов в отвальных шлаках отражательной плавки, выход шлака анодных печей, содержание никеля в черновой и анодной меди и т.д. Одновременно был разработан и запатентован способ размыва в конвертерах и других агрегатах ферритных настелей с полной очисткой футеровки. Ах, если бы мы владели всем этим при освоении плавцеха медного завода!

Во время исследований я всегда ощущал доброжелательное отношение всех работников цеха: начальника цеха А.П. Соколова, мехслужбы, химиков-аналитиков и др.

Результаты работы были опубликованы в журнале «Цветные металлы» и бюллетене «Цветная металлургия». Я защитил кандидатскую диссертацию в МИСиС в 1965 г. Однако руководство медного завода технологию получения жидких никелевых шлаков отвергло под надуманным предлогом сокращения



*Профессора отец и сын Ванюковы со своими аспирантами.  
Слева направо: в первом ряду — З. Одинец, В.А. Ванюков, А.В. Ванюков,  
В. Покровский, во втором ряду — А. Смирнов, И. Монтильо, Чжоу  
Чжунхуй, фамилию болгарского аспиранта память не сохранила*

срока службы футеровки конвертеров. Отработанный же при испытаниях режим варки меди, освоенный конвертерщиками медного, сохранился в практике и принес свои плоды.

Пока гл. инженером медного завода был А.Г. Каландаров, ход работы по получению жидких никелевых шлаков и ее результаты несколько раз рассматривались у него на совещаниях. После его смерти гл. инженером стал А.П. Кончаков, и обстановка сразу изменилась: дальнейшую отработку этой технологии он запретил. Я узнал об этом по возвращении из отпуска и о причинах запрета перспективной технологии спросил гл. инженера плавильного цеха Н. Слюсарева. Он ответил: «Мне же на заводе еще работать!» Мне все стало ясно...

Отдельные детали технологии получения жидких никелевых шлаков шли вразрез с нереальной идеей А.П. Кончакова о выводе всей или почти всей массы

никелевого шлака из анодных печей. Кроме того, он усмотрел в моей работе заимствование его «идеи». Не вступая со мной в полемику по существу вопроса, Кончаков бомбил моего руководителя А.В. Ванюкова ругательными письмами, «разоблачая» мою «наглость».

А позже кандидатскую диссертацию А.П. Кончакова Уральский политехнический институт дал мне для отзыва. Диссертация не вносила в проблему ничего нового, более того, содержала и ошибки. «Работа сырая и требует серьезной доработки» — таков был мой вывод. При рассмотрении автореферата на широком совещании инженеров-металлургов комбината было решено, оставив отрицательную оценку работы, предоставить решение о защите на усмотрение ученого совета УПИ. Как потом стало известно, отрицательный отзыв от ученого совета скрыли и защита состоялась. Однако принесло ли это пользу науке и производству?

Почти четырнадцать лет руководил медным заводом К.А. Кибалин. Константин Александрович начал его строительство. Он был опытным металлургом, не часто обходил цехи завода. Заботу о технологии он, мне кажется, полностью переложил на гл. инженера и в его действия не вмешивался. Он занимался в основном политико-дипломатическим обеспечением завода. У меня сложилось впечатление, что к использованию новой техники и технологии К.А. Кибалин особенно не стремился. Обжиг медного концентрата в кипящем слое был реализован на заводе лишь тогда, когда прежний способ обжига в многоподовых печах, сначала только обеспечивавший сернокислотное производство, выглядел уже вопиющим анахронизмом и, конечно, не мог в перспективе обеспечить переработку высокосернистого талнахского сырья. Старая проверенная техника и технология при наличии надежного резерва мощности позволяли заводу уверенно регулярно выполнять план на ...100,1%. Это обстоятельство наряду с хорошо организованной на заводе общественной работой, самостоятельностью

и т.д. и т.п., при умелой рекламе в местной печати, по радио и телевидению обеспечивало заводу всегда первое место в соцсоревновании между предприятиями комбината. К разработке технологии получения жидких никелевых шлаков Константин Александрович, как и к другим работам опытного цеха, заметно-го интереса не проявлял, и поэтому так легко произошел отказ от нее.

Когда в сентябре 1969 г. я собрался уезжать из Норильска и сообщил об этом директору комбината Николаю Порфирьевичу Машьянову, он запротестовал: «Тебе нужно еще внедрять жидкие никелевые шлаки!» Я ответил: «Времени для внедрения было достаточно. Теперь внедряйте без меня. Вся технология описана в отчетах» ...Только через 20 лет после первых испытаний в 1962 г. работа была продолжена на Надеждинском металлургическом заводе и привела к положительным результатам. Я уже не работал в Норильске, но по просьбе главного инженера Союзникеля В.Г. Рябова был командирован зам. министра Л.В. Козловым на Надеждинский МЗ, на конвертерный передел ПЦ-2 для улучшения показателей передела по качеству никелевого шлака и черновой меди.

Я уже не застал в Норильске 1982 г. многих знакомых, но испытал огромный эмоциональный подъем от встречи с городом и комбинатом, где прошли годы моей молодости. Приехал с чувством большой ответственности и больше всего боялся, что какие-то обстоятельства могут опять помешать мне... По иронии судьбы А.П. Кончакову, в то время начальнику ГМОИЦ, пришлось выделять мне в помощь своих специалистов. На Надеждинском заводе уже трудились представители второго поколения металлургов: сын А. Родичева работал фурмовщиком на конвертерах ПЦ-2, сын В.Г. Рябова Георгий — сменным мастером.

Жидкого никелевого шлака в существовавших тогда на НМЗ условиях получить было невозможно из-за пониженной температуры процесса в связи с

частыми простоями и по ряду других причин. Однако добавки извести при варке меди способствовали оптимизации условий, когда никелевый шлак получался твердым и легко высыпался из конвертера, не образуя настелей, — черновая медь не имела включений шлака. При этом анодные печи стали в значительной мере играть роль просто миксеров. Когда впервые такая медь была залита в анодную печь, начальник анодного передела А.И. Климов (в 60-х гг. работал плавильщиком на участке агломерации) прибежал к нам с вопросом: «Что за медь вы сварили? Ее можно сразу разливать на аноды!»

В освоении технологии активное участие принимали начальник отделения ГМОИЦ В.Д. Романов, главный инженер и технолог ПЦ-2 В. Зорий и В.В. Притула, начальник конвертерного отделения В.А. Дзираев, а директор и главный инженер НМЗ Д.Т. Хагажеев и А.И. Козюра держали его под жестким контролем. Когда выявились преимущества новой технологии, главный инженер НМЗ Джонсон Талович Хагажеев пригласил к себе меня и главного инженера ПЦ-2 В. Зория. На вопрос о ее внедрении В. Зорий ответил положительно. Тогда Д.Т. Хагажеев положил перед подчиненным лист бумаги и попросил удостоверить это письменно. Расписку главный инженер НМЗ положил в сейф и только после этого дал согласие на мой отъезд. В конце 40-дневного моего пребывания на заводе в феврале 1982 г. техническое совещание новую технологию приняло к дальнейшему освоению и внедрению. Способ размыва тугоплавких настелей ферритно-кальциевым шлаком тоже взяли на вооружение.

## ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Я женился в 1951 г. Моя жена Лидия Георгиевна Гришина — обогатитель, выпускница норильского техникума. Работала на БОФе в период пуска и освоения. Прошла путь от бригадира флотационного отделения до начальника смены главного корпуса и



главного инженера измельчительно-флотационного отделения. Ее семья, жившая на Украине, была в 1930 г. репрессирована и выслана в Красноярский край. По окончании 7-го класса в Енисейске Лидия в 1943 г. была мобилизована в школу ФЗО в Норильск. Работала в очистном отделении БЭЗ УМЗ, затем поступила в горно-металлургический техникум. Медаль «За трудовое отличие» Лидия Георгиевна получила в 1953 г. Имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Поскольку никель шел в основном на производство танковой брони, я иногда в шутку говорю жене, что на ее счету несколько подбитых немецких танков. Лидия Георгиевна до сих пор работает в Московской государственной геологоразведовательной академии (бывший МГРИ).



*Лидия Смирнова на реке  
Норилке*

У меня две медали «За трудовое отличие», полученные в 1957 и 1965 гг. Своего жилья я не имел и жил несколько месяцев у хороших знакомых — в семье начальника мерзлотной лаборатории З.Л. Пичика. Никогда не забуду доброжелательность и заботливость его жены Елизаветы Евсеевны Забрамной, работавшей диспетчером в управлении строительства. После бесполезного визита к зам. директора комбината по быту А.С. Котляру обратился к директору комбината В.В. Дроздову — так я получил комнату на Комсомольской, 24. Владимир Васильевич Дроздов с юмором называл меня при встречах не иначе как «мой квартиросъемщик». Нашим соседом по квартире оказался интереснейший человек инженер-геолог Михаил Федорович Смирнов. Он был родом



*На Первомайской демонстрации 1958 г.  
Слева направо: работники ГМОИЦ Н. Киселев, В. Рябов,  
А. Смирнов, М. Бедняков, В. Брындин*

из г. Иванова и сильно охал. В 1937 г. его осудили по 58-й статье. В первые годы после революции студент Смирнов посещал лекции и выступления Троцкого, других вождей революции. Он много рассказывал о том времени. Месторождение «Норильск-1» он знал, наверное, лучше своей квартиры и был весьма уважаем среди геологов и руководства комбината. В выходные дни летом мы совершали с М.Ф. Смирновым пешие прогулки по окрестностям Норильска и вели долгие беседы.

Одним из самых близких друзей был Николай Вячеславович Соболев: мы учились с ним в институте, дружили семьями, работали на медном заводе и в ГМОИЦ, вместе охотились, трудились в институте «Гинццветмет». Когда я из роддома нес своего первого сына, Николай рядом вел мою жену. Тогда он спас ее тем, что тут же привел к нам домой известного в Норильске врача Шишкина: тот применил радикальные меры лечения, ее высокая температура была признаком сепсиса.



*В перерыве совещания в управлении комбината. Слева направо: начальник лаборатории ГМОИЦ А.С. Смирнов, начальник отдела Проектной конторы Н.А. Комнатный, начальники участка ГМОИЦ В.В. Боровков, Н.В. Соболев. 1960 г.*

Мы помогали друг другу во время массовых грабежей и убийств летом 1953 г. Тогда женщин с обогатительной фабрики до Октябрьской площади отправляли на машине — я встречал жену, взяв в карман на всякий случай молоток. А Николай чуть жизни не лишился. Охрана одного из магазинов с перепугу приняла его за уголовника (он был коротко стрижен) — его избили. Его в этом качестве и привезли в больницу. Утром при обходе его опознал Шишкин и немедленно прооперировал лежащего без сознания Николая — наши жены круглосуточно дежурили возле него.

Еще один друг, Всеволод Владимирович Боровков, родом из семьи питерских большевиков, окончил Магнитогорский металлургический институт, был репрессирован, жил в ссылке в Мотыгино, а в 1956 г. его направили в Норильск, работал в ГМОИЦ, возглавлял участок агломерации на никелевом заводе. Мы вместе проводили отпуск, после Заполярья он обосновался во Владимире, где и умер в 1998 г.

В 1966 г. мы получили кооперативную квартиру в Москве. Рождение в 1968 г. младшего сына и окончание в том же году старшим сыном 7-го класса ускорили наше решение об отъезде из Норильска. Я уже имел договоренность с руководством отдела цветной металлургии Госплана СССР о переходе на работу. И расстался с Норильском в сентябре 1969 г. Тогда и закончились годы, которые были лучшими годами моей жизни... До сих пор память нередко возвращает меня в Заполярье...

Я застал время, когда тундра в районе Норильска еще не была сожжена выбросами сернистого газа, хотя южная часть озера Пясино уже была отравлена сбросами обогатительных фабрик, содержащими флотореагенты. В окрестностях города тогда водилось много рыбы и дичи. Норильская промышленность нанесла большой ущерб природе Таймыра. Помню, как в конце 60-х гг. с вводом в эксплуатацию газопровода Мессояха—Норильск началось беспорядочное метание стад диких северных оленей в районе Норильска, — это привело к гибели большого числа животных.

Среди наших знакомых было много любителей охоты и рыбалки. Заядлым охотником был Ф.Т. Киреев, весной и осенью он бил гусей, а зимой — куропаток. Федор Трифонович брал двухнедельный отпуск и отправлялся на охоту с тестем и плавильщиком ОМЦ С.Есиным. Этому предшествовала серьезная подготовка: готовились лыжи, нарты, палатка, печка. Дробь делали сами: жидкий свинец лили через веник в воду, а затем дробь рассеивали и окатывали. Патроны тоже заряжали сами, увеличивая обычно заряд бездымного пороха против нормы на 15–20 %, а то и 30 %, так что и бой был более резким, и были случаи травм пальцев спусковым крючком.

Мы с товарищами В.В. Боровковым, Н.В. Соболевым, Ф.Е. Ломагиным, Л.А. Синевым, В. Брындиным были начинающими охотниками, но тоже весной уезжали на неделю и более в тундру на гусиную



*Весной 1962 г. на охоте.  
Слева направо: В. Брындин, Н. Соболев, В. Кащеев*



*Семьи Боровковых и Смирновых в выходной день у костра  
на реке Амбарной*



*На лыжах Л.Г. Смирнова (слева) и Л.Ж. Синева*



*Наши дети: Боря  
Ферберг, Нина Ломагина  
и Сережа Смирнов*

охоту. Охотились и на уток, по чернотропу ходили на зайцев, а зимой на куропаток.

Однажды в мае 1960 г. в районе р. Болготох мы с В. Брындиным, пытаясь обойти окольным путем образовавшийся днем глубокий бурный поток, провалились по грудь в снежно-водяную кашу... Выжав одежду, сушили ее потом на себе — кругом была голая тундра.

И все же к охоте всерьез я так и не пристрастился. А вот рыбалка была любимым занятием с детства. Нашим учителем в ловле хариуса на обманку был фотограф ГМОИЦ Иван Зиновьевич Бажин, рыболов-виртуоз. На лодке «Казанка» мы плавали всей семьей до озера Пясино, на озеро Лама, по рекам Рыбной до порога Орон, Глубокой... Излюбленным местом была река Талая.

Однажды В.Г. Рябов и плавильщик ГМОИЦ Ж.А. Эгле в шторм едва не погибли. Лодку захлестнуло волной с кормы на реке Норилке. «Казанка» встала в воде «свечкой». Эгле держался за нос лодки, а Рябову посчастливилось зацепиться пальцем за размотавшуюся сеть. Через несколько минут их подобрала шедшая следом большая деревянная лодка. А если бы ее не оказалось в тот момент?

В 1959 г. подобное происшествие пережили и мы с Л.А. Синевым и сернокислотчиками В. Орловым и П. Андреевым, когда на озере Мелком был шторм...

Я и сегодня с удовольствием вспоминаю пешие походы в тундру, лыжные походы, плавание на мелких судах, рыбалку, разговоры у костра... Мы много фотографировали, снимали слайды и кино... Фильм о Талнахе мы делали с В.В. Боровковым — тогда в поселке были только палатки и временки. Там мы наткнулись на огромную лиственницу, только пять-шесть человек могли, взявшись за руки, обхватить это древнее дерево...

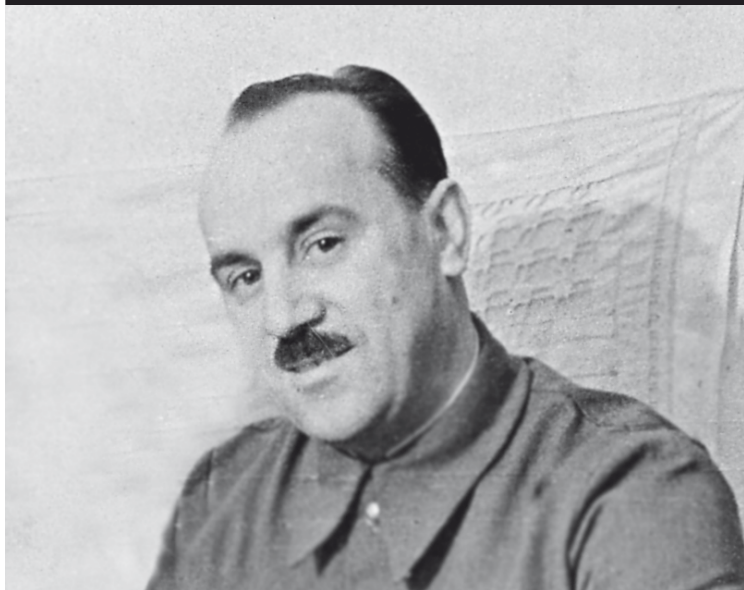






*Елена Мансурова*





**Елена Мансурова:**

*«...среди расстрелянных тру-  
пов он (папа) нашел и вытас-  
кивал своего отца» .*



*Александр Николаевич Мансуров.  
1948 г.*

**П**режде чем я расскажу о своем отце, предоставляю слово документам. Их состарило время, они пожелтели, и все же их язык остался красноречивым, неумолимо точным и равнодушно официальным...

*Бродоиздание*  
**ТРУДОВОЙ ДОГОВОР**

(Для лиц, поступающих на работу в районах Заполярья)

Гор. Норильск . 1 - августа 1942 г.

Нажеподдлсавшеся, Норильский комбинат и ИТЛ МВД СССР, в дальнейшем именуемый „ком-  
бинат“ в лице Закс. Комиссариата Норильского Комбината  
МВД по подраие подполковника Ефимовича  
с одной стороны и гражданина Матвеев Левонид Иванович

в дальнейшем именуемый „работник“ с другой стороны, в соответствии со  
ст. 11 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г.: „О льготах для лиц, ра-  
ботающих в районах Крайнего Севера“, Постановлением СНК СССР от 29-X-1945 г. № 2777 „Об  
улучшении бытовых условий и расширения льгот для работников Дальстроя НКВД“ и Постановле-  
нием Совета Министров СССР от 10-VI-1946 г. № 1384-492с, заключаюи настоящий трудовой до-  
говор о нижеследующем:

1. Работник поступает на работу в Норильский комбинат на должность гв. бухгалтер  
комбината и обязуется проработать в системе комбината на Крайнем Севере в  
продолжении трех лет.

Датой поступления на работу в комбинат считается день выезда работника к месту работы.  
Срок работы на Крайнем Севере исчисляется со дня прибытия работника к месту работы.  
Если договор заключается на месте работы, срок работы на Крайнем Севере исчисляется со  
дня заключения договора.

2. В соответствии с действующей в комбинате системой оплаты труда работнику устанавли-  
вается должностной оклад (тарифная ставка) в размере \_\_\_\_\_ рублей в месяц.

3. Через каждые шесть месяцев работы на Крайнем Севере работнику начисляется 10 проц  
надбавка к получаемому должностному окладу (тарифной ставке).

Суммы процентных надбавок, выслуженных генералам, офицерским составом войск и орга-  
нов МВД, МГБ СССР и милиции при поступлении их на работу в комбинат, за ними сохраняются.

Во всех случаях, однако, общая сумма процентных надбавок не может превышать 100 проц  
оклада (тарифной ставки).

4. Выплата денежных компенсаций (единовременное пособие и суточные) при переезде в нов  
принятого или переводимого работника и членов его семьи производится в двойном размере про-  
тив норм, предусмотренных в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1931 г. „О компен-  
сациях и гарантиях при переводе, приеме вновь и направлении на работу в другие местности“  
(С.З. СССР 1931 г. № 68, ст. 453).

Переводимым в обязательном порядке на основании Указа Президиума Верховного Совета  
СССР от 19 октября 1940 года выплата единовременного пособия и суточных производится в раз-  
мере, предусмотренном этим Указом.

5. Руководящим работникам, инженерно-техническим работникам, генералам и офицерам войск  
органов МВД, МГБ и милиции за долговременную работу выплачивается единовременное вознагра-  
ждение в следующих размерах:

- а) по истечении 7 лет непрерывной работы в размере двухмесячного оклада;
- б) по истечении 10 лет - в размере 3 х месячного оклада;
- в) за каждый год работы свыше 10 лет - ежегодная премия в размере двухмесячного оклада.

ПРИМЕЧАНИЕ: В стаж работы дающий право на получение единовременного вознаграждения за долговре-  
менную работу включается все время работы в комбинате по договору. Лицам, работаю-  
щим в комбинате до Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 X-1942 г. „О прек-  
ращения начисления проц. надбавок к зарплате рабочим и служащим и предоставления  
других льгот, связанных с работой в отдаленных местностях, вне крупных городских насе-  
лений и на Крайнем Севере“ в этот стаж засчитывается также все время работы в ком-  
бинате до 1-X-1942 г.

6. Комбинат в праве переводить работника на работу по его специальности из одного пред-  
приятия комбината в другое, не снижая при этом договорного оклада (тарифной ставки).

При переводе, связанном с переездом в другую местность, работнику выплачиваются компен-  
сации согласно действующему законодательству.

Устанавливается, что при переводе на работу в отдаленную местность, приравненную к Край-  
нему Северу, но расположенную южнее Северного Полярного круга, со дня принятия к новому  
месту работы работник начинает пользоваться льготами по Указу от 1-VIII-1945 г. и Постановле-  
нию СНК СССР от 18-XI-1945 г. № 2927. Процентные надбавки, выслуженные на работе в районах  
Заполярья в этом случае пересчитываются из расчета: одна десятипроцентная надбавка не за 6,  
а за 12 месяцев работы.

7. Работник по своей специальности и характеру работы относится к числу работников с  
полупостоянным рабочим стажем.

*Историческую справку о главных бухгалтерях Норильского горно-металлургического комбината имени А.П.Завенягина принес Василий Иванович Мартынов. Он работал в Норильске с 1966 по 1987 год, последние семь лет был главным бухгалтером комбината. В январе 1987 года Василий Иванович запросил личные дела из архива комбината. К сожалению, сведений о главных бухгалтерях до 1940 года ему не предоставили. И потому возглавил список Александр Николаевич Мансуров.*

### **Из личного дела А.Н. Мансурова.**

Родился 2 декабря (по старому стилю) 1900 года. Русский. Веспартийный. Женат, двое детей. В органах с 1 июля 1940 года.

Родился в семье земского участкового врача в г. Коломне Московской области, «считался как в семье дворянина». Образование среднее. Окончил школу 2-й ступени (1908-1918 годы).

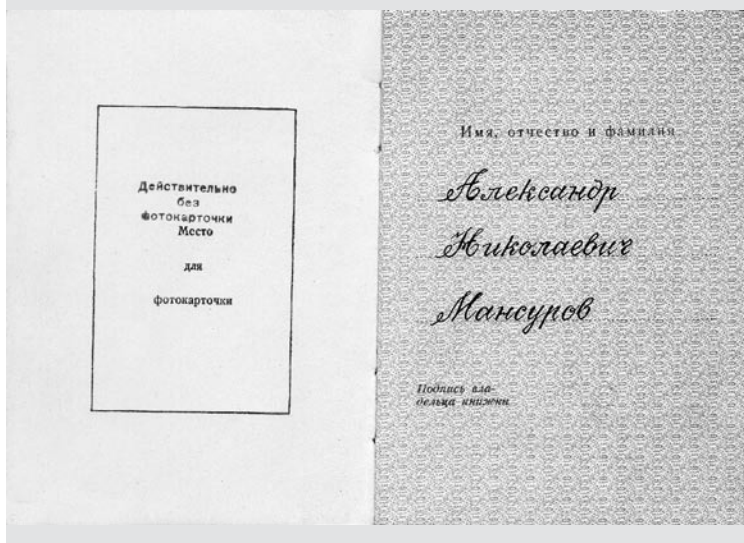
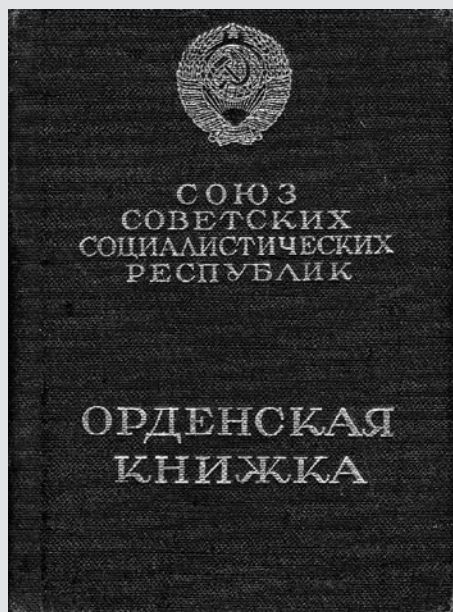
После окончания школы был призван в ряды Красной Армии, где прослужил рядовым около четырех лет. После демобилизации 17 мая 1923 года А.Н. Мансуров поступил в Увязскую контору «Рязлеспром», где работал младшим десятником, а затем счетоводом до августа 1924 года. В Касимовское агентство «Сахаротрест» перешел в феврале 1925 года на должность старшего счетовода. Постоянно работал на счетной работе: с 1933 по 1937 год заместителем и главным бухгалтером на Березниковском химкомбинате и в тресте «Березникхимстрой». С января 1937 года

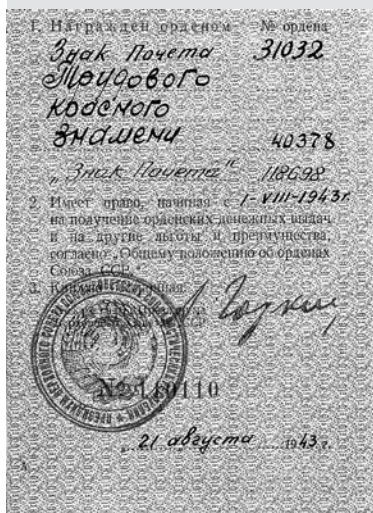


по март 1938 года А.Н. Мансуров – главный бухгалтер треста «СевУралтяжстрой».

3 марта 1938 года арестован Ворошиловским РО НКВД Московской области: обвинение предъявлено по ст. 58-10 УК РСФСР. 15 ноября 1939 года за недоказанностью состава преступления дело прекращено, и А.Н. Мансуров из-под стражи освобожден. По удостоверению № 16 от 1 июня 1940 года Московской конторы Норильского комбината (начальник Рубаненко) А.Н. Мансуров прибыл в Норильск для работы на должности главного бухгалтера управления эксплуатации комбината с окладом 1800 рублей. Об этом гласит приказ по комбинату № 447. Здесь он трудился до 15 октября 1940 года.







Утверждено постановлением ЦИК и  
 СНК Союза ССР от 7 мая 1936 г.

### ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ об орденах Союза ССР.

1. Орден Союза ССР является высшей  
 наградой за особые заслуги в области  
 социалистического строительства и обороны  
 Союза ССР.

2. Центральным Исполнительным Коми-  
 тетом Союза ССР учреждены следующие  
 ордена Союза ССР: «Орден Ленина»,  
 «Красное Знамя», «Красная Звезда», «Тру-  
 довое Красное Знамя» и «Знак Почета».

3. Орденами Союза ССР могут награ-  
 ждаться как отдельные граждане, так и  
 войсковые соединения и воинские части  
 Рабоче-Крестьянской Красной Армии, пред-  
 приятия, учреждения и организации.

4. Награжденные орденом Союза ССР  
 могут быть за новые заслуги повторно  
 награждены тем же или другим орденом  
 Союза ССР.

3

**Приказ МВД СССР № 424 от 1 июня 1940**  
 года известил о назначении А.Н. Мансу-  
 рова главным бухгалтером Норильского  
 комбината НКВД с 15 октября 1940 года.  
 В этой должности он проработал 13 лет  
 и 7 месяцев.

**Награды Александра Николаевича Мансуро-  
 ва:** в мае 1945 года — орден Трудового  
 Красного Знамени, медали «За доблест-  
 ный труд в Великой Отечественной вой-  
 не 1941–1945 гг.», «За победу над Гер-  
 манией в Великой Отечественной войне  
 1941–1945 гг.», в 1949 году — орден  
 «Знак Почета».

**Из аттестации А.Н. Мансурова за 1947 год:**  
 «Требователен, умеет хорошо организовать  
 работу всей главной бухгалтерии. Техно-  
 логию производства знает хорошо. Общее  
 развитие достаточное. В смысле полити-

ческого развития над собой не работает, участия в общественно-политической жизни управления не принимает, в силу этого в практической работе проявляет целый ряд недостатков в личных качествах. Не критически относится к личным качествам работников, в работе замкнут и излишне честолюбив». Аттестацию подписал и.о. директора комбината В. Зверев.

**Из аттестации за 1948 год:** «А.Н. Мансуров... в работе энергичен, оперативен и требователен. По характеру замкнут, иногда проявляет упрямство и излишнее самолюбие...» И эту характеристику подписал В. Зверев, только уже в ранге начальника Норильского ИТЛ и комбината МВД СССР, инженер-полковника.

**Из аттестации за 1950 год:** «...на протяжении 10 лет пребывания в Норильском комбинате проявил себя квалифицированным специалистом... Систематически не работает над дальнейшим политическим развитием и не принимает активного участия в общественной работе. Отмеченные в предыдущей служебной аттестации недостатки – проявление излишнего самолюбия – полностью не изжиты». Этот документ подписал инженер-полковник Береснев как и.о. начальника Норильского ИТЛ и комбината МВД СССР.

**Из заявления А.Н. Мансурова** на имя В. Зверева, датированного 12 января 1953 года: «Резкое ухудшение состояния здоровья (большая потеря зрения) вынуждает меня вновь обратиться к Вам с просьбой освободить меня от занимаемой



должности главного бухгалтера комбината... В течение 1952 года с аналогичной просьбой я обращался:

1) два раза к начальнику ГУЛГМП и главному бухгалтеру тов. Добровольскому Н.А. и тов. Макарову М.Н. (16.III и 19.V);

2) к главному бухгалтеру МВД СССР тов. Зайцеву П.В. и в копии к главному бухгалтеру ГУЛГМП тов. Макарову М.Н.»

Это заявление, как и предыдущие, осталось без удовлетворения. Следующая просьба об отставке датирована 10 мая 1954 года и направлена директору Норильского горно-металлургического комбината А.Б. Логинову: «...в связи с резким ухудшением состояния здоровья (потеря зрения) прошу дать указания отделу кадров направить меня на ВТЭК. Исполнение обязанностей главного бухгалтера возложить на одного из заместителей главного бухгалтера комбината тов. Тарханова В.В. или Першина Д.Т.»

11 мая 1954 года директор комбината А.Б. Логинов издал приказ № 515: «Освободить от занимаемой должности тов. Мансурова А.Н. с направлением на ВТЭК согласно поданному заявлению».

Наконец Александр Николаевич Мансуров получил возможность оставить столь ответственную должность, которую он, инвалид по зрению, выполнял с большим трудом. Из Норильска он уехал в Москву, больше нигде не работал. Умер в марте 1983 года.

Я прочитала строки документов, и на меня нахлынули воспоминания... Как я жалею, что о многом не поговорила с папой... Я была поздним ребенком и была, конечно, мала, чтобы самой всерьез заинтересоваться судьбой отца. Позднее я поняла, что каких-то доверительных бесед в семье отец не вел сознательно: он хотел уберечь нас от вполне реальных неприятностей страшного времени. Тогда очень немногие родители рассказывали о своей жизни детям... Но и спустя годы он не хотел вспоминать прошлое...

Мы предлагали папе поехать в город Касимов на Оке — там он родился, вырос, там его отец служил земским врачом. Отказался очень решительно. И чуть позже как-то вскользь сказал, что в Касимове среди расстрелянных трупов он нашел и вытаскивал своего отца. Просил разрешения похоронить его по-человечески — отказали. Наш дед служил врачом в Первую мировую войну и по ее окончании вернулся в Касимов. Вот тут-то он и попал в страшную мясорубку по уничтожению царских офицеров...

Отец был сильным человеком. Столько пережил (не на одну жизнь было бы лишку), но не сломался, остался человеком принципов. В его комнате неизменно висела панорама Норильска, а в уголочке стола — маленький портрет Сталина, в симпатиях к которому его трудно заподозрить. Еще одна странность для нас — он кроме Касимова напроочь отказался от поездок в Прибалтику, он не ходил на встречи



*Мансуровы. Весна 1975 г.*

с норильчанами... Не хотел забывать прошлое? Знал цену людского предательства? Но при чем тут Латвия, Литва? Вряд ли его неприязнь к ним объяснялась только тем, что его при аресте объявили шпионом Прибалтийских республик, где он так и не побывал?

Когда мы переехали из Норильска в Подмосковье, к нам домой часто приходили знакомые и сослуживцы отца, особенно летом во время массовых отпусков. Отец всех привечал... Отец очень переживал, когда уходили из жизни уважаемые им люди. Помню, как потрясла его смерть доктора Родионова, у Владимира Евстафьевича был рак легких. Отец говорил, что хирург от бога Родионов сказал однажды по этому поводу: «Если бы я сам мог себя прооперировать, я сделал бы все как надо — так я чувствую, что и где болит...» Эту фразу мы до сих пор помним...

...Я прочитала документы отца и поначалу подумала, что в них ошибка в дате награждения Александра Николаевича Мансурова орденом «Знак Почета». Я достала газету «Сталинец» за 13 февраля 1949 года со списком награжденных работников Норильского комбината и на второй странице под номером 39 нашла фамилию, имя, отчество и должность (главный бухгалтер комбината) отца. А в документах значится 1943 год. Чтобы окончательно убедиться в ошибке, я раскрыла орденскую книжку, но здесь стояла именно эта дата! Тогда я обратилась к трудовой книжке А.Н. Мансурова. И здесь я прочитала первую запись о наградах на Норильском комбинате МВД: «1942. Награжден орденом «Знак Почета», указ 1942 г.». Далее идут записи о награждении орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». И после этих строк снова читаю: «...награжден орденом «Знак Почета», и дата рядом: «1949 год». Таким образом я узнала, что у отца было два ордена «Знак

Почета». В орденской книжке я прочитала, что эта награда имеет 1-ю и 2-ю степень, за 1-ю положено выплачивать по 20 рублей в месяц, за 2-ю — 15. Орденосцу полагались раз в год бесплатный проездной билет по железной дороге и водным путям сообщения, ежедневные поездки в трамвае при предъявлении орденской книжки были тоже бесплатными.

Трудовые книжки были введены в стране с 15 января 1939 года, до этого они назывались иначе — «Трудовой список». Здесь учтено все: записи должны подтверждаться документами, изменение общих данных (например, окончание учебного заведения, выход из партии или вступление в нее) заносится в специальную графу, каждому предоставляется право пересмотра своего «Трудового списка». Он введен с 1 февраля 1926 года, и на последней странице книжки нужно было ответить на вопрос о социальном происхождении (рабочий, крестьянин, служащий, прочие), о судимости (когда, кем и за что судим) — эту страницу заверяет подпись лица, давшего эти сведения. Самому человеку, видимо, веры не было...

Очень красноречивый документ... Последняя запись в «Трудовом списке» отца сделана 3 марта 1938 года: «Исключен из списков треста «Сев-Уралтяжстрой» в связи с арестом органами НКВД в г. Березники». Так главный бухгалтер треста стал арестантом.

А теперь хочу кое-что добавить к приведенным здесь документам.

Отец потерял зрение, когда находился под следствием. Вышел он из тюрьмы с 80 % потери зрения. У него был белый билет, поэтому его не призвали в армию. В Норильск папа приехал по приглашению главного бухгалтера Калинина, к сожалению, не знаю его имени и отчества. Думаю, они были знакомы по работе на Урале. Отъезд в Норильск был своего рода бегством от возможного вторичного ареста, как это случилось со многими в то время.



*Сестры Злата (слева) и Елена Мансуровы*

Думаю, отец не простил следственных экспериментов над собой и поэтому «не работал над дальнейшим политическим развитием и не принимал участия в общественной работе». Мне он никогда не рассказывал о времени, проведенном под следствием. И в будущем никогда не вел разговоров о политике.

Папу арестовали в городе Березники, под следствием он находился в Свердловске. После его ареста маму, меня и сестру сразу же выселили из квартиры. Поскольку мама была домохозяйкой, то нам сразу не на что стало жить. Мама подалась с нами в Москву, где жили папины брат и сестры. Однако в Москве жить нам не разрешили, и маме как-то удалось устроиться в городе Кольчугино — ее приняли на работу в регистратуру местной больницы. Жилье снимали в деревне Отяевке, в 4 километрах от города. Мне было три года, а сестре — 13 лет. Она и мама ходили пешком через два глубоких оврага в город: одна — в школу, другая — на работу. А я оставалась под присмотром приютившей нас у себя доброй тети Груши.



*Елена Мансурова*

По рассказам мамы, в 1939 году человек принес письмо от отца, с которым он сидел, а теперь был освобожден. Что было в письме, не знаю, но мама собралась и поехала к отцу. Свидания она не доби-лась, но каким-то образом узнала, что дело, по которому он проходил, вроде вскоре закро-ют. И действительно, отца вы-пустили. Приехал он больной, худой и почти слепой. Здоро-вые стараниями мамы попра-вилось, но зрение к нему так и не вернулось. Несмотря на это, отец очень любил читать и читал много. В кино и театр

не ходил: не видел. Папа собрал большую библиотеку, много лет выписывал журнал «Огонек» с приложениями и журнал «Охота и охотничье хозяйство».



*Первый выезд на весеннюю охоту.*

*Слева направо: фамилии первых двух мужчин неизвестны,  
А.Н. Мансуров, В.Е. Родионов.*

*За спиной А.Н. Мансурова — С.И. Королев. 1951 г.*



*С охотничьими трофеями. Июнь 1951 г.*

С юношеских лет охота была большим увлечением папы. В Норильске у него было два ружья калибром 12 мм и 16 мм. Иногда мне разрешалось набивать патроны, я даже ходила с ними на пристрелку. Охотился папа, пользуясь полевым биноклем. Как это происходило, не знаю, но гусей с охоты он приносил. Много лет с одной компанией весной и осенью он выезжал в окрестности Норильска дня на два или три.

После выхода на пенсию папа купил дом с 10 сотками земли в поселке Заветы Ильича, что по Ярославской дороге (в 34 километрах от Москвы), и стал осваивать совсем незнакомые ему профессии: плотника, столяра, маляра и т.д. Любимым детищем стал сад. Александр Николаевич Мансуров много лет вел дневник погоды и посадок в саду и огороде. Сейчас эти тетради хранятся, и если сравнить, например, температуры зим, то зимы в Подмоскovie стали значительно теплее.

Свою энергию и силы отец тратил на сад и общественную деятельность — озеленение поселка. Посаженные им и соседом по даче А.А. Архаровым березы, липы и клены выросли и каждый год радуют нас. Он был агитатором на выборах, и молодые депу-





*А.Н. Мансуров (справа) на Енисее*

таты поселкового совета часто приходили к нему за советом. Когда случилась беда — в 1969 году сгорел дачный дом, огромную поддержку и помощь отцу оказали Л.А. Айвазов, В.С. Зверев и Катыш Ходос Мусни (бывший гл. бухгалтер в Дудинке). Отец снова отстроил дом и еще долго в нем прожил. И теперь он не стоит пустым: в нем живут его внук с многочисленными правнуками и даже с двумя праправнуками. Жизнь продолжается...



*Поселок Заветы Ильича, Московская область. Слева направо: Олег Зверев, Елена Мансурова, Юрий Трушин, В.С. Зверев, А.Н. Мансуров, Злата Трушина (Мансурова). Весна 1975 г.*





*Елена Мансурова*

Мне очень жаль, что своих деда и бабушку я не знала. Дед Николай Николаевич Мансуров и брат папы Михаил были расстреляны революционной властью как офицеры царской армии. Оба были призваны в армию в 1914 году. Бабушка умерла в 1935 году, до моего появления на свет. Однажды, будучи в командировке в г. Рязани, ожидая приема у начальника МТС, у меня выдалось свободное время — мы с сотрудницей пошли посмотреть Рязан-

ский кремль, но все было закрыто, кроме выставки «100 лет фотографии». На одной из фотографий я увидела своего деда Н.Н. Мансурова среди депутатов Государственной Думы от Рязанской губернии. Вернувшись домой, я спросила отца об этом, и он подтвердил этот факт.

Мой отец мечтал стать врачом, но родился он не в то время: судьба оказалась к нему жестокой. Когда сестра Злата окончила школу в 1943 году, папа убедил ее и еще двух ее подруг пойти учиться в медицинский институт. Она окончила его в г. Красноярске и много лет проработала сначала участковым врачом, потом эндокринологом в г. Москве.

Я окончила МЭИ и работаю проектировщиком в институте «Гипросвязь» по сей день.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ ВАСИЛИЯ КСИНТАРИСА

**Н**орильчане не забывали Александра Николаевича Мансурова. Он остался в памяти людей как нестигаемый перед житейскими невзгодами человек. Перед высоким начальством, кстати, тоже, о чем можно догадаться, читая критические строки его аттестаций. Вот, например, что написали знавшие его норильчане в 1970 году, поздравляя его с 70-летием:

«За годы, отданные комбинату и Норильску, Вы заслужили официальное признание — правительственные награды и признание товарищей по работе, поэтому Ваш авторитет намного превосходил высокое служебное положение.

Ваша преданность делу, твердость и настойчивость в работе, внимательность и чуткость, проявленные в нелегкие годы к товарищам, которые в этом особенно нуждались, снискали Вам общее уважение. Мы хотим, чтобы в день своего юбилея Вы почувствовали сердечную теплоту норильчан...»

Александр Николаевич отметил и 80-летие... Прошло 20 лет, как ушел в мир иной А.Н. Мансуров, а его с благодарностью вспоминают и сегодня. Вот что рассказал Василий Николаевич Ксинтарис:

«Я прибыл в Норильск 15 сентября 1940 года, а Александр Николаевич Мансуров на полгода раньше. Он человек с большой буквы: прямой, сильный духом и знаниями, нестигаемый ни перед кем и ни перед чем. И при этом Александр Николаевич был почти слепым, он одновременно пользовался очками с увеличительными стеклами и лупой. Представляете, КАК он работал, имея дело каждый день с цифрами, финансовыми отчетами и прочим? Когда Александр Николаевич пришел работать в аппарат Норильлага, он такой порядок навел! Такого учета материальных ценностей, людей и прочего, думаю, и сегодня на предприятиях не найти. При этом Александр Николаевич в мае-июне проводил инвентаризацию — в эту пору в Норильске все таяло и становилось доступным для проверки.

Документация тогда была в идеальном порядке, полагаю, она и сегодня сохранилась в целости и сохранности. И не страх руководил главным бухгалтером комбината А.Н. Мансуровым, но высокий профессионализм. В каждом лаготделении была своя бухгалтерия. Черновую счетную работу выполняли заключенные, потом их проверяли вольнонаемные. А какие ошибки можно найти, если поработали бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Мельчаков или другой з/к Злобин? Да никаких! У них талант был к учетной работе, это ведь только непосвященные считают, что он не нужен в бухгалтерии и прочей финансовой деятельности.

Александра Николаевича Мансурова я всегда с благодарностью вспоминаю, ведь он спас меня и мою семью от больших бед.

В августе 1950 года ко мне в Норильскнаб пришел зам. начальника лагеря. Вежливо, с улыбкой побеседовал со мной, а потом сказал:

— Я тебе неприятности принес. — И достал приказ по комбинату: — «Уволить Ксинтариса, обеспечить выезд в 24 часа».

Летом мы отправляли свои семьи на отдых в Таежный. Хоть это в тот момент было для меня утешением. За сутки я продал окружкому профсоюзов самое дорогое — домашнюю библиотеку. Собрал вещи. К моему счастью, в эти дни отсутствовал начальник политотдела, и потому партбилет я увез с собой. Мало того, и здесь, как в окружкоме профсоюза, где со мной достойно рассчитались за книги с невиданной скоростью, пошли навстречу — я уплатил взносы вперед. Продал все, что мог, и через 28 часов выехал в Красноярск.

Первым делом пошел в крайком партии. Первый секретарь был в отпуске, зашел ко второму. Он меня знал, ведь до этого поста он был первым секретарем партии в Игарке. Я рассказал ему свою историю, он поинтересовался:

— Что собираешься делать?

— Поеду в Москву, в МВД СССР, попытаюсь выяснить: что все-таки произошло?

И тогда второй секретарь (к сожалению, забыл фамилию этого благородного человека) предложил мне на выбор два вакантных места — начальника Красноярского грузового порта и директора создающегося мощного скотоводческого совхоза.

— Удастся в Москве отстоять свое будущее, оставайся там, а если нет... эти два места я держу для тебя.

В Красноярске у меня попытались отобрать партбилет, но не удалось.

Побывал я на приеме и у А.А. Панюкова, бывшего директора Норильского комбината и лагеря. Александр Алексеевич возглавил Енисейстрой, обещал мне устроить встречу в Москве с Авраамием Павловичем Завенягиным, попросил прийти к нему на другой день. А.А. Панюков сделал все, что мог, и я выехал в столицу.

Первым делом я должен был явиться к Обручникову, заму по кадрам МВД. Я пришел к нему в кабинет, чтобы записаться на прием к Авраамию Павловичу Завенягину, первому заместителю министра внутренних дел СССР. Обручников что-то бубнил, ни разу не подняв на меня глаза... А через два дня по поручению А.П. Завенягина меня принял Мамулов, зам. министра внутренних дел. На другой день из приемной Обручникова меня разыскали на квартире, где я остановился, и назначили время приема у Обручникова. Не успел я переступить порог его кабинета, как он бросился мне навстречу, улыбаясь, жал руки... В общем, развернулся на 180 градусов. Он усадил меня напротив себя и предложил вернуться на работу в Норильск. Я отказался. Тогда Обручников любезно предложил другие должности: начальником пароходства в Дальстрой или в Североникель, который недавно передали в МВД из Министерства химической промышленности.

Я выбрал Североникель и должен был поехать на Кольский полуостров в г. Кировск.

Но тут, когда, казалось бы, неприятности отступили от меня, я серьезно заболел. От всех переживаний у меня отнялась нога — полгода я был на больничном. Теперь представьте мое положение: с одного места уволен, до другого не успел добраться. А у меня семья — на что жить? Все шесть месяцев Александр Николаевич Мансуров оплачивал мой больничный лист. Он спас мою семью, поддержал меня... Человек большой души, он взял всю ответственность на себя в труднейшее время. Рисковал? Еще как! Но он никогда не был сволочью, которых тогда вокруг нас было много. В те времена мало кто мог так поступить».





*Анатолий Львович Львов*



**Анатолий Львов:**

*«Всем горожанкам горожанка» .*



*Зоя Ивановна Туманишвили, первый год председательства в поселковом совете рабочего поселка Норильск. 1944 г.*



## НАБРОСКИ К БИОГРАФИИ ЗОИ ИВАНОВНЫ ТУМАНИШВИЛИ

**Е**катеринбург (в народе — «е-бург») для меня прежде всего Свердловы, особенно генерал Франции; засидевшийся Эдуард Россель и борьба «зеленых» против завода по переработке моноцитового концентрата; проблематичный торий, якобы менее вредный, чем уран, и столь же необходимый для утилизации плутония, как раньше — для бомбы... Конечно же, ужасная казнь Романовых, гимназия Е.И. Урванцевой, Уралмаш, Бендукидзе (тамошний Прохоров) — да мало ли?.. Норильские выпускники политеха, учеба Б.И. Колесникова и других, кому помог Свердловск...

Но с недавних пор все отступило перед Зоей Ивановной. Даже Елизавета Ивановна (Урванцева).

Дед Андрей Еремеевич Худеев был родом из Чердынского уезда знаменитой земли, завоеванной Иваном III пять с лишним веков назад. (Районный центр Пермской области скоро отметит 470 лет своего городского статуса.) Но деду Андрею, на редкость грамотному сироте-крепостному, и самому было чем гордиться. На городской конюшне не задержался, стал мастером по дереву, в 18 лет женился (правда, по приказу помещика), после освобождения благодаря предприимчивости и грамоте сбивал мужиков в артели. Старшим был Корней Жикин, тот не писал, не читал, русского языка не знал, зато умел строить дома. Тем и занимались, пока не прознали о переселении безземельных в районы, где много пахотной земли, о ссудах и прочем, включая пособие подорожное. Так будущий дед Андрей оказался среди основателей деревни Жикино — в честь головы артели — на границе с Тобольской губернией.

Воспоминания Андреевой внучки Зои Ивановны, надеюсь, интересны не только мне. Вот, например, про истоки дедовой грамотности. Случай не единичный, но все же редкий: 12-летнего взяли хозяева к себе в дом и приставили к сыну-ровеснику, чтобы вместе слушали и учили уроки (учителя привезли из города). Может, потому что вдвоем веселее, а может, умело сыграли родители на чувствах отпрыска, скажем, поддерживая стремление быть первым. Так или иначе, хоть в чем-то сироте повезло. В гимназию, правда, двоих не отправили. И не слишком интересовались сердечным расположением юноши Андрея, женив его на подслеповатой Матрене (девушки рукодельничали при лучине), но семья получилась. Дом не хуже других, с окнами, в кружевной вязи из дерева, и за детей не стыдно. Одного за другим Матрена Абрамовна родила Ивана и Степана, а там и Надежду.

Иван — это и есть отец Зои Ивановны.

Зоя появилась на свет, когда отец служил в Петербурге, в лейб-гвардии Семеновском полку. Видимо, унаследовал Иван Андреевич способности к учению, окончил военную фельдшерскую школу. Жизнь складывалась не всегда благополучно, зато и не скажешь, что однообразно (коммивояжер, лесобъездчик, опять фельдшер, три женитьбы). Прожил около шестидесяти лет.

Маме повезло меньше. Прасковья Ивановна — дочь неграмотной крестьянки и слепого торговца «мелочью», родив семерых, сорокалетней умерла от тифа в 1922 году.

Старший брат воевал в гражданскую, финскую и Отечественную, стал газетчиком. (Зоя Ивановна, как мы знаем, изыскателем даже на Сахалине поработала.) Брат младший, шахтер, и сестры остались неграмотными, но детям своим образование дали, «хотя жили очень трудно».

Вот мы с Зоей Ивановной в расцвете ее лет, еще нет и тридцати пяти, добрались (по Енисею на пароходе, 1939 год) на Север. В Москве она заключила

договор с представителями Норильскстроя и была радушно принята техником в отдел инженерной геологии, которым командовал Константин Ярцев. Следующим местом работы оказалась мерзлотная станция, так что с Михаилом Кимом Зоя Ивановна познакомилась за четверть века до присуждения ему Ленинской премии (да и почти вся группа будущих лауреатов уже была норильчанами, но их объединение в «авторский коллектив» еще не проглядывалось).



*Первое довоенное лето в Норильске.  
Карликовые березки не закрывают 12-квартирный дом,  
где жили Туманишвили. Зоя Ивановна и Е. Ярцева, жена  
начальника отдела инженерной геологии*

Как тоскливо было на подходе «Кречета» к Дудинке, как тепло встречали новеньких обогатитель Аня Никонова и другие старожилы на Нулевом пикете (у вокзальчика узкоколейки). О том, что в избе Урванцева размещался политотдел, и прочих деталях не пишу по той удивительной причине, что вспоминала их почти полвека спустя бывший председатель поссовета, то есть самый главный представитель советской власти в Норильске с 1944 года.

Насколько экзотична была эта должность в лагерном поселке, не нанесенном на карты, — другой вопрос. Но факт, что именно Зоя Ивановна семь с половиной лет занималась необходимейшими делами поначалу почти в абсолютном одиночестве, заменив ушедших на фронт предшественников...

Ее общественную жилку заметили сразу (кстати, и внешне была привлекательна, сужу по старым снимкам). Избрали в райсовет — Дудинский, ясно, и в окружной. Что делать — не очень представляла. Пошла на консультацию. К кому? К депутату Вер-



*В пошивочном ателье Норильска.  
За столом З.И. Туманишвили. 1946 г.*



*Женсовет принимает сынов полка, которые воевали и после демобилизации приехали в Норильск. Позже они работали в военизированной пожарной охране. В глубине — Зоя Ивановна с сынами полка, слева и справа — члены женсовета*



*Женсовет Норильска. Слева направо: Непомнящая, Туманишвили, Савичева (секретарь поссовета), Алексеева (жена начальника управления лагерей), фамилию пятой справа женщины память не сохранила*

ховного Совета СССР. (Это от министерского кресла Завенягина освободили, а мандата, который, правда, не гарантировал долгую жизнь, не лишали.)

Позвонила референту, представилась, тот сразу сказал, что Авраамий Павлович ее обязательно примет, только поздно вечером — другого времени нет. Так и получилось, в назначенный час она вошла в кабинет на втором этаже здания на Заводской. Начальник комбината, по обыкновению, сам задал несколько вопросов, но чувствовалось, что кое-какие справки навел заранее...

Беседовали часа два. «Человек очень хороший, вежливый, простой. Похож на Ленина, если судить по фильмам, — среднего роста, с лысинкой, сразу располагал к себе... Между прочим, никогда и нигде не слышали от него нецензурщины. А очень многие «чины» это себе позволяли. И при женщинах.

Завенягин предложил начать с малого: посетить столовые, магазины, посмотреть, что там делается, есть ли злоупотребления, нарушения санитарных норм и т.п. Это даст направление в работе, подскажет, где нужно организовать комиссию, пост и т.д. А дальше многое будет зависеть от обстоятельств, иногда чрезвычайных, и времени. Если появятся трудности, сказал, — обращаться к нему без стеснения».

Кто позволит себе отвлекать Абрама Палыча без крайней необходимости? И она не позволяла, даже когда встречались. В сорок первом его отозвали, но он прилетал несколько раз. В поссовет не заходил.

Но вообще-то двери к Зое Ивановне не закрывались. Круг ее забот (советской власти!) ширился: почта, сберкасса, нарсуд, милиция, школа, другая, вот их уже четыре, загс, военно-учетный стол... Ведь все это так называвшиеся советские учреждения.

Опускаю проблемы кадровые, нищеты... О зарплате комбинатской «технички» приходилось мечтать, как и о своих уборщицах, пока не разрешили использовать — рядом с гербовой печатью! — женщин-заключенных.







*Детский сад. Воспитанники представляют «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. В центре — столбовая дворянка — Магда Туманишвили. 1 мая 1943 г.*



*Выпускники пишут сочинение на аттестат зрелости. У окна за первой партой Магда Туманишвили, в следующем ряду за первой партой — Г. Зверева, за второй — М. Усиевич, за третьей — А. Бузакова. 20 мая 1954 г.*





*Праздник последнего звонка. В центре — Лидия Васильевна Бузунова, учитель литературы и классный руководитель. 1954 г.*

политической ошибки. Но Бог берег руководителя агитколлектива. (Не подумайте про художественную самодеятельность, просто она отвечала за работу агитаторов на территории всех избирательных участков, а их в первый послевоенный год было уже 17, а избирателей — больше 20 тысяч.)

О том, задумывалась ли, что «выборы» выбора не предоставляли, я никогда не спрашивал. И сейчас решил вставить этот абзац только для молодых. Боюсь, не все из них знают, что в избирательном бюллетене — от Москвы до самых до окраин — печатали одну-единственную фамилию «кандидата», заранее назначенного парткомом или тем же политотделом. Но все обставлялось «как надо» — с выдвижением от имени «блока коммунистов и беспартийных», с пионерами, салютующими каждому листочку, исчезающему в прорези ящика, одетого в красное сукно... А как наряжались перед голосованием! А как возмущались при объявлении результатов, услышав, что



*Митинг в честь Дня Победы. Выступает В.С. Зверев,  
справа — З.И. Туманишвили, слева — В.И. Козловский. 1945 г.*

где-то в Прибалтике полтора процента избирателей вычеркнули имя человека, которому «доверие оказали Партия и Народ».

Только при чем тут Зоя Ивановна, чистый и честный коммунист, которая и на старости лет считала своим долгом ходить на собрания однопартийцев, переживая за то, что происходило вокруг, и постепенно осознавая, куда вели и завели 18 миллионов таких, как она? Это я забежал вперед, но ячейка ее, ровесников и пенсионеров помладше, глупостями не занималась (как проинформировала меня Магда Константиновна, дочь Зои Ивановны), старалась положительно влиять на окружающих и друг на друга. С секретарем организации им тоже повезло — мудрый мужик, разведчик в Отечественную, случайно выживший... Однако время неумолимо. Последнее собрание позади.

Возвращаюсь в сороковые. Магда, свет в окошке, подрастала. (Личную жизнь Зоя Ивановна в мемуарах обходит стороной.) Решили, пока дочь не окончит школу, с места не трогаться. Вокруг люди замечательные, сердечные. А при коммуникабельности и душевности Зои Ивановны легко представить, сколько у нее было друзей, которых она одаривала гостеприимством, или общением, или помощью, а они ее в свою очередь. Очень помогал в работе Иван Алексеевич Случанко, будучи в страшной должности прокурора (но факт, что ничего страшного о нем не вспоминают и другие). Козловский, Васин, Перфилов — это начальство, может, у кого-то были к ним претензии, у Туманишвили — нет. Сергей Михайлович Смирнов, начальник санчасти комбината, Наталия Ивановна Царева, директор школы, та самая, что передвигалась по Норильску, оседлав мотоцикл, Лидия Сергеевна Савичева, учительница, — все, можно сказать, свои люди, не говоря уж о Каратаевых. Евгения Павловна учила школьников физике, потом перешла в техникум. Леонид Васильевич, географ, ушел на комбинат. Их старший сын Геннадий — одноклассник Магды — потом учился в Москве, а младший, Виктор, окончил

институт в Свердловске, где Каратаевы купили дом. Так что дружба продолжалась.

Другая чета, украсившая жизнь в Норильске многим, — Юровская и Шелагин, Елена Васильевна и Михаил Иванович. (Для меня стало новостью, что его некогда лишили дворянства: официально женился на актрисе. А вот что «уехал за своей любовью на край света, в Норильск», — тут я не соглашусь. В Норильск эту актерскую пару привела война.)

Разыскивали одна другую и нашли, естественно, Зоя Ивановна и Елена Михайловна, детский врач Попова, еще будучи в заключении выезжавшая педиатром в «Таежный». Познакомились они в поссовете: Попова слышала, что председатель помогает разыскивать на материке детей, расставшихся с родителями при их аресте. И Зоя Ивановна нашла докторше сына. В Свердловске. Его привезли в Норильск, здесь он окончил школу, с мамой вернулся в Свердловск. Дальше — сами понимаете — родная семья.

(Позволю себе несколько строк в скобках. Попова-то не Михайловна, а, представьте, Ерминингелдовна. Но не всякий такое запомнит, и она облегчила жизнь соседям и коллегам: отец был в семье Ермилом; Ермиха, Ермиша, Миша... Михайловна!)

...Никого нет. Первым, очень рано, ушел из жизни Случанко. Последним из норильских приятелей, кажется, — Витольд Станиславович Непокойчицкий, уже вдовцом... Нет, Григорий Иванович Сапрыкин — сразу за Марфой Ивановной.

То есть как «никого нет»! А дети, внуки!..

Мы подошли к некогда описанным Зоей Ивановной событиям, имеющим отношение ко всем норильчанам — лагерным, поселковым, городским, давно ушедшим и нынешним, даже будущим. Причем события эти не случайно совпали с первым послевоенным отпуском депутата, поселкового «мэра» и страхового агента Туманишвили. Год 1950-й.

«В конце сороковых в поссовете стало работать нечеловечески трудно». (На этот раз я следую не ре-

дакторскому варианту текста, а сохраненной рукописи.) «Смешно сказать, что в загсе сидела старушка на девятом десятке лет, бухгалтер был того же возраста, почти 90-летний. Правда, он в свое время был директором банка... Наконец пришла к мысли, что, пока не будет статуса горсовета, ничего не может измениться к лучшему. Начала ставить этот вопрос в райсовете, окрсовете, но поддержки не получила. Тогда я решила написать в Верховный Совет РСФСР».

...Смею думать, что, возможно, решила не единолично, кто-то из норильского начальства узнал о



*Выпускники норильской партшколы (послевоенные годы).*

*Нижний ряд справа налево: первый — Б. Придагин, секретарь парт-организации рудника «Заполярный», третий — Л.В. Каратаев, инструктор, четвертый — Г.И. Сапрыкин, секретарь парторганизации буровиков.*

*Второй ряд: третья — З.И. Туманишвили, председатель поссовета, четвертый — В.И. Козловский, начальник политотдела, пятый — секретарь окружкома профсоюза, фамилия его неизвестна.*

*Третий ряд: в центре за В.И. Козловским — Сузюмова.*

*Четвертый ряд: первый — Кокорин, пятый — Зубарев, шестой — Елисеев, все трое инструкторы, седьмой — Бабкин, прокурор*



Оба дружеских шаржа выполнены художником Арцыбашевым, до ареста работавшим в газете «Известия». На одном склонилась над листом Зоя Ивановна, на другом — надпись: «Зарисовка сделана через 2 часа после утраты полушубка». Фамилия пострадавшего Павлов, но кто он такой, память Зои Ивановны не сохранила. Строки на рисунке: «Господи, пошли Михаилу Сергеевичу скорую, но мучительную смерть», по всей вероятности, относятся к человеку, ответственному за сохранность сданных вещей

последовавшем только по осени, а кто-то не был в неведении. Ясно, что никакой инициативы не могли себе позволить (имею в виду конкретную ситуацию) ни начальник комбината, ни начальник политотдела. Их непосредственные руководители вряд ли одобрили бы нарушение субординации. Да и сомнительно, чтобы В.С. Зверев и В.И. Козловский стремились к укреплению «альтернативной» власти в регионе. Наконец, совсем уж определенно, что в число первоочередных они не включали заботы, связанные с городским статусом. Куда важнее был пуск медного.

Другое дело — норильский прокурор или депутат Верховного Совета РСФСР (в то время начальник плановой комиссии крайсовета; Зоя Ивановна его хорошо знала — Немцов баллотировался и по Норильску).

Короче говоря, на скромные отпускные, на вырученные уборщицей Тасей от продажи излишних вещей плюс «спонсорские» от политотдела Зоя Ивановна отправилась в Красноярск. Депутат Немцов



*Зоя Ивановна Туманишвили.  
1948 г.*

помог попасть на прием к председателю крайисполкома, тот забраковал заготовленные документы, поручил кому-то все переделать, добавить необходимые, по его мнению, цифры (экономика, население и прочее). А вот командировку подписывать не стал, несмотря на явную заинтересованность в успехе предприятия. Мол, не имеет права.

Вполне возможно, что и не имел. И уж точно — не хотел нарваться на неприятность: «Что за самодеятельность?!»



Зато на руках у Туманишвили имелись толково составленные документы и письмо Председателю Совета Министров РСФСР товарищу Сафонову от... нет, не начальника отдела кадров Норильского комбината товарища Балыбердина (подумаешь!), а просто от Балыбердина, товарища нынешнего предсовмина по совместной работе в аппарате одного из обкомов партии. Свой человек!



*«Таежный». Слева направо: Света(?), Эльвира Гаврилова, Нина Михайлова. Присела Магда Туманишвили. 1952 г.*



Билеты на поезд до Москвы Зое Ивановне знаете кто помог достать? Зампред крайисполкома. Его звали Анатолий Сергеевич Бурмакин. Бывший матрос и золотодобытчик, потом советский работник, которого через три года выдвинут на должность первого мэра в истории Норильска-города, о чем ни он, ни Туманишвили еще и предположить не могут.

В Москве прежде всего отыскала приемную Президиума Верховного Совета РСФСР. Очередь — на полмесяца, если не больше. Ночью разгоняет милиция, а люди боятся отойти, чтобы не потерять место по записи.

А Мишку, улетающего в небо над трибунами торжественного закрытия Олимпийских игр 1980 года, помните? Фамилию главнокомандующего тем празднеством?... Верно, Туманов. Нет, не совпадение, а Туманишвили, Иосиф Михайлович, деверь Зои Ивановны. В 1950-м еще не был профессором и народным артистом СССР, но знаменит и возглавлял оперетту. В антракте «Летучей мыши» он познакомил своих гостей — норильчанку Туманишвили и москвичку, зампреда Моссовета товарища Сарычеву.

Еще чуть-чуть — и стали бы Сарычева и Туманов «крестными» Норильска-города. Без них-то гражданка с Крайнего Севера вряд ли попала к секретарю Президиума Верховного Совета РСФСР Петру Васильевичу Бахмурову, без него — в номер гостиницы «Москва», где, не отлучаясь, ждала возвращения из отпуска самого Председателя Президиума и дождалась. Тот пригласил к себе, и даже вышел из-за стола, и пожал руку, и долго беседовал, открывая для себя будущий город на подведомственной ему территории. (Напоминаю, что речь идет о номинальном руководителе одной из 15 союзных республик. Боюсь, что мы уже забыли и В.И. Воротникова, занимавшего этот кабинет в 1990 году; тем более — Михаила Петровича Тарасова. — А.Л.)

Поддержал!

И Совмин был «за». И лично замминистра товарищ Фадеев, который вскоре стал министром финансов.

З.И. Туманишвили: «Оставалась последняя инстанция — Госконтроль, виза т. Мехлиса. Он был министром Государственного контроля, и за ним было решающее слово, но я считала, что вопрос уже решен, чувствовала себя от радости на седьмом небе... В назначенное время я на крыльях полетела к Мехлису.

Помню чудесный день, душа пела... Навстречу мне поднялся из-за стола невысокий худощавый хмурый человек. Взял у меня пачку документов, начал читать, вдруг вскочил с места и стал кричать:

— Что вы тут просите? Видите ли, ей мал штат в пять человек, подайте ей семнадцать! Да чтоб город был!.. Это несовременно, знаете ли! Вот если бы вы написали, что реорганизовали свою работу и вместо семнадцати человек намерены обходиться пятью... Вот тогда я бы вам ручку пожал... Ездите, мотаете государственные деньги!..

Этот выпад был настолько неожиданным, что я встала, намереваясь что-то сказать, и... потеряла сознание».

Прервем нашу героиню, которая, как видим, вполне могла войти в историю Норильска как первая горожанка. Впрочем, я ее мысленно так и называю. Согласитесь, не без оснований. Но именно сейчас, пока она не покинула Мингосконтроль СССР.

Страница-другая о хозяине кабинета, о котором посетительница могла не знать многого. Скажем, что перед ней генерал-полковник, в начале Отечественной войны — замнаркома обороны, член военных советов нескольких фронтов. Еще в гражданскую — на политработе, а с 1937 года — на страшной должности начальника Главного политуправления РККА... От одного его слова падали задолго до Зои Ивановны тысячи людей, и не только в обморок.

Теперь все это есть в энциклопедиях. К.М. Симонов написал о Мехлисе в очерке «Сталин и война»

в 1965 году (уже после посещения Норильска), а в 1958-м, проверяя собственные ощущения и собирая материал для книги, получил письмо от коллеги-писателя о печальной памяти керченских событий зимы 1942 года. Из письма:

«...Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат... Нигде никогда я потом не видел такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море...»

К.М. Симонов все это видел и сам подписывается под существом сказанного:

«Заговорил я об этом отнюдь не затем, чтобы лишний раз недобрым словом помянуть Мехлиса, который, кстати, был человеком безукоризненного личного мужества... Он был глубоко убежден, что действует правильно... (!)»

Обе характеристики Льва Захаровича Мехлиса поразительно подходят человеку, закрестившему идею Норильска-города в 1950 году.

Но легко представить, с каким интересом К.М. Симонов дочитал бы воспоминания Зои Ивановны, которая, как и Константин Михайлович, стремится к объективности и достигает ее.

«Написала я это «не для печати», а просто надо было выговориться...»

\*\*\*

А теперь — самая главная информация: ЗОЕ ИВАНОВНЕ 26 ФЕВРАЛЯ 2004 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 99 ЛЕТ! На вершину ее 99-го лета пришелся праздник в Норильске, ею по-прежнему горячо любимом.

Между прочим, на 40-летие Норильска-города Зою Ивановну приглашали, но и тогда уже решила: поздновато ей так далеко летать, испытывать эмоциональные перегрузки. Правда, тогда старшие Сапрыкины еще были живы, вот уж навспоминались бы...

Поглядеть же на родной город и сегодня страсть какая жажда. Надо бы ей послать последние фотоиздания о городе. Полистает, приглядываясь, и почувствует себя почти счастливой.

Почти — потому что глаза не в лучшем состоянии, и даже не в среднем. Но все же видят (тьфу три раза). Очки менять уже смысла нет, не помогут при катаракте, но читать — читает (любит старые журналы, не злоупотреблявшие мелким шрифтом: «Эхо планеты», «Наука и жизнь», «Крестьянка»). На телеэкране изображение нечеткое, но толк все же есть, особенно когда звук сделаешь погромче.

Шутку Зоя Ивановна мне простит, она и сама, случается, шутит над собой, понятное дело испытывая неловкость от немощи. Но преодолевает физическую слабость, влияние погоды: и цветочки польет, и кашку сварит, и стряпает, и фильм интересный не пропустит. А пройдет гроза, дождик смолкнет, тучи рассеются — и вовсе оживет. Так что руки не опускает.

С ногами хуже. От прогулок по лесу пришлось отказаться (со второго этажа бы спуститься!). Как и от тонкого, кружевного рукоделия, знаменитого и среди неблизких знакомых (подарки всегда исполняла собственными руками). Но принесет дочка из лесу белых грибов, их много поблизости, или тех же груздей, волнушек — солит Зоя Ивановна сама. Огород, пусть небольшой, две сотки, но близко, в черте города, как от него отказаться по нынешним временам (овощи, картошка, зеленушка, малина), лег на плечи Магды, но по части варения-соления деятельная бабуля не сдается.

Интерес к жизни не только не потерян, а иногда жаль, не слышат ее колкостей и замечаний Зюганов с Жириновским. Нет, конечно, не застыдились бы, но, может, позаимствовали свежую мысль.

Балкон был в таких цветах — загляденье, любой конкурс мог выиграть — теперь скромнее. Как всем, ей не хватает общения: подруги либо не выходят из дому, либо ушли насовсем. А память замечательная,

особенно на стихи, которые учила в школе. Несколько лет назад записывала бабушкины (ее бабушки) сказки — чтоб не пропали...

Ложится Зоя Ивановна после 22.00, встает в 9.00. Пока дочь на работе, хлопочет по дому. Иногда приляжет. Сколько проживет, столько будет гостеприимной, то ли это с детства, то ли из Норильска, где всегда рады были гостям и всегда было кого покормить.

\* \* \*

*Р.С. Моим соавтором, как вы могли догадаться, выступила Магда Константиновна (Зоя Ивановна — само собой). Мы с ней, кажется, подружились по телефону. Иногда переговариваемся, уточняем детали: именно она записывала материнские воспоминания. И последние полторы страницы — надеюсь, не последние — я оставляю нетронутыми.*

\* \* \*

«Скоро, даст Бог, ровно полвека, как мы екатеринбуржцы: 30.06.54 г. прилетели в Свердловск из Норильска. Особых причин оставаться именно здесь у нас не было. Посреди России — и ладно. Была мечта о Ленинграде, но обосноваться там вдвоем было бы сложнее. Норильские «длинные» рубли позволили купить после поисков пристройку. Как позднее (при сносе) оказалось, даже не фанерный, а частями картонный, засыпной домик (бывшая пивнушка). Магда поступила в УПИ на химфак, а я, как номенклатурный работник, получила от горкома партии предложение заведовать пошивочной мастерской. Мне это было уже не по силам, да и зарплата маленькая на двоих. Поэтому пошла в Госстрах: опыт, привлекала работа с людьми, в определенной степени свободный режим, сколько побегаешь — столько и набегает. Была даже на областной Доске почета.

...Дочь ездила в колхозы, на целину, на практики, занялась туризмом. В 1959 году Магда окончила институт. Распределили на химзавод, в область, вместе с еще двумя девушками из группы. Их там не приняли: нужны были мужчины для работы в цехах. А Магде и ее подругам совнархоз предложил: НИИ или проектный институт? Так дочь стала проектировщиком. Вскоре я перестала работать.

Когда взамен нашей хибары мы въехали в благоустроенное жилье (как позднее стали называть, в хрущобу), активно преображали двор, сажали деревья. Попутно началась моя бескорыстная (хотя многие не верили) общественная работа. Прежде всего в домоводной библиотеке. Мне удалось убедить начальство выделять деньги на подписку журналов и приобретение книг в бибколлекторе. Читали и взрослые, и дети. С детьми успевала ходить в лес, в парки. Библиотеку — мое детище — пришлось оставить. Расставание было тяжелым.

Дочь, отработав все положенные сроки сначала в Уралгипрохиме, а затем в Уралгипроме по своей специальности, уже 12-й год работает библиотечником в лицее при госуниверситете. Там ей очень нравится. А я — дома. Живем!

ЕЩЕ МНОГО ИНТЕРЕСНОГО В ЭТОЙ ЖИЗНИ...



*Мать и дочь Туманишвили.  
1950 г.*

*Магдалина с юмором  
приводит слова матери,  
объясняющей их фамилию  
так: «В тумане шли мы...»*

Кажется, пора заканчивать. Очень многое остается в душе. Все на бумагу не выплеснешь.

Норильск — наш любимый город (раньше пели с оттенком скепсиса: «Прощай, любимый город»). С ним так много связано. Уши и глаза всегда улавливают что-то по радио, телевидению, в журналах, просто сообщения о погоде.

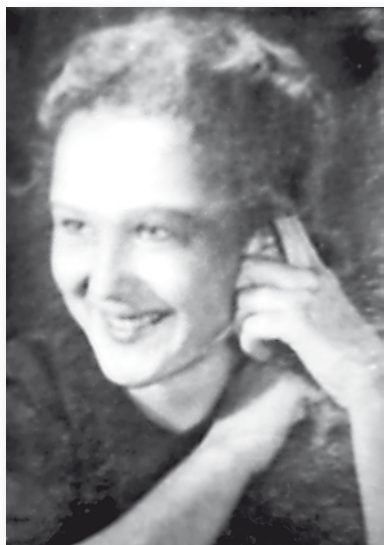


*Зоя Ивановна Туманишвили.  
1980 г.*

Жаль, побывать там уже не судьба. Дочери один раз удалось в 1966 году, летом с друзьями была в турпоходе по Таймыру; туда и обратно — через Норильск. Туда — по Енисею, обратно — самолетом до Красноярска. Столько впечатлений!..

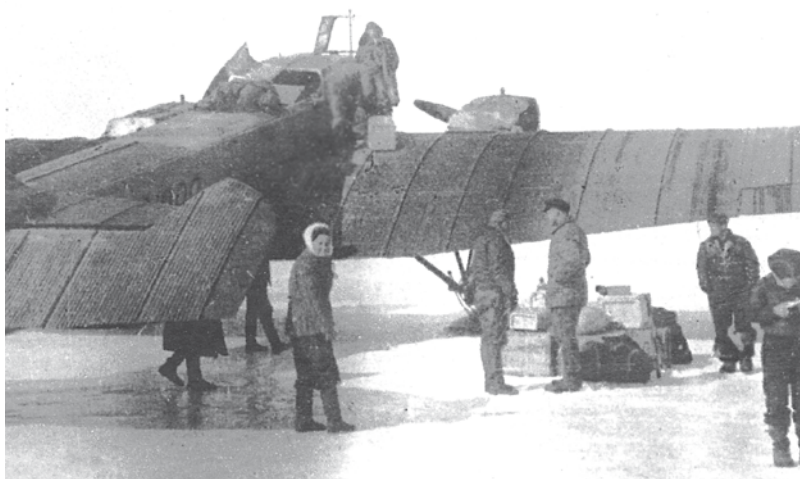
Простите за корявость, за многословие и краткость одновременно. Будем рады, если что-то пригодится».





*Елена Георгиевна Херувимова-Лапина. Норильск, 1943 г.*





**Елена Херувимова-  
Лапина:**

*«И Козырев, и Турмилев чита-  
ли много стихов, особенно Лев  
Николаевич».*



*Е.Г. Херувимова-Лапина*

## ВОСПОМИНАНИЯ ПРЕСЛЕДУЮТ МЕНЯ...

**П**рошло очень много лет с тех пор, как мне довелось побывать в этом чудесном крае, на совершенно сказочном Хантайском озере. Все увиденное там четко сохранилось в памяти и все эти годы непрерывно живет со мной. Иногда воспоминания преследуют даже по ночам и просто просятся на бумагу. Но начну все же по порядку.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов застала меня в Ленинграде, где я в то время окончила второй курс Ленинградского горного института и жила в общежитии на Васильевском острове, Малый проспект, 40. Вот вехи моих военных странствий.

Выехала я из Ленинграда с эшелоном горного института в марте 1942 года. Не осталось в памяти, как, с кем, на чем добиралась я из общежития до пункта, от которого далее ледовая дорога по Ладоге соединяла блокадный Ленинград с железнодорожной станцией. Помню лишь, что нас везли по льду на грузовых машинах, затянутых брезентом. Предупреждали, что должно быть тихо: Дорога жизни обстреливается и иногда подвергается бомбежкам. Я, видимо, от слабости и холода сразу уснула. Но все прошло благополучно, мы погрузились в поезд, который повез нас в Пятигорск. Время в пути составило около месяца. Но оно было для нас временем возвращения к жизни, и стук колес отсчитывал удары пульса этой новой жизни.

Из Пятигорска я с первой группой студентов поехала для прохождения практики на Тырныаузский комбинат, который находился неподалеку, на Северном Кавказе, в долине реки Баксан.

## ТЫРНЫАУЗ И ПЕРЕВАЛ БЕЧО

На комбинате работы по специальности геофизика для меня не оказалось, и мне пришлось работать техником по товарному опробованию руд (с бригадой уголовников). Но этот период продолжался относительно недолго.

Война преследовала нас по пятам. Немцы сосредоточили свои силы для удара по Северному Кавказу. Пути отступления на юг были отрезаны. Поэтому начальник комбината принял решение об эвакуации состава комбината путем альпинистского перехода через перевал Бечо. Все было хорошо продумано и организовано. Наши парни-студенты были мобилизованы для подготовки взрыва рудника. Мы же, девушки, были обязаны заменить обслуживающий персонал столовой и обеспечивать бесперебойным питанием работающих. Темп работы был изнуряющий, но мы примерно до двух часов ночи стойко продержались. А после непродолжительного сна, еще затемно, мы должны были покинуть рудник. Навсегда запомнилось шествие вниз по серпантину, освещенному лампами-карбидками. Мы шли в ожидании взрыва. Но взрыва не последовало: он был отложен до особого распоряжения.

Из студентов, которые одновременно со мной были в Тырныаузе, мне ближе всего были Лика Орешкова и Ира Пензина со старших курсов. Мы держались вместе и в альпинистском переходе, и на корабле, и в эшелоне. Но, к сожалению, до конечного пункта нашего пути они не доехали — в надежде на встречу с родными покинули эшелон в Средней Азии. Больше мы не встречались. Из парней я хорошо помню в Тырныаузе студентов с нашего геолого-поискового факультета — Володю Егорова и Женю Пельтека. Между собой они были большими друзьями.

После выполнения подготовительно-взрывных работ из наших парней-студентов был сформирован альпинистский отряд, чтобы переносить через перевал в заплечных мешках стариков и детей. Поэтому

каждому из них пришлось повторить этот переход по нескольку раз. Весь альпинистский переход через перевал Бечо, от Северных палаток до Южных (например, той группой, в которой находилась я), был пройден почти без отдыха примерно за 23–24 часа, то есть приблизительно с 3 часов до 2 часов следующей ночи или позднее. Короче говоря, ушли с Северных палаток и пришли к Южным затемно. В действительности никаких палаток не увидели, просто по чьей-то команде рухнули на землю (рюкзаки — вместо подушек) и заснули. До этого короткий отдых был лишь на самой вершине, где что-то проглотили из сухого пайка.

Подъем по леднику Куриная Грудка был хорошо организован: у всех были ботинки с кошками, всем выданы альпенштоки, на самом сложном месте были натянуты веревки. Проснуться самостоятельно на Южных палатках я была не в состоянии. Открыла глаза только тогда, когда почувствовала на себе лучи горячего солнца, а на лице — брызги воды. Оказывается, весь лагерь проснулся, готовясь к дальнейшему пути, только я оставалась в царстве Морфея, и тогда двое парней, взяв меня за руки и за ноги, стали раскачивать над водой бурного горного ручейка. Этот душ вернул меня к бытию, и я, открыв глаза, увидела прекрасную долину, залитую солнцем. Здесь мы обнаружили источник боржомом (из которого освежились) и позавтракали сухим пайком.

После Южных палаток перевала Бечо еще целый день продолжался пеший переход до какого-то пункта, от которого далее нас повезли на автомобилях до города Зугдиди. В Зугдиди нас разместили в школе, и там мы достаточно долго ожидали, пока не переправился через перевал весь комбинат.

Наконец поезд привез нас в Баку. Там почти сразу нас погрузили на нефтеналивной танкер и отправили в Красноводск. Видимо, Красноводск принимать нас быстро отказывался, поэтому танкер был задержан на рейде. Стояла жара, кормили одной копченой се-

ледкой, с которой прыгали белые червячки. Приходилось селедкой стучать по палубе, чтобы стряхнуть эту живность.

Мучила жажда, пресную воду давали ограниченно. Многие, в том числе и я, решили искупаться в море. Но, увы, освежиться все равно не удалось: вылезая из воды на трап, все неизбежно покрывались нефтяной пленкой, которой был окружен танкер. Наконец нас высадили на противоположном берегу Каспия, в Красноводске. Город был превращен в сплошную ночлежку. К вечеру люди в районе вокзала покрывали сплошь всю мостовую. Невозможно было пройти, чтобы не наступить на кого-нибудь.

Мы относились к системе печально знаменитого ГУЛАГа, и поэтому нас старались нигде не задерживать, тем более что у нас и времени оставалось в обрез, чтобы успеть на последний пароход, отплывающий из Красноярска по Енисею. Поэтому в первый же вечер после прибытия в Красноводск нас погрузили в поезд.

Эшелон вел себя совершенно непредсказуемо: то где-то простаивал, то мчался с огромной скоростью, нагоняя упущенное время. Таким образом мы прибыли точно в срок в Красноярск, где, похоже, именно нас ожидал под парами корабль. Надвигалась зима, нам оставалось преодолеть последний интервал долгого пути в Норильск.

## ЗАПОЛЯРЬЕ

Норильск нам показался землей обетованной. Несмотря на то что Заполярье нас встретило суровым холодом и пургой, замерзнуть нам не дали. Даже в своей одежде (на мне тогда были летние брюки и блузка, босоножки и ватник) я не успела окоченеть, так как сразу с поезда нас отвезли в натопленный барак, в котором сплошь стояли двухъярусные кровати. А утром нам привезли теплое обмундирование, состоящее из крытых бушлатов, ватных брюк, ушанок, серых валенок и рукавиц. В общем, было все прекрасно, и самое главное, что нас окружили теплом и заботой. Особенно

внимательно разговаривали со мной в отделе кадров геологического управления, где было уже известно, что я из блокадного Ленинграда и что там в феврале 1942 года от голода умерла моя мама. Мне казалось, что эти люди стараются смягчить мою утрату.

Менее приятным был разговор в партбюро, где как бы пытались взывать к моей комсомольской совести, предупреждая, что Норильск — это город, окруженный лагерем заключенных, большинство из которых политические (статья 58). С ними запрещалось общаться, здороваться за руку, невзирая на то что многие из них расконвоированы и приходят на работу в те же помещения, в которых работают и вольнонаемные. Никого из заключенных я еще не видела, но мне заранее было как-то не по себе.

Поселили меня вместе с Любой Долгонос, студенткой геолого-разведочного факультета нашего же горного института, в пристройке к помещению в том же дворе, в котором размещалась геофизическая группа. У нас был отдельный вход, дежурил дневальный, который отвечал за тепло и воду, — старичок, не знаю, заключенный или освобожденный. Во всяком случае, он неукоснительно выполнял порученное ему дело, да так, что мы с Любой частенько молили: «Дедушка, пожалуйста, топите поменьше — мы умираем от жары!» Ведь только подумать — наша комната была вообще без окон и проветрить ее не было возможности. На наши просьбы дед невозмутимо отвечал: «А что я буду делать, если печка погаснет?» — и продолжал в том же духе. Поэтому нам с Любой ничего не оставалось, как раздеваться до пляжных костюмов.

На работе я сидела в первой от входа комнате, моими соседями по рабочему столу были электро-разведчик Булмасов (кажется, Александр Павлович), заключенный, Николай Петрович Семенов — не помню точно, вольнонаемный или освобожденный из заключения.

Во второй комнате жил начальник геофизической группы Абрашкевич (имени-отчества не помню)



*Геофизик А.П. Булмасов.  
Первый картонаж на  
месторождении Норильск-1.  
1941 г.*

с женой, очень милой женщиной, кажется, Наталией Павловной, тоже геофизиком, и двумя маленькими детьми. И тут же рядом находился его рабочий кабинет. Здесь я проработала зиму 1942/43 года.

В Норильске очень бросалась в глаза, как мне казалось, роскошная жизнь, созданная для ИТР, к которым была причислена и я, как студентка. Так называемый ДИТР, в котором протекало все свободное время этой группы людей, сверкал многочисленными огнями в полярной ночи и напоминал сказочный дворец. В этом доме на первом этаже располагалась столовая ресторанного типа,



*Геофизик Н.П. Семенов за обработкой геофизических данных.  
Норильск, 1942 г.*



но, если мне не изменяет память, совершенно бесплатная. Выше находились концертный и танцевальный залы, еще выше — шахматная и бильярдная комнаты, библиотека. Как было организовано все для отдыха рабочих, для меня, к сожалению, осталось за кадром.

Вспоминаются такие сценки, которые происходили со мной в первые дни после приезда в Норильск. Входя в ДИТР с заснеженной улицы, я старалась как можно быстрее и незаметней освободиться от своей верхней одежды, а вместо этого подчас становилась свидетельницей того, как несколько «светских львов» соперничали между собой за право сдать мою амуницию гардеробщику. Это, конечно, вызывало у меня чувство некоторой неловкости. В начале пребывания в Норильске я была очень озабочена своей весьма прозаичной одеждой, которая никак не гармонировала с той роскошью, которой отличалась обстановка в ДИТРе.

Тот скудный запас одежды, который мне удалось захватить с собой в рюкзаке из Ленинграда и далее пронести через перевал Бечо, по существу, пропал — был похищен у меня в поезде. Сейчас это уже вспоминается как курьезный случай, который произошел как-то ночью при продвижении нашего эшелона через Среднюю Азию. Стояла страшная жара. Для проветривания вагона днем мы открывали вторую дверь, противоположную входной. Ночью мы трое — Лика, Ира и я — спали на полу вагона головами к этой вспомогательной двери, причем вместо подушек использовались рюкзаки. Мой рюкзак упирался своей верхней частью как раз в край двери, чуть-чуть не закрытой до конца. В узкую щель, оставленную для вентиляции, видимо, выглядывала веревка, которой был затянута мой рюкзак. Какой-то «любопытный», прогуливаясь между составами, видимо, усмотрел эту злополучную веревочку и, развязав ее, начал вытягивать содержимое наволочки, в которую я уложила свое основное имущество. Думаю, что, пока поезд находился на стоянке, он вытаскивал

вещички потихоньку, так, что даже не нарушил мой сон. Но, когда поезд резко рванул со стоянки, вор понял, что бояться ему больше нечего, и тоже рванул наволочку за края. От этого рывка моя голова мгновенно лишилась подушки, отчего я проснулась, сразу осознав случившееся. Но что-либо предпринять было не только поздно, но и невозможно: была ночь, быстро набиравший скорость поезд уносил нас прочь от предприимчивого добытчика.

Обшарив в темноте свой рюкзак, я утешилась тем, что на дне его, под наволочкой, все же осталась кое-какая мелочь, в том числе мои любимые дорожные шахматы. Так что в Норильске мне пришлось срочно ликвидировать пробел в моей одежде. На дне рюкзака также сохранилась темно-синяя шерстяная юбка. А блузка оставалась только та, что была на мне, летняя. Увидев в магазине в Норильске голубую фланель, такую мягкую и теплую, я решила, что это именно то, что мне нужно, во всяком случае на первое время. Возможность быстрого пошива была тоже неограниченной. Под вопросом оставались только пуговицы, которых в продаже не было. Все проблемы обсуждались на работе, как в семье. Основное участие в этом принимал Булмасов. Он тут же сказал: «Пуговицы — это не проблема!» От меня потребовалась только пара зубных щеток, гармонирующих по цвету с блузкой. После чего на другой же день появились красивые пуговицы-ромбики, которые украсили мою блузку.

Можно себе представить, как обогатился мой туалет, теперь уже состоящий из темно-синей юбки, голубой блузки и дополненный аккуратными черными валеночками и белой пуховой шапочкой с длинными ушами. В помещении я сбрасывала шапку на спину, а длинные ее уши завязывала спереди вместо воротника с таким достоинством, как будто он, по меньшей мере, был песцовым.

Помню, как-то после работы и ужина в ДИТРе я, как обычно, отправилась на третий этаж поиграть в шахматы. Мне, правда, никогда не присваивались

никакие категории, и я без особого энтузиазма знакомилась с теорией (кажется, Ласкера). На этот раз, получив огромное удовольствие от шахмат и собираясь уходить, я заглянула в танцзал, услышав призывные звуки духового оркестра. В правом углу зала, как в партере театра, на диванах и стульях расположилось общество весьма пышно одетых дам. Я прошла мимо и встала у стены, чувствуя себя не очень уверенно под обстрелом их взглядов. Пожалев, что вошла сюда, хотела быстро уйти, но в это время музыка на мгновение смолкла и тут же зазвучал вальс, и мне дорогу преградил один из «светских львов», приглашая на танец. Я смущенно извинилась, сказав, что не в форме и вряд ли что-нибудь получится. Но он проявил настойчивость, выразив пренебрежение к этикетам. И — о чудо! — мои валенки легко заскользили по блестящему, как зеркало, паркету. Когда музыка стихла, я с ужасом увидела, что ворсинки от моего «песца» частично пересели на костюм партнера. Я попросила прощения за неприличное поведение своего «воротника» и поспешила к выходу, твердо дав себе слово не появляться здесь без приличного «обмундирования». Все необходимое для этого у меня вскоре появилось, ведь в Норильске, по моим понятиям, мне платили огромную зарплату, какую именно, я не запомнила. Во всяком случае, я сумела приобрести несколько платьев и даже пару платьев заказать, а также купить две пары туфель — на высоком и низком каблуке.

1943 год я встретила в Норильске. В феврале мне исполнился 21 год. Помню, как все норильчане откликались на события в Сталинграде, а мы, уже опаленные войной, тем более. Очень сопереживали сталинградцам и радовались их победе.

Где-то во второй половине зимы в геологическом управлении мне предложили выехать на лето в гравимагнитную экспедицию на Хантайское озеро для прохождения геофизической практики. При этом было известно, что экспедиция сформирована полностью из заключенных, весь ее состав — мужской. Принять

решение я должна была добровольно — могла либо согласиться, либо отказаться. Здесь было над чем подумать. Поехать в экспедицию, посмотреть новые места мне, конечно, очень хотелось. Смущало лишь то, что все лето придется находиться в обществе одних мужчин. Это было как-то непривычно. И все же просто стыдно остаться без практики, а вместо этого прозябать в Норильске.

Экспедиция была полностью сформирована из нерасконвоированных, поэтому никто из них не появлялся в геофизической группе до отъезда. Службами ГУЛАГа они были доставлены прямо на Хантайское озеро.

Сделанное мне предложение я, как обычно, обсуждала на работе, и, как всегда, самое деятельное участие в этом принимали мои соседи по столу Булмасов и Абрашкевич. Они рассказывали о климате и природе, говорили, что в тех местах лесотундра, из диких зверей водится россомаха, которая в некоторых случаях нападает на человека. Поэтому Александр Павлович сказал мне, что за колючей проволокой для меня сде-



*А.П. Булмасов в часы досуга. Норильск, 1942 г.*

лают настоящий финский нож в ножнах. Вскоре я его получила и не расставалась с ним в течение лета.

Поскольку экспедиция была уже на месте, во второй половине марта мне предложили самостоятельно связаться с летчиком Веребрюсовым, который туда осуществляет постоянные рейсы. В марте почти непрерывно мели пурги. Людей, которые обедали со мной за столом, я попросила подсказать мне, когда подойдет летчик Веребрюсов. И когда он вошел в зал, мне его показали. Это была колоритнейшая фигура — огромный мужчина в унтах и полярном летном обмундировании. Его нельзя было спутать ни с кем. Подождав, когда он закончит трапезу, я подошла к нему и поинтересовалась об очередном рейсе на Хантайку. Посмотрев на меня оценивающим взглядом, он сразу спросил: «А зачем тебе туда?» Я ответила, что студентка и мне туда нужно на геофизическую практику. «Ну ладно, держи со мной связь и будь наготове...»

## ХАНТАЙСКОЕ ОЗЕРО

В один из следующих дней я получила сообщение, что нужно явиться на аэродром Валек и в доме, где размещаются семьи летного состава, ждать вылета. Туда я приехала с небольшим личным имуществом в рюкзаке. Мне действительно брать с собой ничего не требовалось, сказали, что на месте меня должно ждать все, как говорится: и стол, и дом, и рабочее обмундирование.

На оборудованном лыжами самолете (не знаю, какой марки, — тогда я еще плохо разбиралась в их разновидностях) прилетела на фабрику Хантайского озера. Я была единственным пассажиром, остальную загрузку составляли неодушевленные предметы — необходимые грузы. Самолет встретил экспедитор (он же начальник фабрики), который привел меня в дом, стоявший на берегу. Там меня радушно встретила очень приветливая довольно молодая женщина. В доме было все просто, уютно, скорее всего оттого,



*Е. Херувимова у самолета*

что здесь пахло свежим хлебом. Хозяйка решила, что я голодна, и стала меня кормить ужином. Я ела что-то очень вкусное из рыбы (котлеты или пельмени). Оказалось, что муж этой женщины — рыбак, а она работает пекарем, снабжая всю факторию хлебом.

Изба состояла всего из одной комнаты, поэтому начальник фактории сказал, что ночевать он отведет меня в другое место. Привел в 20-местную палатку, стоявшую на берегу. Там жили девушки-

финки, занимавшиеся разделкой рыбы, работницы рыбозавода. Он представил меня старшей, и передо мной возникла очень симпатичная блондинка с длинными волосами, с голубыми глазами (как будто ожившая эмблема сегодняшнего плавленого сыра «Виола»). Она радостно обняла меня и сказала, что ее зовут Айна. После небольшого диалога мы с ней вдвоем улеглись на ее топчане. Было легко и радостно, и с этой легкостью на душе я быстро уснула. С таким же настроением проснулась и утром. Айна встала первая, чувствовалось, что она бригадир и отвечает за работу. Я поблагодарила ее за ночлег. Радостное настроение не покидало меня весь день. Мне казалось, что суровое Заполярье все сплошь заполнено очень добрыми и милыми людьми, что Север — это какая-то сказочная страна, где все люди — братья...

Вспомнила, как в блокадном Ленинграде обнаружили низменные черты людей (конечно, людей определенного склада), которые со звериной жадностью боролись за свое существование. Вот один эпизод из

жизни. Где-то во второй половине декабря 1941 года, когда в моей комнате, выходящей окном на проспект, от бомбежек уже не было стекол, комендант дал мне ключ от другой комнаты, тоже холодной, неотапливаемой, но выходящей окном во двор. В это время я состояла в пожарной команде и была зачислена на котловое питание. Я решила, что на Новый год обязательно должна поехать к маме, на станцию Лисий Нос. Для этого копила остатки от завтраков, обедов и ужинов, чтобы взять с собой. Холод в комнате был такой, что для сохранности продуктов не требовалось никакого холодильника. Я все остатки складывала в баночку, которая стояла в обыкновенной тумбочке. Со мной в это время ночевала еще одна девушка, до войны она заходила в нашу комнату в общежитии. В один далеко не прекрасный день, вернувшись после ночного сбрасывания зажигалок, я обнаружила, что моя тумбочка опустела. Несколько дней я, отказывая себе, старалась хоть что-то сохранить для мамы, а она, более упитанная девица, все схватила и исчезла в неизвестном направлении. Было горько и обидно. Не стала ее искать, мне было не до этого. Просто в дни, оставшиеся до Нового года, перешла на еще более жесткий режим экономии. Эти неприятные воспоминания на время вернули меня к прошлому...

Милая пекарша снова накормила меня, и я с ней очень тепло попрощалась.

Позже начальник фактории привел меня в свой дом, который, видимо, служил конторой фактории, и предложил в пустой комнате подождать оленью упряжку. На ней я должна была добраться к месту базирования экспедиции. Контора постепенно начала заполняться эвенками, которые молча входили и рассаживались вдоль стены, с любопытством рассматривая меня. Единственное, что они говорили, были слова: «Дай табак». Некоторые были с маленькими детьми. Совершенно удивительно, что эту фразу умели произносить даже малыши. Но у меня никакого табака не было, и мне приходилось только молча разводить руками.

Рассматривая туземцев, я заметила среди них молчаливого человека, лицо которого светилось умом. Заговорила с ним на примитивном русском языке, но каково же было мое удивление, когда в ответ я услышала правильную, литературную речь. Мне стало неловко за неуклюжую попытку завязать разговор. Оказалось, что он в свое время тоже учился в Ленинграде, только в Институте народов Севера. Я спросила его, почему он не использует приобретенные знания. Он ответил, что для этого должен был бы жить и работать в каком-либо крупном центре, а он не может без любимой тундры и рек. Наконец я дождалась оленьей упряжки и отправилась в путь на санях вдоль Хантайского озера.

## В ЭКСПЕДИЦИИ

Нарты остановились, и я увидела большую 20-местную палатку. Из нее вышел крупный, пожалуй, даже грузный мужчина с добрыми голубыми глазами, оживлявшими тоже крупное лицо, словно вырезанное из камня. Он гостеприимно, по-хозяйски встретил меня и повел в палатку. Это был начальник гравимагнитной экспедиции Дмитрий Григорьевич Успенский. Здесь же находился и завхоз, фамилии его не помню. Он, видимо, и на свободе занимался хозяйственными делами, поэтому его деятельность здесь была их естественным продолжением. Трое рабочих (из уголовников) то входили в палатку, то выходили. Это были симпатичные ребята до 30 лет — повар Митя и татарин Заур с приятелем-кавказцем, позднее для удобства общения я окрестила его Абреком.

Познакомилась я и с остальными членами экспедиции. Это были профессор-астрофизик из Пулковской обсерватории Николай Александрович Козырев, историк Лев Николаевич Гумилев (сын Анны Ахматовой и Николая Гумилева) и топограф Савельев, имени-отчества не помню.

В палатке было тепло и уютно. Повар Митя прекрасно готовил все, что возможно приготовить из про-



дуктов, завезенных на Север. На небольшом расстоянии от палатки на полозьях стоял очень маленький балок, на одного человека. Вводя меня в курс дела, Дмитрий Григорьевич сказал, что это мое жилище и заниматься я буду измерением вариаций магнитного поля с помощью магнитометра — весов Шмидта, которые были установлены неподалеку на ровной площадке. Через определенные промежутки времени я должна снимать показания прибора и записывать их в журнал.

Попад в мужскую среду, я сразу почувствовала обостренное внимание к себе. Почему-то особенно я боялась топографа Савельева, смотревшего на меня орлиным взглядом из-под сросшихся бровей. Но я старалась не выдавать своей робости и относилась ко всем ровно, с одинаковой степенью дружелюбия. В конце концов отношения с Савельевым нормализовались. Делая прокладку профилей, он уходил в самые далекие маршруты, каждый день он приносил и ставил в моем балке на столик все новые букетики цветов, которые в Заполярье в изобилии появляются прямо из-под снега.



*Геофизик Д.Г. Успенский за регулировкой сейсмографа, сделанного им из барографа. Норильск, 1942 г.*

Из всех членов экспедиции наиболее симпатичными мне были Николай Александрович Козырев и Лев Николаевич Гумилев, люди большой души, утонченной натуры и, главное, по-настоящему интеллигентные и воспитанные. Их общество доставляло мне огромную радость, а все пережитое ими вызывало грустное сожаление, что такие тяжкие испытания выпали на их долю. Они хорошо понимали всю сложность обстановки, в которой я оказалась, будучи единственной женщиной в экспедиции, и, оберегая мою репутацию, всегда приходили ко мне вдвоем.

Итак, началась полевая жизнь. Порученные мне измерения были довольно скучным и однообразным делом. Я скрашивала его тем, что в промежутках между замерами листала маленькие томики стихов Блока, Брюсова, Есенина, которые у меня были с собой. Помимо этого я обдумывала, как я должна себя вести, чтобы не вызвать излишних ухаживаний. В Ленинграде, если кто-либо хотел со мной заговорить на улице, первым делом спрашивал: «Девочка, в каком классе ты учишься?» Несмотря на ужасную блокадную зиму в Ленинграде, я чувствовала, что теперь я вполне восстановилась, но выгляжу, безусловно, как



*База. Студентка ЛГИ Е.Г. Херувимова за наблюдениями вариаций геомагнитного поля. 1943 г.*

девчонка, значит, я ею и буду. Для этого мне ничего не требуется, только быть самой собой. Поэтому я и приняла такое решение.

Со всеми рабочими у меня сложились ровные дружеские отношения. Как-то мы втроем — Абрек, Заур и я — собирались на охоту за утками. Накануне мы к ней готовились в большой палатке: я сидела за обеденным столом, а сзади стояли Абрек и Заур и подавали мне по очереди два ружья, чтобы я выбрала из них то, в котором окажется менее чувствительной отдача в плечо после выстрела. Напротив меня сидел эвенк. Я прицеливалась в сучок на столбике, подпирающем входную дверь палатки, левее головы эвенка. Проверила первое ружье — все нормально. Беру второе, тщательно прицеливаюсь и... раздается выстрел! Палатка наполняется дымом, эвенк падает со скамейки ногами вверх... Я в ужасе! Слава Богу! Пострадал только рукомойник, пробитый несколькими дробинками, из него вытекала вода...

На звук выстрела прибежал Дмитрий Григорьевич. Объявил мне, как виновнице ЧП, выговор. Я очень переживала. Мое легкомыслие могло обойтись гораздо дороже...

Несмотря на случившееся, на другой день мы все же пошли на охоту. День был весенний, у берега озера лед растаял, образовалась полынья, а чуть подальше от берега виднелась кромка нетронутого льда, где плавали утки. Я прицелилась и выстрелила, птицы взлетели, одна уточка осталась на воде. Больше мне охотиться не хотелось. Этим занялись Абрек и Заур, потом они собрали добычу. Одна утка была только ранена в крыло и смотрела такими печальными глазами, что у меня замерло сердце. Я поняла, что больше никогда не смогу стрелять по живым мишеням.

И еще одно открытие я сделала для себя в этой экспедиции.

...Однажды утром, рано проснувшись, я услышала странные звуки — как будто дворник расчищает

снег. Вышла из балка и увидела такую картину: олени, столпившись около большой палатки, копытами разгребают сугроб как раз в том месте, где повар Митя устроил «холодильник» для хранения рыбы. Олени удачно разгребли снег и стали с аппетитом поедать рыбу. Меня очень удивило это зрелище, так как всегда считала оленей вегетарианцами. Пошатнулись сложившиеся со школы представления, что олени питаются любимым мхом — ягелем.

...Как-то, поздней весной или летом, когда растаял лед, я решила побродить по лесу в районе лагеря. Хотелось отдохнуть от спецодежды и сапог, поэтому я надела единственное платье, которое взяла с собой, и туфли-баретки со шнурками и на низких каблуках. Меня догнал наш топограф Савельев и предложил пойти к берегу, где топографы из Норильска, скооперировавшись с рыбаками, картируют береговую линию Хантайского озера. Я согласилась, сбегала в свой балок за шоколадом, который нам выдали в пайке.

Стоянка действительно оказалась близко от нас в бухте залива. Когда мы подошли ближе, я увидела трех человек в лодке, приветливо машущих нам. И тут мне пришлось пожалеть, что я не в сапогах, — лодка не подходила вплотную к берегу, а была отделена от него полоской воды, не очень широкой, но явно нежелательной для моей обуви. Я поблагодарила за приглашение: «В другой раз с вами покатаюсь на лодке обязательно!» Но мне ответили, что другого раза может не быть, ведь топографы уедут дальше. Савельев, не дожидаясь моих возражений, подхватил меня на руки и внес в лодку. Я всем предложила шоколад, все его вежливо пожевали, но главным для рыбаков была рыба, а для топографов — уточнение контура залива... Присмотревшись, я увидела, что залив был почти перегороден сетью, в которую прямо на глазах попадала рыба. От этого сеть колыхалась. Я попросила рыбаков амнистировать рыбок, которые прямо при нас попадались, и они тут же соединялись

с массой рыб, кишмя кишевшей в воде. Это было красочное зрелище, чешуя переливалась на солнце, как серебро и драгоценные камни. Я замороженно смотрела на плавающих рыбок и бросала им крошки шоколада, которые они хватали на лету. Позднее наш Савельев сказал, что норильские топографы называли этот залив Шоколадным — уж не знаю, действительно ли такое название залива существует или это была просто шутка?

Моя монотонная работа, тупая и нудная, мне все больше надоедала, а тут еще все ко мне стал заглядывать Дмитрий Григорьевич и неизменно начинал разговор о любви. В ответ я вынуждена была взывать к его самолюбию. На что он неизменно отвечал, что если на одну чашу весов положить его любовь, а на другую — самолюбие, то всегда перетягивает первая чаша. И тогда я попросила отпустить меня в рабочий маршрут с Николаем Александровичем и Львом Николаевичем.

Так я перешла на съемку и оказалась в обществе двух очень хороших людей, которые были не только приятны в общении, но и удивительно предупредительны. Я стала проводить с ними не только весь рабочий день, но и большую часть свободного времени. Между нами завязалась большая дружба. Николая Александровича Козырева природа наделила правильными чертами волевого лица, выразительными серо-синими глазами и красивым изгибом бровей. Загар делал его лицо еще более мужественным и привлекательным. Даже некоторая лысоватость, идущая вверх ото лба, не портила его внешность.

Лев Николаевич Гумилев тоже обладал очень выразительным лицом, крупными серыми глазами, в небольшой степени раскосыми, носом с очень небольшой горбинкой, четкой формой рта. Он немного картавил, что придавало своеобразие его речи. Красивое лицо дополнялось шапкой густых волос темного цвета. По возрасту оба были близки — где-то около 35 лет. Я называла их по имени и отчеству.

Бывало, они рассказывали мне о тех ужасах, которые им довелось пережить. Николай Александрович был даже в камере смертников, каменном мешке, по колени в воде. Но главные разговоры были все же не об этом, а о свободной жизни, насыщенной наукой, творчеством, поэзией. Излюбленными темами были строение мироздания, история, развитие этносов, и всегда все переплеталось с поэзией. По-честному говоря, я многого тогда еще до конца не понимала, в чем и убедилась позднее.

И Козырев, и Гумилев читали много стихов, особенно Лев Николаевич. Я тоже очень любила поэзию и знала на память Есенина, Блока, Лермонтова, Апухтина и других поэтов. Мы любили читать и слушать стихи. Случалось, они оба объяснялись мне в любви, не стесняясь друг друга. Это было так возвышенно, красиво, интеллигентно. В действительности ни одному из них я не отдавала предпочтения, стараясь ни одного из них не обидеть, оставаясь все время их равно заинтересованной собеседницей.

Лев Николаевич часто читал свои стихи. К сожалению, многие не остались в памяти, хотя были и очень значительные. Но одно из них почему-то сразу врезалось в память и запало в душу. Удивительно, я его даже не записала, но оказалось, что оно запомнилось навсегда. Вот оно, я его привожу:

*Когда мерещатся чугунная ограда,  
И золотистые трамваев огоньки,  
И запах листьев из ночного сада,  
И черный блеск встревоженной реки, —  
Мне кажется, нет, я уверен в этом! —  
Что тщетны грани верст и грани лет,  
Что улица, увенчанная светом,  
Рождает мой давнишний силуэт,  
Что тень моя видна на серых зданьях,  
Мой след блестит на искристых камнях...  
Как Город жив в моих воспоминаньях,  
Так тень моя жива в его тенях!*

Среди его стихов было и стихотворение, посвященное мне, но его я не запомнила. Я почему-то не любила записывать стихи, все лучшее «записывалось» в памяти.

Однажды в жаркий воскресный день мы втроем решили найти уютную полянку, чтобы немного позагорать. Подставив под ласковый поток солнечных лучей свою кожу, мы получали удовольствие от этого неназойливого тепла. Вдруг на полянку из-за кустов вышел мальчик-эвенк, погоняя оленей. Он стыдливо наклонил голову и закрыл лицо локтем. Мужчины окликнули его по имени и спросили, почему он от нас прячется. На что мальчик смущенно ответил: «Олень шибко боится...» Я подумала, что это из-за меня...

Как-то в летнюю пору мы втроем сидели вечером, как обычно беседуя о разном. После интересного разговора об этносах Лев Николаевич вдруг сказал, что он когда-то изучал хиромантию. Я недоверчиво улыбнулась и, видимо, поставила под сомнение предсказания подобного рода. Тогда он сказал: «Ну, давайте вашу левую руку». Я с готовностью открыла ладонь. Он внимательно взгляделся и даже как-то испуганно сказал: «Вам в ближайшее время грозит смертельная опасность!» Я спросила: «А что значит — в ближайшее время?» Он ответил: «Примерно год или что-нибудь около этого». Я с беспечностью молодости все это не приняла всерьез и сразу выбросила из головы. Но, к сожалению, его пророчество чуть было не сбылось в реальной жизни...

## **ПРОЩАЙ, ХАНТАЙКА!**

Полевая жизнь протекала с большой нагрузкой. Профили, пересекая болотистую местность, упирались в гору и шли, еще сколько-то продолжаясь, вверх по склону. Приходилось промокать почти до колен, хлюпая по этим болотам. В результате я простудилась. Поднялась высокая температура, начался сильный кашель, пропал голос. По ночам от моего кашля содрогался весь лагерь. Повар Митя разжигал огонь,

делал горячее молоко с маслом, приносил к двери моего балка. Стучал в дверь и настойчиво приказывал: «Лена, возьми кружку и пей!» Я протягивала руку и выпивала — это на время успокаивало кашель. Дмитрий Григорьевич принял решение отправить меня в Норильск. Я тоже, конечно, понимала необходимость лечения — так мне было плохо...

И вот в это злополучное время я поступила (видимо, второй раз) нетактично и очень обидела Дмитрия Григорьевича. Вечером, когда я упаковалась в свой спальный мешок, вдруг раздался стук в дверь и голос Дмитрия Григорьевича — он просил разрешения войти. Я только позднее сообразила, что мне нужно было спросить, о чем он хочет со мной поговорить, может, действительно что-то срочное? Но я этого не сделала и ответила отказом. А мгновение спустя подошли, как всегда, вдвоем Н.А. Козырев и Л.Н. Гумилев, им я разрешила войти. В моем балке помимо топчана помещались лишь два пня: один — в изголовье, второй — в ногах. Они вошли, сели каждый на свой пень. Состоялся довольно короткий разговор, из моего больного горла вылетал только шепот: я не в состоянии была произнести ни звука. Уходящих от меня друзей видел Дмитрий Григорьевич. Этого было достаточно, чтобы он порвал со мной «дипломатические отношения»... Через пару дней Николай Александрович и Лев Николаевич заполучили лодку и сообщили Дмитрию Григорьевичу о том, что они отвезут меня на факторию в больницу.

...С утра погода была хорошей, солнечной, но, когда мы отъехали на приличное расстояние от лагеря, на озере начался буквально шторм. Лодку швыряло, как мячик. На веслах сидел Николай Александрович, а Лев Николаевич правил рулем. С большим трудом мы выбрались на берег. Порывистый ветер не стихал весь день. Пришлось заночевать на этом берегу. Эти два мужественных человека, мои рыцари, — иначе я не могу их охарактеризовать — постарались создать для меня условия максимального благополучия.



ния. Всю ночь они поддерживали костер, Лев Николаевич собирал сучья. Я легла лицом к костру, спиной к ветру. От ветра меня загораживал своим корпусом Николай Александрович. Было ли у нас что-нибудь съестное? Это я не запомнила. Может быть, и нет, ведь такое ЧП никто предвидеть не мог.

Милые мои, добрые рыцари, как глубоко я была благодарна вам! Ваше благородство, мужество, бескорыстие остались в моей памяти навсегда! Вы поистине рыцари без страха и упрека! На другой день мы благополучно добрались до фактории, в пределах которой существовала одна маленькая больница, не помню, на сколько коек, и в ней — один фельдшер. Мои спутники меня сразу же сдали на его попечение. Больница пустовала, и фельдшер неимоверно обрадовался, что у него наконец появилась работа. Но чем меня лечить и что вообще делать, думаю, он не представлял. Мне он показался довольно старым, тусклым человеком, не вдохновляющим на выздоровление. Не располагала к выздоровлению и больничная еда, от вида которой исчезал последний аппетит.

Прописав мне какие-то порошки от кашля, фельдшер явился в палату как раз в тот момент, когда я вынимала из рюкзака унтайки, чтобы в промозглом больничном климате согреть ноги. Мешавшие мне в это время дорожные шахматы были выложены на кровать. Увидев шахматы, фельдшер прямо преобразился и, сказав: «Я сейчас принесу настоящие шахматы, давайте сыграем», убежал. Через минуту он явился с шахматной доской и стал торопливо расставлять фигуры. У меня совершенно не было никакого настроения играть, но, чтобы чем-то заняться и чтобы отвязаться, стала переставлять фигуры. Фельдшер играл слабенко, и обыграть его не представляло для меня никакого труда. Я надеялась, что после этого он отстанет, но не тут-то было. Он ежедневно уговаривал меня поиграть в шахматы и неизбежно проигрывал.

Его унылый нос портил мне настроение, и без того испорченное. А усугублялось оно еще и потому,

что во второй половине избы, в которой помещалась больница, находилась тюрьма. В эту тюрьму прямо при мне привезли двух беглецов, пойманных в тайге. Им грозил расстрел. Я из окна видела их лица, когда их вели, и сердце сжималось от сознания их обреченности. В этой унылой больнице я чувствовала себя тоже заключенной, не имеющей надежды на освобождение и выздоровление, и тоже решила спастись бегством.

В общем даже не помню, как мне это удалось, но я пришла к своей любимой пекарше. Она меня стала откармливать своими волшебными блюдами из рыбы, и я действительно ожила. Даже кашель и потливость уменьшились, только голос не возвращался. Спала я в том же доме, на сеновале. Это тоже было чудесно — ароматы засохших трав заворачивали и усыпляли молниеносно. В один прекрасный день ко мне приехали на лодке мои верные рыцари — Лев Николаевич и Николай Александрович. Встреча была и радостной, и грустной одновременно. Все мы понимали, что эта встреча, видимо, последняя...

Несколько отступая от фабулы воспоминаний, теперь уже могу констатировать, что так оно и оказалось в действительности. Каждый из них в свое время вернулся в Ленинград, а я к тому времени стала москвичкой. Жизнь и работа были настолько напряженными, что мне оказалось трудно выбрать время для поездки в Ленинград. Больше мы не виделись.

Возвращаясь к воспоминаниям тех давних лет, хочу сказать, что, по существу, именно этим событием и завершается время моего пребывания на Хантайском озере. Вскоре прилетел самолет, управляемый летчиком Веребрюсовым, но на сей раз самолет на поплавках сел прямо на воду и подрулил к берегу, но не вплотную. Учитывая мое простуженное состояние и несоответствующую обувь, Веребрюсов на правах старого знакомого разрешил эту проблему, погрузив меня в самолет. В этом месте хочу сделать еще одно маленькое отступление от основного сюжета. Позд-

нее, когда я окончила институт и вернулась к работе в Красноярском крае (в 1950 году), о летчике Веребрюсове мне поведали печальную историю. В каком году она случилась, мне неизвестно. При запуске самолета он, безусловно, случайно зарубил винтом своего техника. Потрясенный, вскочил в свой автомобиль и погнал его, не разбирая куда. На огромной скорости врезался в препятствие и таким образом поставил точку в собственной жизни. В память о нем был назван пароход, курсирующий сейчас по Енисею.

## ОПЯТЬ НОРИЛЬСК

Здесь меня ожидали сразу две новости. Первая состояла в том, что в нашу комнату, где мы жили с Любой Долгонос, в наше отсутствие воровски залезли заключенные. После этого она была опечатана. Поэтому, прилетев к вечеру, я была вынуждена ночевать в общежитии у знакомой девушки из Тырныауза. Когда же на другой день я вошла в нашу комнату, с удивлением увидела, что наши платья как ни в чем не бывало висят над кроватями: грабители забрали только обмундирование, сложенное там на период нашего отсутствия.

Вторая новость: в Норильск пришел вызов на учебу из нашего горного института, бежавшего от немцев из Пятигорска в Черемхово Иркутской области. Вызов был общий на всех студентов, которые из Тырныауза попали в Норильск. Ехать или не ехать — эту проблему каждому пришлось решать самостоятельно, ибо Норильск не диктовал нам никаких условий. Но первостепенным для меня стало обращение к медицине: требовалось срочно выяснить, что с моим горлом, вернется или нет голос. В поликлинике, куда я обратилась, мне назначили какие-то маслянистые вливания в полость гортани. Мне их делали ежедневно прямо в кабинете врача, так что к концу месяца все нормализовалось.

Поколебавшись, я все же решила, что нужно ехать в Черемхово: и без того уже два года для учебы

потеряны: блокадная зима 1941/42 года в Ленинграде и вторая — в Норильске в 1942/43 году. Чем больше пропущу, тем сложнее будет возвращаться к занятиям. Конечно, было очень жаль расставаться с благополучной жизнью в Норильске и ехать в голодное Черемхово, но раз решила «грызть гранит науки», значит, придется довольствоваться в основном «гранитом».

Желающих уезжать из Норильска оказалось немного — я и еще одна девочка, Соня Синицина, которую, видимо, Бог мне послал, чтобы вытащить из той смертельной ситуации, которую предсказал Лев Николаевич Гумилев. Сонечку впервые увидела, когда мы садились на последний (в навигации 1943 года) пароход, чтобы плыть из Дудинки в Красноярск. Она была моложе меня и возвращалась, видимо, на второй курс. На пароходе мы держались вместе.

Нашими попутчиками на корабле оказались военные моряки, которые после госпиталя ехали на переформирование на Дальний Восток. Среди них были симпатичные парни, которые за нами ухаживали. Сонин кавалер был иркутянин, сватался к ней и дал ей свой адрес. Она все же решила сначала доехать до Черемхово, а потом только решать свою проблему с замужеством.

За мной ухаживал штурман дальнего плавания Леша, симпатичный блондин. Но у меня было только одно твердое желание — учиться. Свое собственное замужество, состоявшееся еще в блокадном Ленинграде, я стала подвергать пересмотру и все больше приходило к выводу, что это была моя ошибка.

## ЧЕРЕМХОВО

Черемхово встретило нас более сурово, чем Норильск. Конечно, бесплатно нас никто не кормил. Питались мы в городской столовой самого общего типа, в которой основным блюдом была «хряпа», то есть зеленые листья капусты. Из нее делались щи и второе. Другого ассортимента блюд я вообще не запомнила.

Под наши учебные аудитории были предоставлены крупные здания угольной промышленности. При-

ходило на лекции по разным предметам переходить из одного здания в другое, подчас находящееся даже не рядом. Общежитие располагалось на окраине города, за пределами крупных городских сооружений. Частично дорогой к нему служил железнодорожный путь, в период распутицы даже не выручали шпалы.

Студенты были в дефиците. Моя группа геофизиков третьего курса состояла всего из двух человек — Тани Сироткиной и меня, позднее к нам присоединилась третья студентка, Шура Виноградова. При этом часть предметов Татьяна прослушала в предыдущем году, когда институт только еще обособывался в Черемхово. Поэтому доцент Тер-Погосян, читающий курс теоретической физики, предложил прочитать его для меня индивидуально. Было очень забавно, когда я одна приходила в огромную аудиторию и садилась в первый ряд. Следом появлялся мой преподаватель, бодро проходил к кафедре, установленной на возвышении, и спрашивал: «Ну как, аудитория в сборе?» «Да-да, сто процентов!» — отвечала я. А бывало и другое: после съеденной «хряпы» перекликались завывания в желудках лектора и слушательницы.

Так или иначе, обучение шло. Мы с Таней составляли дружную геофизическую группу: вместе учились, вместе возвращались в общежитие. Я ей очень много рассказывала о сказочном городе Норильске. Возможно, именно тогда у нее и зародилось желание там побывать.

Скудное столовское питание заставляло нас частенько обращаться к рынку. Более всего запомнилось молоко, замороженное по форме миски. В мороз было удобно его нести прямо в сумке. В общежитии мы его размораживали и ели с хлебом. Валютой для покупок служили мои норильские наряды. За полтора года в Черемхово я освободилась от всего «лишнего», так что осталась в одном платье и каком-то очень несолидном пальто. Сонечка, переписывавшаяся со своим иркутянином, проучилась, кажется, один семестр и поеха-

ла в Иркутск, где вышла замуж и с мужем уехала на Дальний Восток. Мы с ней очень тепло попрощались, и она перед отъездом дала мне свой новый иркутский адрес, где потом и спасли меня от той смертельной опасности, о которой предупреждал менее года назад Лев Николаевич. А с самой Сонечкой мы больше никогда не встречались.

Наша учеба продолжалась. Климат в Сибири вообще резко континентальный, а зима 1943/44 года была особенно суровой, морозной. Выручал меня норильский бушлат.

В ту же зиму я впервые получила письмо от своего мужа Ю. Херувимова, связь с которым была потеряна. Он написал, что хочет ко мне приехать в увольнительную, что придет аттестат, который ему выдали за присвоенное офицерское звание. Я не хотела этой встречи. В это время я окончательно поняла, что тот разлом в душе, который я ощутила еще на Северном Кавказе, залечить невозможно. Поняла окончательно, что замужество — это моя ошибка. Так я ему и ответила.

Весной 1944 года студенты разъезжались на производственную практику. Мы с Татьяной Сироткиной должны были ехать в Саяны. Мы получили стипендию вперед за все лето и, за зиму изголодавшиеся, быстренько ее проели в надежде на скорые заработки. Воспользовавшись тем адресом, который мне дала Сонечка, мы с Таней остановились в Иркутске в семье ее мужа, состоявшей из двух пожилых людей и их взрослой дочери. Их сын вместе с Сонечкой в это время жил на Дальнем Востоке. При нас к ним приходила подруга дочери, симпатичная молодая женщина, работавшая главным бухгалтером в каком-то центральном магазине. Мы с ней разговаривали, испытывая симпатию друг к другу. В Иркутске мы были недолго. Далее мы должны были ехать поездом в Бурят-Монголию.

В день отъезда разразилась сильнейшая гроза, сопровождавшаяся ливнем. У нас не было ни плащей, ни зонтов. На ногах туфли и поверх платьев по шерстяной кофточке. Мокрые до нитки, мы пришли

на вокзал и сели в поезд. Пришлось ехать всю ночь в общем вагоне на сидячих местах. Кажется, на другой день мы добрались до станции назначения, от которой нужно было ехать дальше на грузовой машине к границе с Монголией. Наконец мы оказались в пункте, куда должен был прибыть начальник экспедиции, геолог из Иркутска. Здесь мы должны были обучиться верховой езде — до места базирования экспедиции в Саянах нам предстояло неделю ехать верхом на лошадях.

Для меня путешествие под дождем, а затем в поезде в мокрой одежде не прошло бесследно. Появилась опухоль за левым ухом, вызывавшая сильную боль, так что по ночам я плохо спала. А днем, когда мы учились верховой езде, каждый прыжок лошади отдавался за ухом сильнейшей болью. Я перевязала голову шерстяной косынкой в надежде, что шерсть излечит это заболевание. В результате выглядела я смешно, как больной заяц. Начальник экспедиции поинтересовался, почему я так оригинально выгляжу? Я ответила, что немного болит за ухом. Он потребовал снять косынку и, увидев опухоль, приказал вернуться в Иркутск, там вылечить, а потом дать сообщение по адресу, который он мне написал.

Сама надежда вернуться в экспедицию сыграла главную роль в моем возвращении к жизни.

В Иркутске я вновь пришла к Сонечкиным родственникам — и в первый же день обратилась в поликлинику. Действительно, за ухом созрело нагноение ушной железы. Мне сразу же сделали рассечку и перевязку. Предполагая, что у меня фурункулез, для его предотвращения предложили прямо у них же делать какие-то процедуры по переливанию крови. Операция привела к кратковременному улучшению. Но вскоре у меня начала опухать левая рука, потом спина. Поползла вверх температура. Не понимая всей серьезности своего положения, пыталась убивать время хождением в кино. Помню, что в этом состоянии, с высокой температурой, я посмотрела чудесный фильм

«Серенада солнечной долины». Чудесная музыка, лица, костюмы — все кадры, как в калейдоскопе, перемешались в моем сознании на грани реальности и фантастики.

Наконец в поликлинике поняли, что процесс болезни продолжается и вышел далеко за пределы уха... и отфутболили меня в городскую поликлинику. Там на меня глянула врач, взяла листок бумаги и написала: «Общее заражение крови, немедленно лечь в городскую больницу».

Я вышла из поликлиники на главную улицу Иркутска, с полным непониманием разглядывая эту бумагу и думая, что делать: какая больница, мне же нужно ехать в экспедицию? И в это время меня увидела знакомая женщина, которая бывала в доме родителей Сонечкиного мужа, мы с ней там познакомились. Заметив мой озабоченный вид, она попросила показать бумажку, которую я вертела в руках. Прочитав ее, она — не в пример мне — мгновенно поняла смысл написанного и сказала: «Я отведу тебя в больницу, у меня там знакомый профессор, он тебя быстро вылечит». Пришлось подчиниться.

Помню вечер: энергия бьет из меня через край, я — сплошной комок энергии — допрашиваю медсестру, скоро ли меня выпишут, ведь мне нужно срочно ехать в экспедицию. Она старалась мне не отвечать, видимо принимая меня за сумасшедшую. Выздоровление оказалось проблематичным: еще не было в больницах пенициллина. Наутро меня осмотрела хирург и срочно прооперировала: под общим наркозом сделала первый надрез на руке (всего пришлось делать пять рассечек). После операции меня уложили на живот, левую руку — на подушку. И с этого дня меня возили в операционную и обратно через день — оперировали трижды в течение шести дней. Есть я ничего не хотела, но сознания не теряла. Все время думала об экспедиции. Видимо, это и стимулировало выздоровление.

В палате всем, кроме меня, было известно, что



я умирающая. Когда привозили еду, подходил кто-нибудь из выздоравливающих, я согласно кивала головой, и они забирали мою еду. Я же просила только пить. Мне осторожно приподнимали голову и давали питье. Зато потом, примерно через неделю или 10 дней после первой операции, у меня появился бешеный аппетит. Тут уж я сама подметала все, что давали, и был настоящий праздник, когда Сонечкин свекор приносил мне какое-нибудь овощное рагу. Приходила и Анна Николаевна со своим приемным сынишкой Костей и тоже всегда приносила что-нибудь вкусное.

Как тут не вспомнить предсказание Льва Николаевича? Ведь все случилось именно так и в те сроки, какие он предрекал. Сама судьба подарила мне людей, которые спасли меня в той ужасной ситуации. Это заставило меня поверить в судьбу, и я стала фаталисткой.

Когда зажили все разрезы — три на руке и два на спине, потребовалось еще разрабатывать руку, ведь самостоятельно я не могла даже причесаться, рука не сгибалась в локте. Как жить дальше? У меня не было ни стипендии, ни зарплаты, ни даже больничного листа. Я просто не знала, что существует возможность получить оплату за время болезни. Добрая Анна Николаевна мне помогла уехать в Черемхово.

Переночевав в полупустом общежитии, наутро я пошла к Ольге Баскаковой — студентке-геофизику, учившейся на один курс выше, мы с ней дружили. Она не уезжала на лето, а жила на квартире в частном доме. Квартирная хозяйка Клава и Ольга, узнав о моих злключениях, приняли меня под свое крыло до начала учебного года, то есть до того времени, когда будут выплачивать стипендию. У Клавы был при доме огород, где росла картошка. Поэтому она сказала: «Уж чем-чем, а картошкой я всегда тебя накормлю». Вот так и пришлось жить. Рука постепенно разрабатывалась. К новому учебному году вернулась из экспедиции Таня Сироткина, у нее была задача успеть

съездить к маме на Северный Кавказ: ее родной город уже освободили от немцев. Она получила короткий отпуск и уехала. Вернулась Таня очень счастливой.

Зима 1944/45 года запомнилась всем нам — и студентам, и преподавателям — возвращением в родной Ленинград. Ехали, как обычно во время войны, в грузовом эшелоне, но настроение было уже совсем другое. Теперь это было не бегство, а законное возвращение домой.

## ЛЕНИНГРАД

До нашего отъезда туда уехала первая группа студентов, которая принимала участие в наведении «порядка в доме», то есть в наших аудиториях. Поэтому, когда мы приехали, в основном марафет был наведен. Я заканчивала четвертый курс в атмосфере ожидания Победы.

И все равно она пришла неожиданно и была долгожданной и очень-очень светлой. Победа была настолько радостной, что невозможно описать те эмоции, которые мы переживали.

В это время (май 1945 года) мы трое — Таня Сироткина, Шура Виноградова и я — жили в большой комнате с балконом на Малый проспект. С нами жили еще две девочки, Таня Ермоленко и Вика (фамилии не помню). В День Победы они, радостные и возбужденные, бродили по городу и вернулись часам к пяти с симпатичным молодым человеком. Мы трое тоже где-то гуляли и тоже вернулись к этому времени. Решили все вместе организовать праздничное застолье. Все это по-студенчески делалось очень быстро.

Наши праздничные тосты переплетались с нашими рассказами об эвакуации в разных местах. Я, конечно, вспоминала Норильск, Хантайское озеро и тех людей, которых там довелось встретить, говорила и о тех ужасах, которые им пришлось пережить. И вдруг молодой человек, который пришел к нам с Таней и Викторией, поднялся, взял меня за руку и вывел на балкон. Он распахнул пиджак, достал из внутрен-

него кармана красную книжечку и сказал: «Леночка, ты очень хорошая девочка, я не хочу портить тебе жизнь. Но сегодня ситуация такова, что после таких разговоров тебя могло бы здесь уже не быть. Я этого делать не хочу и очень тебя прошу: больше никогда и нигде не говори об этом — забудь!»

После этого я, конечно, прикусила себе язык. Я нутром почувствовала, что мимо меня пронесся смерч, готовый унести меня прочь с намеченного жизненного пути, помешать моим планам, сбросить в страшную неизвестность... Я была благодарна тому человеку, который смог в силу каких-то причин воздержаться от выполнения своего долга...

Мы — Таня, Шура и я — окончили институт и получили дипломы (с отличием) весной 1947 года.

## ПОСЛЕСЛОВИЕ АЛЛЫ МАКАРОВОЙ

Мы начинаем привыкать к многочисленным свидетельствам беззаконий в годы сталинских репрессий, к документам, рассказывающим о том, как это было. Но случаются такие находки в архивах, которые напоминают: нельзя, невозможно привыкать.

В архиве Норильского горно-металлургического комбината отыскалось личное дело Льва Николаевича Гумилева.

...Похоже, что коричневый конверт из плотной бумаги не был востребован много лет — почти полвека. Равнодушной рукой когда-то была изменена одна буква в фамилии, что, видимо, и помешало отыскать этот конверт раньше.

Внутри — служебная карточка, заполненная весной 1943 года, и на трех четвертушках бумаги (в годы войны ее сэкономили) — справка, приказ и официальная записка о том, что начальник Центральной химической лаборатории В.К. Гусаковский не возражает против перехода геотехника товарища Л.Н. Гумилева на работу по специальности — в геофизическую группу горного управления. Там он проработал, как свидетельствует служебная карточка, до

осени 1944 года. Последняя запись сделана крупно карандашом — «в РККА».

Это сейчас Лев Николаевич Гумилев — сын двух замечательных русских поэтов, Анны Ахматовой и Николая Гумилева, полиглот, доктор исторических и географических наук, автор интереснейшей, хотя и небесспорной, теории об этногенезе и биосфере Земли — всемирно известен. Его работы широко печатаются в самых различных издательствах, в России и за рубежом.



*Лев Николаевич Гумилев*

А тогда, в 1943 году, в глазах охраны и начальства он был просто сыном контрреволюционера, расстрелянного в 1921 году (теперь по вновь открывшимся обстоятельствам мы знаем, что Н.С. Гумилев не состоял в контрреволюционной организации). Для друзей же Лев Николаевич Гумилев — необычайно одаренный человек, поэт, философ и историк, свободно владевший английским, немецким, французским языками и фарси, что давало ему возможность говорить с каждым соседом по нарам на его родном языке.

В 1988 году он сам вспоминал: «Более подлинного интернационала, чем в сибирском лагере, я не встречал. Именно интернационала, а не безнациональной массы, хотя, казалось бы, кругом одинаковые серые ватники, валенки, брюки... Во всяком случае, именно там я познакомился с представителями разных народов, общался с ними и понял многое, мне ранее не доступное. Зная таджикский язык, я дружил с персом, с таджиками... Мое общение с казахами, татарами, узбеками показало, что дружить с этими народами

просто. Надо лишь быть с ними искренними, доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев».

Льва Николаевича Гумилева арестовывали трижды (в 1935, 1938 и 1949 годах) то как «сына своего отца», то как «сына своей матери», ему инкриминировали печально знаменитую 58-ю статью — «враг народа», а уж пункты подбирали по заказу палачей: то антисоветская агитация, то намерение убить А.А. Жданова...

Записи в личном деле Л.Н. Гумилева лаконичны, в них мало о прошлом, больше о работе в те полгода (с марта по октябрь 1943 года), когда он, освободившись из Норильлага, работал у геологов. Гумилев еще не знал, что ждет его впереди. Шла война. И он не захотел оставаться в стороне от нее.

Далеко впереди был День Победы в Берлине, а после войны были защита кандидатской диссертации в 1948-м, и ждановское постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», и новый арест в 1949 году (на этот раз — Казахстан, Междуреченск, Омск), и потрясающий «Реквием» Анны Ахматовой, который, как и стихи Николая Гумилева, и статьи Льва Гумилева, мы читаем только теперь.

*Опубликовано в газете «Заполярная правда»  
25 февраля 1989 года*





*Ольга Николаевна Лукашевич*



## Ольга Лукашевич:

*«... всю жизнь летела, как на крыльях, в обнимку с интересной, любимой работой...»*



*Ольга Николаевна Лукашевич*



## НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

*В*четвертой книге воспоминаний норильчан опубликованы воспоминания Ольги Николаевны Лукашевич о том, как шло формирование коллектива исследователей и строительство опытного металлургического цеха (ОМЦ) – этого мозгового центра зарождавшегося тогда никому неведомого Норильского комбината. Это личные письма О.Н. Лукашевич, адресованные Ф.Т. Киреенко – третьему начальнику ОМЦ (вторым был совсем немного Г.В. Ильичев, которому при отъезде из Норильска сдала цех О.Н.). И я тут же вспомнил о хранящихся в моем архиве письмах Лукашевич. Они были написаны по просьбе Л.Н. Коваленко, сотрудницы ГМОИЦ, занимавшейся подготовкой 50-летнего юбилея ОМЦ в 1987–1988 гг. (ныне покойной).

Мне кажется, эти письма помогут расширить ваши познания о замечательной норильчанке, о семейных традициях ее рода.

Мы помним тех, кто заложил первый камень в основание будущего мирового гиганта в области производства цветных металлов и платиноидов, — и заключенных, и вольнонаемных.

Рисковал ли А.П. Завенягин, назначая О.Н. Лукашевич начальником еще не существующего опытного производства в Норильске? Безусловно. Ведь после назначения А.П. Завенягина Москва проявляла к делам в Норильске крайнюю нетерпимость. По мне-

нию представителей Совнаркома, все разумные отсрочки в делах строительства и пуска производства исчерпаны. Никакие объективные и логически неопровержимые доводы, сплетенные в тугой узел почти трагических обстоятельств, в расчеты не принимались: ни крайняя суровость климатических условий Таймыра (постоянные тяжелые снежные заносы, хронические промозглые ветры, запредельно низкие температуры), ни короткая навигация, бездорожье, ни отсутствие четкой технологии и опытных специалистов с высшим образованием, ни крайний дефицит жилья. А.П. Завенягин давно убедился в пользе своей укоренившейся привычки — знать по возможности все о творческих людях, опытных и начинающих профессионалах. После беседы с О.Н. Лукашевич и молодыми специалистами, прибывшими в Норильск в 1939 г. (Ильичев, Рожков, Сомин, Быховский, Лунев), Авраамий Павлович особо выделил из них Ольгу Николаевну: жива, сметлива, деликатна, решительна, умна. Свои знания получила у тех же великих учителей, что и он сам: это Н.Н. Муроч, Ф.М. Лоскутов, Д.М. Чижиков, А.А. Цейдлер, Г.Г. Уразов, И.Н. Плаксин и другие не менее известные ученые — цвет российской науки того времени. Ничего, что у молодой женщины нет ни одного дня практической работы на производстве (институтская практика не в счет). Зато три года работы в исследовательской лаборатории института у самого Владимира Андреевича Ванюкова... Эта огранка наукой дорогого стоит...

Мы теперь знаем, что его выбор оказался безупречен. И надежды Авраамия Павловича Завенягина блестяще оправдались.

А. Свечников

Для меня память о А.П. Завенягине настолько дорога и свята, что не хотелось бы это воспоминание куда попало помещать. Вот недавно была у Снеговых в Калининграде (в октябре 1987 г.) и с Сергеем поспорила о Завенягине. Он считает его жестким. Какая чушь! Неглупый человек, известный писатель и — такая близорукость. Ведь он его там и не знал, видел мельком раза два в ОМЦ, и все. Неужели не понимает, что и выжили он и все остальные инженеры именно благодаря таким, как Завенягин? Что и в ОМЦ был бы совсем не тот «порядок», если бы не он?

Я всю жизнь благодарю судьбу за то, что работала под руководством замечательных людей (В.А. Ванюков — в Москве, А.П. Завенягин — в Норильске, Ф.Д. Пастухов — на Алтае и другие). Везло мне на хороших, честных людей. Это далеко не каждому достается.

Уезжая из Норильска в Москву, Авраамий Павлович говорил мне: «Не пропадайте, пишите, давайте о себе знать». Я писала ему в 1942 году из Алма-Аты (весной), звонила ему в 1945 году из Москвы (будучи там в командировке с Алтая). Дозвонилась через секретаря даже не в один день. Но когда услышала его знакомое: «Здравствуйте, Ольга Николаевна, как жизнь? Как работается? Свободно ли дышать? Хотите перейти ко мне? Не соскучилась на Алтае?»... Господи, только несколько фраз, а так много сказано! И нашел время в те годы, в уплотненные до секунд дни. И тот же радушный, с юморком голос. И сердечное пожелание большой интересной работы. И снова «не пропадайте!». А ведь ему в те годы было ах как нелегко.

Завенягин подчинил ОМЦ себе непосредственно и рассказал, что он думает там провести: плавка на файнштейн, технология переработки файнштейна

двумя способами (он называл их «пиро» и «гидро») — орфорд-процесс, хибинетт-процесс. Оба способа одновременно в ОМЦ и велись. По процессу хибинетта значительно раньше были получены и электролитный никель, и электролитная медь, так как для орфорда (он велся не в лабораторном масштабе, а в укрупненном) приходилось накапливать материалы по переделам для последующих исследований.

Конвертера у нас не было. Разделительные плавки велись в вагранке (и на черновой никель тоже), а ее на 1/2 или на 1/4 не загрузишь. Поэтому «гидро» опережал. Электролитный никель и электролитная медь по нему были получены в малом масштабе в ноябре 1939 г., а в более крупном — в начале 1940 г.

А по орфорду («пиро») только черновой никель сумели получить в октябре 1940 г. Это было за 2–3 дня до моего дня рождения. Следовательно, 12 или 13 октября 1940 г.

Все расчеты я вела сама и все отчеты (и по «пиро», и по «гидро») тоже писала сама, прилагая к ним фотографии, таблицы, графики и т.д. Всего мною было подготовлено к моменту отъезда из Норильска 11 отчетов, оформленных полностью.

Кроме основных работ, задуманных А.П., приходилось и отвлекаться на другие (по его распоряжению). Так проводились балансовые плавки на ММЗ (материальный и тепловой балансы). Это заняло больше 2 месяцев. Затем исследования для ТЭЦ и автотаража.

Работать было интересно. С любовью работалось, с удовольствием. Между прочим, по «гидро» (хибинетту) быстро выяснилось, что будет необходимо много электроэнергии (дешевая нужна), а гидростанций в Норильске не предвиделось. Но эти вопросы уже прорабатывались в Проектном отделе у Шаройко. Они за нами след в след шли по всем результатам исследований, по всем переделам, по всем параметрам, не дожидаясь отчетов.

К моменту моего отъезда все работы по никелю и меди («гидро» и «пиро») были закончены; собирались переходить на работы по кобальту.

У нас был тесный контакт не только с командой Шаройко, но и с геологами тоже дружба была тесная. В 1941 г. к 1 Мая они мне подарили чудную коллекцию, прекрасно оформленную, с очень интересными образцами (конкреции, слоистые вкрапленные руды в уголь и др.) с указанием места нахождения.

Вы в письмах (*Л. Н. Коваленко — А.С.*), уже дважды говоря обо мне, пишете «красивая»... Не нужно. Вы ведь видели мои фотографии, там же ни одной правильной черты, а красота — вещь серьезная. Пожалуйста, не переоценивайте. Это все, видимо, Снегов нафантазировал (он это умеет), как и «баловня судьбы», и «французские духи» (которых у меня никогда не было. До сих пор люблю «Красную Москву» и «Белую сирень» — ленинградскую). Принимайте меня такой, какая есть в действительности. Еще у Вас одна маленькая неточность: я не окончила Горную академию, я поступила в нее (в тот год, когда ее окончил Завенягин, в 1930 г.) по конкурсу (большому, больше 10 человек на место) на металлургический факультет. В 1931–1932 гг. факультет разделили на черную и цветную металлургию. А всю академию на 6 институтов: горный, нефтяной, геологоразведочный, торфяной, стали, цветных металлов и золота.

В одно время со мной учился П.Ф. Ломако, но был на 2–3 курса старше. Он был секретарем партийной организации факультета, а я — комсомольской. Дружили. Он уже и тогда был такой же «самостийный», как и потом уже наркомом и министром ЦП, и по окончании встречались в Ленинграде, на Иртыше. Он приезжал туда на несколько дней с комиссией сразу после войны. И по старой памяти меня называл Леля-комиссар, как в институте.

Естественно, что в здании Горной академии на всех факультетах читали лекции прекрасные старые кадры. Верно, Губкина я слышала только на трех лекциях, но запомнила. А в наш новый институт пришли тоже замечательные люди из ака-

демии: В.А. Ванюков, А.А. Цейдлер, Г.А. Шахов, Г.Г. Уразов, А.М. Бочвар (старший), С.М. Ясюкевич, И.Н. Плаксин, Н.Н. Муроч, Д.М. Чижиков, А. Ваевский, Ф.М. Лоскутов и много-много других. Храню свою старенькую зачетку со всеми их подписями как реликвию. Сколько знаний получили мы от своих учителей! Как прекрасно они нас готовили и подготовили к работе на всю жизнь.

Окончила я институт в 1936 г. по специальности «Металлургия тяжелых цветных металлов». Защитила диплом с отличием на тему «Никелевый завод на базе сульфидных руд Мончетундры». На защите же мне и предложили остаться на исследовательской работе (хотя по распределению должна была ехать в Константиновку).

Предложение приняла, осталась научным сотрудником в лаборатории тяжелых металлов при кафедре В.А. Ванюкова. В ноябре 1937 г. была переведена на должность зав. лабораторией тяжелых металлов и работала до 26 июля 1939 г. За эти годы была в командировке на многих заводах (Уфалейском, южно-уральских никелевых комбинатах, Севкавцинке, Кыштыме, Карабаше, в Мончегорске — дважды), затем была переведена с 27 июля 1939 г. в Норильск.

А знаете, какое совпадение произошло в первый же день моего отъезда из Москвы в Норильск?

На вокзале меня провожала вся моя лаборатория тяжелых металлов, а когда поезд тронулся, оказалось, что мы едем в одном купе с А.Е. Шаройко (был в командировке в Москве). Сколько же мы переговорили: и о Завенягине, и о комбинате, и о Севере вообще (путь до Красноярска неблизкий, чудесный был этот путь), многое узнала.

В Красноярске расстались. Ему надо было в представительство по делам. Мы с мужем — самолетом до Игарки. Там столпился народ, дня на 3–4 очередь до Норильска. Но первой же ночью нас подняли — летел зам. Завенягина Бусыгин. В Игарке он просмотрел списки и, вычеркнув двух металлургов и двух ар-

хитекторов, забрал нас с собой. Это были я с мужем и Непокойчицкий с женой. Так на маленьком самолете (на поплавках) и прибыли в Норильск (на Валек, оттуда дрезиной). Короче говоря, норильчане, еще начиная с Москвы, приняли к себе.

Вы мне доставили огромную радость, прислав «Формулу Завенягина» Колпакова и Лебединского. Перечитывала несколько раз. Хорошо и правдиво! Спасибо!!! Книгу воспоминаний о Завенягине Алкацева — не знаю, а хотелось бы прочесть.

Вы сообщили мне еще одну радостную вест: в домике Урванцева открыт кабинет Завенягина! (Возможно, в той комнате, где я жила? У меня сохранился ордер, им подписанный, в этот дом — конечно, тоже храню.)

За последний год я уже несколько раз убеждалась в том, что память человеческая — самая большая награда в жизни. На днях получила из Кольчугина, с завода им. Орджоникидзе, газету «Металлист» от 19.09.87 г. со статьей «Приказ ВСНХ...», где очень добро вспоминают моего отца, его работу там в начале 30-х годов...

Папы нет с 1962 г., я (дочь) уже старушка, а люди помнят отца и мне об этом сообщают.

А еще немного раньше вообще был необычайный случай. Приехал незнакомый моряк из Магадана и передал кассету от Вадима Алексеевича Козина (был давно, вряд ли вы знаете, эстрадный певец — любимец публики), которого я знала в 1938-м (он мне подарил тогда на память пластинку с романсом «Нищая», которую я и в Норильск возила, а потом при переезде в Минск разбила). Этот В.А. Козин «исчез» как раз в то время, как я после Мончи в Норильск уехала. Я тогда ему даже спасибо за пластинку не сказала и чувствовала себя все эти годы виноватой.

В этом (1987) году в № 10 «Огонька» прочла, что он жив-здоров, находится в Магадане. Написала ему, что наконец могу поблагодарить за подаренную в 1938 г. пластинку. Пожелала здоровья... и все. И

вот приехал моряк (он по пути к брату в Мурманск, в отпуск), убедился, что я это я, вынул из портфеля кассету с фотографией Козина, передал мне, показал еще много фотографий, рассказал многое о житье-бытье его и попросил при нем «попробовать» кассету, так как он с ней немало пропутешествовал (Тикси, Япония, Хабаровск), прежде чем до Минска добрался.

Включили кассету, и вдруг (очень чистый звук) я услышала: «Дорогая Ольга Николаевна, я очень рад... сейчас я напою Вам экспромтом три песни, которые Вам еще неизвестны... Потом пришлю еще кассету, но уже по почте...»

Кроме этих трех песен там были записаны уже с его концертов, пластинок около 30 вещей. И, конечно, «Нищая». Просто царский подарок получила я от Козина через полвека!

Вот Вам и память людская!

В апреле был год, как умер мой хороший друг Василий Павлович Гамов. Мы с ним в один день оформлялись в НКВД (на Лубянке) у зам. наркома Чернышева летом 1939 г. Меня в Норильск, его в Воркуту. Мы до этого друг друга не знали, просто случайно встретились в приемной (молча, конечно) и увидели один другого. А много лет спустя, в 73-м, когда я была в Севастополе на турбазе Минобороны, около розария ко мне подошел с женой уже пожилой человек и спросил: «Вы были в Норильске с 1939 года?» И на мое недоумение (я, конечно, его не узнала) напомнил наше оформление на Север... До сих пор не знаю, как смог он узнать меня через столько лет, видя совсем недолго один раз в жизни?! Много было у нас с ним разговоров и расспросов...

С тех пор мы все годы переписывались, а его жена Екатерина Александровна приезжала ко мне в Минск. Василий Павлович был чудесный человек, какой-то весь чистый (и в поступках, и в помыслах — во всем). Он долго работал в Воркуте и конечно же многим з/к помог в том лагере, иначе он просто не мог. Жизнерадостный, общительный, прекрасно играл на гитаре и пел...



Уходят из жизни хорошие люди — горько это. А Воркута была, наверное, потруднее Норильска (во многом), судя по его рассказам. Думается мне, что во многих лагерях были хорошие люди — ангелы-хранители, как Вы говорите. Никакое зло не могло их испортить, переделать. Главное в людях живет всегда, его нельзя убить, переиначить. Это закон жизни!

Читали ли Вы в «Комсомольской правде» за 21.02.88 г. статью «Слуга» (о Берии) за подписью С.Микояна (доктор исторических наук)? С этим Степой Микояном (сыном Анастаса Ивановича Микояна) я занималась в одной группе в конно-спортивной школе (закрытой). Там же был его брат Володя (младше его), Тимур Фрунзе, сын М.М.Громова, сын Сталина Василий (грубиян), несколько других сыновей руководящих работников. До сих пор не знаю, почему меня перевели в эту группу (я была в другой).

К нам на занятия приезжали Семен Михайлович Буденный (привозил с собой духовой оркестр), Анастас Иванович Микоян и другие. Это все было перед Норильском (отъезд прервал занятия там). До этой школы я была в школе плавания (руководил знаменитый Леонид Мешков, рекордсмен, чемпион мира и т.д.). Зимой — в бассейне около «Красного богатыря», а летом — на водной станции «Динамо» у старого Крымского моста, напротив парка культуры им. Горького. Там же мне предложили перейти в военизированную конно-спортивную школу, я согласилась с радостью, так как учил меня ездить верхом еще папа, когда мне было 8 лет (сразу после смерти мамы). Между прочим, об этом манеже (на ул. Воровского) недавно писали в центральной печати, что его нужно сохранить, — это ведь памятник архитектуры.

Дисциплина в школе была военная. Сами седлали и расседывали лошадей, сами ставили и убирали препятствия. Приезжали все обычно на трамвае или пешком приходили (кроме Василия).

Это все напомнила статья в «Комсомольской правде».

Спорт я любила еще со школы: гимнастика, легкая атлетика, конькобежный спорт (мы просто молились на Мельникова и Ипполитова — тогдашних конькобежных богов). На соревновании по конькам выезжали в г. Александров, где я умудрилась разбить коленную чашечку (на финише), и пролежала там 2 месяца в больнице, играла в теннис (был почти напротив института стадион «АМО» с прекрасными кортами). Мечтала об авиации и парашютном спорте. Но после первого же прыжка с парашютом, когда меня унесло и я приземлилась на ветвях деревьев, меня «отлучили» от этого вида спорта на всю жизнь. Прыгала, но уже в воду; «летала», но уже галопом на лошади. Между прочим, мои навыки верховой езды потом в Казахстане оченьгодились, как и уверенное плавание.

О себе писать трудно. Жизнь прожита большая, сложная, интересная и не без горьких дней. У меня множество знакомств с прекрасными людьми. Между прочим, норильскими дневниками интересовался К.М. Симонов. Последнее письмо его было из больницы незадолго до смерти. Знал о Норильске и И.А. Ефремов (ученый-палеонтолог, писатель). С женой его мы дружны до сих пор.

Моя бабушка Катя (мамина мама), которую я из Владивостока привезла, мудрая женщина, только улыбалась (при осуждении моих «мужских» спортивных увлечений). Она сама в молодости могла скакать верхом без устали...

Когда-нибудь я Вам расскажу свою родословную. Я сама узнала ее в 25 лет. Почему-то папа никогда об этом не рассказывал раньше. Оказалось, что наша родословная начинается с 16-го века.

Прадед мой погиб в японскую войну (1905 г.), и родной дед (мамин папа) тоже. Брат бабы Кати Михаил был отравлен газами в Первую мировую войну (первая газовая атака немцев). У меня хранится «Вестник войны» за 1915 г. с его посмертной фотографией (капитан, князь). Папа в том же году был ранен и контужен в Восточной Пруссии (прапорщик, артил-

лерист, кавалер Георгиевского креста). После полевого госпиталя лечили в Москве. Буквально спас его Дм. Дм. Плетнев, профессор, тот самый, которого в группе арестованных врачей называли «врагом народа».

А прадед мой с папиной стороны прослужил в царской армии 25 лет и в последний год вместе с другими гвардейцами был награжден ценным подарком (от имени императрицы, так тогда объявили) — сервизом чайным из царской сервизной. Этот сервиз сейчас находится у моего сына (фамильная реликвия), как и папины тарелочки (две) с георгиевской лентой. Ведь тогда редкие офицеры награждались Георгиевским крестом (это была солдатская награда за храбрость).

Вспомнила сейчас еще одного мужчину (уже из семьи мужа) — моего свекра Анатолия Ивановича Лунева. В 30-х гг. он служил в охране Кремля. А когда начались репрессии и аресты шли за арестами, он механически из небольшого чина поднимался все выше и выше. Наконец дошло до того, что его вот-вот назначат начальником охраны. Стало «горячо». Мы каждый день прощались с ним (целовал нас всех) утром, когда уходил на работу, и вечером, когда ложились спать.

И вдруг ему присвоили звание полковника и перевели в г. Подольск на должность зав. учебной частью Подольского артиллерийского училища (ПАУ). Стало спокойнее на душе. Там он и войну встретил. И вместе со своими курсантами принял бой за Москву (знаменитые подольские курсанты двух училищ — ПАУ и ППУ (Подольское пехотное училище). Им там теперь памятник стоит. Эти еще безусые юноши приняли на себя страшный удар. Как же их мало осталось в живых. Когда подошли регулярные войска, то остатки от обоих училищ собрали и отправили в Самарканд под руководством моего свекра. Даже спустя много лет Анатолий Иванович не мог вспоминать без слез о своих курсантах, погибших под Москвой.

Как видите, все мужчины нашей семьи служили Родине верно и честно. Из поколения в поколение пе-

редавалось это. Возможно, поэтому у меня с раннего детства проявилась просто физическая нетерпимость ко лжи, хитрости, трусости.

А знаете, меня после Норильска в Алма-Ате чуть было не посадили на 8 лет. Чудом в это время оказался там Вл. Анд. Ванюков (институт наш туда перевели). Узнав о том, в какой я переплет попала, помчался к прокурору СССР по особо важным делам (в Доме Советов там же в Алма-Ате). Увидел заготовленное им решение суда на меня. Что уж там он ему говорил — не знаю, но суд отложили на полгода. А за это время нашли настоящих преступников, успевших скрыться через родню в военкомате на передовую фронта. А ведь речь шла о сорванных поставках вооружения на фронт. И это в конце 1941 года?!

Но когда (до Ванюкова) зачитал мне проект решения суда тот прокурор и с насмешкой молвил: «Не думаю, чтобы здесь нашелся хоть один судья, который бы не утвердил мой проект», я взорвалась и, вскочив с черного кожаного (с пуговицами) огромного кресла, в лицо ему бросила: «Я только что из Норильска. Нас учили не верить тому, что сидят в лагере невинные. Теперь я знаю, кто и как отправляет их туда! Сажайте! Отсиджу 8 лет, выйду и всегда и всем буду говорить о таких, как вы. Как и за что попадают туда люди — честные, преданные делу! Вот такие подлецы их сажают!»

Реакция прокурора была странной. Он побелел, вскочил, выскочил зачем-то за дверь, сразу вернулся, открыл дверь в смежную комнату (рывком), забежал по кабинету и закричал: «Ваше счастье, что нет свидетелей. Я бы вас немедленно арестовал за оскорбление...» И что-то еще.

А я почему-то сразу успокоилась (хотя всю трясло). Села и тихо спросила: «Когда же вы меня арестуете?» Он, стоя, ответил сквозь зубы: «После суда. А сейчас идите и работайте, мы вас везде найдем!»

Домой (не на работу) я шла почему-то очень долго и не знаю где и как, но все-таки пришла и осторожно сказала папе (он в то время работал зав. кафедрой

горно-металлургического института, собирался на вечернюю лекцию), что меня могут завтра арестовать. Сказала, что как-то надо сообщить об этом Завенягину. А он рассказал об этом Ванюкову, и все обернулось быстрее. А Завенягин об этом даже не узнал.

Нет! Все-таки капризная женщина-судьба немножко меня любит!

При переезде из Норильска домой, в Москву, нас в Новосибирске с мужем задержали из-за ребенка. Детей в это время эвакуировали из Москвы.

В Москве у меня с моими бабушками, старенькими, привезенными из Владивостока, где они до этого жили, оставалась дочь Ирина, родившаяся в 1933 г., а на руках была дочь Нина, родившаяся 6 апреля 1941 г. в Норильске. Нам заявили, что все документы и броня у нас действительны и что мы можем уехать в Москву, а ребенка оставить здесь...

Представительство (НКВД) завернуло нас в Алма-Ату. Там мужа положили на лечение, а меня направили на работу — на производство противотанковых гранат (мы в институте получили и военную специальность — артиллерист). Постепенно «мое хозяйство» начали увеличивать. Сначала кожзавод добавили (кобуры, упряжь и т.д.), потом два обозостроительных завода (повозки пароконные, одноконные и т.д.). Все это грузилось эшелонами прямо на фронт. Разбросано все это было по всему городу, в 13 точках. Много раз обращалась и в наркомат, и в ЦК Казахстана, чтобы дали работу по специальности. Муж поправился, мог работать. Потом написала в Москву Завенягину (неужели во время войны нет работы в Казахстане для двух металлургов и т.д.). Через неделю вызвали в ЦК и предложили на выбор любой завод Казахстана. Работой и жильем обеспечат.

Так с 10 июня 1942 г. начала работать на Иртышском медеплавильном заводе руководителем исследовательской группы завода, муж — начальником смены.

Иртышский завод находится в Восточном Казахстане, в предгорьях Алтая. Руды полиметаллические

(с благородными металлами). Свинец и цинк перерабатывали на Лениногорском комбинате и в Усть-Каменогорске.

В том же, 1942 году (под Новый год) были арестованы несколько начальников отделов, в том числе и планового, и меня буквально заставили (по согласованию с Москвой) принять плановый отдел завода, и с 6 января 43-го я стала официально плановиком. Пришлось по ходу дела освоить и эту должность. Так и работала плановиком почти что до Дня Победы.

13 апреля 1943 г. у меня родился сын Алексей. Спустя два года после этого семейного события — 10 апреля 1945 г. был основан Иртышский полиметаллический комбинат, где я была назначена начальником планово-технического отдела комбината. Хозяйство было большое: медный завод, Белоусовское рудоуправление (рудник и обогатительная фабрика), Березовское рудоуправление (рудник и две обогатительные фабрики) и тепловая электростанция на Иртыше. Одно рудоуправление в 20 км, другое в 23 км в разные стороны. В отделе вместо 9 человек по штату только трое, кроме меня. Хорошо, что в нашем институте прекрасно читали и горное искусство, и геологию, и минералогию (кадры-то профессорские были еще из Горной академии). В общем, когда уезжала с Иртыша в 1951 г., то в рудоуправлениях прощались, как с горняком, на фабриках — как с обогатителем и только завод провожал, как металлурга.

Потом была работа в Глазово (по приказу из Москвы). В то время в Подольске организовался ЦНИИОлово, куда меня с 6 августа 1951 г. зачислили в штат на должность старшего научного сотрудника лаборатории № 3.

За время войны наша квартира в Москве была разграблена, а дом подлежал сносу (дал трещину при бомбежке).

Поселились в Подольске, сначала в общежитии в одной комнате (5 человек), а затем, через полтора года, в коммунальной квартире с двумя смежными комнатами. С 1957 г. стали жить в отдельной квартире.

Муж работал на оловозаводе там же, в Подольске, а я была переведена на должность ученого секретаря института.

Затем ЦНИИОлово был переведен в Новосибирск (в Академгородок, который еще только строился). Я туда не поехала. Муж на оловозаводе, вот-вот будет отдельная квартира, дети в школах... Не было смысла снова переезжать. Да и по родным местам за все предыдущие годы истосковались. Выехала я из Москвы в 1939-м, а вернулась пусть не в Москву, а в Подмоскowie (но все равно домой) через 12 лет, в 1961 г.

В начале 1956 г. меня «нашел» директор химметзавода А.К. Дроздов и пригласил на должность начальника планового (опять плановиком!) отдела завода. Москва «благословила» его выбор. На этот раз мне пришлось осваивать совершенно новое для себя производство — производство титана. И опять интересно! Так как титан был очень нужен. И торопили нас отчаянно. И технология только осваивалась. Словом — хорошо.

И опять с директором повезло — «не давил», доверял во всем. Вот так, всю жизнь летела, как на крыльях, в обнимку с интересной, любимой работой...

Я Вам уже писала, что моя мама умерла, когда мне было 8 лет. С тех пор отец стал оказывать мне больше внимания. Он учил всему, что сам умел, — и плавать, и верхом. А главное — честности, смелости и гордости человеческой. Он говорил мне: «Если ты потеряла вещи или деньги — не потеряла ничего; если потеряла здоровье — потеряла половину того, что имеешь; если потеряла веру в себя — потеряла все».

Эти его слова как заповедь мне на всю жизнь.

*Р.С. Здесь приведены письма О.Н. Лукашевич, адресованные А.Н. Свечникову (от 21.04.90 г.) и Л.Н. Коваленко (от 21.07.87 г., 2.12.87 г., 21.01.88 г., 21.04.88 г., 30.06.88 г.).*



*Нина Волошина. 1948 г.*





**Нина Волошина-Куц:**

*«Очень многие честные люди учили меня жизни просто фактом своего существования» .*



*Нина Даниловна Волошина-Куц. 1974 г.*

## И ИСХОДИЛО ЭТО ОТ ДИРЕКТОРОВ КОМБИНАТА

**К**огда я вспоминаю Норильск, память всегда приводит меня в Норильскую школу: под первым номером она поочередно располагалась в четырех зданиях. Помню почту, которая сгорела в 1942 году, техникум, Дом профсоюзов, театр, ДИТР и колючую проволоку, множество лаготделений, толпы заключенных в сопровождении охраны и собак... Мой отец — начальник, но з/к, и у многих моих подруг родители тоже з/к... Какие знаменитые и широко известные люди прошли через Норильлаг: Федоровский, Жак Росси, Гумилев, Козырев, Жженов и многие-многие другие...

Но вот парадокс — мы, дети, не чувствовали несвободы. Воспринимали лагерные порядки как должное — другого-то мы не видели... Но было еще **что-то**, как я теперь понимаю, о чем просто не задумывалась тогда, и это **что-то** исходило от директоров комбината. Мой отец Волошин Даниил Кириллович рассказывал с большим уважением о первом начальнике — Матвееве. Все очень жалели его, понимали, что и его арестовали и увезли из Норильска «ни за что», как и других политических. А когда приехал А.П. Завенягин, он со многими з/к здоровался за руку. Отец до конца дней своих был благодарен ему за то, что Авраамий Павлович расконвоировал его и дал работу по специальности, после чего отец совсем по-другому почувствовал себя. Это помогало жить в лагере, где каждая зона окружена проволокой, по углам которой стояли четыре вышки.

Папа рассказывал, что Завенягин расспрашивал его о семье, давал советы з/к без конвоя ходить только группами по 5–6 человек (он подписал им специальный пропуск) и не появляться на улицах вечером.

Тогда папа с друзьями стали ходить в тундру, на озеро Долгое и Квадратное озеро. Они ловили рыбу и тем самым спасались от постоянного голода. Отец прошел настоящую академию выживания. Вместе сооружали небольшие плоты и рыбачили (благо тогда рыбы водилось много), собирали ягоды, грибы, всякую зелень и на зиму все это солили, мочили, спасаясь так от цинги... Ведь отец испытал все муки ада, когда в колонне заключенных шел пешком из Дудинки в Норильск, но каким-то чудом он дошел и выжил...

А я, дочь «врага народа», сидела за одной партой с Ирой Воронцовой. Мы знали, что она дочь известного геолога и большого начальника. К тому же она была первым ребенком, родившимся в Норильске. Ира была очень скромной девочкой и вела себя, как все мы. А каким событием в школе был подвиг Вани Бегаева: в 1944 году он один собрал 47 килограммов металлолома, за это его досрочно и торжественно приняли в пионеры. А ведь мы знали, что его отец тоже з/к.

Мы догадывались, что дети больших начальников материально жили лучше нас. Знали, что Олега, сына начальника комбината Зверева, единственного в 10-м классе приняли кандидатом в члены КПСС. Но правда и в том, что дети больших начальников были с нами равны в учебе, спорте, общении с ребятами и учителями.

Начальник комбината Панюков летом был и нашим начальником — он возглавлял в Таежном три лагеря — для девочек, мальчиков и дошколят. ВСЕХ норильских детей, независимо от статуса родителей, каждое лето вывозили из Норильска в пионерский лагерь на берегу Енисея. Мы жили в больших брезентовых палатках, под брезентовой крышей за длинными столами обедали, ели досыта. Нас кормили настоящими овощами. До сих пор помню это блаженство после сухих спрессованных в барабаны по 5 килограммов морковки, картошки, лука... Правда, то ли из-за нашей скученности, то ли из-за того, что мыться было негде, у нас завелись вши: пришлось всех обрить наголо.

...Тяжелым было существование в Норильлаге и для взрослых, и для детей. И школа, и магазин, и Дом пионеров, по сути, работали в лагере, на его территории. Но какая бы это ни была жизнь, мы, дети, чувствовали, что нас любят и о нас заботятся. И этого нельзя забыть. Никогда!

В 1935 году арестовали отца. Только через 8 лет мама узнала, где папа. (Тогда мы жили в алтайской школе, где мама преподавала русский язык и литературу.) Мы тут же собрались и поехали навстречу неизвестности в Красноярск. Помню солнце и тепло, теплоход «Иосиф Сталин». Ехали долго, наконец прибыли в Дудинку, где было пасмурно и еще лежал снег. Нас встретил дядя Стива, с которым я быстро подружилась, — так все звали Александра Сергеевича Лещинского. Папа встретить нас не мог, он замещал уехавшего из Норильска Шаройко. Отец подошел только к теплушке, которая довезла нас из Дудинки, поднял меня на руки и удивился:

— Легкая-то какая, килограммов восемь! Ничего, откормим!

Папа говорил, как он соскучился, а я глядела на него во все глаза: ведь отца я видела впервые. Он привез нас домой на улицу Октябрьскую. В 1941 году здесь было всего три дома — два бутовых (из местного камня) и деревянный дом, номер 46. Напротив стояла котельная, где мы брали воду. За котельной располагались три коттеджа, чуть дальше — военный городок. Удивительно, что при таком малом количестве домов улицу украшал памятник девушке. Она стояла на высоком (1,5 метра) постаменте в военной форме, пилотке и с винтовкой за плечом. Покрытая белой известкой, она отовсюду была видна. Не помню, по какому поводу и кто поставил ее. То ли военные — ведь началась война — в память о погибшей девушке, то ли еще по какому-то поводу... Во всяком случае, какой-то конкретной истории местного значения в памяти не осталось, может, ее и не было...

Мы поселились в деревянном доме в комнате, где кроме нашей семьи еще жили Ненароковы. В 1943 году, перед рождением сестры Леры, мы остались в комнате одни. У меня сохранились удивительные воспоминания о первом норильском лете. Нас окружало благоуханное зеленое великолепие, от цветущих трав в воздухе стоял дурман, иван-чай вырос в наш, детский, рост, радовали глаз колокольчики, маки, жарки. Поблизости журчал родниковый ручей, а вокруг него рос мох, а на нем — клюквенные поля. Это был удивительно красивый и вкусный ковер! Мы ставили ветки цветов в горшки, банки. Эта красота и дома веселила душу яркими красками и запахами.

Каким-то удивительным образом в нашей жизни уживались контрасты. К нам бегала играть в лапту дочь Панюкова, мы ее звали Нелькой. Дочь Зверева приглашала нас к себе домой, и мы запросто бывали дома у начальника лагеря и комбината, а он приходил к нам в школу — сохранились его фотографии в окружении ребят. Но вместе с этим и сегодня не могу забыть длинные колонны заключенных по 6 человек в ширину и 20 в длину. Впереди, сзади и по бокам их сопровождала вооруженная охрана с 6–10 огромными овчарками. Иногда двое шли скованные одной цепью: правая нога одного, левая — другого. В ногу им идти не разрешалось, они шли по дороге из бутового камня в кандалах, лязг которых был невыносим для уха. А глаза мои и теперь еще помнят шестизначные номера спереди на ватных брюках и сзади на шапках и спинах заключенных. 25 тысяч з/к строят комбинат, а вольнонаемных только 2 тысячи. Эти цифры я узнала от папы.

В Норильске я окончила семилетку, техникум, по окончании института долго работала здесь обогатителем. Мне кажется, я имею моральное право сказать, что все директора комбината стремились быть и были в лагерных условиях человечными: у них просто не было другого выхода. С одной стороны, униженные и подневольные чутко откликались на добро, а с другой — начальники понимали, что и сами легко могут стать жертвой репрессивной системы.

## ШКОЛА, ТЕХНИКУМ, «ТАЕЖНЫЙ»...

Сначала Норильск представлял собой Нулевой пикет и его окрестности. Здесь располагались все службы, обеспечивающие жизнедеятельность населения. Потом родился Горстрой — началось строительство многоэтажных домов за озером Долгим. Самая первая школа с круглыми окнами (их на фото не видно) была построена на Нулевом пикете. Одновременно с ней работала начальная школа без номера, предполагалось, что это четырехлетка — часть первой школы. Здесь я проучилась только в 1-м классе, а потом перешла в десятилетку на Нулевом пикете.

Начальная школа была последним домом перед совхозом «Норильский», а дальше расстилалась тундра. Директор совхоза Иевский с удовольствием угощал нас маленькой желтой репкой — лакомство неопишное! Мы бегали к нему на переменке. Совхоз выращивал коров, свиней, здесь растили капусту и солили ее. Лук, редис, редька тоже росли в теплицах. Отцу то ли как начальнику, то ли как многодетному (детей в семье было пятеро) полагался литер на совхозные продукты, мы покупали молоко, капусту квашеную и 2 килограмма мяса в неделю.

В школу на Нулевом пикете я ходила вместе с папой — его Проектная контора была через дорогу. После занятий я любила бывать у проектантов. На первом этаже сидел конвой — он ждал окончания работы, чтобы вечером повести в бараки заключенных. Я помню Битадзе, он дольше отца сидел, очень скучал по детям, поэтому всегда старался со мной поговорить, чем-то занять. Какие замечательные открытки рисовали мне проектанты и тушью, и цветными карандашами, несмотря на их нехватку! Когда точили грифель, от него оставались крошки — вот их-то и использовали для раскрашивания поздравительных открыток, масок, рисунков к сказкам. Помню забавную девчонку, которая сидела на горшке и с деловым видом говорила по телефону: «Сейчас я очень занята...»



*Слева направо: Нина Волошина  
и Элла Вайшенкер в лагере «Тоежный». 1948 г.*



*Пионерлагерь «Тоежный». Знаменосец — Нина Волошина,  
с транспарантом — Лиза Гилельс, в черной юбке — Гретта Сафронец*



Из школы на Нулевом пикете в 1948 году перебрались в новое здание в Соцгороде. Классным руководителем у нас стала Агния Александровна Ходунова, которая всюду была с нами. В выходные мы ходили в тундру — жгли костер, пели песни, зимой бегали на лыжах. Агнию Александровну мы считали почти подругой. «Я горжусь, что бурятка», — говорила она нам. А мы немножко посмеивались над ней, потому что она вместо «г» говорила «д». Все девчонки старались подражать не ей, а учительнице истории Клавдии Захаровне Иваницкой: она единственная ходила в пенсне, очень красиво одевалась, а рассказывала новый материал так артистично, что мы заслушивались, забывая о времени. В школе была комсомольская организация — 7 человек, ее возглавляла Тамара Румянцева.

Не могу не рассказать еще об одном пионерском лете в «Таежном». В 1948 году в лагере уже стояли деревянные домики. Они походили на теремок с крылечком и резными наличниками на окнах. По Енисею мы плыли 5 суток, за это время готовили концерт. Нам было по 14–15 лет, мы с удовольствием учили песни, самая любимая была «Енисейский вальс» — про любовь. На открытии лагеря пели, плясали, читали стихи. На Енисее для нас оборудовали купальни, мы загорали, ходили в поход в лес, поэтому жизнь в «Таежном» была веселой и интересной.

Дальше мои пути с одноклассниками разошлись — я поступила после 7-го класса в техникум. В новой школе, которая и теперь стоит, мне учиться не довелось, но хорошо помню, каким счастливым событием стало ее открытие для всех норильчан.

Когда в детстве многого лишен, радуешься и малому. Отец сестер Гарфункель принес самодельные головки кукол. Из ваты мы шили разные колбаски — туловище, руки и ноги. Игрушки делали из всего, что подвернется под руку, — из глины, дерева, стекла. Фигурки на веревке опрокидывались, когда мы дергали за нее. Для нас обтачивали чурки и делали коньки,

санки. Из консервных банок отец делал кружки — не только игрушек, но и столовой посуды не было.

Нашу большую семью из восьми человек было непросто прокормить, несмотря на папин литер. Бабушка из оставшегося хлеба делала тесто и пекла пирожки с фасолью и крабами, которых было завались. Овдовевшая бабушка Татьяна Макаровна познакомилась в Норильске с истопником Панюкова Тимофеем Афанасьевичем Нешиным и вышла за него замуж. Он тоже подкармливал нас. Вернее, нас подкармливал через него Панюков и его семья. Они жалели нас, детей, и через деда посылали нам то молоко, то кружку риса, то огурец, лук или кусочек мяса. Бабушка умудрялась готовить обеды, печь пироги и кормить не только нас, но и что-то откладывала для заключенных — сослуживцев отца. А уж как благодарный папин отдел хотел порадовать нас, его детей! Его сотрудники придумали и смастерили для меня новогодний костюм статуи Свободы. Из блестящего



*Бабушка семьи Волошиных Татьяна Макаровна  
и Тимофей Афанасьевич Нешин. Норильск, 1957 г.*

креп-сатина мне сделали мешок с тремя дырками, корону из 8–9 острых пик, факел из ватмана. Я в техникуме получила за костюм первое место. В нем я пошла и на городскую елку — тоже первое место! Я дружила с одноклассниками, они меня пригласили на школьный вечер — здесь тоже меня ждал успех. Таким образом за один костюм я получила потрясающие призы: принадлежности для черчения, шикарную шерстяную кофту и духи «Золотая осень».

Поначалу техникум располагался в здании ВОХРа. Первый выпуск состоялся в 1945 году. Большие комнаты, где спала охрана, стали аудиториями. Мы сидели по 3 человека за партой — студентов было много. В актовом зале показывали кино — ДИТРа еще не было. Помню фильмы «Георгий Саакадзе», «Кубанские казаки» — это было незабываемое зрелище!

Палеонтологии я училась у Николая Николаевича Урванцева, математике — у известного уче-



*Ленинская комната школы № 1. Заседание комитета комсомола ведет секретарь Тамара Румянцева, за столом слева направо: Надя Винюкова, Герман Дмитриев, Юрий Захаров и другие. 10-й класс, 1952 г.*

ного Фридриха Генриховича Шмидта. Технологию металлов преподавал Лев Шалвович Битадзе, механику — Лидия Ивановна Шапиро, неорганическую химию — Надежда Григорьевна Бараш, а органическую — Ангелина Эдуардовна Кайрович. Создатель техникума, организатор первых наборов студентов Константин Иванович Чащин вел у нас физику и запомнился тем, что для лучшего усвоения трудного материала любил пошутить, чтоб не уснули, говорил он. Многие молодые люди после техникума поступали в институты, окончив учебу, возвращались работать на комбинат и занимали высокие должности на разных его предприятиях. Норильский горно-металлургический техникум был настоящей кузницей кадров для комбината.

### **ЗВЕЗДНЫЕ ЛЮДИ НОРИЛЬСКА**

В 5-м классе я заболела и лежала в больнице. Когда готовились серьезные взрывные работы под горой Рудной, всех больных (меня в их числе) на лошадах перевезли в больницу комбината. Не зря нас вывезли. Например, на мою кровать во время взрыва с потолка упала глыба камня. После больницы был двухмесячный карантин, — одним словом, в школе я так отстала от своих ребят, что меня оставили на осень. В нашей двухкомнатной квартире жил освободившийся из заключения француз Жак Росси, на которого родители оставили меня, когда им надо было уехать.

— Вот твой опекун, — строго сказал папа, — слушайся его!

Дядя Жак хорошо говорил по-русски, много шутил, около шифоньера стоял его фанерный сундучок, всегда открытый, и потому нетрудно было увидеть там плитку шоколада, нарезанную на 16 частей булку черного хлеба и сухари. Он сказал, что скоро приедут мои родители, я к тому времени должна быть готова к осенним экзаменам. Дядя Жак повел меня к Руси-

новым. Актер Русинов играл на сцене норильского драмтеатра, а его дочь Таня училась со мной в школе, но классом ниже. Мы пришли к ним для того, чтобы их приятели Антонина Аркадьевна Фаюткина, директор школы рабочей молодежи, и математик той же школы Эдуард Иванович Штефан позанимались со мной. Мы попили чаю, и все устроилось. Так, при поддержке этих людей, прежде всего Жака Росси, я перешла в следующий класс.

Но вдруг Жак Росси исчез, оставив меня на соседку Скороходову, ее муж работал в Первом отделе. Однажды, когда я мыла в подъезде пол, увидела, что с крыши в мою квартиру спускается мужчина. Я бросила тряпку и потихоньку пошла домой. Мужчина стоял у нашего приемника и что-то говорил. Я испугалась и побежала к тете Оле Скороходовой. Та тут же позвонила мужу на работу:

— Георгий, что делать?

— Пусть Нина пойдет к себе и подольше поговорит с ним. Задержите его!

Хорошо сказать это взрослому, но каково школьнице?! Я вернулась в квартиру, предложила попить чайку. Узнала, что это дядя Коля и он очень торопится. Короче, задержание не состоялось — гость тут же ушел. Потом говорили, что он вышел из подъезда, зацепился за «воронок» и уехал. Не нашли его. Но дядя Жора поблагодарил меня за обнаружение шпиона, который должен был вылететь самолетом с вальковского аэродрома, и дал мне премию конфетами.

После этого случая я больше не видела Жака Росси. Чемодан его тоже исчез из нашей квартиры. И только много позже я узнала, что тогда произошло.

В 1993 году (я уже жила во Франции) мы с мужем пошли в редакцию газеты «Русская мысль». У редактора Ирины Илловой я поинтересовалась о Жаке-Робере Росси. Я уже знала, что он издал «Справочник по ГУЛАГу», известный во всем мире, в котором отразил свой горький лагерный опыт. Ока-

залось, что он приятель Ирины. Она взяла мой телефон и обещала сказать Жаку обо мне. Вечером того же дня он позвонил.

— Нина, это ты? — удивленно спросил Жак на хорошем русском языке. — Та самая девочка из семьи Волошиных?

Договорились о встрече у меня. Мы много говорили, вспоминали Норильск, общих знакомых... И я, конечно, не могла не спросить о его исчезновении:

— Куда и когда вы уехали?

— Это меня уехали, — засмеялся Жак, — в Среднюю Азию...

Года через четыре мы встретились еще раз, но теперь уже у Жака. Он жил в скромно обставленной двухкомнатной квартире. Жак пригласил нас на кухню — по всему было видно, он здесь работал. В тот день он позволил себе немножко посетовать на судьбу... Ведь после 25 лет лагерей в СССР он, когда-то богатый гражданин Франции, вернулся домой ни с чем — ни трудового стажа, ни накоплений... Родина



*Жак Росси и Нина Даниловна Волошина-Куц в гостях у Жака.  
Париж, 1996 г.*



*В доме престарелых у Жака Росси. Вручение ему книги  
«О времени, о Норильске, о себе...» с дарственной надписью  
Г.И. Касабовой. Париж, 2003 г.*

предоставила ему бесплатное жилье, проезд на транспорте, лечение и небольшую пенсию. На жизнь не хватало, и он стал работать...\*

Начав разговор на эту деликатную тему, мы тут же и закончили ее. Я не решилась расспрашивать Жака, только остро кольнуло в сердце: как же наше государство виновато перед этим Человеком мира! Сломало судьбу незаурядного человека, энциклопедически образованного, знающего языков двадцать. И даже теперь спецслужбы наверняка пользуются его умом, памятью и знаниями, изучая «Справочник по ГУЛАГу», изданный после того, как Жака Росси наконец-то выпустили из страны, чьим подданным он никогда не был. Интересно, какими деньгами Российская Федерация компенсировала его многолетние муки? Боюсь, никакими...

---

\* Когда этот материал готовился к печати, пришла печальная весть: 26 апреля 2004 года скончался Жак Росси. Его похоронили на польском кладбище.





*Дом радио Франции. В редакции RFI (вещает на русском языке) сидят (слева направо) Н.Д. Волошина-Куц и Инга Домбровская, за ними стоят (слева направо) Никита Сарников и В.Т. Куц.  
Париж, март 1999 г.*

Я не устану удивляться и восхищаться такими людьми, как Жак-Робер Росси, Георгий Степанович Жженев, Лидия Русланова, Валерий Буре... Первое здание драмтеатра стояло на Нулевом пикете. Здесь выступала норильская звезда Нина Попова (ее популярность в те годы можно сравнить только со славой Аллы Пугачевой). Наверное, это был сценический псевдоним Людмилы Ермовны Буре, жены тогда знаменитого спортсмена Валерия Буре и бабушки не менее известного сегодня Павла Буре. Она была тогда необычайно красива и похожа на грузинку, а пела песни и исполняла главные роли в опереттах так блестяще, что у зрителей ладони горели от продолжительных аплодисментов.

Помню зажигательный концерт в ДИТРе Лидии Руслановой. Свои неповторимые «Валенки» она пела в валенках, а на плечах ее был ажурный платок. Выплясывала она так же здорово, как и пела. А когда на



гастроли к нам прилетела певица с чудным голосом и незабываемой фамилией Пантофельничецкая, она поставила условие — первый концерт перед заключенными. Иначе она уедет. Ее условие Зверев выполнил. Встреча с ней была настоящим потрясением. В исполнении певицы я впервые услышала «Соловья» Алябьева, русские романсы... Это был праздник для души и сердца.

А как я была влюблена в Георгия Жженова! Однажды пришла к дяде Джею (так мы звали проектанта Георгия Георгиевича Старицкого), а следом за мной к нему зашел мой любимый артист. Я замерла и во все глаза уставилась на него. Высокий, со спортивной осанкой Георгий Жженов был в кожаной куртке и таком же шлеме. Он приехал на мотоцикле и у дяди Джея интересовался какими-то техническими вопросами. Они недолго поговорили как автомобилисты, и Жженов распрощался с нами. Старицкий кроме машин и мотоциклов еще всерьез увлекался фотографией, я и пришла-то за ними, потому что он фотографировал нашу семью. Вот у него-то я и увидела фотографии Жженова и, конечно, попросила для себя. Они стояли у меня на столе не один год...



*На кухне у Жака Росси Владимир Терентьевич Куц. Париж, 1996 г.*

Мои первые встречи с искусством состоялись в Норильске. Помню, как зал, не сговариваясь, запел «Дубинушку» вместе с солистом Большого театра Максимом Дормидонтовичем Михайловым. Не забуду концерты М. Ростроповича, Е. Кибкало и сегодня с



*Дети Н.Д. Волошиной-Куц Юра и Ирина. Москва, 1978 г.*

удовольствием послушала бы «Дует ветер молодой во все края» в исполнении Бунчикова и Нечаева... Да где же сегодня найдешь их пластинку?..

На концертах, спектаклях всегда мы видели руководителей комбината. Может, это тоже влияло на культурную жизнь Норильска? Впрочем, они и художественную самодеятельность не обделяли вниманием. КВО (культурно-воспитательная часть лаготделений) устраивала концерты, ставила «Травиату», серьезные драматические и музыкальные спектакли. Мы любили ходить на танцы зимой в пристроенный к Дому профсоюзов танцзал, а летом — на площадку на стадионе, что напротив ДИТРа.

...Сколько лет минуло после прощания с Норильском... Сколько я объездила красивых и благополучных стран... Сколько я хороших, интересных людей повстречала на своем пути... Но нет-нет да и вспомню я стол в виде буквы «П» в первой школе Норильска — каждую перемену его накрывали для одного класса. Или комсомольское собрание, концерт в ДИТРе, или наш уютный многодетный дом, когда жили в тесноте, да не в обиде... Однажды отец, взяв в руки новую книгу коллеги, бросил ее, сказав одно слово: «Гнида». И больше ничего не сказал, ни плохого, ни хорошего, в ответ на мои вопросы... Очень многие честные люди учили меня жизни просто фактом своего существования. Я и сегодня помню всех, и сегодня прошлое живет во мне...





*Николай Бычков. 1952 г.*



**Николай Бычков:**

*«... В прошлом мы черпаем  
силы...».*



*Николай Бычков. Талнах, 1962 г.*

## НАШ ДОМ БЫЛ УНИКАЛЬНЫМ

Летом 1945 года мы с мамой Надеждой Николаевной Бычковой прибыли в порт Дудинка на колесном пароходе «Спартак». Далее в маленьком пассажирском вагончике по узкоколейной железной дороге добрались до Норильска. Здесь уже жила сестра моей мамы Евгения Николаевна с мужем, артистом вновь образованного драмтеатра Анатолием Юльевичем Гуриновичем.

Моя мама всю войну работала портнихой при драмтеатре в г. Бодайбо — здесь в местном театре служили артистами Гуриновичи. Отец Петр Николаевич Шмаков в молодости был булочником — он имел свою пекарню. В семье деда было восемь детей — все вручную месили тесто и отличались невероятной силой. Вообще семья славилась тем, что умела своими руками делать все.

Норильск произвел на нас жуткое впечатление. Так и стоит перед глазами картина: в мороз (40–50 градусов) ведут по улице заключенных в телогрейках, по бокам собаки, конвой с винтовками наперевес. Так в серой толпе ходили наши многие знакомые, в техникуме многие преподаватели были з/к.

Поселились мы в двухэтажном деревянном доме коридорной системы с комнатами 9 м<sup>2</sup> по Заводской ул., № 24, рядом с Управлением лагерями. А за нашим домом располагалось здание барачного типа конторы геологической экспедиции.

Мне кажется, что наш дом был уникальным — подобной коммуналки я не встречал даже в Ленинграде. Наша комната была самой дальней от входа. Напротив жил известный строитель

И.Я. Эпштейн с женой. Рядом с ними — мой самый близкий друг Гена Гершунов с родителями. Дальше по нашей стороне две комнаты занимало семейство начальника ЦХЛ Николая Ивановича Пьянкова. Следующие две комнаты занимала семья Бориса Дмитриевича Калмыкова, начальника ОТК комбината. В угловой комнате при входе справа жила семья мерзлотоведа М.В. Кима, основателя теории строительства жилых домов на сваях. На втором этаже размещалась семья начальника сернокислотного цеха Григория Соломоновича Колюского, где росли двое мальчишек. Семен учился классом ниже меня, но это не мешало нам дружить. Второй сын Колюских Слава впоследствии стал выдающимся ученым. Он был деканом двух факультетов Красноярского политехнического института, но, к сожалению, Слава рано ушел из жизни. С семьей Колюских очень интересно было общаться. Фаина Израилевна вместе с мужем окончила Сорбонну во Франции. Супруги испытали все ужасы сталинских тюрем и лагерей. В Норильске их семья сумела объединиться — они вырастили трех замечательных сыновей. Они остались в моей памяти людьми высочайшей культуры и образованности. В быту были очень скромными, и при этом очень гостеприимными. А как они заботились друг о друге...

Был у меня еще один близкий друг — Гера Карев, сын Лидии Владимировны Миненко и Витольда Станиславовича Непокойчицкого. Он жил от нас через дорогу. Со школьной скамьи моим напарником по охоте был Володя Николаев. Мы бегали к нему на берег маленького озера, где располагалась лодочная станция. Здесь мы часто устраивали сражения на воде.

На противоположном берегу озера стояли коттеджи руководства комбината — А.А. Панюкова, В.С. Зверева.



## ШКОЛА

Осенью 1945 года я пошел в 5-й класс школы № 1. Царила в школе Наталия Ивановна Царева, гроза всех мальчишек. Мне до сих пор кажется, что Наталия Ивановна была прирожденным директором. Я не представляю ее в иной роли. Попасть в ее кабинет на проработку боялись все, но все равно все перед ней благоговели, и можно сказать, что мы ее любили. При ее появлении мальчишки подтягивались, поправляли ремни... Мы все ходили в форме из зеленого сукна фасона гимнастерки, старшим классам комбинат сшил кители из синего сукна. Девочек одели в форменные платья из коричневого кашемира с черными фартуками. Нашим классным руководителем был преподаватель физкультуры Анатолий Иванович Сапунов. Пожалуй, он был единственным мужчиной в преподавательском коллективе.

Школьная жизнь проходила в основном в коридоре второго этажа... На переменках мы общались и поджидали, не покажется ли та единственная, что учится в другом классе. Там были замечательные девчата: Гретта Сафронец, Тамара Румянцева, Милада Зенгер, Дагмара Береснева, Леля Анисимова, к которой я был особо равнодушен. Впрочем, и в нашем классе учились выдающиеся девчата. Одна Люда Серова чего стоила! Да и в Надю Величко были влюблены чуть ли не все студенты техникума.

Седьмой и восьмой класс мы окончили в новой (соцгородской) школе, которую возглавил новый директор Борис Данилович Сухомлинов.

Я, как комсомолец, был прикреплен пионервожатым в пятый класс. Моей правой рукой была председатель отряда Галя Сапрыкина, а пионерочки Мила Замятина и Вероника Пьянкова всех нас сводили с ума. Все общение с девочками проходило на катке — здесь в любую погоду играла музыка и горели лампочки, гирляндами развешанные че-

рез все хоккейное поле. Катались парами\*. Я уже играл в русский хоккей и потому стоял на коньках хорошо. Обучал в основном Лелю Анисимову. Это были лучшие дни в моей жизни! Особо приятно было потолкаться в теплушке... Помню, что директором катка был замечательный человек Александр Иванович Панов.

Было у меня еще одно увлечение: охота. Ходить на лыжах я начал с пятого класса, сначала без ружья. Пристрастил меня к охоте Сергей Иванович Королев, муж второй маминой сестры Инны Николаевны. Сергей Иванович практически был моим вторым отцом. После охоты я обязательно чистил ружье, потом — куропаток.

В шестом классе Сергей Иванович подарил мне двустольное курковое ружье. Я стал ходить на охоту самостоятельно с другом Володией Николаевым, сыном Александра Яковлевича Николаева — главного маркшейдера комбината.

Однажды в седьмом классе мы со Славой Бабошиным отважились пойти на зимние каникулы к его отцу Ивану Павловичу Бабошину на метеопост «Гремяка». Январский мороз был нешуточным — 30–40°. И все же рано утром мы двинулись на лыжах вдоль водовода до реки Норилки, потом поднялись вверх по Норилке до впадения в нее реки Рыбной. Здесь нас застали сумерки — световое время в январе короткое. К тому же все время мы шли по целине, торя постоянно лыжню — попеременно.

При впадении реки Рыбной на мысу в то время стояло стойбище под названием «Часовня». Там жили всего несколько семей, но у них была пекарня с русской печью. Вот на эту печь нас и определили отогреваться. Мы на ней свободно поместились вдвоем. Хлеб там пекли очень вкусный. Такого в городе не было.

---

\* Гена Гершунов обучал Миладу Зенгер. Про него был стих: «Он класс кончает уж 8-й, а сердцем тянется в 7-й». Гена и Милада прожили короткую, но счастливую семейную жизнь.



*10-й класс вечерней школы. В центре — директор Суворова, третий слева во втором ряду — Н. Бычков. 1957/58 учебный год*

Рано утром, чуть свет, двинулись дальше вверх по речке Рыбной, идти надо почти до порога Орон. Это сейчас я могу обежать весь свой Себежский район вдоль и поперек — 15 км туда и 15 обратно. А тогда нам казалось, плесам и перекатам реки Рыбной нет конца. Вот прошли речку Наледную, летом ходили здесь на лодке, от нее вроде уже недалеко и до речки Гремячки... Дошли до хаты уже затемно, трудно было идти по целине. А через неделю ушли обратно. От лыжни ничего не осталось — опять целина! И ведь знали коварство полярной погоды: пурга могла начаться в любое время, да и пока шли два дня, все время тянулась поземка, а мороз стоял — 30°.

Но все обошлось благополучно. Через неделю мы вернулись в Норильск и начали учебу вместе со всем классом, только «морды были у нас красные», как у Мишки Евдокимова после бани. А через год не вернулся с охоты Валя Дьяков. Он замерз под Зуб-горой. Высоченный, красивый парень... Сейчас трудно представить современного 7–8-классника в той нашей

ситуации. Да сегодня и я своего сына никогда бы не отпустил практически в никуда. А нас отпускали всегда и везде...

Самым пиком охотничьего счастья была для нас охота на гусей при весеннем перелете. Эту охоту на протяжении всех лет моей учебы в школе организовывал Сергей Иванович Королев, начальник ОТиЗа комбината. Вся компания брала отпуск на 7–10 дней. Фрахтовали пассажирский узкоколейный вагон до станции Вологочан. Здесь вагон загоняли в тупик, и он стоял до конца охоты. К вагону прикомандировывалась женщина-проводник, она готовила обед к возвращению охотников. Я отвечал за организацию костра и чай на месте охоты и скрадка.

Во главе компаний стоял Хан. Такая кличка была у главного бухгалтера комбината Александра Николаевича Мансурова. Это был необыкновенно эрудированный, высочайшей культуры человек. В группу охотников входили люди всех специальностей: бухгалтеры Латенко, Володя Бачковский, Иван Рогожников; механики Алексей Федорович Воронин, Иван Иванович Шапоренко по кличке Полтора Ивана — он был ростом 210 см. Шапоренко был неподражаемым балагуром и рассказчиком. Он знал столько всевозможных баек и анекдотов, что равных ему не было, наверное, во всем Норильске. Заядлыми охотниками были Михаил Назарьев, начальник коксохимзавода, Борис Дмитриевич Калмыков, начальник ОТК комбината, и многие другие.

Я всегда сопровождал главного организатора, дядю своего, Сергея Ивановича Королева, но вот однажды почему-то я отстал от основной компании и оказался в паре с А.Н. Мансуровым. Мы решили пойти правее на реку Боганидку. А.Н. Мансуров шел первым. Неожиданно он провалился посередине реки под лед: здесь река имела быстрое течение, поэтому лед был тонким. Все произошло очень быстро, но я все же сумел вытащить Александра Николаевича на лед и быстро сопроводить его в вагон, где он и пришел в нормальное состояние. После этого

мы с Александром Николаевичем стали друзьями на всю оставшуюся жизнь.

Вся эта охотничья братия в выходные дни, свободные от охоты и рыбалки, собиралась у Сергея Ивановича и Инны Николаевны расписать пульку. Эти люди умели не только хорошо работать, но и веселиться. Бывали случаи, что и плясали или просто дурачились, притопывая ногами и приговаривая: «Эх раз, еще раз, подо мной живет Хараз». Я представляю, каково было Харазу, когда топали Иван Иванович Шапоренко и Магомед Мерцалович Куриев, в каждом из которых было более 100 кг. Жили тогда Королевы уже не на Заводской улице, а на Южной, д. 1.

Мне все эти люди тоже казались недостижаемо солидными, а ведь в 1946–1949 гг. им было всего по 30–40 лет. Я сейчас старше, чем они были, почти в два раза, но все же еще бегаю и на охоту, и на рыбалку, благо озеро всегда рядом.

Были среди друзей Королевых и не охотники. Это семьи Кронфельд, Вожаевых, Сафронцев. Особенно мне импонировали женщины этих семейств — Мария Никифоровна Кронфельд, Бетти Григорьевна Вожаева и Нина Ивановна Сафронцев. Они, как декабристки, шли за своими мужьями в труднейших жизненных ситуациях.

## **ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ (ГМТ)**

В 1949 году я поступил в техникум на геологоразведочное отделение. Мне опять очень повезло, так как преподавали нам выдающиеся деятели науки: член-корреспондент Академии наук СССР Николай Михайлович Федоровский, доктор наук Николай Николаевич Урванцев, бывшие сотрудники ВСЕГЕИ Хохлов и Лихарев, опытные специалисты — Анна Анатольевна Усевич, главный геолог комбината, Галина Михайловна Шешукова, главный геолог Норильской геологической экспедиции.

Каждое лето я ездил на практику в составе партий норильской экспедиции под руководством Владимира Николаевича Егорова, а позднее, будучи студентом Ленинградского горного института, под руководством Игоря Миллера и Вадима Елисеева был на преддипломной практике на Талнахе, где опять охотился и рыбачил с Олегом Дюжиковым и Владимиром Ржевским.

В техникуме я активно занимался спортом. По лыжным гонкам в городе я уступал только Володе Толмееву и по конькобежному многоборью ему же. По легкой атлетике был всегда вторым после Федора Огнева. Не могу не отметить роль преподавателя физкультуры техникума Пантелеймона Федоровича Федорова. Это был выдающийся специалист своего дела. Он воспитал в техникуме рекордсменку по многим видам спорта Маю Федорову. После окончания



*Лыжная команда, участница соревнований общества «Металлург».  
Слева направо: Владимир Распопин, Валентина Кулакова, Василий  
Стекланников, Мария Шевцова, Николай Бычков, Мария Михайлова,  
Семен Суровегин. 1954 г.*

техникума я входил в сборную команду города по лыжам и ездил впервые на краевые соревнования в г. Красноярск и на первенство общества «Металлург» в г. Свердловск, где мы занимали почетные вторые места.

Я начал работать на руднике 7/9 в геологическом отделе под руководством замечательного геолога Михаила Федоровича Смирнова. В коллективе работали наши выпускники, известные спортсмены: Иван Корнейчук, Сергей Петренко, Владимир Николаев, мой бывший одноклассник.

## **АРМИЯ, УЧЕБА, РАБОТА...**

Осенью 1954 года нас всех призвали служить в рядах Советской Армии. Ехали мы опять на том же колесном пароходе «Спартак». В Красноярске нас встретил начальник физподготовки Темрюкской дивизии капитан Тищенко. Отобрал 15 человек, нас поселили в одной палатке в летних лагерях.



*Трудная дорога на Талнах*



Вот памятная армейская фотография сентября 1954 года. В первом ряду слева направо: Н. Бычков, С. Тронин, А. Филипченко, В. Марков; во втором ряду: А. Конюшко, Г. Василенко, А. Кадяев, А. Марченко, Г. Александров, Г. Рукоусев; в третьем ряду: А. Шпилев, П. Лапинский, К. Крюков, Б. Гнидин, В. Бугров, Ю. Дыбов. Многие из них отработали на Норильском комбинате по 30 лет и сыграли большую роль в развитии комбината. Например, Г. Рукоусев был главным энергетиком комбината. Гемп Никитович Александров 30 лет руководил рудником алевролитов — обеспечивал сырьем кирпичные заводы. Борис Гнидин столько же лет был начальником технического отдела комбината... А тогда все мы окончили танковую школу и стали командирами танков и САУ. Нас, Гемпа Никитовича Александрова, Анатолия Алексеевича Кадяева и меня, часто звали «три танкиста» и обязательно добавляли «три веселых друга».



*Команда футболистов-норильчан воинской части.  
Красноярск, 1954 г.*





*Неразлучные друзья (слева направо):  
Гемп Александров, Анатолий Кадяев, Николай Бычков*

Вот уже 48 лет мы дружим и регулярно встречаемся друг у друга на День танкистов или День геолога. Если же встречаемся в другие дни, устраиваем банный день, благо у всех есть деревенская баня. Одна, например, на озере Белом под Москвой, другая в Нижнем Новгороде и моя в Псковском поозерье.

... После демобилизации я решил учиться в Ленинградском горном институте, но на экзаменах с треском провалился. Вернулся на свой рудник 7/9 «Заполярный». Работал ночами, а утром бежал в ШРМ, где директором была Суворова. Преподавал математику незабвенный Иван Николаевич Трушевский, век буду его помнить. Он предлагал мне сразу сесть в 9-й класс, а мне надо было спешить. Я понимал, что время упустил, ведь все мои одноклассники уже окончили вузы и вышли замуж. В утреннюю смену нас училось всего 2–3 человека, и Иван Николаевич был в полном нашем распоряжении. Он подготовил меня

надлежащим образом, и весной я сдал экзамены за 10-й класс. Готовился, сидя в скрадке все на том же Вологочане, во время гусяного перелета. Летом сдавал экзамены в филиале ВЗПИ, а осенью с дипломом горно-металлургического техникума поехал на две недели в Ленинград и сдал экзамены в ЛГИ. Жаль только, что уже отменили красивую горную форму с погончиками. Но все равно в общежитии мы, горняки, пользовались у девчат непререкаемым авторитетом. Институт окончил с отличием и остался работать в Ленинграде. Поработал немного в тематической экспедиции. Родился сын, оклад маленький, у жены он еще меньше... Завербовался в комбинат «Печенганикель». Здесь отработал 15 лет, пока сын не окончил 10 классов. Вернулся в Ленинград, где мне предложили работать в Управлении Северо-Западного округа Госгортехнадзора СССР главным геологом. Занимался я разведкой нефти на шельфе Балтийского моря и в устье р. Печора до развала Советского Союза. Потом



*Выступление Людмилы Зыкиной на Талнахе. 1962 г.*

занимался детьми и прикованной к постели мамой до 1996 года. После смерти мамы купил дом в деревне и вот развожу плодовые деревья и пчел. Здесь, в Псковском поозерье, природа сохранилась в первозданном виде, недаром здесь организован национальный парк «Себежский». Кругом тайга, один я — наедине с прекрасной природой...

... Сейчас мне кажется, что в Норильске мы жили хорошо. Мы были молоды, нам все было нипочем: и бедность, и трудности работы и жизни. Мы были патриотами, в армию служить шли с охотой — сейчас я бы в армию не пошел... Когда я встречаюсь или переписываюсь с Георгием Георгиевичем Рукоосуевым (живет в Твери), Гемпом Никитовичем Александровым (Озеро Белое), Анатолием Алексеевичем Кадяевым (Нижний Новгород), Павлом Николаевичем Лапинским (Красноярск), мы вспоминаем Норильск, службу в армии — в прошлом мы черпаем силы.





*Инна Воздаева. 1952 г.*

1. Прежде чем заполнять анкету, необходимо ознакомиться с вопросами для правильного ответа на них.
2. Ответы писать подробно, четко и разборчиво, прочерки делать не разрешается.
3. На вопросы, не предусмотренные анкетой, но имеющие существенное значение, лицо, заполняющее анкету, должно обязательно ответить в конце анкеты.
4. Анкета заполняется только ЛИЧНО.
5. В тексте ответов указываются также смыслы на подтверждающие документы, если таковые имеются.

# АНКЕТА

## СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ РАБОТНИКА МВД

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
а) О себе	
1. Фамилия, имя и отчество	Воздаев Иван Николаевич
2. Когда и где изменял фамилию или имя и отчество, перечислить их и указать причины изменения	Фамилии имя и отчество не менял и нигде не изменял
3. Год, месяц и число рождения	1910 г. Января 12
4. Место рождения (село, деревня, город, район, область, по их названию в год рождения). В скобках указывается место рождения по новому наименованию и административному делению	Т. Масс

**Инна Воздаева-Шубина:**

«...как будто окунулась в атмосферу подозрительности, враждебности и доносов...»



*Семья Вождаевых: Бетти Григорьевна, Иван Николаевич  
и их дети — Инна, Николай и Лев. 1962 г.*

Нашу семью уговорил поехать в Норильск (за длинным рублем на пару лет!) бывший начальник отца. Они встретились в Москве, где мы тогда жили. Путь в Заполярье лежал через Красноярск, где родились мама, я и брат. Здесь родственники, пугая нас страшным Севером, пытались отговорить от поездки, но, поняв бесполезность уговоров, проводили нас в дорогу по Енисею.

В августе 1939 года наша семья добралась до Норильска. Отца приняли на работу мастером в Сталинконструкцию при Норильскстрое, затем его перевели в контору металлоконструкции Норильского комбината. Сохранилась «Анкета специального назначения работника МВД», которую заполнил мой отец. Она содержит 52 вопроса, касающиеся абсолютно всех сторон жизни не только поступающего на работу, но и его родственников. Анкета — яркое свидетельство страшного времени, в которое довелось жить моим родителям.

В анкете эпиграфом сверху располагаются пункты рекомендаций по ее заполнению: писать подробно, четко и разборчиво, пропуски не разрешаются; на вопросы, не предусмотренные анкетой, но имеющие существенное значение, надлежало обязательно ответить в конце анкеты; она заполняется только лично; ссылки на подтверждающие документы обязательны.

Человек должен написать о себе буквально все, не только год и место рождения, социальное и семейное положение, партийность. Поступающий на Норильский комбинат обязан был сообщить, колебался ли он в проведении линии партии, состоял ли в других партиях, каких именно, с какого времени по какое, где и когда принимал участие в революционном движении до Октябрьской революции (и чем все это подтверждается)... Надо указать: если был под судом, где, кем

и за что осужден, на какой срок и где отбывал наказание; если судимость снята, привести подтверждение документами; если лишали голоса, то когда и за что; если был за границей, то по какой причине уехал и возвратился; если имеются родственники за границей, сообщить о них все подробности и продолжается ли с ними связь.

Интересно перечисление пунктов в главе образование: «а) общее, б) специальное, в) партийное, г) военное, д) чекистское». Отдельной строкой идет основная специальность. Мой отец Иван Николаевич Вожадаев чаще всего писал: не был, не имею, не лишился, не состоял... Он сообщал, что не вступал (ни по призыву, ни добровольно или по партийной, профсоюзной и прочей мобилизации) в Красную Армию и ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД, не находился на территории, занятой белыми в период гражданской войны, и на оккупированной врагом территории, в белых и иностранных армиях не служил, как и в старой армии, в плену и окружении не был...

И это еще не все! Все то же самое во всех подробностях надо было сообщить обо всех родных — правда, здесь добавляется кое-что, например: следует указать, чем семья занималась до революции и не применяла ли она наемную рабочую силу, каков источник ее существования, служил ли кто в полиции и охранке, был ли раскулачен или досрочно уволен из органов войск НКВД–МВД–РККА. Последний, 52-й вопрос такой: «Что еще желаете сообщить о себе, жене, родителях и родственниках?» Отец расписался в анкете 15 апреля 1950 года после слов: «За дачу ложных и неправильных сведений, требуемых анкетой, я предупрежден об ответственности».

Я прочитала анкету и как будто окунулась в атмосферу подозрительности, враждебности и доносов... А ведь после революции уже минул не один десяток лет... Страшно было жить моим родителям... Единственная польза для меня от анкеты оказалась в том,



что здесь я нашла все данные о своих родственниках со стороны матери и отца — здесь официально зафиксирована наша родословная...

Такую анкету заполняли все, кто работал на комбинате, — ведь он был приписан к МВД СССР, и только в апреле 1953 года Норильский комбинат был передан Министерству металлургической промышленности, а потом Минцветмету.

...Нас поселили в одноэтажном деревянном доме в Соцгороде, недалеко от автобазы. В комнате размещалось три семьи. Запомнилось, как с потолка капала вода при таянии снега, и отец сделал над нашими кроватями полог из фанеры. Через некоторое время нам выделили отдельную комнату в этом же доме.

Меня с братом устроили в детский сад, который находился в противоположной стороне тогда еще поселка Норильска. Мама пошла на работу в автобазу нормировщицей. Пользуясь «служебным положением», поручала водителю автобуса довести нас до детского сада. Однажды он высадил нас, а детский сад был закрыт («активированный день»). Нас, плачущих и замерзших, добрые люди отправили домой.



*Седьмой класс школы № 1*

Со школой повезло больше. Наш сосед по дому Левицкий имел закрепленный транспорт — лошадь. Нас, детей, сажали в розвальни, сверху закрывали тулупом и так везли до школы — первой деревянной и единственной школы. Зато потом, когда школу построили в Соцгороде, мы ходили туда пешком каких-то пять минут. Позже открыли школу в Горстрое — доучивалась в ней. Так и путешествовали все 10 лет вместе с первой школой!

Из больших школьных событий мне запомнился выпускной вечер, на котором присутствовал сам директор комбината В.С. Зверев, — может быть, потому, что в нашем классе учились дети руководителей комбината и известных людей города — Дагмара Береснева, Ольга Анисимова, Милада Зенгер, Виктор Родионов. Однажды случилось и чрезвычайное событие в нашей школе — вымерз наш зимний сад. Он был большой гордостью города. Любили бывать в нем и очень радовались живым растениям, цветам. Уроки ботаники проводились там. И вот однажды дежурившая ночью уборщица в приступе болезни открыла в мороз окна, и сад замерз.

Мы часто вспоминаем, как ели сухие овощи, — с удивлением смотрели, как увеличивается в объеме, «растет» сухая капуста, замоченная в воде. Иногда мама с порога квартиры радостно говорила, что купила нам очень вкусные ириски, и тут же нам их давала. Это вызывало некоторое подозрение: перед обедом и вдруг — конфеты! Это был гематоген. Очень мы не любили рыбий жир, хвойный «квас» и «перец» — порошок железа. А сколько хлопот требовалось для того, чтобы младший брат Коля выпил молоко?! Он родился в 1945 году, молоко ему выписывали, но оно то замерзало в дороге, то его не сумели довести до места... Нянчиться с братом к нам приехала папина мама. Бабушка была верующим человеком, у нее была незнакомая нам книга — Библия. Иногда она нам ее читала — мы слушали с интересом. Все это было без насилия, естественно, и потому родители не препятствовали знакомству с Библией.

Бабушку Александру Павловну очень любили все наши друзья. Когда родители собирались компанией у кого-нибудь, всех детей приводили к нам, особенно отличались резвостью и непослушанием Алла Сафронов (по кличке Сорванец) и Саша Звягинцев. Но бабушка умела найти подход к каждому из нас. Помню, как-то бабушку возили в гости к нашему родственнику В.А. Пузыреву, работавшему заведующим «Красным чумом» в поселке оленеводов, недалеко от Норильска. А однажды он сам приезжал к нам на оленях — все окрестные ребята сбежались посмотреть на чудо тундры.

Иногда отец уезжал в тревожные командировки в Дудинку. Прибывал очередной этап заключенных, отец набирал из них сварщиков. Тут важно было из разговоров с эками понять, что они умеют, и при этом не обидеть их. Бывало, что переговоры кончались трагически. После войны мы стали выезжать на материк к родственникам в Москву, Красноярск, Алма-Ату. Соседи, сослуживцы давали родителям списки поручений, и мы везли для них из отпуска одежду, обувь,



*Борис Лисюк (слева) и Виктор Родионов. 1951 г.*

много лука и чеснока. Все вольнонаемные помогали заключенным как могли, подкармливали их. У нас дома бывали уже освободившиеся з/к. Помню, в изучении истории мне помогал Андрей Сергеевич Раев, бывший преподаватель военной академии. Наша семья дружила с семьями Сафронец, Звягинцевых, Королевых, Фетисенко, Денцель — эта дружба сохранилась до последних дней жизни родителей.

Сергей Иванович Королев, когда был студентом Ярославского института, однажды на лыжной прогулке на снегу написал четверостишие запрещенного тогда поэта Сергея Есенина. Этого было достаточно, чтобы оказаться в Норильлаге. Галина Львовна и Иван Петрович Звягинцевы приехали в Норильск в 1943 году из Казахстана, где отбывали срок по политической статье, — там они познакомились и поженились. О драматических поворотах семейной жизни супругов Сафронец, Кронфельд в нашей книге уже рассказали Гретта Ольховская и Альбина Брилева. Всегда приятно было видеть влюбленных друг в друга Марию Никифоровну и Михаила Львовича Крон-



*Женская половина семей (слева направо): Кронфельд, Сафронец, Звягинцева, Вожаева, Пузырева. 1952 г.*

фельд. У них у первых появился внук Андрюша, в воспитании которого хотели участвовать все.

...В 1952 году я окончила школу и, как большинство выпускников, уехала в Москву и поступила в Московский текстильный институт. В столице мы, одноклассники, продолжали встречаться, хотя поступили в разные вузы. В 2002 году мы отметили 50-летие нашей «золотой дружбы» — полвека назад мы окончили первую Норильскую школу...

Мои родители уехали из Норильска в 1961 году, но, несмотря на расставание с Заполярьем, мы не теряли интереса к городу, ставшему для нас родным. Когда в 1975 году наш родственник В.В. Мартынов, зам. министра цветной металлургии, поехал в командировку в Норильск, мы с нетерпением ждали его возвращения, чтобы послушать, какое впечатление на него произвел наш любимый Норильск, и вполне были удовлетворены его восторженным рассказом.



*Представители Министерства цветной металлургии в Норильске.  
Первый слева направо — В.В. Мартынов, второй — директор  
Норильского комбината Н.П. Машьянов*

Как много воды утекло с тех пор! Но мы, дети тех, кто в трудные годы работал на комбинате, продолжаем переписываться, встречаться. Из г. Владимира ко мне приезжала дочь Сергея Ивановича Королева Лариса, мы дружим с племянниками Сергея Ивановича Николаем Бычковым и Авениром Пикузовым. С.И. Королев последние годы жизни работал в Минхимпроме, похоронен рядом со своим лучшим другом А.Н. Мансуровым.

Лариса привезла мне дневники Сергея Ивановича. Это две пожелтевшие от времени тетрадки. На уголке страницы одной из них он нарисовал головы животных, деревья и написал «Дневник охотника».



С.И. Королев

25 января 1946.  
За декабрь ушел 11 курятник.  
Получил отказ в приеме в службу. Как же  
справиться! Ничего же хочется делать. Если бы не В.  
то и пенсия была бы совсем мала, да и не хотелось  
бы пенсия такая пенсия. Что делать? Никакого  
пробега! Единственное - и - стремление отдавать  
своей семье. В. лечит больного после операции  
(аппендицит). Наверное ее можно возмочить.  
Какая она хорошая! От нее мне очень  
справить, ее можно совершенно не беспокоить  
она все поймет, поймет меня так как  
нужно понять.  
2 янв. 1946.  
Вчера в семье В. операция была пог. Опер.  
31-е выписка с операции. Чувствует себя

Дневник семьи  
1946.  
Нарисовка

Дневник С.И. Королева



1974 год». На другой тетрадке заголовок «Осенне-зимний сезон, 1945 год, Норильск». Открыла подклеенную тетрадь с конца и сразу наткнулась на такие заповеди:

«1. Если тебя хоть один раз человек спровоцировал, постарайся с ним никогда не иметь дела.

2. Не радуйся несчастьем даже твоего врага.

3. Внимание и понимание — два разных понятия.

4. Лстеца не допускай быть помощником.

5. Провокатор и лстец стоят один другого.»

Далее стоит цифра «6», а записи нет. Список проверенных жизнью заповедей явно не закончен.

В декабре 1945 года Сергею Ивановичу Королеву отказали в снятии судимости. Я знала это и взяла дневник с особым волнением: написал он что об этом? Тетрадку он начал 3 сентября. Охотничьи истории, описание погоды и пейзажей Заполярья... Интересно пишет Сергей Иванович. А 24 сентября он чуть не



*Семейство Королевых: бабушка Александра (в очках), ее дочь Инна Николаевна, ее муж Сергей Иванович и их дети Лариса и Александр. 1955 г.*

погиб. В дождь один в лодке отправился вниз по Норилке. Проплыл около часа, как неожиданно начался сильный шторм.

«Белые гребни кипящих волн начали швырять и заливать мою шлюпочку. Почувствовал, что без купания не обойтись. Привязал к уключине ружье, вещевой мешок и поплыл дальше... Как будто вода кипит в колоссальном котле, сразу залило шлюпку. Я прыгаю с нее в воду, глубина по грудь. Держу лодку. Ветер, страшный ветер и сильное течение перебарывают меня. Течение тащит вниз, и вот обрыв! Дно из-под ног уходит, плыву, держась за лодку. Перекат остался позади. Снова громадные волны — как они больно били меня об лодку! Но снова коса! Я снова на ногах, на этот раз волна помогла мне — выбросила меня и лодочку на берег».

Дальше Сергей Иванович описывает, как он промерз, хотя в воде был минут 10–12. Напомню, был конец сентября, шел дождь, но вряд ли в эту пору в Заполярье погода и вода были теплее нескольких градусов выше нуля... «Брезент унесло. Мое счастье, когда набивал мешок, на бекон положил в тряпочку завернутые 3 коробки спичек, а сверху коленом утрамбовал хлеб. В результате спички вдавились в хлеб и остались сухими. ...Развел большой костер. Да и, к счастью, дождь кончился...» И ни слова о собственном страхе или каких-то опасениях, что с охоты он, одиночка, вполне мог не вернуться, как это случалось с другими не раз и не два... Свои эмоции он выдал только в начале фразой: «Ну и попал же я» и концовкой: «Как я не напишу имя той, о которой думаю в самую критическую минуту жизни... Помимо мыслей, как выбраться из стихии, мелькнуло: неужели я больше не увижу ее?»

С той охоты С.И. Королев привез 6 уток и нельму в 4 кг — на новоселье. И вот наконец нахожу запись: «25 декабря 45 г. За декабрь убил 11 куропадок. Получил отказ о снятии судимости. Как несправедливо! Ничего не хочется делать. Если бы не И., то



жизнь была бы слишком мрачной, да и не хотелось бы жить такой жизнью. Что впереди? Никакого просвета! Единственное — это И. и стремление обзавестись семьей. И. лежит больная после операции (аппендицит). Навещаю ее по мере возможности. Какая она хорошая, от нее мне нечего скрывать, ее можно совершенно не стесняться — она все поймет, поймет меня так, как нужно понять. 2 января 1946 г. Вчера в семье И. справляли Новый год. Она 31-го вернулась после операции. Чувствует себя хорошо. Вчера не убил ни одной куропатки...»

Размечтался об И. охотник Королев, потому, наверное, и вернулся без добычи... И. — это Инна Николаевна, ставшая женой Сергея Ивановича, его надежный друг, теплая женщина, не всегда здоровая (в Норильске получила инвалидность), она мужественно переносила и свои недуги, и тяготы жизни, умело вела домашнее хозяйство, растила детей, потом внуков...

Читаю дневник дальше... «50 год был самым плохим для охоты и хорошим в области рыбалки. В моей жизни тяжелее времени второй половины 50-х еще никогда не было». Я хорошо помню это время — тогда по второму разу стали сажать тех, кто уже раньше имел срок заключения. Тогда многие старались избежать этого, покинув Норильск. Мансуров уехал куда-то на Оку, Грамп — под Красноярск, а Королев спрятался в Апатитах... А ведь он тогда занимал высокую должность — возглавлял отдел труда и заработной платы комбината. Вот что тогда он написал в своем дневнике:

«Ведь кто лучше меня в Норильске знает труд и нормирование его — никто! И можно ли человека, знающего и отдающего все работе, только за то, что он был когда-то судим — причем судим за чепуху, за которую и судить-то нельзя (ну допустим, что он даже был виноват, так ведь прошло уже 10 лет, как его освободили, ему, заключенному, доверяли руководство отделом, в течение 9,5 лет после освобождения тоже доверяли, перед ним извинялись за пропуск в списке



*Серебряная свадьба Вожадаевых.  
Зимой 1958 г. в Норильске уже были в продаже свежие яблоки*



*Они все учились в первой норильской школе. Первый ряд слева направо:  
О. Анисимова, И. Вожадаева-Шубина, И. Домарева-Ганишкевич, Ю. Захаров.  
Второй ряд: Б. Лисюк, М. Борун-Коротаева, И. Евзерова-Качурина. Апрель, 2002 г.*

награжденных правительством), и вдруг — когда знают все цену человеку, говорят: «Мы, сам понимаешь, ничего не можем сделать, такое указание Москвы». Черт знает что такое...

Допустим, что даже по заслугам посадили человека, суд дал ему срок, он этот срок отбыл. Неужели после этого, какой бы человек ни был, без разбору он становится, в понятии Москвы, врагом... Врагом, именно врагом, которому доверять нельзя. Значит, меня, того, кто в 26 году сколачивал в деревне комсомол, да какой хороший комсомол, кто первый организовал колхоз «Красный пахарь», кто был в 18 лет зам. пред. горсовета, кого воспитала [далее идет жирно зачеркнутое слово]. Эх, как все прескверно! Что делается? ...Темно... Как темно...»

Следующую запись Сергей Иванович Королев сделал 19 декабря 1951 года: «Я уже более трех месяцев как в Апатитах. Как хорошо, что мне удалось выбраться из Норильска. Здесь в тысячи раз лучше — меньше антагонизма, в неисчислимое количество раз... Я дышу здесь более или менее свободно... Хочется верить, что перегиб в Норильске есть дело рук его руководителей. ...Мне так тяжело было познавать творимое в Норильске... Я уже скоро вновь уверю в то, что раньше никогда не вызывало во мне сомнений».

Когда я вспоминаю Сергея Ивановича Королева, своих родителей, их друзей, я понимаю, как судьба была к ним несправедлива. И все же они, люди сильного характера и духа, не сгибались от невзгод и прожили жизнь достойно. Так и хочется закончить словами Сергея Ивановича из дневника, где он описывает приметы погоды на завтра: днем облака высокие и барашками, ночью небосвод высоко, а горизонт близко — завтра хорошая погода... Как хочется, чтобы политическая погода всегда была хорошей в нашей стране.





*Нина Петровна Всесвятская*



**Нина Всесвятская:**

*«...с Владимиром Николаевичем я прожила красивую долгую жизнь» .*



*Школьница Нина Ушакова, в замужестве Всевятская.  
Это любимая фотография В.Н. Всевятского*

**И**стория страны — это моя биография, ведь я родилась в 1917 году.

Наша семья имеет глубокие московские корни. Меня крестили в Богоявленской церкви. Когда мне исполнилось 3 года, умерла мама. Шла война, отец воевал. Мы с сестрой остались сиротами. Через какое-то время, не найдя родственников (время-то какое было!), нас определили в детский дом. Когда мы с сестрой Таней уже сидели в телеге, во дворе нашего дома начался переполох: двоюродная сестра отца увидела нас, заплакала... Опоздай она минут на десять, кто знает, нашла бы она нас позже? Самое удивительное, что о смерти мамы ее никто не известил, просто Анне Прохоровне приснился сон. Будто Петр, наш отец, явился к ней в черной рубашке и сказал: «Анюта, воспитай моих девочек». Она проснулась со словами: «Мурка умерла» — и тут же собралась в дорогу. Муркой все звали маму Марину Яковлевну. В нашей семье все видят вещие сны, и мы всегда им верим...

В Москву с Украины возвращались с опасными приключениями, о которых тетка так и не рассказала мне. В память об этом путешествии остались только шрамы на моем теле. Анну Прохоровну я стала звать мамой, она и была мне самым близким человеком всю жизнь. Мои тетки были образованными людьми. Одна из них — Евдокия Прохоровна дружила с дочерью Александра Николаевича Рахманова, гинеколога, имевшего частный роддом. У него был огромный кабинет в Свечковом переулке. Софья Алексеевна продолжала дело своего мужа после его смерти, потом передала роддом новой власти и добровольно, когда объявили об уплотнении жилья богатых людей, вселила в 12 комнат бедных людей. Нам она предложила кабинет мужа. Он был рядом с ее комнатами, она специально никогда не запирала их — боялась ареста — и нас предупредила об этом. И, действительно,

однажды за ней приехал «черный ворон». К счастью, через два дня ее отпустили с извинениями, и мы снова с удовольствием общались с дамой, чьи изысканные манеры, красивые платья и удивительный парик восхищали нас.

Как-то, уж не помню, в каком году, я смотрела по телевизору передачу о Крупской, показали роддом № 6, потому что он носил ее имя. Я так разволновалась от такой несправедливости, что позвонила с возмущением: а знают ли они, что роддом построен на деньги Софьи Алексеевны Абрикосовой-Рахмановой? А ее муж Александр Николаевич изобрел специальное кресло — на нем, наверное, и сегодня рожают? А в общем, ко мне очень быстро приехали из роддома, еще раз выслушали, а я подарила им фотографию красавицы Софьи Алексеевны с дарственной надписью — ее повесили со снимком мужа в фойе больницы.

С Красной Пресни мы переехали жить в дом Софьи Алексеевны. Когда с фронта вернулся отец, в большой комнате мы поставили тряпичную перегородку, за которой он поселился с новой женой. Папа все годы на наше содержание давал 30 рублей, когда я выросла, устроил меня на работу в бухгалтерию ГУМа. Я поступила учиться в частный комбинат иностранных языков, за учебу платила 12 процентов своей зарплаты. Отучившись пять с половиной лет, поступила на службу в Нефтепроводсклад. Вот здесь я и познакомилась с Владимиром Николаевичем Всесвятским, который и составил счастье моей жизни.

Мы познакомились на вечере, посвященном Пушкину. Владимир тоже работал в Нефтепроводскладе. Он пел под аккомпанемент своей мамы и произвел на меня очень сильное впечатление. А за мной всерьез ухаживал скрипач, против которого сразу настроилась мама. Она так любила меня, так беспокоилась за мое будущее, что решила спросить совета у предсказательницы, слепой монахини. Отправилась к ней в монастырь и услышала, что мне



уготован высокий-высокий человек, с которым проживу красивую долгую жизнь, а про сестру сказала странные слова, что ее жених пока несвободен, но они поженятся, когда он освободится... Так все и случилось: муж моей сестры позже был репрессирован, потом реабилитирован.

...С большой благодарностью я вспоминаю Михаила Михайловича Царевского.

Владимир Николаевич Всесвятский получил направление в Мончегорск. Михаил Михайлович распорядился, чтобы мы ехали к новому месту работы в красном вагоне, его еще называли царским или международным. «Считайте, что это свадебное путешествие», — сказал Царевский. Комфорт и настроение праздника в пути запомнили на всю жизнь! А когда Михаил Михайлович увидел, как в мороз муж добирался до работы на мотоцикле в легких ботинках, распорядился немедленно выдать валенки молодому специалисту.



*Супруги Всесвятские. 1938 г.*

Мы появились в Мончегорске за два месяца до пуска первоочередных объектов комбината, так что Владимир сразу окунулся в работу. С утра мы расходились по делам: он — на стройку, я — в бухгалтерию.

Сначала мы жили в гостинице, в комнате на три семьи, перегородженной простынями. И представьте — ладили. Даже подружились! А как мы были счастливы, когда нам дали малюсенькую, но отдельную (свою!) комнату!

Работали много, бывало, мужа не видела по два три дня. Но молодость брала свое, мы все же находили время для пения в клубах, я старостой хора была. Михаил Михайлович Царевский решил сшить для хора форму. Меня выбрали моделью и в мастерской заказали на меня темно-синее платье с красивым воротником. Принимал работу Михаил Михайлович. Я покрутилась перед ним, и он распорядился для женс-



*Нина Петровна  
Всесвятская.  
1942 г.*

кой половины хора сшить платья синего и вишневого цвета. В красивых нарядах на смотре в Кировске мы заняли первое место.

А потом грянула война. Мы были в это время в Москве. Помню, идем по Сретенке, одна мысль в голове: что теперь делать? В Мончегорск возвращаться? «Был бы Царевский, — сказал Владимир, — подсказал бы...» И тут, как по заказу, дверь аптеки открывается — и навстречу нам Михаил Михайлович! Он велел Всесвятскому возвратиться на комбинат в Мончегорск, а мне остаться в Москве: «Жизнь покажет, что дальше делать...»

Мончегорский комбинат первым попал в прифронтовую зону — его эвакуировали на юг. Конечный пункт — Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат. По дороге выяснилось, что три дня эшелоны простоят под Москвой, и тогда Владимир Николаевич оставил эшелон на политрука и приехал к нам в Большой Казенный переулок. Меня дома не было, а когда пришла, мне сюрприз мама приготовила: спрятала Володю в шкаф и явила его как фокус. Он пробыл у нас до утра, договорились телеграммами обмениваться, а потом я отправилась к мужу в Тырныауз.

Спустя год после эвакуации из Мончегорска Всесвятскому пришлось пережить ее вторично — немцы пришли на Кавказ. Сначала через перевал Бечо отправили жен и детей работников комбината. Мы прошли какую-то часть пути, и кончились канаты. «Давайте, пока не поздно, я вернусь на комбинат к мужу, он даст канаты», — предложила я руководившему переходом через перевал Александру Юрьевичу Даганскому. Не сразу, но он согласился. Я рвалась к мужу через проходную, не зная, что через десять минут будут взрывать комбинат. Как на меня орал муж, рассказывать не буду, но он успел распорядиться, и я уехала на грузовике с канатами. Так я с последней группой ушла из Тырныауза через перевал.

Больше 16 кг с собой не брать — такой нам дали приказ. Я положила в рюкзак семь слоников на счастье, крендель, юбку, две кофты себе и тапки для Володи. Кто поступил практичнее меня, все равно потом выбросили вещи в дороге. Сваны и альпинисты повели нас через горы, карабкались с их помощью как могли... Не покидал страх — сейчас упадем и разобьемся... Силы несколько раз оставляли меня, но кто-нибудь помогал мне, и я снова карабкалась, борясь за собственную жизнь... Когда опасные тропы остались позади и мы остановились на отдых, со мной случилась истерика: я два часа смеялась в ужасном приступе и только потом уснула...

После того как комбинат взорвали, муж ушел в армию. Но очень скоро его отозвали в Красноярск — работать для фронта тоже было необходимо. Здесь он стал меня искать и чудом нашел! Но по дороге в Норильск я пережила неприятное приключение. Путь был голодным, вшивым — я больше никогда и нигде не видела столько мерзких насекомых. Обрадовалась, когда на пароходе увидела знакомого — Володю Егорова. Он тоже работал на Мончегорском комбинате, приехал в Тырныауз с группой студентов из Ленинграда. Как все тогда, голодал. Мы с ним подружились, он приходил к нам с Володей в нашу экзотическую комнату (мы жили в бывшем туалете, где основательно заделали «очко»). Я варила кашу из мамалыги и всегда старалась покормить Володю.

А на пароходе пришлось ему кормить меня. Вот почему это случилось. Нечаянно я увидела, как один человек на груди прячет сотенные бумаги. Нина Семенова, еще одна знакомая, подошла ко мне и по секрету сказала, что слышала, будто меня из-за этого за борт хотят выбросить, посоветовала спрятаться. Вот тогда-то Владимир Егоров (будущий лауреат Ленинской премии) и спрятал меня под ногами, кормил, как собачку. Только ночью я бегала в туалет. Так продолжалось неделю, пока не добрались до Дудинки.

В Норильске меня определили на работу в бухгалтерию. Все время беспокоилась о Володе: прошел слух, что он без вести пропал, и вдруг телеграмма: 8 марта буду! Побегала в комбинат с радостной вестью и вопросом: где жить будем? Начинали с кабинета Всесвятского. В доме топили по-черному, спали на рабочем столе. Просыпались черными от сажи... Потом нам дали комнату — туда частенько приходил к нам Владимир Егоров, нередко мы оставляли его ночевать.

Володю сразу назначили главным инженером Спецстроя, мы получили литерную карточку, по которой получали американские товары (я в котиковой шубе ходила) и продукты — даже какао и шоколад. В магазине-то мало что можно было купить, в основном все распределяли.



*Нина Петровна  
Всесвятская.  
1949 г.*

В Норильске, куда ни глянешь, стояли вышки с часовыми, идешь с работы или на работу — ведут колонны заключенных. Многие из них работали рядом — по образованию они были много выше меня. В те годы с заключенными разговаривать не полагалось, только по делу. А мы с Владимиром со многими из них дружили. Я стирала на них — у меня часто в больших баках белье кипело. Друзья приходили к нам мыться, я кормила их. Один из них, Константин Иванович Куликов, стал крестным моей дочери Тани. До ареста он был комиссаром в Польше, секретарем парторганизации ЗИЛа. Довелось ему работать с Ниной Петровной Хрущевой. Ее телеграмма в адрес Куликова много шума в Норильске наделала: не зная его адреса, она все же поздравила его с реабилитацией. Евгений Иосифович Жигалин сидел как китайский шпион, и все потому, что отец его строил туннель в Китай, а сам Евгений работал на КВЖД. Его обожала вся наша семья, особенно дочери Таня и Оля. А уж какой он был мне помощник! Все умел — и рыбу пожарить, и пельмени на лепить. Он часто оставался у нас ночевать. А когда однажды у нас мылся Николай Борисович Васильев (он широко был потом известен как директор знаменитой музыкальной школы в Норильске; а как мы пели с ним!), в дверь постучали: «Обход! Проверка документов!» Муж дверь не открыл: «К депутату с обходом не положено!»

А мы успокоиться не могли, поняли, что кто-то донес, да так скоро — Васильев только в ванную зашел. И в КГБ Володю вызвали, чтобы ответил на вопрос, кто из з/к бывает у нас. Володя даже спрашивал у одного работника КГБ, душевного человека, кто же стучит на него. И получил ответ: «Да ты каждую ночь с ним локтем чокаешься!» Мы поняли: наш сосед Ермилов! Много позже его племянница (в санатории вместе отдыхали) говорила мне, что ее дядя очень переживал о том, что его заставляли докладывать о соседях... А я за мужа простить его не могла.

А как мне жаль было Елизавету Драбкину (секретаря Свердлова, она у Ленина жила) — ее в лагере так били, что она оглохла. Я с ней работала, она была юристом. Трубочкой сворачивала газету, прикладывала к уху и так разговаривала. Драбкина очень хорошо вышивала, шила — этим и зарабатывала. Елизавета Яковлевна всегда красивой косой укладывала волосы и элегантно одевалась. У нас сохранилась ее книга с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Владимиру Николаевичу Всесвятскому от автора — одному из людей, который в тяжелые для меня дни проявил высокое благородство, без которого многие из таких, как я, не вернулись бы к жизни. Москва, октябрь 1959 г.».

Книга Е. Драбкиной называется «Черным по белому», ее тема: современный капитализм в рисунках зарубежных художников. Сегодня я листаю эту книгу, и в мыслях моих смятение: как она могла издать ее после всего, что пережила в своей стране? Вот она приводит слова известного американского промышленника Т. Куина о крупном капитале: «Всякий раз, как этот слон ставит на землю ногу, он убивает сотни и сеет страх и панику среди тысяч». А ведь она знала о нашем СЛОНе — Соловецком лагере особого назначения, многие его узники потом попали в Норильск. Уж он-то убивал не сотни, а сотни тысяч, и, к сожалению, таких лагерей во времена репрессий было так много, что и сегодня мы не знаем их числа... Читая книгу Е. Драбкиной, изданную всего через 6 лет после смерти Сталина, я понимаю, что по-другому она и не могла выразить себя. А вот ее заголовки многого стоят: «Как хорошие слова становятся обманом», «На капиталистической каторге», «Мясорубка человеческих жизней», «Очная ставка», «Иллюзии и действительность», «Голод, который терзает внутренности», «Эксплуатация», «Сверхэксплуатация», «Сверхсверхэксплуатация»... Это все, по-моему, она писала о своей стране, а не о капиталистической. Интересно, были ли у нее записки о пережитом в Норильске?..



С добрыми чувствами я вспоминаю многих з/к, безвинно пострадавших людей. Бухгалтер Федор Кузнецов дружил и с нами, и с В.Н. Ксинтарисом. Когда они сдавали балансы, после работы так пели — заслушаешься! «А не громко ли мы распелись?» — бывало, спросят они и потом по нашей просьбе тихонько исполнят «Синий платочек». А какое взаимное уважение у нас было к доктору Илье Захаровичу Шишину — ему доверяли, как себе!

А сам Владимир дважды, если не больше, оказывался на грани ареста. Во-первых, ему не могли простить его происхождения: его отец доктор Николай Васильевич Всесвятский построил в Угодском Заводе больницу и безвозмездно передал ее Малоярославскому уездному земству; во-вторых, доброжелателен был к политическим; в-третьих, однажды сказал фразу, которую превратно истолковали: «Ты спрячь на будущее эти два миллиона...» Сэкономленная в смете сумма должна была пойти на другие работы, а к нему пришли с обыском: искали эти миллионы.



*Супруги Всесвятские в «Таежном»*



Мой муж был совсем не похож на начальника — чем бы ни занимался, с кем бы ни общался, всегда оставался человеком добрым, но принципиальным. Его трудовой стаж начался с 1933 года, а последнюю запись в трудовой сделали 08.08.1988 года в связи с уходом на пенсию с должности начальника Московской конторы Норильского комбината. Провожали его торжественно и очень тепло. И вот когда слово предоставили Владимиру Николаевичу, он сказал: «Сегодня я не стоял бы здесь и не добился бы того, чего достиг, если бы не один человек... Кошка, иди сюда!» — вдруг услышала я и пошла автоматически к нему. Многие норильчане знали, что Кошкой звали меня, даже секретарю говорил: «Соедините с Кошкой», а я отвечала ему: «Кошка на проводе...» У нас в семье все были «животными»: мужа нарекла Псом, дочь Таня, и правда, была боевым Петушком, Оля — Зайчиком, имена соответствовали характеру каждого...

Перед всеми Владимир Николаевич стал передо мной на колени, поцеловал руку, что-то еще говорил... Я помню и его иронические слова: «А теперь, Кошка, на место!» — и аплодисменты людей... Сколько было случаев в нашей жизни, когда он удивлял и восхищал меня как мужчина... Например, история, связанная с пуском деревянного водовода в 1949 году.

Декабрь выдался морозным. Прибежал ко мне Тишка, шофер Всесвятского: «Пусть начальник убьет меня, если останется жив, но я скажу вам...» Оказывается, в мороз мой двухметровый муж и еще двое, Глазко и Разумовский, полезли в трубу, чтобы дать команду на пуск холодной воды. Я схватила одежду, сапоги, бутылку водки и собралась надеть шубу... Тишка возразил, сказал, чтобы незаметно оделась — бушлат, ватные брюки, платок. Помчались мы на мотоцикле, остановились в сторонке. Слышу В.С. Зверев спрашивает: «Откуда эта зэчка взялась?» Отвернулась — он не подошел к нам. Все ждут, когда из трубы вылезут трое... Вода первым вытолкнула Владимира голыми ногами вперед! Я — к нему. На свой страх! Сую пор-

тянки, водку... Господи, живой! А муж мне: «Откуда ты здесь?!» Я ему: «Одевайся скорей, дома будем разговаривать!» Даже валенки ему замотала портянками. Его-то валенки, оказывается, примерзли к трубе. Дома он заснул как убитый, спал двое суток! А мы все это время гуляли и пили за его здоровье...

Позже в музее мы встретились с Владимиром Степановичем Зверевым. Он вспомнил пуск деревянного водовода и сказал мне: «Вот какую жену Всесвятский выбрал», погладив мое плечо. Я вообще-то с директорами комбината не общалась (ранг не позволял), но эти его слова запомнила. Однажды А.П. Завенягина видела в ДИТРе, мы с мужем были у директора, когда зашел туда Авраамий Павлович. Мы с Владимиром готовились петь на концерте. Завенягин, поздоровавшись, взял меня за обе руки и сказал, что он за само-



*Нина Петровна Всесвятская. 2002 г.*

деятельность, что муж мой так хорошо поет и очень жаль, что уезжает: «Послушал бы и вас обязательно». Он остался в моей памяти приятным человеком.

Вспоминаю мою долгую жизнь — сколько пережито... Бывало, в нашем доме телефон не умолкал и ночью, а то и вовсе штаб был — здесь и работали, и обедали, и спали... Работали много, иногда на пределе. В 1953 году у Володи был первый инфаркт. Было все — и горести, и радости... Права была все-таки гадалка из монастыря: с Владимиром Николаевичем я прожила красивую долгую жизнь.





*Лариса Григорьевна Назарова*



**Лариса Назарова:**

*«Мы, молодые архитекторы,  
не сдавались и свято верили  
лозунгу «Все во имя человека,  
все для блага человека» .*



*Лариса Григорьевна Назарова,  
первый главный архитектор Норильска*

## НАЧАЛО ПУТИ

**Я** родилась в 1923 году и почти половину двадцатого века занималась творческой работой, из них 40 лет посвятила Норильску, участвуя в его создании. В 50-х годах я застала там ГУЛАГ, при мне позже его закрыли, но психология лагеря еще долго жила здесь.

Город построен на вечной мерзлоте. Зимой при одновременном воздействии мороза и ветра почти невозможно пребывание человека на открытом воздухе. Вредно воздействуют на него неравномерное чередование света и тьмы в полярные ночь и день, смещаются все биологические ритмы. Угнетает отсутствие в городе зеленой растительности и свежих витаминных продуктов. Снег лежит до 10 месяцев в году. Часто лето бывает холодным, с дождями и хмурым небом, но одновременно с этим природа покоряет особой красотой: летнее солнце, идущее по кругу вдоль горизонта, необычно четко высвечивает белоснежные горы, окрашенные сиреневым оттенком, а зимой поражает северное сияние, похожее на загадочные покрывала, движущиеся все время и меняющие свои очертания. А красивейшие горы, ущелья, водопады — всего и не перескажешь...

Я полюбила Норильск, проектировала его, вкладывала в него душу. Так прошел двадцатый век, теперь, в новом столетии, хочется вспомнить то, что мне было подарено судьбой как подлинное счастье. Для меня прошедший век был веком созидания.

Март 1950 года. Окончив учебу в институте, я стала инженером-архитектором. Распределением на работу занималась суровая и необыкновенно толстая дама, которая сообщила, что по распоряжению правительства мы должны начинать нашу работу со строек Москвы. Мне выдали направление на должность

десятника в СМУ-4 треста «Передвижка и разборка зданий». В Москве тогда расширялась улица Горького, здания передвигались на особых катках даже без освобождения от жителей. Я пришла в указанную контору. В отделе кадров, изучив мои документы, сказали, что я единственный специалист с высшим образованием, и временно определили меня на должность главного экономиста, ибо срочно нужно было сделать месячный и полугодовой отчеты. Вот здесь-то впервые мне пригодились знания инженерных дисциплин.

С этой работой я лихо справилась, и вдруг пришла новость о реорганизации системы контор. Наконец прислушались к моей просьбе: направили на проектную работу. Я попала в мастерскую № 1 Моспроекта на должность архитектора, которой руководил академик Дмитрий Николаевич Чечулин. Он занимался проектированием высотных зданий. В то же время высотный дом на Котельнической набережной уже был в процессе строительства, а проектная работа шла над высотной гостиницей в Зарядье.

Я попала в группу Владимира Андреевича Чукавина, который встретил меня очень приветливо, посадил за проектный стол с доской, дал задание по вычерчиванию гостиничных номеров на разных этажах. Но вскоре я стала с молодым напором высказывать свое недовольство неинженерной работой, и Владимир Андреевич пересадил меня в среду архитекторов, лицом к большим зеркальным окнам, в которых выставлялись для населения фотографии ТАСС. Забавно было видеть, как прохожие останавливались перед окнами, за которыми были мы, и поправляли прически... Чукавин, видя мое рвение в работе, стал мне давать интересные задания.

Мне поручили запроектировать ресторанный комплекс гостиницы, который встанет посреди двора между высотными зданиями. Я изучила технологию и запроектировала зал для посетителей в круглом помещении, вокруг которого проходил коридор с леп-



ным потолком. Все службы я поместила в подвальном помещении, а зал перекрыла прозрачным куполом. Все это я изобразила на проектных досках, применив для расцвечивания пастель. Все блестело — мраморные колонны отражались в мозаичных. Все, включая Дмитрия Николаевича, хвалили меня.

Выяснилось, что дальше творческой работы не предвидится, и Чукавин по-дружески посоветовал мне перейти в институт рыбной промышленности, где требуется архитектор и где очень опытный руководитель Н.Н. Андриканис, добрый, интеллигентный, воспитанный и талантливый человек. Он принял меня на должность старшего архитектора, и я получила самостоятельное задание. Через несколько месяцев Николай Николаевич перевел меня на должность и.о. руководителя группы и предложил мне стать его соавтором при проектировании рыбного комбината в Ялте. Это было очень лестно для меня, но выполнить эту работу я не успела, так как встретила необычайного человека со сложной судьбой и вышла за него замуж. Мы с Владимиром Полуэктовым поехали в Норильск.

## НОРИЛЬСК 1952 ГОДА

Владимир Евгеньевич Полуэктков был родом из старинной дворянской семьи, за что преследовали родителей, его самого и его братьев. Старшего расстреляли, остальные сидели и позже были реабилитированы. У Владимира был большой опыт строительства Магнитки, других предприятий. В 1942 году его арестовали, когда он приехал домой, — семья его жила за городом. Как выяснилось позже, донос на него написал человек, которому Полуэктков отказал в ремонте квартиры.

Арестанта Полуэктова направили в лагерь под Москвой, где в лесах он строил военный объект. Тут его и увидел А.П. Завенягин, который был знаком с Владимиром по совместной работе на Магнитке. Авраамий Павлович тогда сказал ему: «Направлю тебя в



*Владимир Евгеньевич Полуэктов*

Норильск, это лучше, интереснее будет». У Полуэктова заканчивался срок заключения. Запрос из Норильска шел долго, нескоро Владимир Евгеньевич через тюрьмы по этапу добрался сначала до Красноярска, потом до Дудинки.

А.П. Завенягин что-то явно сказал о муже в соответствующих инстанциях Норильлага, потому что сначала Владимира поселили не в мужском, а в женском лагере — ненадолго. Потом началась другая жизнь — на вольном поселении.

Когда Полуэктов возвращался в Норильск со мной, он побывал в Красноярске на приеме у генерала Панюкова, бывшего директора Норильского комбината. Тот сказал Полуэктову, что в Норильске очень ожесточился режим и Владимира могут куда-нибудь выслать вместе с другими, окончившими срок наказания. Зря он везет с собой жену... Муж пришел очень расстроенный и предложил мне вернуться домой. Я с негодованием отвергла эту мысль и решила с мужем разделить судьбу (в мозгу всплывали образы жен декабристов).

Перед полетом я испытала страх, который многие годы ко мне возвращался перед каждой посадкой

в самолет, каким бы совершенным он ни был. Ил-14 с двумя пропеллерами не отапливался внутри. Летели шесть часов, садились каждые два часа. Первая посадка была в Енисейске, где нам прочитали лекцию, что это бывший главный город енисейского Севера, но я, кроме одноэтажных домиков, ничего не увидела. В полете самолет бросало из стороны в сторону, летели мы низко, нас качало. Единственное, что мне понравилось, — это близость облаков: они были похожи на вату, в которую мы ныряли. Я с восторгом показывала на них Володе, и мы нежничали, прижимаясь лбами друг к другу, — молодожены! За нами наблюдала сидящая сзади пара. Мы познакомились с актерами оперетты, они ехали по приглашению в Норильск. Дун и Крузе стали нашими первыми норильскими знакомыми, с которыми мы впоследствии праздновали все их премьеры и просто веселились.

Мы приехали из апрельской Москвы 1952 года в настоящую зиму. Норильск был рабочим поселком, а на месте будущих городских кварталов шло строительство. Мы жили в поселке, который назывался Аварийным, он состоял из двух улиц — Октябрьской и пересекающей ее Заводской. На Октябрьской улице мы поселились в небольшом четырехквартирном двухэтажном доме. Улицы были завалены снегом, который постоянно вручную расчищали бригады заключенных в черных бушлатах под надзором конвоиров. Кругом были видны заборы из колючей проволоки и вышки охранников. Это был характерный для того времени пейзаж. По улицам водили заключенных утром и вечером в сопровождении вооруженных солдат и собак.

Я была очевидцем показной власти конвоя, когда звучали команды «Стоять! Бежать! Сесть!» в снег и в грязь. Колонна, подчиняясь, поддерживала плечами и руками падающих от усталости.

Вдоль Октябрьской улицы, за линией домов, громоздились самодельные жилые сарайчики, так назы-

ваемые балки, заносимые снегом по самую крышу. Входы в них напоминали норы, ведущие в сугроб. Здесь не было улиц, адресов и номеров построек.

По дорогам бегали черные «воронки» — грузовые машины, обтянутые брезентом с приставной лесенкой у входа. В них перевозили заключенных, а часть их предназначалась и для городского населения. На остановках толпа всегда ждала этот транспорт. Люди набивались в машину до отказа и висели гроздьями у входа. На поворотах пассажиры дружно цеплялись



*Гостиница на улице Октябрьской*



*Горная улица Аварийного поселка*

друг за друга. Я приспособилась не ездить, а либо ходила пешком, либо подсаживалась в проезжающие мимо низенькие саночки (по разрешению возницы), которые везли какой-либо груз. Лошадки были лохматые и красивые. В условиях холода длинная шерсть животным помогала выжить. Позже на улицах стали появляться первые автобусы.

Моя проектная деятельность проходила в отделе промышленных сооружений на Заводской улице, в здании из бруса, построенном для ВОХР очень добротно. Двухэтажное здание состояло из огромных комнат-залов, в которых удобно размещались строительный отдел по проектированию производственных и подсобных зданий, отдел совхозов и подсобного хозяйства, электротехнический, технологический, теплотехнический, отдел генплана и транспорта, другие отделы.

Расскажу о моем первом приходе в Норильск-проект. Я подошла к глухому забору на Заводской улице и прошла через проходную, держа направление



*Лариса Назарова*

в руке. Через небольшой дворик вошла в двухэтажное деревянное здание. По скрипучей лестнице поднялась на второй этаж. На двери была табличка: «Главный инженер Ефим Корнеевич Стрельцов». Постучавшись, я вошла и внезапно попала в объятия невысокого плотного человека: «Проходи, Лариса, проходи, дорогая...» Но, взглядевшись в меня, он смущенно признался, что его девушка — мой настоящий двойник... Она только что вышла из заключения, и звали ее тоже Лариса... Меня действительно много раз путали с ней, даже муж, обознавшись как-то в магазине, пробрался к ней через толпу... Мы долго разговаривали с Ефимом Корнеевичем. Он пригласил меня пообедать в столовую.

За столик к нам подсели два офицера, которые внимательно слушали мою оживленную болтовню о Москве. Ефим Корнеевич расспрашивал об улицах, о театрах. Но тут вмешался офицер и в грубой форме отчитал его: «Раз не пускают в столицу как врага народа, нечего и расспрашивать о ней». Мы замолчали. Я была поражена: с главным инженером Проектной конторы так по-хамски мог разговаривать офицер только потому, что на плечах погоны. На обратном пути я рассказала Стрельцову про брак с з/к, что мы с Володей решили на всякий случай временно его скрывать, ведь тогда еще ни у кого не было реабилитации.

Однажды меня поразила такая картина. Охрана вела троих пожилых мужчин посредине улицы. Они шли не спеша, вальяжно раскланивались с проходящими мимо проектантами, даже поклонились мне и внимательно осмотрели. Они совершенно не обращали внимания на двух солдат сзади: у одного штык был направлен в сторону их спин, а другой вел на цепи овчарку. Мой спутник, проектант, сообщил с гордостью: «Это наши академики...» Я уже забыла их фамилии, помню только, что, когда их освободили и им разрешили уехать, они вернулись в Академию наук.

Уголовники ненавидели труд и придумали целую систему членовредительства и симуляции: искусственно себя истощали, вызывали заболевания кожи, лихорадку, сердечную недостаточность. На штрафном лагпункте Каларгон была такса за «услуги»: отрубить палец — одна пайка хлеба, отрубить руку — три пайки. Удивительно, как в таких условиях интеллигентные люди оставались в живых да, еще пережив все ужасы лагеря, работали с пользой для государства?..



*Лариса Назарова. На катере по реке Норилке*



Это были люди, увлеченные своей специальностью, любимым делом, люди большой силы духа. Они умели постоять за себя, не жили животной жизнью, а выпускали стенгазеты, плакаты, участвовали в самодеятельности. Они верили, что все тяжелое пройдет, и как могли помогали стране. Патриотизм был их особенностью.

Что представлял собой в те годы Норильск? В начале 50-х годов от берега реки Норилки по Пясинской водной системе шли грузы для стройки. На Енисее в Дудинке был построен первый причал, пущен первый кирпичный завод и первый металлургический агрегат — опытный конвертер. Уже был введен Малый металлургический завод и строился Большой металлургический, действовал рудник «Угольный ручей», малая агломерационная и опытная фабрики еще строились, частично была пущена Большая обогатительная фабрика (БОФ), которую нам, молодым специалистам, с гордостью показывал Ефим Корнеевич Стрельцов, возивший нас на экскурсию. Он говорил, что длина фасада БОФ составляет полкило-





метра. На медном заводе работал уже плавильный цех, называемый никелевый, при подходе к которому мы начинали задыхаться от едких газов.

Проектирование Норильска в те времена велось в основном в ленинградских проектных институтах, которым почти ничего не было известно о местных условиях, и поэтому для доработки и переработки этих проектов была создана Норильская проектная контора.

Ефим Корнеевич предложил мне работу в промышленном секторе. Я отнекивалась, считая себя гражданским архитектором, но он сказал, что Витольд Станиславович Непокойчицкий мне отказал — не взял к себе в сектор. Тогда я решилась пойти к нему сама. Я созвонилась с Непокойчицким и поехала в Горстрой. Автобус доходил только до гастронома на Октябрьской площади. Первые здания были уже построены, между ними стоял высокий забор с воротами, через которые водили заключенных. Я прошла через эти ворота. Меня встретил Непокойчицкий, и я вместе с ним пришла в барак — гражданский отдел Норильской проектной конторы. То, что я увидела, поразило мое воображение: в узком длинном помещении лицом к глухой стене сидели проектировщики за одной длинной полкой, заменяющей, видимо, стол. Они сидели в одинаковых серых робах, и на спине у каждого был номер. Работа на столе освещалась висевшими лампочками. Они работали в полной тишине, ко мне не обернулись. Свет из узких окон освещал их номера. Мы прошли мимо них в светлую большую комнату, кабинет Витольда Станиславовича, и он сказал с характерной для него усмешкой: «Вот это и есть мои архитекторы, я обычно подбираю их по спискам каторжан с наиболее длительными сроками, так что у меня вакантных мест нет». Я возвращалась мимо согнутых спин тесно сидящих людей. Мое настроение упало, я уже не хотела работать в гражданпроекте. Внутренне я ужаснулась: Непокойчицкий показался плантатором, управляющим рабами. Долго у меня оставалось это настроение,

особенно после рассказов о том, как он несправедлив к исполнителям, среди которых были талантливые архитекторы, имеющие большое количество построек на родине. Он не давал подписывать выполненную ими работу (об этом, в частности, мне рассказывали Кочар, Меклер и даже Розина, попавшая к нему позже). Потом я узнала, что было два или три человека (уже освободившиеся з/к), на которых он опирался в своей работе. Мазманын и Якушкин бывали у него дома и, подчиняясь ему, всегда поддерживали его в спорах на профессиональные темы.

### **ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ВЫСОКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ**

В секторе работало много заключенных весьма высокого профессионального уровня. Таким был Георгий Барсегович Кочар — до ареста он возглавлял Союз архитекторов Армении, проектировал и строил многие общественные здания. Человек самостоятельно мыслящий, не смилившийся со своей участью. Кочар смело высказывал свои суждения. Позже из Красноярска он писал: «...в полярном зодчестве есть интересные проекты, смелые мысли и даже практические предложения. Но это не стало повседневной практикой. Готовые проекты не внедряются в жизнь...» Такого бунтаря и профессионала заставили работать копировщиком, на старых кальках можно найти его подпись.

Освободившись из лагеря, Георгий Барсегович уехал в Красноярск, где несколько лет до отъезда на родину был главным архитектором города. Мне запомнилась командировка в Красноярск, где я познакомилась с Г.Б. Кочаром. Он показал мне строительство драматического театра на проспекте Мира. В Армении он много и успешно работал до конца жизни.

Единственно признанным из з/к архитектором был Мазманын. Он проектировал овальную площадь и Севастопольскую улицу с домами, имеющими лоджии (типично южный прием). В промышленном отделе в



*Улица Севастопольская (проект архитектора М. Мазманяна)*

нашей бригаде работал тихий высокий Арсруни Габриелович Голикян. Мы узнали, что в Армении после освобождения он стал активным, работал главным архитектором в Эчмиадзине. Из Армении, между прочим, поступал запрос о его участии в проектировании Норильска. Г.Б. Кочар мне с горечью рассказывал, как ему мешал работать Непокойчицкий, как он не мог ставить подписи под своими работами, и потому доказать, какие постройки его, он не может. Это его очень обижало, впрочем, как и других архитекторов.

Руководитель отдела гражданского проектирования Витольд Станиславович Непокойчицкий приехал в Норильск по приглашению А.П. Завенягина вместе со своей женой Лидией Владимировной Миненко. В отделе было три бригады: архитекторов (руководил В. Непокойчицкий), конструкторов (Н. Андриенко) и планировщиков (М. Мазманян). Микаэль Мазманян до ареста тоже был крупным архитектором, в 1952 году он уже был освобожден. Ему обязана планировкой большая часть города: от въездной Октябрьской площади



*Витольд Станиславович  
Непокойчицкий*

примерно до середины проспекта Ленина и до стадиона. Старшими в архитектурной бригаде были Л.В. Миненко и Н.И. Механиков.

В промышленном отделе не было тишины, какую я застала в гражданском отделе. Там была обстановка бесконечного кипения страстей, и порой казалось, что вот-вот скрестятся рапиры, — такие горячие споры шли по техническим вопросам. Особенно громогласен и напорист был Михаил Яковлевич Шер. Несколько групп находилось в большом зале, столы стояли вокруг руководителя. В группу

металлистов входили руководитель Чембулов, инженеры М.Я. Шер, Николай Николаевич Бойков, элегантный, умный, джентльмен в полном смысле слова, и эстонец Аардма. В большом зале сидели архитекторы Левитан, Меклер и Нелли Дьячкова. Далее располагались техники-чертежники, тоже из западников. Они отличались дисциплиной, опрятной одеждой — белоснежными рубашками каждый день и нарукавниками. Рядом с ними жена Шера, инженер, выглядела очень старой и распустихой. У нее что-то было с ногой, она сильно хромала и плохо двигалась, так что в конце рабочего дня Михаил Яковлевич натягивал на нее теплые рейтузы. Помню и Николая Николаевича Тороцко, он был не то инженером, не то архитектором...

Небольшое отступление. Когда через много лет я с дочерью ездила на Черное море, то на пляже услышала знакомый голос Рахили Ильиничны, жены Шера. Оглядываюсь и нигде не вижу старческой фигуры. И вдруг ко мне чуть не подбегает загорелая курортница — это так преобразилась от моря Рахиль Ильинична! Два или три года лечения в Евпатории, морской воздух и купание в море способствовали тому, что она помолодела лет на тридцать.

Руководил промышленным сектором Серафим Федорович Румянцев, высокий, худой, необычайно моложавый и очень подвижный человек с открытым лицом. Он быстро воспринимал новые технические идеи и требовал их доскональной проработки. А Ефим Корнеевич Стрельцов мечтал заменить ручной труд горняков горным комбайном, которым он уже занимался несколько лет. Я не знаю, чем закончились его работы, но у него заболело горло, он уехал и там умер... Через много лет я впервые побывала на глубоком руднике и увидела, как синхронно работали механизмы, добывающие руду и управляемые только человеком за пультом. Так что мечта Ефима Корнеевича осуществилась.

На свое рабочее место я проходила через большую комнату мимо всех и через небольшую дверь попадала в нашу деловую маленькую комнатушку.

Я работала с инженерами-конструкторами (заключенными) и двумя девушками, одна из которых была моей копировщицей. Обстановка в нашей комнате была исключительно серьезной, все молча и со-



*Лариса Назарова*

средоточенно работали над чертежами. По временам объявлялся перекур. Мужчины курили, а мы разговаривали и слушали одного из з/к, ростовчанина Рябченко. Он с юмором рассказывал разные байки и сам первый весело смеялся, заражая весельем и нас.

Бывало, наши заключенные вспоминали свою жизнь. И становилось ясно, какие это незаурядные, умные люди. Они выжили, попав в грязный омут лагеря, и, несмотря на моральное угнетение и унижения, своим делом занимались серьезно, с увлечением. Я восхищалась их стойкостью. Таким же был мой муж Владимир Евгеньевич Полуэктов. В обеденный перерыв в комнате завязывались интересные разговоры о науке, литературе, философии. Наши з/к блистали эрудицией. После работы все спускались в маленький дворик со скамейками (если было лето) — хилые кустики имитировали садик. Мужчины и женщины из разных отделов весело беседовали и шутили. А в это время конвой постепенно формировал колонну. Мы же старались уйти раньше, но безликая колонна з/к догоняла нас и проходила через открытые ворота под понукания конвоя. В последние два года их стали увозить в «воронках», а до этого з/к в любую погоду шли пешком. Одна из старых норильчанок рассказала такую историю. Бывало, к колонне выбегали дети. Заключенные любовались ими и старались по дороге сорвать травку или цветочек и отдавали их детям. Однажды ребенок подбежал слишком близко и оказался на руках у женщины, который прижал его к груди со слезами на глазах, но мать в ужасе кинулась в колонну и вырвала ребенка.

Далеко не все относились к заключенным-специалистам по-человечески. Одна наша комсомолка ненавидела всех заключенных, и вдруг ее заставили проектировать закрытый объект, посадив за глухую перегородку вместе с заключенной копировщицей. Активистка просидела с ней полгода, не здороваясь и ни разу не взглянув на нее, смотрела мимо, будто не человек перед ней, а пустое место. Девушка от обиды

и унижения часто выскакивала из помещения и горько плакала. Все ее очень жалели, но сделать замечание комсомолке не могли.

Другому случаю я сама была свидетельницей. При посадке на самолет конвой привел человека в наручниках, — видимо, его везли в краевой суд. Каково же было мое удивление, когда две простые женщины подошли к нему, надели плотно на его голову шапку и застегнули пальто, чтобы не замерз. Вот пример доброго сердца. Один из многих...

В нашей комнате работал заключенный-чех, по образованию художник. Он был огромного роста и худой. После освобождения выезд ему не разрешили. Он нашел себе невесту, которую привел к нам. Она была еще худее и выше его, но он с большой гордостью нам рассказал, что ему нравятся именно такие женщины. В лагерных условиях больше всего ценилась красота души. В нашей комнате работала техник из немцев Поволжья Люся Вормсбехер. Ее отец был министром финансов, его семью выслали, а у него даже не отобрали партбилет. Люся отличалась серьезностью и необыкновенной бледностью. Она вышла замуж за литовца, у них родилось двое сыновей, позже все они уехали в Каунас.

Однажды нас, вольнонаемных девушек из разных отделов, вызвал к себе начальник кадров. Он нам объявил, что одна из нас выходит замуж за только что освободившегося заключенного (значит, врага народа), и за это их высылают на Север. Я подумала: что может быть севернее Норильска? Теперь-то я знаю — Нордвик, а тогда решила: если мужа вышлют, я тоже поеду с ним. Кадровик ссылался на какое-то постановление...

Несмотря на общую гнетущую обстановку лагеря, который был вокруг нас, молодость брала свое. Я купила по случаю рояль, ковром застелила тахту. Из первого отпуска мы привезли оригинальные обои, на тумбочке стоял радиоприемник — в то время модный. Большое зеркало, гипсовая копия Венеры Милосской





*Репетиция спектакля в драмтеатре (стоит актриса Ванда Савнор)*

украсили наше жилье. Моими первыми друзьями были молодожены Косаревы — наследники комсомольского вождя страны. Он уже погиб в тюрьме, о чем, впрочем, пока они не знали. О них можно написать много и подробно. Актеры оперетты, с которыми мы летели в самолете, стали у нас завсегдатаями. Я подружилась с Вандой Антоновной Савнор, певицей из театра Станиславского, которая добровольно поехала с мужем в ссылку, бросив сцену. Мы познакомились, когда я готовилась к выступлению в самодеятельном конкурсе в 1953 году. Ванда приходила к нам домой петь, я аккомпанировала, играл скрипач Лернер. Мы хором пели про журавлей, летящих через Север. Приходили также Тарновские — он поэт, она балерина...

Но вернусь к рабочим делам.

Инициатива технически грамотных инженеров нередко влияла на проектные решения в Норильске. Яркий пример тому — творчество Георгия Александровича Борисова. Он занимался вопросами водоснабжения города. Вода, подаваемая из реки Норилки, под напором от специального мотора прохо-



дила по деревянной трубе до города расстояние 2,5 км. Труба располагалась на железобетонных подпорках разной длины, чтобы получался расчетный уклон, защищающий воду от замерзания. При подходе к городу труба опускалась в подземный коллектор, проложенный по осям улиц. Георгий Александрович придумал систему подвода воды к жилым домам: от коллектора подземные вводы шли в сторону жилых домов.

Пройдя подземным путем, коллектор поднимался вверх и разделялся на отдельные трубопроводы (горячей воды, холодной воды, отопления и пр.). Каждый трубопровод поднимался наверх, откуда далее производилась разводка труб по квартирам и комнатам. При этом на них уходила только та часть водного ресурса, которая предназначена для данного дома, остальная же шла к следующему подполью дома, сблокированного с первым. Отработанная вода проделывала тот же путь, только в обратном направлении, и сбрасывалась в канализационную трубу основного коллектора, идущего по осям улиц. Такая система позволила отказаться от ввода в каждый дом, как это делалось до начала 50-х годов. Георгий Александрович придумал совмещенный подземный коллектор для всех видов коммуникаций (включая электроснабжение, радиоразводку и пр.) с различными полочками и уровнями. Это нововведение Г.А. Борисова повлияло на планировку жилых кварталов и микрорайонов, создавая «цепочками» полузамкнутые внутренние дворики. Дома блокировали с переходами. Боязнь сквозняков заставила делать эти переходы максимально узкими — 1,5 м, не более, а снизу поверх труб коммуникаций сделали деревянный настил для прохода людей.

Но вот беда, основной сброс отработанных вод от жилой застройки и угольно-черной воды от ТЭЦ осуществлялся через систему озер в озеро Пясино. Вся живность в озерах погибла. Частично заилилось озеро Пясино, на котором почти каждое воскресенье переворачивались лодки, и людей приходилось спасать вер-



*Водовод от реки Норилки до города Норильска*

толетом. Ливневых стоков в городе не было, вода шла во время дождя сплошным потоком по естественному уклону городской территории...

...Поначалу мне давали проектировать какую-то мелочь — сельскохозяйственные постройки, генплан цветочного хозяйства, передвижные домики для геологов, реконструкцию клуба в Кайеркане, интересно для меня было проектирование новой многопрофильной больницы из сруба в Волочанке. Наконец мне поручили спроектировать большой гараж на 100 грузовых автомобилей. Вместе со мной над проектом работал конструктор Борис Львович Гуревич. Он придумал новый расчет и ферму покрытия из металлических конструкций сводчатой формы. У него был маленький сын, которого он водил по утрам в детский сад. Однажды Борис Львович, торопясь на работу, сам не раздел сына, а просто открыл дверь и впустил его внутрь помещения. Воспитательница его не заметила, и мальчик развернулся и пошел гулять. Когда его хватились, то нашли во дворе в полузамерзшем состоянии. Взрослые не нашли ничего лучшего, как сунуть его в духовку протопленной печи.

...Проходя по улицам поселка, я обратила внимание, что по некоторым зданиям можно судить об архитектурном мастерстве неизвестных мне специалистов. Интересно были сделаны гостиница и клуб профсоюзов, перекрытый деревянными арками, составленными как бы из цветных детских игрушек. Улица, на которой мы жили, в основном состояла из четырехквартирных домиков, напоминающих поселок на Хорошевском шоссе в Москве. Очень прилично выглядели здание почтамта, гостиница и спортзал. Я подумала, что нужно закрыть перспективу дороги из города длиной 2,5 км до площади Завенягина поперечным зданием, и вышла с инициативным предложением строительства Дома культуры. Его проект я сделала, опираясь на свой опыт дипломной работы. Все инстанции, включая Красноярск, где работал Г. Кочар, одобрили мой проект. В Москве я его защитила без труда. Когда вернулся из отпуска Витольд Станиславович Непокойчицкий, он, не сказав ни слова, поехал в Москву и оттуда прислал отказ в утверждении. Все архитекторы, в том числе и Георгий Барсегович Кочар, рассказывали мне, что В.С. Непокойчицкий не пропускает самостоятельных авторов: все должно идти только из его рук. Я пробовала бороться — писала в газету, выступала с трибуны городского собрания. Все со мной были согласны, но Витольд Станиславович отвечал не профессиональными доводами, а ссылкой на Завенягина, который поручил именно ему запроектировать город. Все замолкали — имя Завенягина было священо. Справедливости ради скажу, что под руководством Непокойчицкого сделана неплохая въездная часть города, правда, большая часть работ выполнена руками заключенных-архитекторов.

В тот период директором комбината стал Владимир Васильевич Дроздов, который брал меня с собой в поездки по территории для консультаций. Перед нами встал вопрос: как очистить город от мелкой, самодельной застройки? Между Октябрьской улицей

и Заводской стояли хаотично самодельные домики, расположенные вдоль ручья. Я увидела, как в воде из канализационной трубы (от инфекционной больницы) молодой мужчина полоскал детские молочные бутылочки. Я пригласила зав. санэпидстанцией Александру Владимировну Пахомову, и мы пошли обследовать территорию вдоль ручья. Здесь женщины полоскали белье. Мы добились, чтобы отсюда поселок выселили, а в Горстрое впервые открыли детскую молочную кухню.

## ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Шел 1953 год... Из лагерей отпустили «бытовиков» на все четыре стороны, а политических задержали в лагерях. Город покрылся кровью от драк и резавших друг друга бандитов. Во все концы страны послали вербовщиков, они приглашали людей в Норильск. После расформирования Норильлага ему предстояло стать относительно вольным поселением.

Норильск объявили комсомольской стройкой. Нужно было переоборудовать лагерные бараки под жилье комсомольцам. Меня вызвал начальник сектора Кушнев и дал соответствующее задание. Мне дали в помощь работника.

Незабываемым оказалось первое впечатление от лагеря. За мной заехал мой помощник. По приезде в поселок мы увидели: столбы выдернуты, колючая проволока ограды скатана, территория покрыта зеленоватым льдом, тянущимся от деревянной уборной. Вошли в первый попавшийся барак, и в нос пахло таким воздухом, что я чуть не упала в обморок. Силой воли заставила себя идти дальше. Из тамбура попали в пристройку для нарядчиков. Там еще не были убраны нары в два яруса, закрывающие небольшие зарешеченные окна. В торце помещения стояли большой стол и печь для сушки одежды и портянок, как мне объяснил сопровождающий. Я прикинула, что можно сделать в этих условиях. Все нужно убрать, окна увеличить (дом каркасно-засыпной), а все пространство

барака разделить поперечными перегородками на три части и сделать квартирки — маленькую переднюю с плиткой и жилую комнату с гардеробным шкафом. По этой схеме я переоборудовала бараки всех лаготделений. В пристройке для нарядчиков получились уборная и умывальная.

Обследовали мы и остальные здания: каменные кухню и столовую. В помещении ШИЗО решили разместить почту, а клубное помещение присмотрели для магазина и бани. Когда стало смеркаться, мой спутник побежал искать, где можно зажечь свет. Я осталась одна и слышала грубые мужские голоса. Оказалось, заключенные, которых оставили строить, следили за нами. «Это тебе краля... Нет, пожалуй, мне», — донеслось до меня. Я испугалась не на шутку. Начальнику отдела Кушневу позже сказала, что отказываюсь от этой работы. Он ответил: «Это вы можете говорить своей маме, а вам дано задание как главному инженеру проекта. Отвечаете за качество и сроки реконструкции бараков». Пришлось взять себя в руки и обмеривать, ездить на обследование и чертить, чертить... Всего было переоборудовано 17 поселков, а с 18-м чуть не случилась катастрофа: я приехала одна проверить ход работы и слышала сильный шум падающей воды. Посмотрев на верхний гребень горы, увидела, что вода идет сверху настоящим водопадом, проникает под ледяную корку основания поселка, где работала бригада строителей. Я немедленно спустилась вниз, разыскала телефон и вызвала П.С. Стифеева, представителя комбината. Он приехал на легковой машине и, сразу поняв опасность, быстро эвакуировал всех рабочих.

На следующий день узнали, что с этой горы сошел ледник и раздавил внизу жилой дом, в котором погибла семья с ребенком.

Мы работали день и ночь, и к прибытию комсомольцев все было приведено в порядок: чистенькие, побеленные хатки ждали гостей, от лагерей не осталось и следа, комнаты казались даже уютными.

Мне дали новое задание: слетать на Хантайку на гидросамолете, там собирались строить гидроэлектростанцию для получения дополнительного тока в Норильск. Мы прилетели туда с мужем-строителем и отправились осматривать территорию. Две горы сошлись параллельными стенками, образуя коридор, по которому с бурным ревом неслась вода. Мы прошли по тундре, развороченной строительством, и увидели лагерный поселок во всей своей «красе». Определили, что нужно строить несколько капитальных домов, совмещенных с промышленными службами, а лагерный поселок убрать так же, как сделали это в Норильске. Строить должны были бригады заключенных, но ни к проекту и ни к стройке я уже не должна была иметь отношения.

Я работала в бригаде Н.Н. Бойкова. Поступило задание запроектировать пассажирский вокзал. Его получил Кормаков, я выступила консультантом. Бойков считал, что вокзал должен выглядеть в стиле первых зданий города — с применением ордера. Два корпуса были приставлены друг к другу торцами. В месте их стыковки разместили вестибюль, а ордер хотелось дать и внутри. Второй этаж имел коридорную систему с кабинетами для размещения технических и административных служб. Переходной мостик вел из одного крыла в другое. На первом этаже в центре предполагалось разместить небольшой кассовый вестибюль. Посещение строящегося вокзала оказалось незабываемым: глухой забор зоны, бригада уголовников-рецидивистов... Мы увидели здоровых парней, обритых наголо, которые при виде нас оживились. Двое верзил встали на нашем пути и начали толкаться, стараясь свалить друг друга. Я замерла, но вдруг раздался спокойный голос: «Мальчики, пропустите инженеров». Они расступились, и перед нами открылся вид на красивое здание вокзала.

После расформирования лагеря в Норильске активно строили самодельные домики-балки, отличавшиеся антисанитарными условиями. Они были

опасны и в пожарном отношении. Большая часть политзаключенных, оставшихся в Норильске, устраивалась жить где можно: у знакомых, в балках... Позже многие уехали, а комбинат остро нуждался в кадрах. Руководство комбината объявило комсомольский призыв, и первая партия молодежи приехала в начале июня. На вокзале состоялся митинг, главный инженер комбината В.А. Дарьяльский и начальник Госстроя Дмитрий Максимович Муравьев сказали короткие зажигательные речи — ребята приехали в летней одежде и легких тапочках. Муравьев долго вспоминал их белые тапочки на снегу.

Мы очень подружились с руководителем сектора генплана Александром Федоровичем Колобаевым, пожилым интеллигентным и доброжелательным человеком. Он познакомил меня с генпланом Норильского района на огромных досках. В размещении объектов не чувствовалось никакой планировочной системы: все подчинялось только рельефу, а места нахождения больших объектов были связаны только с выбором участков скальных площадок.

Директор комбината Владимир Васильевич Дроздов возил меня на машине по объектам промплощадки, показывая, как они облеплены самодельными домиками. В них жили рабочие и располагались склады стройматериалов. Всюду были хаос и грязь.

Мы составили план переселения людей из частных домиков в жилые дома новой части города с обязательством сжечь оставленное. Для совхоза я запроектировала коровник. Застройка Горно-заводского района была неплохой: улицы формировали четырехквартирными двухэтажными домиками (там расселилось все руководство Норильска), интересно были решены гостиница для командировочных и почта. Больше всего мне понравился интерьер клуба профсоюзов: его зрительный зал был перекрыт деревянными арками, состоящими как бы из набора цветных игрушечных деталей, а фойе и лестница были выдержаны в строгих формах. Автор мне неизвестен.

Однажды А.Ф. Колобаев сказал, что со мной хочет познакомиться основоположник снегоборьбы в Норильске Михаил Георгиевич Потапов — дед Ветро-дуй. Нас встретил пожилой почти парализованный человек с приветливой улыбкой. Он сказал, что архитектура Норильска не отвечает требованиям Севера, так как здания проектируют в основном армяне (Мазманын, Кочар, Голикян), и вся архитектура наполнена южными деталями: вазами, парапетами, большими выносами карнизов. Все это он показал мне из окна своей квартиры. А ведь зимой на них скапливается снег, весной он будет таять и сосульками падать на головы прохожих. А лоджии — к чему они на Севере? Только охлаждают внутренности домов. Рассказал, как он боролся со снежными завалами на железнодорожных путях, и многое другое. Михаил Георгиевич навел меня на мысли о совершенно ином подходе к проектированию города. [Было удивительно слушать, как в сороковых годах нормы выработки всех объектов перевыполнялись за счет ручного труда. При этом орудиями труда были лом, лопата, тачка, кайло. Действовала десятичная система мер на земляных и на других строительных работах: десять лопат — тачка, десять тачек — кубометр, десять кубометров — норма (лопата должна быть совковой). В те годы стройки часто обходились без автомобилей, кранов, бульдозеров, скреперов, электромоторов и другой техники, без которой теперь немыслима стройка...]

В отсутствие В.С. Непокойчицкого мы решили объявить внутренний конкурс на жилой дом. Нас поддержал главный инженер управления строительства Борис Федорович Ермилов. Я запроектировала жилой дом типа апартамент-хауз, как его называли в журналах. Мы сделали проект дома повышенной комфортности. Он состоял из длинного коридора с двумя лестничными клетками. Квартиры были благоустроенными и располагались возле одной из стен, около второй был длинный коридор — как бы внутренняя улица. Мы все тогда увлекались идея-



ми Ле Корбюзье, и я что-то взяла от него. Квартиры запроектировали не поперек корпуса, а вдоль одной из стен. В таком доме были домашняя кухня, общественная столовая с кухней, парикмахерская, медицинский пункт, почтовый киоск. Наш проект понравился комиссии. Однако вдруг в город приехал наш гроза — Непокойчицкий. Он сказал, что и гражданпроект будет участвовать в конкурсе (хотя срок сдачи проектов уже прошел) и что они сделают дом дешевле. Действительно, он выбросил все излишки, но оставил такую же коридорную систему. Когда повесили их проект на другую стену, Б.Ф. Ермилов засмеялся — схема была очень похожа. Но Витольд Станиславович, как всегда, применил свой излюбленный прием защиты — ссылку на авторитет А.П. Захватаева. Закончилось все это тем, что был принят к реализации проект гражданпроекта. Дома на улице Лауреатов превратились в дешевые общежития, имели плохие отзывы жильцов, выглядели неряшливо и были неудобны. Позже все они были снесены.

Промышленный отдел занимался проектированием объектов промзоны, вплоть до оборудования. Конструкции в условиях местного климата лопались из-за низких температур, разрушались здания. Из-за снежных заносов приходилось прекращать строительные работы. На уборку снега выводились тысячи заключенных. Помню, как зимой 1953 года необычайно сильный снегопад вынудил объявить аврал: нашу Проектную контору вместе с заключенными и вольнонаемными мобилизовали на очистку от снега железнодорожных путей на горе Рудной. Глубина пласта снега была толщиной 2–3 м. Снег был твердый, как камень, его кайлили лопатами и отбрасывали в сторону.

Волянкой называли забастовку, одновременно проходившую во многих отделениях Норильлага в 1953 году. Мы почти ничего не знали о ней, так как было объявлено молчание, как объяснил мне муж. Я видела только черные полотнища над стройкой, стоя-

ла какая-то необыкновенная тишина, на улицах не было движения...

В эти дни мы с мужем прогуливались перед сном, вдруг слышим рокот моторов и видим, как на большой скорости без фонарей идет колонна грузовых автомобилей с солдатами, за ней вторая колонна пожарных машин, а затем третья — машины «скорой помощи». Мы остолбенели... Колонна шла в направлении лагеря 3/6. Мы долго прислушивались, не будет ли каких-то звуков, но — ничего. Машины не возвратились.

Впоследствии одна из девушек, которую освободили, рассказала, что женщины из ее барака должны были поддержать всеобщую забастовку и не выходить на работу. Вдруг они услышали рев подъезжающих машин и приказ по громкоговорителю: «Всем выйти на улицу!» Эки со страхом притаились. И тогда на первый план выступили пожарные машины, которые стали поливать женщин холодной водой. Забастовщиц продержали на улице долгое время, поэтому волынка закончилась заболеваниями.

Во время волынки однажды по какому-то неотложному делу я пошла в управление строительства. Хотела войти к главному инженеру Б.В. Ермилову, так как секретаря не было на месте. У Ермилова были двойные двери, с тамбуром перед кабинетом. Когда я открыла первую дверь, услышала истошные крики на диком жаргоне с матом, поняла, что он разговаривает с Дудинкой и советует усмирить женский лагерь, запустив туда солдат для изнасилования. Я выскочила из приемной.

Мне предложили преподавать по совместительству в техникуме. Я заинтересовалась новой работой и из первого отпуска привезла ценные архитектурные книги, взяла программу курса и начала готовиться. Муж смеялся надо мной: ведь мне дали группу совершенно безграмотных людей, некоторые не учились даже в семилетке... Когда я увидела своих учеников, у меня действительно упало сердце. Но я с энтузиазмом взялась за просвещение. Сначала они писали под

мою диктовку конспекты, потом я показывала им через эпидиаскоп прекрасные иллюстрации из моих книг. Занятия шли по два или три часа, из которых один час шел на опрос, а потом я объясняла новый материал. Я заразила их своим настроением. И теперь мои ученики поднимали голову, рассматривали детали зданий, увидели карнизы... За два семестра я во многом преуспела. Директор техникума был пора-



*Лариса Назарова*

жен: мои бывшие неумехи рассуждали об архитектуре и исторических эпохах, в которых возникали стили и их особенности. Меня перевели в штат техникума старшим преподавателем.

Я покинула Проектную контору в 1955 году, думая, что прощаюсь со своей мечтой проектировать город. Однако не прошло и двух лет, как меня пригласил начальник Норильской проектной конторы и сказал: «Лариса, мы знаем, о каком проектировании вы мечтали. Предоставляем вам такую возможность — рекомендуем вас на должность главного архитектора города, которая открывается при горсовете». И я снова возвратилась к своей специальности...

## **НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ**

В столе я нашла документы, среди которых было Положение о главном архитекторе города... Его описанными правами и обязанностями я и стала руководствоваться в работе.

Передо мной встала первая задача — определить территорию Норильска, границ которого пока никто

не знал. Город расположен на равнинной поверхности тундры в последней части материка Евразии, с большим количеством озер и рек и окружен со всех сторон горными массивами. Первый проект Норильска 1940 года был рассчитан на 37 тысяч человек, из этой численности предполагалось расселить в городе 32 тысячи человек и 5 тысяч человек в Аварийном поселке.

Под строительство капитального города рассмотрели шесть площадок, наиболее благоприятной оказалась территория к северо-востоку от озера Долгого. Первый проект застройки города состоял из 10 кварталов. Но мощность комбината возрастала, что заставило подумать о расселении большего количества жителей. За счет увеличения плотности застройки и повышения этажности появилась возможность расселить 120 тысяч человек.

Концепция Витольда Станиславовича о создании ветропродуваемого поселения (для выноса снега в тундру) оказалась несостоятельной. В 1947 году генплан был существенно изменен в системе застройки, но получить полностью ветрозащищенную территорию не удалось. Моей первой задачей было определение границ норильского землепользования. Совместно с Непокойчицким мы исследовали окрестности на вездеходе. Мне разрешили полетать на вертолете вместе с геологами. Ездил я и по воде: по системе озер Пясино и Мелкое, в которое мы попали через бурную речку Порожистую, мимо озера Пьяного, которое так прозвали из-за наклона деревьев в разные стороны от буйных ветров. Я изучила большую территорию, где располагались постройки, тяготеющие к Норильску.

По географической карте, советуясь с представителями всевозможных организаций вне комбината, которым нужны были земельные участки для их деятельности, я определила границы Норильска. Получилась громадная территория. На карту поставили гриф «секретно», и я со специальным связистом поехала в Красноярск через Дудинку. Ехала в пассажирском вагоне, связист ехал в почтовом отделении

с опечатанным мешком и вооруженный. Вот какую «секретную» работу я проделала!

В крайисполкоме мне не пришлось защищать эту карту: ведь ее подписали все специалисты. Карту утвердили, и я тем же путем вернулась назад, так как мое положение главного архитектора уже было засекречено, как мне объяснили.

Почему-то я всегда чувствовала на себе недоверчивый взгляд со стороны главы города Анатолия Сергеевича Бурмакина. Он всегда смотрел с прищуром и часто не соглашался с моими доводами. Я не показывала виду, но внутренне меня всегда это раздражало. Я старалась очень тщательно обосновывать свою позицию и говорить толково.

Далее я занялась разрешениями для землепользования. Первым ко мне пришел молодой человек Мезин, мой будущий ученик в ВЗПИ, с просьбой выдать разрешение на строительство какого-то производственного здания на горе Медвежке. Поначалу я растерялась, но потом договорилась с начфинотдела о геодезической группе, которая бы подготавливала для меня графические материалы и выносила границы в натуру. Я же наблюдала за правильностью исполнения градостроительных законов, согласовывала разрешения со смежными владельцами земель и выставляла его для утверждения на исполком. За эту работу заказчики согласно положению платили определенную сумму, которую мы передавали в банк.

Мы оформляли землепользование всех промышленных зданий, уже давно построенных, с предписаниями ограничивать временные самодельные строения. В мою обязанность входило также выдавать архитектурно-планировочные задания на все проектируемые капитальные здания в Горстрое.

Когда первый типовой дом заселили, я пошла посмотреть, как устроились новые жильцы. Анатолий Сергеевич заселил эти квартиры несколькими семьями. Опять получилась коммуналка. Я вынесла на исполком вопрос о неправильном заселении

квартир. Также трудно было внедрить во дворы специально приспособленные сараи для мусора с контейнерами и заездами внутрь автомобилей, на которые ссыпался мусор из бункеров. В этих спорах я была упряма и старалась добиться своего.

Решающим фактором на Крайнем Севере для жизни человека и для строительства является вечная мерзлота. В 30-х годах XX века сложилась новая наука — геокриология, пользуясь данными которой и одновременно развивая ее, строился Норильск. Работал над этой проблемой норильчанин Михаил Васильевич Ким, бывший аспирант Ленинградского инженерно-строительного института, попавший в лагерь по обычному недоразумению. На пересечении Октябрьской и Заводской улиц, в низком, как бы осевшем одноэтажном здании, располагалось геологическое управление. Здесь я познакомилась с М.В. Кимом. Навстречу мне поднялся маленький кореец в темной робе (видимо, еще был заключенным), с таким добрым, открытым выражением лица, что я отреагировала приветливой улыбкой. Это приятное впечатление сохранилось у меня на всю жизнь. Михаил Васильевич стал заведующим Норильской научно-исследовательской лабораторией. Впоследствии я работала с ним в одном здании, мы часто виделись и стали друзьями. Он прошел путь от лаборанта отдела изысканий Норильскпроекта до инженера этого же отдела, потом стал руководителем научно-исследовательской лаборатории. Как ученый, он был признан отечественной и мировой наукой, так как определил различные свойства вечномерзлых грунтов на широте Норильска — твердомерзлые, пластично-мерзлые, сыпучемерзлые, монолитно-скальные, изучил «протаивавшие талики» и линзы льда. Характеристика грунтов каждого участка и определяет типы фундаментов домов.

Мерзлота в районе Норильска проникает на глубину от 10 до 200 м. М.В. Ким изучил скорость протаивания мерзлоты под обогреваемыми зданиями и ее влияние на соседние строения. Он доказал, что переко-

сы конструкций и аварии в промышленных зданиях зависят от зыбкости грунтов при оттаивании. Это самое коварное свойство вечномёрзлых грунтов, которое подчас приводит к полному разрушению всего здания. Кирпичи, которые кладутся на замерзший раствор зимой, делают стену неустойчивой. В Норильске был случай разрушения пятиэтажного крупнопанельного здания, в основании которого образовался гидролокалит длиной 10 м, что подняло все здание на 12 см и раскрыло в стенах трещины шириной 4–5 см.

Для обеспечения прочности зданий в Норильске выработали соответствующие рекомендации. Продуваемое подполье должно отрывать цокольное перекрытие здания от вечной мерзлоты на определенное расстояние и обеспечивать сквозное движение холодного воздуха. Под цоколем трубы коммуникаций должны иметь герметичность (достигаемую с трудом) и теплоизолирующую способность. Однако в местах ввода труб остаются уязвимые места, и холодный воздух попадает в помещение. До многих строителей это положение не доходило. Тому подтверждением является трагический случай, когда в кабинете директора КрасНИИпроекта, которому подчи-



*Девятиэтажка и ее цокольный угол*



нялась лаборатория Кима, он услышал невежественные замечания начальствующего специалиста из Москвы. Михаил Васильевич молча выслушал его, встал со своего места, подошел к столу директора, хотел что-то сказать, от возмущения стукнул кулаком, упал и... умер.

Мое первое впечатление от зимнего Норильска — это засыпанные снегом улицы, снежные бури, сбивающие с ног, и бесконечные работы заключенных по расчистке дорог и тротуаров. Каждой группе отводился определенный участок, который отмечался колышками и натянутой веревкой. Трудились в основном девушки под надзором солдат, изнывающих от скуки. Когда участок очищался, ограждение переносилось дальше. Выход за линию веревки запрещался и считался побегом, и солдат имел право стрелять. Были случаи, когда девушку, не принявшую ухаживания, солдат специально направлял с поручением, а как только она выходила за ограждение, он в нее стрелял для острастки других непокорных...

При ветре снег зверствовал, заносил снегом машины и автобусы с рабочими, едущими на смену.



*Снегозаносы контактной сети (Горный район)*





*Занесенные столбы*

Нередко проблемы снегоборьбы принимали политическую окраску. В мае 1955 года новый директор комбината Алексей Борисович Логинов своим приказом определил систему инженерной службы комбината, в состав которой включил научно-исследовательскую лабораторию и цех механизированной снегоборьбы. Начальником этой службы был назначен мой муж инженер В.Е. Полуэктов. Снежная беда Норильска получила известность в стране, газета «Правда» писала о ней. Через каждый фронт застройки переносилось 2 млн кубометров снега. Служба снегоборьбы набирала силу, появился целый парк новейших машин, оснащенных радиотелефонами (новинка для того времени). По телефону Владимир Евгеньевич узнавал обстановку на всех участках и в тревожной ситуации спешил на выручку. Из своего крытого «пикапа» на высоком ходу он переговаривался с бульдозеристами. Когда чья-то машина в пути застревала, он влезал в бульдозер, пробивался на занесенные участки дороги, выручал людей и машины. Такая борьба со стихией соответствовала его сильному характеру. В состав лаборатории включили научно-исследовательский отдел для изучения закономер-

ностей отложения снега и аэродинамики застройки. М.В. Кима в то время не стало, и В.Е. Полуэктова назначили на его место.

Тысячи тонн снега вывозили за город. С кухни ветров в ущельях Каскадном, Барьерном, Угольный



*Щиты Потапова*



*Работа автошнекороторов на сильно занесенном участке автодороги*

Ручей и Купец направлялись в город потоки воздуха со снежными массами. Люди научились управлять снегоотложениями на дорогах. Усовершенствовав щиты Потапова, Владимир Евгеньевич сделал их трех типов: снегосборные, снегозадерживающие и снеговыдувающие. Он разработал и опубликовал «Рекомендации по организации строительства в зоне Енисейского Севера, с учетом снегозащиты». На дорогах, расположенных поперек направления ветра, Полуэктов отказался ставить щиты, а с учетом аэродинамики ветра создавал своего рода сквозняки, и снег проносило через дорогу. Затем он использовал усиленную скорость ветра перед плотным путем изменения профиля дороги: снег стал проноситься мимо, как в аэродинамической трубе.

### **АВТОДОРОГА НА ТАЛНАХ**

Одной из интересных работ В.Е. Полуэктова было строительство зимней автодороги на Талнах. По территории нетронутой тундры, ранее непроходимой, под началом Владимира Евгеньевича за четыре дня построили зимнюю автодорогу, пропускающую тяжеловесные машины со строительными грузами. Это удалось потому, что он придумал, как можно создать жесткое основание на ледяной корке, без подсыпки, при низких температурах. Он создал специальный агрегат, в котором горел огонь, размораживающий снежную массу. При движении специальная гладилка приглаживала ее, и она мгновенно застывала. Получалась гладкая ледяная поверхность, имеющая нужную несущую способность. Это в свое время было ново и настолько оригинально, что даже М.В. Ким не сразу поверил в такую возможность. Безграничная инженерная фантазия не подвела Владимира Евгеньевича.

В 1960 году Владимир Евгеньевич стал организатором и первым руководителем нового строительного управления «Фундаментстрой», осуществлявшего массовое свайное строительство в городе.

В 1981–1987 годах он возглавил научно-исследовательскую лабораторию оснований и фундаментов Норильского отдела ВНИИОСП им. Герсевича — головного института в стране по проблемам фундаментостроения. В.Е. Полуэктов занимался вопросами несущей способности вечномерзлых грунтов и совершенствованием свайных фундаментов в вечномерзлых грунтах. Он работал над проблемой устройства мощных опор на щебеночном основании, применения буронабивных и сборно-монолитных свай, разработал новые методики исследований несущей способности вечномерзлых грунтов. Внедрение новых идей дало за десять лет прибыль свыше 7 млн рублей. Владимир Евгеньевич Полуэктов возглавил работы по изучению причин разрушения подземных конструкций, по их защите и восстановлению. Он разработал и широко применял конструкции свай с верхним морозостойким, неразрушающимся элементом, написал три монографии, десятки статей, опубликованных в Отечестве, США и Канаде. Полуэктов защитил диссертацию и получил звание старшего научного сотрудника. В 1969 году он разрабо-



*Владимир Евгеньевич Полуэктов*

тал и внедрил свои глубокого заложения под трубу большой высоты, написал 11 научно-исследовательских работ.

В 1982 году В.Е. Полуэктов вышел на пенсию, и мы уехали в Москву. Муж серьезно заболел. После двух операций Владимир Евгеньевич умер 8 июля 1988 года. Незадолго до этого я уговорила его записать воспоминания. Он рассказывал, а я записывала. Удивительно, что, пережив страшную эпоху, испытывав муки от людской несправедливости и неволи, он в воспоминаниях умалчивает о своих тяжелых переживаниях...

Как время все расставляет на свои места!.. Вспоминаю, как муж получил задание на строительство мемориального комплекса «Сталин в ссылке». В 1959 году Владимир поехал на Курейку — здесь он должен был построить павильон над домиком, в котором жил Сталин. Правда, место выбрали выше (во избежание затопления), а когда разбирали избушку, она рассыпалась — стены сгнили. Пришлось строить дом заново, а старую мебель для него собирали со всего



*Сталинский пантеон на Курейке*

села. Для установки скульптуры Сталина из Норильска привезли рабочих с чистой биографией. С трудом нашли человека по фамилии Деев, знавшего вождя. Уже в день первой экскурсии он был нетрезв и разочаровал экскурсантов своим рассказом: «Сталин был небольшого роста, кривоногий, конопатый, с больной рукой. Любил ловить рыбу, много курил, на политические темы не разговаривал»\*.

Какое значение мы придавали этому событию тогда! Сегодня об этом вспоминать неинтересно — мы знаем о тиране много больше того, о чем только догадывались...

## НУЖНЫ НОВЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ РЕШЕНИЯ

Начало проектирования музыкальной школы пришлось на бурное время забастовок 1953 года. Витольд Станиславович перед отъездом включил в титул музыкальную школу и проектирование поручил Я.К. Трушиньшу. Он дал разрешение на применение чертежей общеобразовательной школы в два этажа. В этом проекте было на первом этаже три или четыре класса, а на втором — маленькие музыкальные классы. Яков Карлович поступил по-своему: увеличил этажность, пристроил концертный зал не только для ученических занятий, но и для городских концертов. Конструктором школы был Лев Эдгарович Францман, который с большим мастерством запроектировал тонкое купольное покрытие — от него в высшей степени зависит великолепная акустика зала. Красивую мебель разработал архитектор Н.М. Лаптев, архитек-

---

\* 21 августа 1993 года «Заполярная правда» опубликовала письмо Сергея Алексеевича Ивкина. Он написал, что грек Нагорный «участвовал в утоплении статуи Сталина в Енисее и разгроме музея (на Курейке). На следующий год, как утопили статую, был сильный ледоход. И краем льдины статую подняло со дна Енисея. Бюст торчал из воды. Проходил теплоход с туристами, и, конечно, сфотографировали. В Красноярске изъяли у всех фотопленку. Но все равно на Западе в газетах появилась эта фотография. Из этого музея хотели потом сделать музей революционеров, отбывавших ссылку в Туруханском крае. Но так ничего и не сделали...» (газету прочитала Г. Касабова).

турные детали фасада и интерьеров — Вуйчик. Капитители колонн и их базы рисовала Люся Жильцова. Все чертежи мастерски скопировал Володя (не знаю фамилии), но всем проектом дирижировал Яков Карлович Трушиньш. Витольд Станиславович, вернувшись в Норильск, возмутился самоуправством Якова Карловича, который был в то время каторжанином. Непокойчицкий отказал Трушиньшу в руководстве проектом музыкальной школы, передал его в группу Мазманяна.

Выстроенное здание стало жемчужиной архитектуры Норильска. Мазманян практически не вмешивался в проект, а, где было нужно, защищал Я.К. Трушиньша от В.С. Непокойчицкого. Это здание стало культурным центром города, оно являло собой пример высокого художественного уровня в классических архитектурных формах. Интерьеры здания наполнены музыкой. Зал украшали лепная отделка, большая хрустальная люстра, резные кресла, обитые красным бархатом, — все нарядно и утонченно. Этот зал и сегодня славится прекрасной акустикой далеко за пределами Красноярского края. Удивительно,



*Музыкальная школа*



что проект удалось сделать заключенным-архитекторам вопреки официальной установке на упрощенный типовый вариант. Авторы вложили душу в это здание ради детей и будущих поколений для пропаганды классической музыки, о которой мечтали они долгие годы мрачной жизни в ГУЛАГе. На здании в настоящее время висит мемориальная доска с именами авторов проекта.

Витольд Станиславович Непокойчицкий со временем стал все меньше принимать участие в проектировании зданий: уезжал либо в отпуск, либо на рыбалку, либо на охоту. Он оставлял Мазманяна курировать объекты, а Якова Карловича назначил главным архитектором проектов.

Я очень скоро почувствовала отрицательное влияние холодного климата на самочувствие и однажды получила путевку в профилакторий на Вальке. В то время он представлял собой три или четыре двухэтажных деревянных домика зеленого цвета, стоящих в ряд вдоль дорожки, идущей поперек водовода. Директор, узнав, что я архитектор, стала просить, чтобы я как-нибудь улучшила его внешний облик и со-



*Озеро Лама. Дом отдыха*



держание. Я уже начала работать главным архитектором города и решила пообщаться с руководством горздрава. Там работала Павлина Максимовна Беспалова. С нею мы пробили решение о строительстве нового здания. В.С. Непокойчицкий включил проект в титул и отдал распоряжение, каким он должен быть. Он назначил Я.К. Трушиныша ответственным и снова уехал в свои поездки. Яков Карлович опять поступил по-своему — четыре корпуса он привязал веером вокруг образованного центра. Один корпус был хозяйственным с кухней и столовой, второй имел два лечебных этажа, где находились ванны, грязи, кабинеты физиотерапии и прочее, третий был наполовину медицинским. В корпусах располагались и жилые комнаты на одного человека или на двух человек с санузлом, спаренным с соседним номером, и дверями с обеих сторон. На верхнем этаже были холл, зрительный зал и библиотека. Когда я увидела этот профилакторий, то была поражена его практичностью и красотой. Павлина Максимовна превратила его в оазис: цветущие растения, искусственный водоем с плавающими лебедями, поющие птицы, в вестибюле две клетки с обезьянками, кресла создавали уют и



*Профилакторий «Валек». Автор — Я.К. Трушиныш*

располагали к приятному отдыху. Над интерьерами поработали художники и дизайнеры, даже колонны в обеденном зале они оформили декоративно.

Под руководством П.М. Беспаловой профилактический работал как часы. Здесь была прекрасная еда, заказы от отдыхающих столовая принимала каждый день на следующий. Приезжающих с производства из разных смен обслуживали четко. На заднем дворе в теплицах выращивали овощи к столу и цветы. Норильчане полюбили это здание, молодежь приезжала сюда в выходной день просто отдохнуть, а молодые — после свадьбы.

Но архитектурный мир раскололся: В.С. Непокойчицкий не воспринимал новых веяний. Он считал, что раньше все делалось хорошо и, чтобы продолжать так же строить, необходимо получить разрешение на «исключения для Крайнего Севера». Его приближенными в то время были Чернышев, Анишин и Химин, которые тоже активно боролись с нововведениями. А нам хотелось украсить внешний вид типовых жилых домов, мы думали над тем, нужны ли на Севере балконы, как обеспечить инсоляцию всех квартир, как сократить длину путей внутри микрорайона. Я была против того, чтобы Норильск становился маленьким Ленинградом с его Невским проспектом, и боролась за северные архитектурные формы. Мы объявляли внутренние конкурсы на жилой дом городской застройки, на планировку микрорайона еще не застроенных территорий. Однако руководитель отдела гражданских сооружений был несгибаемым «ленинградцем»...

Хочу вспомнить жену Непокойчицкого Лидию Владимировну Миненко. Она была очень привлекательной полненькой женщиной, обладающей юмором, очень верной своему супругу во всем, даже в работе. Хотя без его присутствия она поддерживала передовые мысли. Мне трудно судить о том, что именно она запроектировала сама, а что члены ее бригады, так как заключенные, прекрасные архитекторы, под-



*Дворец культуры. Автор — Л.В. Миненко*

писи под своими чертежами не имели права ставить, а авторского надзора не было вообще. Я знаю только одну удачную работу Л.В. Миненко, сделанную при мне, — это Дворец культуры. Лидия Владимировна серьезно заболела, долго не приходила в сознание. Проектантки отнеслись к ней очень чутко — возле нее дежурили, сменяясь, сутками. Ее парализовало, и она больше не работала, муж ее увез на материк да и сам вскоре уехал из Норильска.

Обследования построенных зданий я начала с конца 50-х годов. Надо было понять, что при строительстве было хорошо и что плохо, ведь еще никто не строил на больших широтах капитальных зданий. Были обследованы жилые дома на Севастопольской улице (дома с лоджиями) и на Гвардейской площади, а также детские учреждения. С этого момента детская тема стала главной в моей жизни. Началось с того, что ко мне обратилась заведующая сектором детских учреждений комбината Галина Викторовна Сендек с просьбой посмотреть оформление детских садов. Как правило, это были картины «Утро в сосновом лесу», исполненные лагерными художниками. Я обошла все сады и обратила внимание на вопиющие недостатки в помещениях: спертый воздух, в каждой группе была только одна комната, в которой дети играли, ели и

спали. Форточки открывали только до прихода детей и после их ухода домой. Дети часто заражались друг от друга в общих гардеробных.

В школах было не лучше: не было места для занятий гимнастикой, но главным недостатком было отсутствие искусственной вентиляции с притоком и вытяжкой. Нужны были новые архитектурные решения, исключающие названные недостатки.

Нашими работами заинтересовались корифеи институтов гигиены детей и подростков доктор Евгения Ивановна Кореневская и профессор Любовь Фроловна Тулякова из Московского НИИ гигиены им. Ф.Ф. Эрисмана. Она организовала длительную экспедицию в Норильск и инструментально изучила воздействие низких температур на людей разного возраста. Это позволило скорректировать режим дня детей в зависимости от погоды.

Совместными усилиями мы написали статью в специальный журнал «Гигиена и санитария» (№ 11 за 1970 год). Вывод гласил: детей следует закалять, создавая особые условия внутри детского учреждения. Поэтому в детских садах появились плавательно-плескательные бассейны, а утверждающие инстанции согласились с дополнительными затратами.



*Школа на улице Пушкина*



*Клуб профсоюзов*

Кроме того, мы брались за перепланировку типовых квартир. И.Я. Эпштейн в строящемся пятиэтажном доме на Октябрьской улице ввел встроенные шкафы, шкафную перегородку с окном из комнаты в кухню, на первом этаже отдал две квартиры под комнаты отдыха для детей и взрослых (он был строитель и имел в своих руках власть), я же делала свою работу. В типовой однокомнатной квартире я перенесла кухню в нишу, оборудованную электрической плитой с вытяжкой, убрала внутреннюю перегородку и в бывшей кухне сделала вторую жилую комнату. Жители были довольны. Больше участвовать в проектировании я не могла по существующему тогда положению.

Мне пришлось всерьез изучить климатологию и, пользуясь ее методиками, создать многие характеристики дискомфорта.

Окружающие Норильск горы создают ярко выраженные микроклиматические условия. В летнее время они способствуют выпадению осадков. Горные ущелья формируют воздушные потоки южного и юго-восточного направления, определяющие ветровой режим города. В.С. Непокойчицкий мне говорил,

что увеличенная скорость ветра будет проносить снег через город и осаждать его в тундре. На самом деле снег задерживался во всех местах, где были препятствия ветру.

Дискомфортность климата изменила типологию зданий. На основании обследований я пришла к выводу, что нельзя детские учреждения размещать встроенными в первые этажи многоэтажных жилых домов и они должны быть только отдельно стоящими. Это понимали многие, но для этого не было целенаправленных средств. Обычно строили жилые дома, оставляя пустое пространство на первых этажах, а затем за счет статьи неоконченного строительства доделывали встроенные детские сады. Это была своеобразная хитрость. Мне пришлось доказывать свою правоту не только экономистам и работникам комбината, но и в краевом центре — в Красноярске и в Госстрое РСФСР — в Москве. Все мне односложно отвечали: слишком у вас завышенные требования, это дорого, да мы за эти деньги на юге построим три детских сада.

Я поняла, что доказывать свои требования нужно научными доводами. Гигиенисты мне дали необходимые данные по длительности прогулок для разных возрастных групп, необходимых для роста и развития ребенка. Продолжительность прогулок детей в Норильске явилась основой нового типа дошкольного детского учреждения с оздоровительными элементами: плавательным бассейном, спортивным залом, пространством для движений в специальной рекреации. Слабая и умеренная активность солнца в Заполярье заставила включать ежедневно в определенные часы ультрафиолетовые лампы для облучения во всех детских садах. А за залы крытых прогулочных дворов с положительной температурой, с зимним садом, уголком живой природы, тренажерные помещения, комнаты для труда и музыкальных занятий пришлось долго и усиленно бороться...





*Плескательный бассейн в детском саду поселка Геологов.  
Автор — Л.Г. Назарова*



*Зимний сад на балконе прогулочного двора детсада.  
Автор — Л.Г. Назарова*

## ПРИВЕТСТВОВАЛИ СВЕЖИЕ МЫСЛИ

Основой всякой застройки всегда бывает планировка города. Ранее выстроенная его часть состояла из мелких кварталчиков, порой из двух П-образных зданий. По дворам спокойно разъезжали автомобили, делая беспокойной жизнь детей, которые в школу ходили на довольно большие расстояния. Мы добились укрупненной застройки микрорайонами, в которых были ограничены пути движения людей и машин, введены школы и детские сады из расчета количества детей, проживающих в микрорайоне, и были предусмотрены магазинчики. Для решения всех вопросов организовали архитектурный совет, в который вошли ведущие проектировщики, талантливые архитекторы Трушиньш, Бурков, Мозель, представители санэпидстанции, госпожнадзора, заказчики (обычно это бывал от управления строительства комбината Иерохим Яковлевич Эпштейн), авторы проектов и строители.

Мы обдумывали, как сделать новую типовую застройку более привлекательной, с одновременным учетом климатических условий Севера. Все дома



*Здание горкома партии, горсовета. Автор — Я.К. Трушиньш*



стояли на сваях. Эти обнаженные столбы выглядели очень мрачно. Поэтому первое, что мы сделали, это закрыли подполья железобетонными подвесными досками. В магазинах, окна которых выходили на проспект, художественно оформили витрины. Добиваясь затрат на это новшество, я сделала макет витрин по фронту Гвардейской площади, после чего дома стали строить с каркасным первым этажом, с отапливаемыми широкими витринами.

В те времена проектирование велось в одну стадию, так как применялись типовые проекты. Для ускорения прохождения этапа согласования с СЭС, заказчиком и другими я решила проводить все рассмотрения совместно со всеми необходимыми организациями и даже привлекала их на стадии составления архитектурно-планировочного задания, чтобы заранее определить уязвимые места и специфические требования к данному объекту. Таким образом мы выявили совершенно новые требования к отделочным материалам, планировке с учетом природно-климатических условий. Вот почему мы организовали для проектировщиков семинар и наметили творческие отчеты архитекторов. Активизировали работу нашей ячейки Союза архитекторов, ее председателем стал Александр Васильевич Бурков. Собирались мы на верхнем этаже Дома техники в прекрасном зале, рядом было маленькое кафе. Как укрупнить мелкие кварталы, выстроенные ранее, как в микрорайоны встроить соцкультбыт и удобную торговую сеть, какими должны быть размеры дворов? Эти и многие другие вопросы были предметом наших обсуждений. Кроме тех, кого я уже называла, долго работали на благо Норильска архитекторы Фуат Оруджиев, Игорь Попов, Александр Сухарский. Некоторые из них, в частности Левитан и Борис Палей, переквалифицировались в художников.

Иерохим Яковлевич Эпштейн, главный инженер отдела капитального строительства комбината, разработал метод утепления полов в детских садах пу-

тем прокладки под ними горячих труб отопления от основной трубы с разводкой тонкими трубами. Полы действительно стали теплыми. Я тоже разработала экспериментальный детский сад оздоровительного типа. Мне удалось проверить свою концепцию на практике. Ко мне пришел геолог Алексей Владимирович Прохоров и попросил принять в эксплуатацию выстроенный геологами типовой детский сад в Талнахе. Это был одноэтажный кирпичный домик с общим коридором и тремя или четыремя групповыми с окнами на север. Я взялась переделать его. Вместо четырех групповых комнат получились две комнаты со спальными окнами на юг. Затем пристроили еще такой же корпус. Дальше я сумела выкроить из запроектированной второй кухни зал, а в новом корпусе разместила медпункт и кухню. Два корпуса были на приличном расстоянии друг от друга, и между ними разместился зал с бассейном, озелененный и красивый. С южной стороны пристроили две остекленные веранды, кроме них для прогулок был и открытый двор. Так в Заполярье делами доказывали заботу о детях.

Архитектурный совет рассматривал много предложений. О том, каким быть городу, были разные мнения. На Комсомольской появилась ступенчатая группа домов, которые придали некоторое разнообразие плоской улице. Обдумывали застройку микрорайона в торце длинного Ленинского проспекта, а также микрорайона на Талнахе, расположенного на горе. Ленинградцы привезли свое предложение: сделать застройку микрорайона изолированной и самодостаточной. Они предложили компактный единый комплекс. В талнахском проекте были интересные задумки, но главный инженер Иерохим Яковлевич Эпштейн резко и грубо раскритиковал авторов, мне даже пришлось извиниться перед гостями за это. Вторым предложением ЛенЗНИИЭПа был изолированный поселок, состоящий из цилиндрических башен. Эта идея была взята из американского журнала. Она пригодна для Аляски, но не для наших северных условий, поэтому

ее отвергли. Горячо обсуждали, где разместить новый театр. Гипротейтр считал, что он должен разместиться в конце Ленинского проспекта. Я возражала против этого варианта — в окружении жилой застройки театр будет казаться слишком громоздким, кроме того, он закроет перспективу проспекта. Я предложила поставить здание в центре не застроенного пока участка в объединенном квартале 37–41 и там сконцентрировать общественные и торговые здания. Позже театр поставили действительно на это место, но было поздно делать городской центр: вокруг него уже стояли жилые пятиэтажки. Для защиты от ветра и снегопада кто-то предложил (не помню автора) перекрыть прозрачным куполом весь город. Прошло предложение, объединяющее старые маленькие кварталчики в два дома и создающее микрорайон из четырех домов. Яков Карлович Трушин и супруги Шипковы разработали проект жилого дома, состоящего из двух параллельных корпусов, которые соединял крытый внутренний двор. Окна квартир выходили во двор, освещенный верхним светом через остекленное покрытие. На внутренней поверхности двора они разместили открытый плавательный бассейн, площадки для спорта, уголки для отдыха, озеленили двор высокими деревьями, которые, по их мнению, должны обязательно расти, хотя в городе зелень не приживалась. Во дворе разместили детский сад, магазины, общественно-культурные помещения. Мы все с увлечением экспериментировали. Я представила свой проект дошкольного детского учреждения с внутренним двором — прообраз будущего сада «Улыбка».

Обсудить наши предложения приехал новый директор комбината — Владимир Иванович Долгих. Он внимательно рассмотрел все и одобрил только мой проект. Мы были озадачены. Смелое решение жилого дома сочли нереальным. Однако впоследствии, когда Шипковы уехали из Норильска, они всюду предлагали свой проект. Он никогда не был осуществлен, хотя о домах, связанных стеклянным куполом, писали в

журналах, даже иностранных. Этот проект рассматривали и в кинофильме о Норильске, где главная героиня, она же главный архитектор города, говорила словами Шипкова.

А мой проект детского сада, утвержденный в 1962 году, был осуществлен только в 1977 году. Так тяжело входит в жизнь все новое...

Чем мы могли разнообразить внешний вид домов? В основном это были ажурные подвесные железобетонные доски, закрывающие продуваемое подполье.

Оставалось творить только внутри дома. В Доме быта, что на Комсомольской улице, интерьеры блестяще сделал Борис Палей. Он снова вернулся к архитектуре, одновременно исполняя должность председателя городского Союза художников. Я.К. Трушиньш превратил родильный дом в выразительное здание: перед входом он сделал крупный металлический витраж, отличавшийся от остальных подслеповатых окон больничного городка, чердак утеплил, превратив в мансардное пространство с зимним садом.



*Главный архитектор города Л.Г. Назарова в своем кабинете*

Для неоштукатуренных жилых домов тогда не было стойких красителей. Сделав эксперимент на двух домах, мы отказались от цветовой отделки, но обязали Норильскснаб завезти импортную стойкую краску для наружных работ. Жизнь ставила перед нами множество вопросов. Например, нужны ли балконы на Севере, которые как-то разнообразили бы внешний вид типовых домов? Я обследовала дома с балконами на Октябрьской площади и пришла к выводу, что балконы очень нужны, особенно весной и летом, как источник солнечного света, но двери на балкон должны быть особо утеплены. Как сократить длину пути жителей внутри микрорайона, которым нужно было обходить вокруг цепочки заблокированных домов? Придумали переходы между домами в виде узких щелей в полтора метра. Это исключало сквозняки, а под ногами, поверх труб, идущих от одного подполья к другому, предложили деревянный настил. Мы постоянно организовывали конкурсы и всегда приветствовали новые, свежие идеи.

Я проработала главным архитектором города восемь лет — с 1957 по 1964 год включительно. Все новшества в проектировании я описывала в архитектурно-планировочном задании — обязательном документе, как было написано в Положении о главном архитекторе города. Кроме того, в это задание мы вписывали особые требования СЭС, ГПН и заказчика.

## **СВЕТ, ЦВЕТ И РОМАШКИ**

Для архитекторов настало трудное время: было отменено всякое индивидуальное проектирование и так называемое украшательство лепниной, живописью, сложной формой зданий. Для всех городов юга и севера был принят типовый проект с малогабаритными квартирами. Это ускорило сроки строительства, больше людей удалось переселить из неблагоустроенного жилья. В новых домах предусматривались горячее отопление, ваннные комнаты, совмещенные с санузлами (для эко-

номии площадей), электрические плиты и прочее. Внешне городские жилые дома были похожи как близнецы. Мы стали думать, как добиться их разнообразия. Решили — нужен цвет. Глядя на фотографии больших городов, меня вдруг осенило: свет и цвет — вот что нам нужно. Наши консерваторы доказывали, что в наших условиях нельзя применять газоразрядные трубки: они не будут гореть при отрицательной температуре. Но идею трубок поддержал главный инженер ЖКУ Гаврилов. Он брался заняться этим внедрением. Нас поддержал и главный инженер комбината Владимир Алексеевич Дарьяльский. Гаврилов съездил в Красноярск, привез трубки и все, что нужно. Начал экспериментировать — горят! Мы сразу изготовили вывеску с названием «Таймыр» (с оленем) в цвете, следом появились другие — город ночью ожил.

Я очень благодарна многим людям, поддерживающим меня, мои идеи, помогающим дельными советами. Из руководителей это были П.С. Федирко и В.А. Дарьяльский. У Владимира Алексеевича было чутье на все новое, которое обязательно приживется. Много позже случайно я встретила его на материке. Владимир Алексеевич был ректором института в Красноярске, я уже была профессором — работала в НВИИ. Мы тепло пообщались, явно были рады нечаянной встрече. В.А. Дарьяльский признался, что ему всегда нравились мои поиски свежих решений в архитектуре, что он верил в меня... Мне было так приятно слышать его слова, словно я окунулась во времена моей молодости. А из коллег я более всего почитала Якова Карловича Трушиньша, у которого училась и профессионально, и по-житейски. Он соединял в себе талант и инициативу, порядочность и твердость характера, а мыслил всегда по-государственному. После переезда в Ригу Яков Карлович защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Я была у него в гостях, мы дружны и переписываемся до сих пор. У Якова Карловича двое детей, жена — балерина.



*Справа налево: В.А. Дарьяльский, Л.Г. Назарова,  
фамилию стоящего далее память не сохранила*

Новинкой в нашем городе были отдельно стоящие здания столовых: одно здание было диетической столовой, а два других — ресторанного типа. Наш город был не достроен, и мы объявили конкурс на планировку новой его части, в том числе на окончание Ленинского проспекта. Было представлено три варианта проектов. Шипковы представили свой. В нем они предлагали изменить трассировку улиц: сделали вместо одного Ленинского проспекта три магистрали. Их предложение резко раскритиковали и отклонили. Они подчеркивали, что это решение рассчитано на рост Норильска. Второй вариант представил И.Я. Эпштейн, а в третьем участвовала я. Официально выбрали третий вариант, но на следующий день мы с удивлением прочитали в газете отчет о нашем конкурсе, где победителем был назван первый вариант.



Киев, 08.03.93

Лариса Лариса Григорьевна!

Вам писано уже более месяца.  
Сразу пишу ответ. Еще выражаю  
своё сожаление о несостоявшемся  
поезде в Корнесс!

О проектировании музыкальной школы.  
Действительно, у меня получился  
конфликт с В.С. в связи с муз-  
школой. Основа была типовой проект  
небольшой школы. Я его значительно  
изменил и добавил концертный  
зал. Когда В.С. отказался от руководства  
этим проектом и формально передал  
его Мазманяну (он уже был директо-  
ром школы в это время — 1952 год).  
Мазманян практически не вмешивался  
в проектирование, а где это было  
нужно, занимал меня против В.С.  
Со мной постоянно работала Ляся  
Мельникова в качестве механика. Именно  
в проектировании музыкальной школы  
не принимала. По своему содержанию  
это в ту пору время 1952 года (восста-  
ния и забастовки заочников), воз-  
можно, что именно тогда посещение  
не только было обещано, а иногда и

Начало письма Якова Карловича Трушиньша Ларисе Григорьевне



музыкальную школу. В здании — все все  
сверхъестественно и отдаленно или под  
линей авторским надзором. Автором —  
конструктором этого здания был  
Леб Тэгарович французан. Он брел —  
мировым изданием музыки и музыкальные  
покрытия концертного зала.

Мосиф (Юзеф) Вуйчик был архите-  
ктором — текстом Лименко. Он в —  
нервном все фасады и архитек-  
турные здания ее проектов. Он  
нежно помол и при оформлении тех-  
нической фасады и интерьеров музыкалом  
(была была материя в офисе?).

Вуйчик был бывший польский  
офицер. Его освободили в 1945 году и  
он уехал не сразу — в Варшаву.  
Архитектор Лайтнев (вышел (исходил)?  
Ликайлович) ~~не~~ был известен ни из-  
вестно, в проектировании зданий. Книга  
Лайтнев был старым и опытным, ему  
самостоятельные объекты не поручали.  
Он был интересным человеком, в тайне  
была книга о последних жизни, которую  
чужакам ему не удалось. Он освободился  
примерно в 1946 г. и уехал в Москву.  
Я его однажды встретил в Москве, где

Назаровой о тех, кто работал с ним над проектом музыкальной школы

Борис Федорович Ермилов долго смеялся над статьей и спрашивал меня, как это вышло. Я не знала, только поняла, что в городской газете окопался мой личный недоброжелатель, ведь еще раньше он публично в газете называл нас с мужем Троекуровыми, высмеивая наши прогулки с двумя собаками. У меня тогда еще не было детей, и я действительно увлекалась животными.

Шипковы продолжали отстаивать свой вариант. Они заявили, что пошлют свои материалы на консультацию в МАРХИ на градостроительную кафедру, которую они окончили. Это был бунт. Его усмирил Якушкин из отдела гражданских сооружений, он заявил, что проектные материалы о Норильске засекречены, их никуда посылать нельзя. Это был блеф, но Шипковы восприняли это всерьез и перестали настаивать на своем решении. А по третьему варианту Проектная контора потом делала генплан города.

В 1964 году норильчане получили приглашение участвовать в IV Всесоюзном съезде архитекторов в Кремле, в Москву поехали В.С. Непокойчицкий, М.Д. Мазманын, Б.Ф. Ермилов и я. Это было очень интересное мероприятие. В подвальном этаже были накрыты столы, где можно было поесть, купить редкостные и красивые принадлежности для работы. Не имея билетов с номерами мест, мы постарались сесть поближе к первым рядам. Прошел слух, что после антракта на съезд приедет Н.С. Хрущев. Но он не приехал, и заседание продолжилось. Официальный доклад читал известный архитектор, но ему не дали выступить до конца, посадили на место. Затем начались выступления с мест. Я послала записку с просьбой дать мне слово. Много говорилось горьких слов о проблемах нашей архитектуры, о непорядках в строительстве. Художники во время выступлений рисовали шаржи, их вывешивали в фойе. При выступлении главного архитектора Читы появился плакат: «Всем городам российским не чета моя любимая Чита».

Помню, что в одном выступлении прозвучала идея: хорошо бы в наше время достичь уровня качества архитектуры и строительства, которое было 100 лет назад. Критиковали типовые проекты, зависимость положения главных архитекторов от неграмотных руководителей городов...

Наконец я услышала свою фамилию. Я сказала приблизительно вот что: Север — особая климатическая территория, поэтому нельзя в стране применять одни и те же проекты, нужны привязки к местным условиям. Никаких примеров постройки больших городов история нам не оставила, поэтому приходится



*На IV Всесоюзном съезде архитекторов в Кремле.  
Слева направо: М. Мазманиян, Л. Назарова, Б. Ермилов*

идти на ощупь... Мне аплодировали и избрали членом Всесоюзного правления Союза архитекторов.

Мы все пытались внести что-то новое в жилищное строительство. И.Я. Эпштейн использовал плоскую кровлю для выращивания овощей в зимнее время. Мы добились замены в домах чердачных покрытий на плоские кровли — исчезли карнизы с сосульками, падающими на голову прохожих.

При мне изменилось функциональное назначение жилых кварталов, в микрорайонах обязательными стали школа, детсады, домовые кухни, а также здание для внешкольной работы с детьми, которым могли пользоваться и взрослые (спортзал, лекционный зал и прочее).

Однажды мы узнали, что директор комбината В.С. Зверев еще в 1951 году заказал на заводе художественного литья в Мытищах скульптуры Ленина, Сталина, Калинина, Ворошилова, Кирова. Постепенно их стали привозить в город в отдельных ящиках и складывали в Норильскнабе. В 1958 году скульптуру Сталина разыскали в Игарке. Началась полемика, где установить его скульптуру. Я помню, как А.С. Бурмакин на заседании исполкома предложил поставить ее вместо Ленина, а профиль Ленина высечь в скале над городом, прямо на горе Шмидта. Стали обдумывать идею. Бурмакин предложил приурочить открытие памятника Сталину ко дню выборов, 24 декабря. Определили место — Привокзальная площадь. Монтаж поручили сделать освободившемуся из заключения Дмитрию Ивановичу Кормакову и скульптору Жильцову, что оказалось нелегким делом. Трудно было определить размер всей скульптуры, так как все части были разрознены и запакованы отдельно. Скульптура была тяжелой, ее отдельные части весили до 5 тонн. К скульптуре не было никаких сопроводительных документов. Жильцов и Кормаков определили общий размер всей скульптуры приблизительно в 9,5 метра. Чтобы определить габариты фундамента и постамента, Дмитрий Иванович даже

влезал на крышу вокзала. Монтировали скульптуру под брезентом. Обнаружились несоответствия: то голова не входила в паз плеча, то на спине были какие-то выступы, которые Жильцов вырубал зубилом. Наконец памятник торжественно открыли. После разоблачения Хрущевым культа Сталина нашлись два добровольца-тракториста, которые ночью самовольно сдернули скульптуру с постамента, зацепив цепью, поволокли ее и утопили в озере у медного завода.

Я была свидетелем того, с каким ужасом отнесся к этому деянию А.С. Бурмакин. Он вызвал меня в кабинет и потребовал немедленно достать скульптуру из озера, отвезти ее на склад ЖКУ, аккуратно там положить и накрыть. «Еще пригодится» — так он сказал. Я была исполнительницей. Задание выполнили в срок. Однако тут у меня случился странный провал памяти. Я не помню, как ее вытаскивали из озера и как тащили... Только потом я пошла посмотреть, как скульптура лежит и где. Увидела, что ее накрыли, лежит под стеной сарая. На освободившееся место поставили небольшой бюст Калинина.

Вскоре стало известно, что прибыла новая скульптура Ленина, заказанная директором комбината. А.С. Бурмакин приказал мне найти для нее соответствующее место. Я такого места не нашла: в небольшом городе с одной главной улицей ставить два одинаковых памятника с обоих ее концов невозможно. Поставить его против входа на стадион, спиной к глухой стене? Это было как-то не очень красиво... Я сообщила главе города свои соображения. Он срочно вызвал всех к себе в кабинет и грозным голосом сообщил, что городской архитектор не находит места Ленину. Избрали комиссию, она ходила два или три дня по всему городу. Но должного места скульптуре не нашла. Я была реабилитирована. Скульптуру запаковали и отправили в Игарку.

Когда директором комбината стал В.В. Дроздов, он предложил мне заняться озеленением города, благо в это время уже в Норильск переехал из

Ленинграда институт сельского хозяйства Крайнего Севера, а его сотрудник Поляков даже успел засеять поле заполярными маками и другими цветами. Единственным местом, где тогда приживались в городе кустарники, был сквер стадиона. Ленинский проспект пытались украсить лиственницами, но они вскоре погибали.

По инициативе Дроздова я сделала проект озеленения 18-го и 29-го кварталов — на привезенной земле высадили сплошной ковер ромашек, сделали тропинки из камня. В первый сезон все было прекрасно, а к следующей весне их уничтожили бульдозеры, убирающие снег. По-другому чистить дворы было невозможно: во дворах было много углов. За зиму скапливались целые горы снега, и если оставить его даже в малом количестве, то дворы были бы в лужах и грязи все лето. Одно радовало — отдельно стоящие дома оживили застройку типовых зданий. Это были Дворец спорта, Дворец культуры, плавательный бассейн, кинотеатр имени Ленина, музыкальная школа.



*Кинотеатр имени Ленина (ныне музей). Автор — Я.К. Трушиньш*

## ТВОРЧЕСКАЯ НЕВОСТРЕБОВАННОСТЬ АРХИТЕКТОРОВ

Очень важной частью моей работы был прием в эксплуатацию построенных объектов в качестве председателя комиссии. Строительство шло круглый год, бывало, одновременно сдавались по два-три объекта. Вместе с начальником Горстроя Дмитрием Максимовичем Муравьевым мы обходили все квартиры, подмечая недоделки или брак. Случалось, строители не заделывали подоконные доски (оттуда дул ветер), углы комнат стояли в инее... Электрические воздуховоды подсушивали только внутреннюю половину кирпичной кладки, что не устраняло сырость. Проходило какое-то время, и жильцы начинали писать в горком жалобы.

На техсовете строителей не раз обсуждали вопрос, какие меры принять для быстрого просушивания стен в новых домах. Сначала решили форсировать оштукатуривание новых зданий, но отделочники не успевали за темпом общестроительных работ. Затем увеличили число радиаторов отопления, но излишние затраты электроэнергии заставили отказаться от этого варианта, потом разработали проекты окон с тройным остеклением и герметичными прокладками. Их сделали в экспериментальном порядке и этим ограничились. Все упиралось в деньги. Экономисты требовали, чтобы в доме все было хорошо, но дешево. Жители нижних этажей продолжали дома ходить в теплой одежде, а на верхних люди ходили даже босиком. Мы пытались разрешить эту проблему разными путями — ничего не помогало. И только двадцать лет спустя инженер Николай Данилович Шкляров определил причину этого явления.

Я проработала главным архитектором восемь лет. Это было время, когда мы искренне чувствовали себя слугами народа. Все служащие, кого я знала, были честными исполнителями, работавшими с энтузиазмом, доходящим до самопожертвования. Та-



кова была Зинаида Яковлевна Шадрина — секретарь исполкома. Она отвечала за канцелярию, за списки избирателей и за проведение выборов. Работала чуть ли не сутками, жертвуя своим временем, здоровьем и личной жизнью. Секретарем в приемной председателя была Любочка Виноградова, умело создававшая микроклимат почтения величественному начальству. Но не все во внутренней жизни исполкома горсовета шло гладко. В памяти осталось увольнение заместителей Бурмакина с работы. Тайно подготовив документы, А.С. Бурмакин, глава города, съездил в Красноярск с ходатайством об увольнении своих заместителей — они ничего не решают, а просителей все равно принимает он. Замечу в скобках, что это он им не позволял принимать самостоятельные решения. Замы были умнее и образованнее его, поговаривали, что именно поэтому он и решил от них избавиться. А.С. Бурмакин собрал очередное заседание горисполкома, заместители готовились на нем выступить, но вместо этого вышел Анатолий Сергеевич и зачитал приказ об их увольнении. В перерыв они вышли растерянные, я подошла к ним, помогла одеться, как могла поддержала их словом.

Это был не единственный неблагоприятный поступок А.С. Бурмакина. Как преданный коммунист, по команде сверху он начал кампанию по уничтожению животных, принадлежавших частным лицам. Не слушая ничьих доводов, по его приказу были уничтожены не только совхозные лошади, но и частные коровы, свиньи. Мой муж в то время возглавлял службу снегоборьбы. Он рассказывал мне, какая замечательная молочная корова была у одного работника — И. Семенова, который ее долго прятал, но корову нашли и приказали ее уничтожить. Семенов ее зарезал, о чем рассказал мужу со слезами на глазах. В результате этих действий в отдаленных поселках и в районе городской свалки возникли тайные хозяйства с балками-сараями для животных и небольшими каморками для сторожей. Злые псы охраняли эти



хозяйства, так что начальство туда боялось заглядывать. Особенно мне было жаль лошадей...

И все же утешало, что рядом с Бурмакиным работали интересные и творчески настроенные люди, такие, как Владимир Иванович Венгеров и Ревекка Борисовна Коган, врач-гинеколог. Я была косвенной свидетельницей ее отношения к работе. Бывало, сидим в кинотеатре, смотрим фильм, вдруг он останавливается, зажигается свет и все слышат голос по радио: «Коган, на выход!» Значит, требуется сложная операция, и, подхватив шубку, Ревекка Борисовна бежит спасать жизнь очередной женщины.

Будущие городские здания, микрорайоны мы старались рассматривать гласно, с широким обсуждением заинтересованных сторон, включая самих жителей. Это не понравилось руководителям проектантов. Они сделали такой ход: пока не был утвержден генеральный план города, в виде исключения запроектировали и построили несколько домов в прилегающей к застройке тундре, чем сразу же связали дальнейшие дебаты по проекту города в целом. Как третейского судью я пыталась привлечь к нашей проблеме Госстрой РСФСР, но тут я столкнулась с командно-бюрократической системой.

Приезжаю, например, к начальнику управления Госстроя Игорю Николаевичу Ратько. Он пригласил меня в кабинет, но в течение нескольких часов беседовал со своими сотрудниками и только за полчаса до конца работы начал разговор со мной. Но о чем? Как я доехала и как мне Москва... Потом он сказал, что о делах мы сегодня не успеем поговорить. На завтра у него совещание, затем он уезжает к своему начальству, а послезавтра в командировку. Однажды я прямо спросила его, почему он не хочет помочь нам. И услышала в ответ: «Мы не успеваем отвечать в ЦК, а городам помогать просто некогда».

Так неразумно строилась социально-экономическая политика того времени, творческая не востребованность архитекторов привела к тому, что в строительстве

учитывался порочный принцип: каждый человек нуждался только в рабочем месте и в месте для сна.

Мы, молодые архитекторы, не сдавались и свято верили лозунгу «Все во имя человека, все для блага человека». Мы обсуждали новые проекты, спорили и мечтали. Но очень часто упирались в стену равнодушного непонимания и нежелания.

Работы было много, и я решила взять себе в помощницы Римму Кокорину, которую знала с первых лет пребывания в Норильске. Я была классным руководителем ее группы в техникуме. Удивительно красивая девушка не очень ценила свою внешность: остригла замечательную толстую косу длиной ниже пояса. У нее был чудесный цвет лица, голубые глаза и очень мягкий голос. Словом, я любила свою ученицу, которая к тому времени уже окончила норильский институт. После моего отъезда из Норильска на долгие годы Римма Кокорина стала главным архитектором города.

В ЦНИИЭП учебных зданий усиленно следили за моими творческими поисками и за проектом детского сада нового типа. Я получила официальное предложение приехать в очную аспирантуру и была очень этому рада.

Распростившись со своим дружным коллективом и с горисполкомом, я уехала в Москву в 1965 году.

## **АСПИРАНТУРА И СНОВА НОРИЛЬСК**

Моя аспирантура началась с веселья: сектор детских зданий что-то праздновал, и я познакомилась с коллегами в неформальной обстановке. Потом меня представили директору Градову и его заму по науке Пожарскому. Я дорабатывала почти готовую диссертацию.

Моим руководителем стал Сергей Георгиевич Змеул. Я хорошо сдала последний экзамен по специальности представительной комиссии и в 1966 году в ЦНИИЭП продолжила работать над диссертацией. За время учебы в аспирантуре в 1966 году по приглашению Союза архитекторов я съездила в ко-

мандировку в ГДР на 14 дней. Мы побывали в разных городах. Мне понравились немецкие скульптуры, выставленные в одном из скверов, стоящие без постаментов на траве, которые изображали простых людей, часто лукавых, натуральных и с юмором.

Там же я обратила внимание на квартал жилых трехэтажных домов, построенных при Гитлере, они были одинаковыми и некрасивыми.

Я получила справку об окончании аспирантуры 28 марта 1967 года и, записавшись на очередь для защиты диссертации, уехала в Норильск. Направление я получила в отдел строительной физики Норильского научно-исследовательского отдела Красноярского ПромстройНИИпроекта, где руководителем был Михаил Васильевич Ким. Он был влюблен в свою науку, собирал книги по специальности, работал, не считаясь со временем, домой почти не уходил, так как жил без семьи. Я не теряла времени зря, научилась расчетам и инструментальным исследованиям по инсоляции и аэродинамике. Потом мне пришел вызов на защиту диссертации, я получила диплом кандидата архитектуры, а через восемь месяцев перешла работать в сектор, руководимый Я.К. Трушиньшем.

Яков Карлович включил в план сектора разработку чертежей детского сада, которые он и его сотрудники сделали с моих рабочих чертежей. Но, чтобы построить детский сад, пришлось схитрить. Когда я училась в аспирантуре, мой муж (тогда начальник Фундаментстроя) нашел возможным на сэкономленные средства в конце года построить нулевой цикл. Только после этого строители стали считать объект незавершенным и включили его в план работ на следующий год. От Проектной конторы потребовали официально оформленных чертежей детского учреждения.

Наконец его построили, назвали «Улыбка». В дальнейшем детский сад был отмечен на ВДНХ в Москве. Здание снимали в кино, фотографировали для журналов, в нем проводились праздники и спар-

такиады. Через четыре года я уехала в Москву, где меня ждали мама и маленькая дочь.

В столице я стала работать на кафедре архитектуры в МИСИ. Приходилось тяжело: после занятий со студентами занималась дочерью, ночами готовилась к лекциям. Но я любила свою специальность и с удовольствием преподавала.

За пять лет работы в МИСИ удалось сделать немало. Я написала статью об учете температурного и ветрового режима, составила альбом с иллюстрациями «О правилах проектирования жилых зданий на Крайнем Севере», опубликовала книгу, составила учебное пособие «Проектирование гражданских зданий на Крайнем Севере» — его рукописным вариантом студенты МИСИ пользуются до сих пор. Я участвовала в работе симпозиума «Климат—город—человек», по материалам выступления которого опубликовала статью «Характеристика суровости климата методом комплексной климатологии». Я читала лекции, вела курсовое и дипломное проектирование, кружки по истории архитектуры...

В Норильске в 1970 году в НВИИ (Норильский вечерний индустриальный институт) открылись дневное отделение и кафедра архитектуры. В МИСИ как в базовый институт по архитектурно-строительному образованию пришел запрос с просьбой рекомендовать специалиста для заведования новой кафедрой. Институт направил меня, и я снова поехала в родной Норильск, где проработала еще 15,5 лет.

Ректор института меня принял приветливо, на первых порах выделил небольшую комнатку на четвертом этаже. Первым делом я стала искать преподавателей для кафедры архитектуры, но удалось пригласить только совместителей. Норильск был закрытым городом, приехать на работу к нам можно было только по вызову, вряд ли его мог получить от института архитектор. А между тем наш приятель из Москвы сообщил, что его знакомый, архитектор Александр Александрович Сорокин,

ищет работу в Москве, но пока ему предлагают только административную. К тому времени А.А. Сорокин был уже полковником запаса и хотел трудиться творчески. Он всерьез увлекался проектированием и рисованием.

Мы с мужем посоветовались, и Владимир Евгеньевич Полуэктов (в то время руководитель лаборатории оснований и фундаментов) решил вызвать Александра Александровича в свою организацию в надежде, что потом он перейдет в институт. Так мы с мужем познакомились и вскоре подружились с интересным человеком. Нескоро ректор НВИИ дал согласие на перевод Сорокина на кафедру архитектуры.

Нас с мужем поражала необыкновенная память А.А. Сорокина. Школьником он полюбил ходить в детский зал библиотеки им. В.И. Ленина. Вначале ему понравилось, что занимающимся там детям давали стакан чаю и бублик, потом он увлекся чтением, ему даже доставали редкие книги из библиотечного



*Новое здание техникума, впоследствии Норильского вечернего  
индустриального института (НВИИ)*

архива. Его брат занимался вокалом, во время войны был солистом Краснознаменного ансамбля Белорусского фронта. Мама А.А. Сорокина увлекалась классической музыкой. Его брали с собой в театр, оперу и на концерты. Искусство с детства вошло в его жизнь, а сам он предпочел рисование. На кафедре архитектуры Александр Александрович освоился быстро и даже включился в работу над моим проектом детского сада.

И вот однажды во время ремонта зрительного зала института Александр Александрович составил рисунок паркетного пола. Приближались ноябрьские праздники, а сцена, как полагалось, не была оформлена бюстом Ленина (у института отсутствовали на это средства). И тогда А.А. Сорокин предложил нарисовать портрет вождя масляными красками с помощью эпидиаскопа. Все остались довольны парадностью сцены. Потом он красками оформил спортивный зал.

Посетивший Норильск А.Н. Косыгин обратил внимание властей на монотонность окраски домов и обещал прислать 600 тонн шведской краски, которая выдерживает самые суровые морозы. Александр Александрович предложил мне сделать совместный проект окраски Ленинского проспекта. Мы ходили по улице, советовались, какие световые и цветовые акценты применить... На длинной бумажной полосе мы изобразили в цвете дома. Кинотеатру им. Ленина и административному зданию уделили особое внимание: их оформили наиболее ярко. На домах улицы Нансена Александр Александрович нарисовал зеленые деревья — они хорошо были видны при въезде в город со стороны аэропорта Алыкель.

Наш проект понравился и в УЖКХ, и комиссии, которая объявила конкурс на лучшее оформление проспекта и улиц. Конкурс мы выиграли — Ленинский проспект преобразился. Жители приветствовали наше решение, городская газета «Заполярная правда» опубликовала хвалебные отклики читателей и

специалистов. И только наши вечные оппоненты из проектного института Анишин и Чернышев заявили, что мы испортили вид города, и решили вызвать нас к начальству и там дать нам бой.

Приехали директор комбината Борис Иванович Колесников, партийные секретари. В конференц-зале мы развесили свои длинные листы и рассказали о выбранных принципах покраски зданий. Проектанты пытались уличить нас в неграмотности: мы сделали темные карнизы и выступающие части зданий, а надо бы сделать наоборот... И тогда Александр Александрович достал журнал «Архитектура СССР» и показал подобный нашему способ оформления улицы. Кроме



*После приемки нового дома Л.Г. Назарова и Д.М. Муравьев*



того, мы отталкивались от стиля въездной площади, предложенной в свое время В.С. Непокойчицким.

Партийное начальство было на стороне Анишина, нашу сторону принял Борис Иванович Колесников. Он сказал, что ему понравилась наша работа, и принял, по-моему, соломоново решение: мы продолжим оформление домов, а проектанты свои решения применяют в новых строящихся зданиях. На каждый дом мы делали на синьке паспорт, в котором показывали детально окраску здания.

Кафедра архитектуры воспитала немало молодых специалистов. Этому способствовал творческий дух коллектива. Наши выпускники успешно защищали дипломы «Норильск 2017 года», «Новые технологические решения гражданских зданий», «Город будущего на Камчатке» (эту тему предложил профессор Борбат, открывший там новое месторождение) и др.

К нам в институт из Проектной конторы перешли архитектор Людмила Васильевна Татаева, окончившая Ленинградский инженерно-строительный институт, и кандидат технических наук Николай Данилович Шкляров. Оба специалиста оказались чрезвычайно полезны кафедре.

Николай Данилович использовал строительную физику для объяснения некоторых отрицательных явлений, над которыми мы долгие годы ломали голову. Он доказал, что внутри зданий действует ветровой и гравитационный напор, который возникает из-за разности объемов холодного наружного и подогреваемого внутреннего воздуха. На уровне середины здания по высоте приток и вытяжка уравниваются. Таким образом мы подсчитали, что оптимальным решением должны быть дома шириной 15–18 м, длиной 75 м, высотой 12 этажей. При повышении этажности до 18 м обязателен технический этаж. Положительно себя зарекомендовало изобретение Георгия Алексан-



дровича Борисова по блокировке зданий. В жилых домах повышенной этажности предусмотрели дополнительные помещения для сушки зимней одежды в квартирах и дополнительные входные тамбуры.

На кафедре мы занимались проектированием гражданских и промышленных зданий, работали над формированием культурно-спортивного комплекса на горе Сабля. Кроме того, каждый год выпускники выполняли дипломные проекты по заявкам предприятий. Ежегодно кафедра выпускала около 50 человек. В 1986 году институт был реорганизован в завод-втуз при НГМК, кафедры строительного профиля объединились в единую ПГС, и в январе 1987 года я была избрана по конкурсу профессором и утверждена в этом звании ВАКом. В этом году Александру Александровичу ампутировали ногу, он стал передвигаться с костылем. Для его лекций специально выделяли аудиторию на первом этаже. В 1990 году у А.А. Сорокина случился инфаркт.



*Снимок на память: Л.Г. Назарова (первая слева в первом ряду)  
с коллегами перед отъездом*

На лекции он перестал ездить, но продолжал работу над книгой «Основы культуры». Наступил новый этап моей жизни. В 1991 году мы с Александром Александровичем поженились. Через три года мы покинули Норильск и стали жителями Калуги. Мы прожили счастливо вместе 14 лет. Александр Александрович продолжил рисовать. Его акварели выставлялись во многих городах Калужской и Московской областей, за рубежом. Он подарил свои картины Норильску, музею-заповеднику В.Д. Поленова. А.А. Сорокина приняла в Союз художников России. Вот что написала о нем Н.Н. Поленова-Грамолина, директор Государственного музея-заповедника В.Д. Поленова, заслуженный работник культуры РСФСР: «О состоянии души своей Художник говорит в своей работе, и, глядя на эти работы, ты думаешь, что он счастливый человек, столь светлы они, изящны и умиротворенны. Александр Александрович Сорокин — мужественный и честный



*А.А. Сорокин и Л.Г. Назарова*

Художник». Она отметила и его великий труд, и изящную легкую игру света и тени, полет фантазии и радостное ощущение бытия.

...И второй муж покинул меня. Мне 80 лет. Оглядываясь на прошлую жизнь, я понимаю, что сделано много полезного для людей, детей. Но моя мечта о прекрасной архитектуре северного города не сбылась. Я уехала из Норильска разочарованной, уволилась без сожаления и больше не хочу видеть родного города таким, каким он стал.



## ЧИТАЙТЕ В КНИГЕ ШЕСТОЙ «О ВРЕМЕНИ, О НОРИЛЬСКЕ, О СЕБЕ...» О ВОССТАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ НОРИЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ ЛЕТОМ 1953 ГОДА

**О**дин из руководителей забастовочного комитета, Александр Валюм, ныне проживающий в Латвии, писал в 1992 году: «... я хотел рассказать правду о небольшой частице той огромной трагедии, постигшей миллионы людей разных национальностей... превращенных в сталинских рабов».

Об этой правде не знают многие и сегодня. Мы предоставляем слово вольным или невольным свидетелям восстания, его участникам и организаторам. Вот что рассказал о начале событий и расстреле заключенных в 3-м лаготделении Александр Валюм:

...Слышали шум, крики и, поняв, что действительно идет избиение заключенных, находившиеся поблизости каторжане, подбежав к забору, отделявшему ШИЗО от жилой зоны, оторвали от него несколько досок, дав тем самым возможность избиваемым выбраться в жилую зону. Они быстро разбежались по баракам. Солдаты, пролезая через проволоку, вышли за пределы зоны. В то время по вызову капитана Тархова в лагерь прибыл генерал-майор Семенов. В результате избиения в прогулочном дворе ШИЗО остался из этой группы раненный в голову заключенный Воробьев.

Встретив в зоне оперуполномоченного Воронцова, заключенные попросили его присутствовать при эвакуации раненого з/к Воробьева из ШИЗО в больницу. Когда Воробьев был унесен в больницу, л-нт Воронцов направился к выходу из лагеря на вахту. Едва Воронцов скрылся за здание больницы, раздались залпы, автоматные и пулеметные очереди. Видя возбуждение в лагере и по привычке ни в чем не разбираясь, не вникая и здесь в обстоятельства дела, находившийся у ворот дивизиона охраны майор Поластяной дал

солдатам команду открыть огонь по находившимся в зоне заключенным. В это время в лагере находился генерал-майор Семенов, который беседовал с каторжанами у амбулатории. Услышав стрельбу, генерал подбежал к штрафному изолятору, откуда было метров 20 до майора Поластяного, и, потрясая кулаками, закричал: «Поластяной! Что ты делаешь... твою мать!» Но было уже поздно... В результате преступной выходки распоясавшегося майора Поластяного было убито 4 и ранено 17 человек, двое из них вскоре умерли. Одного из убитых нашли на крыльце сушилки с зажатым куском хлеба в руке. Другой был убит в бараке, на нарах, сонным, третьего пуля сразила при выходе из библиотеки в 200 метрах от ШИЗО, четвертый был убит на дороге у клуба. Обстрелу подверглись больница, амбулатория, полустационар инвалидов, жилой барак № 26, столовая общепита, клуб...

\*\*\*

Полностью воспоминания А. Валюма читайте в следующей книге «О времени, о Норильске, о себе...». Кроме него о восстании расскажут Лев Александрович Нетто, Борис Александрович Шамаев, активисты забастовочного комитета, западные украинцы и белорусы Г. Климович, Е. Грицяк, О. Зозюк, Г. Мазепа, М. Баканчук и многие другие з/к. Журналистка Алла Макарова начала собирать материалы о восстании на заре перестройки. Она предложила свое видение протеста в Норильлаге. Мы надеемся получить и свидетельства иностранцев, ни за что ни про что попавших в мясорубку сталинских репрессий. Доказательством тому — публикуемое письмо венгра Бела Ирани на русском языке, который он изучил в Норильлаге.



Famille Dr. med. Béla und Irene Irányi-Stauffer  
Chalet Telep  
CH-3818 Grindelwald · Telefon 033 853 33 09

5. февр. 2004

Галина Ивановна  
Касабова  
Москва

Уважаемая Гражданка!

Я вынужден Вас просить об извинениях за мой русский язык, но у меня нет школьного образования. Я самозек в ИТЛ в годах 4946-1955, из этих 6 лет в Норильске, 2% Зерлаг Кайеркан. Вернувшись на Будапешт осенью 1955 года, участвовал в нашем восстании против Советских властей, из-за этого надо было мне убежать зимой 1956 года. Во Швейцарии я до сих пор диплома врага, и вел собственный кабинет до 1995 года. Ничего мне тоже я получил ударов на правой стороне и появились у меня симптомы Паркинсонской болезни. Эти недуги весьма снижают мои возможности в деловитости являющейся причиной моего тугодуха.

Однако хорошая новость: наш переводчик в Венгрии. Один бывший з/к товарищ работает переводчиком и сейчас мне и мои записи переводит на русский язык. Как скоро, я не знаю. Вы знаете его, Якош Ружан, писателем лагерных страданий, он был в Караганда.

Одна правда еще, напишите мне как Вам обращаться вежливо. Мне запомнится только "гражданин население", а мне это не нравится.

Желаю Вам всего хорошего

до свидания

Вам Бело Ирани  
Бывший О-159

5.Фебр.2004

Галина Ивановна Касабова

Москва

### Уважаемая Гражданка!

Я вынужден Вас просить об извинения за мой русский язык, но у меня нет школьного изображения. Я самоучка в ИТЛ в годах 1946–1955, из этих 6 лет в Норильске, 2 л/о ГорЛаг Кайеркан. Вернулся на Будапешт осенью 1955 года, участвовал в нашем восстании против Советских властей, из за этого надо было мне убежать зимой 1956 года. Во Швейцарии я добыл диплома врача, и вел собственный кабинет до 1995 года. Пару лет позже я получил ударь на правой стороне и появились у меня симптомы Паркинсонской болезни. Эти недуги весьма сжимали мои возможности в деловитости и являются причиной моего тугодума.

Однако хорошая новость: нашел переводчика в Венгрии. Один бывший з/к товарищ работает переводчиком и обещал мне и мои записки переводить на русский язык. Как скоро, я не знаю. Вы знаете его, Янош Рожаш, писатель лагерных страданий, он был в Караганды.

Одна просьба еще, напишите мне как Вам обращаться вежливо. Мне запомнится только «гражданин начальник», а мне это не нравится. Желаю Вам всего хорошего дописания.

Ваш Бела Ирани

бывший О-159

Мы приглашаем всех, кому есть что рассказать о норильском лете 1953 года, стать авторами книги шестой «О времени, о Норильске, о себе...».



## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

### А

Аардма	488
Абрашкевич, муж	355, 360
Абрашкевич Наталия Павловна, жена	356
Абрикосова-Рахманова Софья Алексеевна	459, 460
Абубакиров Салим	272
Агаметов Михаил	239
Айвазов Л. А.	316
Албегов Асланбек	218
Албегов Битка Бибоевич	215
Албегов Борис Биткаевич	212–214, 217, 219, 224, 230, 237, 243, 251, 262
Албегов Дмитрий	218
Албегов Умар	218–220
Албегова Галина Павловна	262
Албегова Дося	219, 221
Албегова Згыта Габлаевна	215, 219
Албегова Нина	219, 221
Албегова Фрося	218, 221
Александров А. П.	78
Александров Гемп Никитович	436, 437, 439



Алексеева	329
Алкацев Дебола	251, 395
Андреев	185
Андреев П.	299
Андриканис Николай Николаевич	477
Аникеев И. А.	146
Анисимов Леонид Иванович	204
Анисимова Оля	429, 430, 446, 454
Анишин	518, 548
Анчаров Ю. А.	200–202, 204
Апраксин Н. А.	283
Аристов Александр Иванович	274, 275
Арутюнян Анушаван Геворкович	227, 228
Архаров А. А.	315
Арцыбашев	338

## Б

Бабкин	337
Бабошин Иван Павлович	430
Бабошин Слава	430
Баженов Никандр Абрамович	180
Бажин Иван Зиновьевич	299
Бажутин Александр Федорович	266, 267
Бажутин Борис Александрович	266, 268, 269
Бажутина Евгения Александровна	266, 268
Бажутина Наталия Александровна	266, 267
Базоев Хазбечир Асахметович	252, 254, 255
Бакарчук М.	553

Баландин А. А.	286
Балыбердин	340
Баранов Владислав Анатольевич	195, 197
Бараш Надежда Григорьевна	416
Баскаев Петр	255
Баскакова Ольга	381
Басс Александр	247, 249
Бахмуров Петр Васильевич	341
Бачковский Владимир	432
Башмаков Тихон	79
Бегаев Иван	408
Бедняков М.	294
Бекишев	79
Белоголовкин Б. М.	223
Белявский Леонид	261
Беляев А. И.	271
Белякина Л. А.	228
Бергавинов С.	11, 12
Береснев И. С.	79, 308
Береснева Дагмара	429, 446
Бескоровайный Владимир	248
Беспалова Павлина Максимовна	517, 518
Бессуднов Анатолий	249
Бизяев Александр Денисович	51–53, 56–61, 66, 67, 70, 71
Бизяев Игорь	58
Бизяева Алена	58
Бирюкова	285
Битадзе Лев Шалвович	416
Битадзе Михаил Алексеевич	232, 233
Благих А. И.	228

Бойков Николай Николаевич	488, 498
Борбат	548
Борисов Георгий Александрович	492, 493, 549
Боровков Всеволод Владимирович	295, 296, 299
Борун-Кортаева М.М.	454
Боряев	283
Бочаров С.	278
Бочвар А. А.	78
Бочвар А. М.	394
Бочкарев Л. М.	285
Брагин Г.	285
Бреславская Тамара	249
Брилев Сергей	207
Брилева А. А.	38, 448
Бронштейн	56
Брындин В. В.	294, 296, 297, 299
Бугров В.	436
Бузакова А.	332
Бузмаков Иван Яковлевич	26, 281
Бузунова Лидия Васильевна	333
Булмасов Александр Павлович	355, 356, 358, 360
Бурков Александр Васильевич	524, 525
Бурмакин Анатолий Сергеевич	341, 505, 536, 537, 540, 541
Бусыгин	394
Бутаев Клим К.	254, 255
Быстролетов Дмитрий	28, 29
Быховский	390
Бычков Николай	424–426, 431, 434, 436, 437, 450
Бычкова Надежда Николаевна	427

---

# В

Баевский	394
Вайшенкер Элла	412
Валеев Чингиз А.	274, 275, 277
Валов Николай Иванович	129
Валюм Александр	552, 553
Ванюков А. В.	288–290
Ванюков Владимир Андреевич	288, 289, 390–394, 400
Василенко Г.	436
Васильев	59
Васильев Михаил Георгиевич	112, 138–140, 142, 145, 282
Васильев Н. Б.	286
Васильев Николай Борисович	466
Васильева	112
Васильков	163
Васин	335
Величко Надя	429
Величко П. П.	19, 283
Венгеров Владимир Иванович	541
Венжега Галина	240
Веребрюсов	361, 374
Веремеенко Виктор Александрович	16, 27
Веремчук С.	278
Верещак	275
Виницкий Аркадий Лазаревич	239, 243, 249
Виноградова Люба	540
Виноградова Шура	377, 382, 383

Винюкова Надежда	415
Власов Влас Петрович	185
Вождаев Иван Николаевич	442, 444
Вождаев Лев	442
Вождаев Николай	442
Вождаева Бетти Григорьевна	433, 442, 448
Вождаева-Шубина Инна Ивановна	440–443, 454
Володин Е. Н.	271
Волошин Даниил Кириллович	407
Волошина Татьяна Владимировна	131, 133
Волошина Татьяна Макаровна	414
Волошина-Куц Нина Данииловна	404–406, 412, 417, 418, 420
Вормсбехер Люся	491
Воробьев	552
Воронин Алексей Федорович	432
Воронцов	552
Воронцов А. Е.	39, 40
Воронцова Ирина	408
Воронцова Лена	40
Воронцова Софья Георгиевна	39, 40
Воротников В. И.	341
Всесвятская Ольга	466, 469
Всесвятская Татьяна	466, 469
Всесвятский Владимир Николаевич	201, 202, 457, 458, 460, 465–471
Вуйчик	515
Вуколова-Бизяева Лидия Михайловна	48–50, 59, 62

---

# Г

---

Гаврилова Эльвира	340
Гайдар Е. И.	228
Гамов Василий Павлович	396
Гамова Екатерина Александровна	396
Гаранина Людмила Александровна	250
Гармаш Т. Я.	25
Гарри	55
Гарфункель	413
Гершунов Геннадий	428, 430
Гилельс Лиза	412
Глазко	469
Глушков Иван Васильевич	187, 188
Глушков Н.	206
Гнидин Б.	436
Голимян Абсруни Габриелович	487, 500
Голосов	185
Голышев Петр	183
Гондаровский	20
Гордеев П.	273, 275, 278, 279, 282
Горецкий Леонид	249
Горинский	180
Горр Александр Давидович	166, 167, 187
Госкин	32
Градов	543
Градская	275
Грамп Александр Николаевич	52, 453
Григорьянц Эдуард	150

---

Грицяк Е.	553
Гришина-Смирнова Лидия Георгиевна	292, 293, 298
Гришко Андрей	185
Гумилев Лев Николаевич	349, 364, 366, 369–374, 376, 378, 381, 383–385, 407
Гумилев Николай Степанович	364, 384, 385
Гунина Надежда	179
Гурашидзе В. С.	274
Гуревич Борис Львович	494
Гуринович Анатолий Юльевич	427
Гуринович Евгения Николаевна	427
Гусаковский В. К.	383

## Д

Давыдов Юрий	249
Даганский Александр Юрьевич	463
Данилов	79
Данилов Леонид Иванович	210
Данилова Н. К.	37
Дарьяльский В. А.	79, 283, 499, 530, 531
Деев	514
Дельник А. Н.	255
Демчук В.	278
Денисов Георгий	249
Десяткин Т. Г.	257, 258
Дзгоев А. К.	280
Дзираев В. А.	292

Дзускаев Вилен Газакович	252
Дзюбенко Н.С.	33, 281
Диметрюк А.	146
Дирягин Михаил	183
Дмитриев	283
Дмитриев Герман	415
Дмитриева Нина Михайловна	211
Добровольский Н. А.	309
Доев Р. Г.	255
Долгих Владимир Иванович	7, 78, 85–91, 93, 97, 120, 174, 527
Долгонос Люба	352, 375
Домарева-Ганшкевич Ирина	454
Домбровская Инга	420
Домникова Марта Романовна	164
Донской О.	273, 274
Драбкина Елизавета	467
Дроздов А. К.	403
Дроздов Владимир Васильевич	7, 82–84, 110, 206, 293, 495, 499, 537, 538
Дубовская Ф. П.	284, 285
Дудкин Вячеслав	240
Дун	479
Дыбов Ю.	436
Дьяков Валя	431
Дьяченко Николай Онуфриевич	184
Дьячкова Нелли	488
Дюжиков Олег	434



---

# Е

---

Евзерова-Качурина Инесса Моисеевна	454
Егоров	55, 56
Егоров Владимир Николаевич	352, 434, 464, 465
Езепенко	282
Екимова Анна Михайловна	133
Елисеев Вадим	285, 337, 434
Елян Александра Федоровна	69
Елян Бока	69
Елян Ваган Сергеевич	69
Елян Вока	69
Епишев Н. П.	241
Еремин Степан	179
Ермилов	466
Ермилов Борис Федорович	500–502, 534, 535
Ермоленко Тanya	382
Ермолова Людмила Николаевна	131, 136
Ерофеев	122
Ерофеева	122
Есин С.	296

---

# Ж

---

Жданов Николай Петрович	137
Жженов Георгий Степанович	407, 419, 421
Жигалин Евгений Иосифович	466
Жикин Корней	325

---

Жильцов	536, 537
Жильцова Люся	515
Журавлева Полина Акимовна	70

## З

Забрамная Елизавета Евсеевна	293
Завенягин Авраамий Павлович	3, 6, 15, 16, 20, 28, 42–47, 49, 58–65, 67, 69, 71–74, 76, 79, 233, 259, 304, 320, 330, 389–395, 401, 407, 470, 477, 478, 487, 495
Загарский В. С.	274
Зайцев П. В.	309
Закопырин А. Н.	210
Замятина Мила	429
Зарапетян	64, 65
Зарезаев Александр	239
Захаров Юрий	415, 454
Зверев Владимир Степанович	6, 65, 69, 73, 74, 76–78, 92, 271, 308, 316, 332, 334, 339, 421, 428, 446, 469, 470, 536
Зверев Олег	316, 408
Звонарев Иван	184
Звягинцев Иван Петрович	448
Звягинцев Саша	447
Звягинцева Галина Львовна	448

Зенгер Милада	429, 430, 446
Зингер Михаил Акимович	4, 11–15
Зингер Эльгард Михайлович	12, 15
Злобин	319
Змеул Сергей Георгиевич	543
Знаменский В. Н.	276
Зозюк О.	553
Зорий В.	292
Зорин А. Д.	285
Зубарев	337
Зубов Николай	239

## И

Иваницкая Клавдия Захаровна	413
Ивкин Сергей Алексеевич	514
Игумнова Ольга Алексеевна	132
Илловойская Ирина	417, 418
Ильичев Г. В.	389, 390
Ипполитов	398
Ирани Бела	553, 555
Исмаилов Садри	249
Иш	55, 56

## К

Кадяев Анатолий Алексеевич	436, 437, 439
Казанский Л.	275
Кайдан-Дежкин	55

Кайрович Ангелина Эдуардовна	416
Кайтмазов Н. Г.	255
Кайтмазов Николай	255
Каландаров А. Г.	278, 284, 289
Калачев В.	286
Калачикова Н. В.	284, 285
Калинин	312
Калмыков А. А.	280
Калмыков Борис Дмитриевич	428, 432
Каражаев Казбек Кириллович	252
Каратаев Виктор	335
Каратаев Геннадий	335
Каратаев Леонид Васильевич	335, 337
Каратаева Евгения Павловна	335
Каргинов Казбек Георгиевич	252, 255
Карев Гера	428
Карпенко Екатерина	239
Карпушин	159
Карху Эльза	185
Касабова Галина Ивановна	5, 419, 514, 555
Катцына Т. Н.	228
Качановский	26
Качвашвили А. И.	61, 62
Кашеев В.	297
Кибалин Константин Александрович	109, 290, 291
Кизим Александр Григорьевич	192–194, 200, 202–205
Ким Михаил Васильевич	327, 428, 506, 508, 510, 511, 543
Киосев	155
Киреенко Федор Трифонович	283, 296, 389

Киселев Н. А.	280–282, 284, 294
Киселева В. А.	284
Климов А. И.	292
Климович Г.	553
Кобегкаев М. Т.	255
Коваленко Л. Н.	389, 393, 403
Коган Ревекка Борисовна	541
Кодзаев Д. Ф.	280, 282, 284
Козин Вадим Алексеевич	395, 396
Козлов Анатолий	156
Козлов Л. В.	291
Козловский В. И.	334, 335, 337, 339
Козырев Николай Александрович	349, 364, 366, 369, 370, 372–374, 407
Козюра А. И.	292
Кокорин	337
Кокорина Римма	542
Колесников Борис Иванович	3, 4, 7, 81, 91, 93–97, 101–105, 107–117, 119–125, 129–137, 139, 140, 142, 144–146, 148–159, 161–164, 186–191, 201, 202, 204–211, 237, 240, 244, 248, 255–259, 325, 548
Колесников Виктор	113, 114
Колесников Иван Николаевич	105–108
Колесникова Анфиса Трофимовна	102, 108, 109, 111
Колесникова Валентина	102, 105
Колесникова Виктория	102, 103, 105

Колесникова Ольга	101, 111, 113, 114, 123
Колесникова Светлана	102, 105, 111
Колобаев Александр Федорович	499, 450
Колпаков	395
Колюская Фаина Израилевна	428
Колюский Григорий Соломонович	428
Колюский Семен	428
Колюский Слава	428
Коляда Александр	101
Коляда Виктор	101
Коляда Мария Владимировна	101
Коляда Степан Васильевич	101
Коляда-Колесникова Надежда Степановна	98–100, 101, 110, 112, 113, 114, 122, 125, 191
Комнатный Н. А.	295
Константинов Г. М.	146
Кончаков А. П.	289–291
Конюшко А.	436
Кореневская Евгения Ивановна	520
Кормаков Дмитрий Иванович	498
Корнеев В. А.	228
Корнейчук И.	435
Королев Александр	451
Королев Сергей Иванович	314, 430, 432, 433, 448, 450–453, 455
Королева Альбина	160
Королева Инна Николаевна	433, 451
Королева Лариса	450
Костак Галина	248
Костюшко Зинаида Николаевна	249, 250

Котеленец Василий	185
Котляр А. С.	293
Котов В. И.	283, 284
Кочар Георгий Барсегович	486–488, 495, 500
Кравец Валерий	160
Крендикова Эльвира Артуровна	250
Крестицкий	180
Крестников Р. М.	150
Крестовников А. Н.	271
Криворучко Н.	146
Кривоспицкий Василий Максимович	174
Кроваль Ф. Ф.	228
Кронфельд Мария Никифоровна	433, 448
Кронфельд Михаил Львович	448
Крузе	479
Крупенько Алла Ильинична	250
Крюков К.	436
Ксинтарис Василий Николаевич	318, 319, 468
Кудрявцев А. С.	16
Кузнецов Г. В.	278
Кузнецов Федор	468
Кузьмина Анна Павловна	133
Кулакова Валентина	434
Куликов Константин Иванович	466
Кунаков	278
Куприянова И. П.	228
Купряков Ювеналий Прокопьевич	146
Курако	283
Куриев Магомед Мерцалович	433
Курилов В. И.	150
Куропатов Н. Н.	179

Куц Владимир Терентьевич	420, 421
Куц Ирина	422
Куц Юра	422
Кучкин С.	195, 199
Кушнев	497

## Л

Лавриков	272
Лазарев Николай Никифорович	232, 233
Лайшев	185
Ламбин	182
Лапинский П.	436, 439
Лаптев Н. М.	514
Ларионов Сергей Дмитриевич	17
Латенко	432
Лебедев Флор Афиногенович	283, 284
Лебединский Владимир Николаевич	37, 41, 395
Левитан	488, 525
Левицкий	446
Лернер	492
Лещинский Александр Сергеевич	409
Ли Владимир Николаевич	197
Линцер Арнольд Семенович	69, 70
Линцер Валентина	69
Лисюк Борис	447, 454
Лисягин Георгий Николаевич	71
Лисягина Татьяна Васильевна	71
Лихарев	433



Логинов Алексей Борисович	7, 79–81, 97, 309, 509
Локштанов Григорий Петрович	63
Ломагин Ф. Е.	273–275, 287, 296
Ломагина Нина	298
Ломако П. Ф.	65, 119, 209, 210, 393
Лоненко Тамара Авергиевна	134, 136
Лопухинская Е. С.	228
Лоскутов Ф. М.	271, 390, 394
Лукашевич Алексей	402
Лукашевич Ирина	401
Лукашевич Нина	401
Лукашевич Ольга Николаевна	386–391, 396, 403
Лунев	390
Лунев Анатолий Иванович	399
Лырмин	183, 184
Львов Анатолий Львович	97, 251, 322, 323
Лясковская Елизавета Михайловна	135, 136

## М

Мазепа Г.	553
Мазманян Микаэль	486, 487, 500, 515, 516, 534, 535
Мазоха В. Г.	228
Мазур Владимир	69, 70
Мазуров М.	278
Макаров М. Н.	309
Макарова Алла	383, 553

Макеева И. Н.	252
Маликов Кемаль	36
Мансуров Александр Николаевич	302–309, 314–316, 318, 321, 432, 450, 453
Мансуров Михаил Николаевич	317
Мансуров Николай Николаевич	317
Мансурова Елена Александровна	300, 313, 314, 316, 317
Мансурова-Трушина Злата Александровна	313, 316, 317
Марков В.	436
Мартынов В. В.	449
Мартынов Василий Иванович	304
Мартынюк	240
Марчевская Татьяна Ивановна	165
Марченко А.	436
Масленицкий	283
Матвеев Владимир Зосимович	3, 6, 8–10, 12–22, 24–29, 32, 33, 35, 40, 41, 407
Матвеева Елизавета Карловна	16, 35, 37–41
Махновецкий Михаил	154
Махоткин Василий Михайлович	14, 15, 38
Машьянов Николай Порфирьевич	7, 91–93, 223, 224, 291, 449
Мезин	505
Меклер	486, 488
Мельник Г.	285
Мельников И. А.	179
Мельчаков	319
Мерсиянова М.	273
Месников	398

Метакса	283
Механик В. П.	236
Механиков Н. И.	488
Мешков Леонид	397
Миков	178
Миллер Игорь	434
Миненко Лидия Владимировна	428, 487, 488, 518, 519
Миргунов Алексей Васильевич	176, 177
Миргунов Алексей Михайлович	175, 179, 182
Миргунов Аркадий Васильевич	176, 178, 179, 182
Миргунов Василий Михайлович	175, 177
Миргунов Виталий (Виктор)	178, 182
Миргунов Владимир Васильевич	176
Миргунов Иннокентий Васильевич	175–177, 179
Миргунов Константин Васильевич	176, 178
Миргунов Михаил Васильевич	175–177
Миргунова Антонина	178
Миргунова Капиталина Васильевна	176
Миронов	53, 58
Миронов А.	82
Михайлов Николай Николаевич	135, 137
Михайлова Мария	434
Михайлова Нина	340
Михель Виктор	249
Мозель	524
Монтильо И.	289
Морозова-Бажутина Анна Константиновна	266, 267, 269
Мошарс Н. У.	284
Муравьев Дмитрий Максимович	499, 539, 547
Муроч Н. Н.	390, 394

Мусни Катыш Ходос	316
Мячина	286

# Н

Наджарян Ж. Р.	281
Назаренко Николай	261
Назарова Лариса Григорьевна	164, 472–479, 481–483, 485–487, 489, 492, 495–506, 516–519, 521–551
Назарьев Михаил	432
Некрасов Б. В.	271
Немцов	339
Непокойчицкий Витольд Станиславович	336, 395, 428, 485, 495, 500, 501, 504, 515–518, 521, 534, 548
Непомнящая	329
Нетто Лев Александрович	5, 553
Нешин Тимофей Афанасьевич	414
Никитин Ю.	146
Никифоров М.	274
Николаев Александр Яковлевич	430
Николаев Владимир	428, 430, 435
Никонова Аня	328
Никулин И.А.	64
Новгородов Михаил Дмитриевич	222
Ноздрачев	200

---

# О

---

Обоянцев Петр Степанович	195
Обоянцева-Кизим Валентина Петровна	195, 196
Обручников	319
Огнев Федор	434
Одинец З.	289
Округин В.	278
Орешкова Лика	352, 357
Орлов В.	299
Оруджиев Фуат	525
Островский	55

---

# П

---

Павлов	338
Павлова Л. А.	228
Палей Борис	163, 525, 528
Панов Александр Иванович	430
Панов Анатолий И.	109, 146
Панюков Александр Алексеевич	6, 56, 69, 72–75, 81, 144, 271, 320, 331, 408, 414, 428, 478
Панюкова Нелли	410
Пастухов Ф. Д.	391
Пахомова Александра Владимировна	496
Пащев В.	146
Пельтек Женя	352

---

Пензина Ира	352, 357
Пеньков	285
Перфилов	64, 335
Перфилова Мария Александровна	65
Першин Д. Т.	309
Петренко Сергей	435
Петров Александр	239
Пикузов Авенир	450
Пиотровский Владислав Казимирович	280, 284, 289
Пирогова Наташа	287
Пищик З. Л.	293
Плаксин И. Н.	271, 390, 394
Плетнев Дмитрий Дмитриевич	399
Плинер	32
Пожарский	543
Поластяной	553
Поленова-Грамолина Н. Н.	550
Полищук Владимир Иванович	202
Полуэктов Владимир Евгеньевич	477–479, 490, 509–514, 544, 546
Поляков	538
Полянский А. А.	28
Попков И. Н.	274
Попов Игорь	525
Попов М.	278
Попова Елена Ерминингельдовна (Михайловна)	336
Поппель Николай Викторович	117
Покровский В.	289
Порошина Людмила Ивановна	133, 134, 136
Постовалов П. А.	228

Потапов Леонид Васильевич	198
Потапов Михаил Георгиевич	500, 510–512
Потылицын П.	278
Придагин Б.	337
Притула В. В.	292
Приходько Николай	240
Прокаева Л. П.	223
Прохоров Алексей Владимирович	526
Пузырев В. А.	447
Пузырева	448
Пьянков Николай Иванович	428
Пьянкова Вероника	429

## Р

Раев Андрей Сергеевич	448
Раевский Ф. Ф.	274
Разумовский	469
Распопин Владимир	434
Расс Карл Робертович	41
Расс Лариса Карловна	41
Ратько Игорь Николаевич	541
Рахманов Александр Николаевич	459, 460
Ржевский Владимир	434
Рогожников Иван	432
Родионов Виктор	446, 447
Родионов Владимир Евстафьевич	311, 314
Родионова Л. М.	243
Родичев А.	291

Рожаш Янош	555
Рожков	278, 390
Рожкова Е. Д.	222
Розина И.П.	486
Романов В. Д.	292
Росси Жак-Робер	30, 407, 416–419
Рукосуев Г.	436, 439
Румянцев Серафим Федорович	232, 233, 489
Румянцева Тамара	413, 415, 429
Русинов	417
Русинова Таня	417
Рыжков Н.	116
Рыскин Л.	282
Рябов Александр	249
Рябов В. Г.	291, 294, 299
Рябов Георгий В.	291
Рябченко	490

## С

Сабеев Леонид Афанасьевич	197, 200
Савва Лев Александрович	64, 67
Савельев	364, 365, 368, 369
Савичева Лидия Сергеевна	329, 335
Савнор Ванда Антоновна	492
Самок В.	285
Сапегов	179
Сапожников Василий	179
Сапрыкин Григорий Иванович	94, 336, 337



Сапрыкина Галя	429
Сапрыкина Марфа Ивановна	336
Сапунов Анатолий Иванович	429
Сарников Никита	420
Сарычева	341
Сафонов	340
Сафронец Алла	447
Сафронец Нина Ивановна	433, 448
Сафронец-Ольховская Гретта	412, 429, 448
Свечников А. Н.	390, 403
Семенов	552
Семенов И.	540
Семенов Николай Петрович	355, 356
Сендек Галина Викторовна	519
Сергеев Д.	146
Серова Люда	429
Сикулер И. Г.	273–275, 277, 278
Синев Л. А.	296, 299
Синева Л. Ж.	298
Синицина Соня	376–381
Сироткина Таня	377, 378, 381–383
Скороходова Ольга	417
Слугин Михаил	240
Случанко Иван Алексеевич	335, 336
Слюсарев Н.	289
Смайловский Наум Яковлевич	206
Смирнов Александр Сергеевич	264, 265, 272, 273, 275, 276, 284, 287, 289, 294, 295
Смирнов Борис Сергеевич	270
Смирнов Валериан Иванович	269

Смирнов Иван Пименович	268
Смирнов Михаил Федорович	293, 294
Смирнов Михаил Федорович	435
Смирнов Сергей Иванович	269, 270
Смирнов Сергей Михайлович	335
Смирнов Сережа	298
Смирных Андрей Николаевич	185
Смолов Юрий Михайлович	121, 163, 164
Смородинов Александр	178, 184
Соболев Николай Вячеславович	273, 274, 276, 282, 294–297
Созаев Герман Борисович	238
Соколов А. П.	288
Соколов Николай Петрович	22
Сомин	390
Сорокин Александр Александрович	545–550
Стекланников Василий	434
Степанюк Вадим Афанасьевич	109, 278
Степанюк Вера Петровна	109
Стифеев П. С.	497
Стрельцов Ефим Корнеевич	482, 484, 485, 489
Стриго В. В.	272
Суворова	431, 437
Сузюмова	337
Суров Витольд Павлович	274
Суwegeин Семен	434
Сухарский Александр	525
Сухомлинов Борис Данилович	429

---

# Т

---

Табачников Е. Я.	18, 26
Таболов Батрадз Майрамович	252
Танасов Дмитрий	249
Тарасов Михаил Петрович	341
Тарханов В. Г.	309
Тархов	552
Татаева Людмила Васильевна	548
Темиров М. М.	255
Тепнадзе Надежда Гавриловна	162, 165
Терпogosов Владимир Ваганович	79, 277, 285
Тер-Погосян	377
Тихонин Ф.	278
Тищенко	435
Толмеев Владимир	434
Тороцко Николай Николаевич	488
Тотров А. А.	280
Тронин С.	436
Трушевский Иван Николаевич	437
Трушин Юрий	316
Трушиньш Яков Карлович	514, 515, 517, 524, 527, 528, 530, 532, 538, 544
Трушкина Нина Романовна	115
Тулякова Любовь Фроловна	520
Туманишвили (Туманов) Иосиф Михайлович	341
Туманишвили Зоя Ивановна	324–331, 334–347
Туманишвили Магдалина	332, 335, 340, 344, 345, 346

---

---

# У

---

Униятов Валерий	249
Уразов Г. Г.	390, 394
Урванцев Николай Николаевич	272, 328, 395, 415, 433
Урванцева Елизавета Ивановна	325
Усевич Анна Анатольевна	433
Усиевич М.	332
Усков Анатолий	249
Усова-Зеленова Эдварда	273, 274
Успенский Дмитрий Григорьевич	364, 365, 367, 369, 372
Ушакова Татьяна	459
Ушакова-Всесвятская Нина Петровна	456–458, 462, 465

---

# Ф

---

Фадеев	342
Фалалеев Виталий Александрович	126, 127, 130, 131, 134, 135
Фаюткина Антонина Аркадьевна	417
Федирко П. С.	530
Федоров Пантелеймон Федорович	434
Федорова Мая	434
Федоровский Николай Михайлович	113, 407, 433
Федюха Ф. Р.	276
Феофанова Надежда	240

---

Ферберг Боря	298
Филатов Анатолий Васильевич	91, 96, 209, 259
Филипченко А.	436
Францман Лев Эдгарович	514
Фролов	52, 58
Фугзан	64

## Х

Хагажеев Джонсон Талович	117, 240, 292
Хадзинский	55
Хаусова-Андросова Ирина	158, 160
Херсонский Борис Вениаминович	232–235
Херсонский Евгений Борисович	228, 230–232, 234
Херувимов Ю.	378
Херувимова-Лапина Елена Георгиевна	348–350, 362, 366, 372, 383
Химин	518
Хмылев Б. В.	283, 284
Ходунова Агния Александровна	413
Холодный Федор Григорьевич	25
Хохлов	433
Хромченко С.	67
Худеев Андрей Еремеевич	325, 326
Худеев Иван Андреевич	326
Худеев Степан Андреевич	326
Худеева Матрена Абрамовна	326
Худеева Надежда Андреевна	326
Хутинаев Х. М.	255

---

# Ц

---

Царева Наталия Ивановна	335, 428
Царевский Михаил Михайлович	461–463
Цейдлер А. А.	271, 273, 274, 390, 394
Цирихов Виталий Харитонович	261
Цховребов А. В.	255

---

# Ч

---

Чашин Константин Иванович	278, 416
Чембулов	488
Черненко В. М.	228, 230
Черненков Владимир	169, 171–173
Черненков Григорий	169–172, 174
Чернышев	518, 548
Чернышев К. Н.	45
Чечулин Дмитрий Николаевич	476
Чжунхуй Чжоу	289
Чижиков Д. М.	390, 394
Чижишин Леонид	277
Чукавин Владимир Андреевич	476
Чумак В.	278
Чупретов Геннадий Михайлович	249
Чухломин Гена	129
Чухнин В. А.	228

---

---

# III

---

Шадрин	286
Шадрина Зинаида Яковлевна	540
Шамаев Борис Александрович	553
Шамрай Александр Федорович	243, 249, 256
Шанаев Константин Комболатович	261
Шапиро Е. М.	283
Шапиро Лидия Ивановна	416
Шапоренко Иван Иванович	432, 433
Шаройко Александр Емельянович	392–394, 409
Шаройко Милица Сергеевна	65
Шахов Г. А.	271, 394
Шевцова Мария	434
Шевченко В. Б.	74
Шелагин Михаил Иванович	336
Шер Михаил Яковлевич	488
Шер Рахиль Ильинична	488, 489
Шешукова Галина Михайловна	433
Шипков	531, 534
Шипкова	531, 534
Шишкин Илья Захарович	294, 295, 468
Шкляров Николай Данилович	539, 549
Шмаков Петр Николаевич	427
Шмидт Отто Юльевич	11, 12, 14
Шмидт Фридрих Генрихович	416
Шолле-Смирнова Елена Федоровна	269
Шпилев А.	436
Штефан Эдуард Иванович	417

---

---

# Э

---

Эгле Ж. А.	299
Эпштейн Иерохим Яковлевич	428, 521, 524, 526, 531, 536
Эпштейн Игорь Яковлевич	159, 161
Эрец Петр Александрович	232

---

# Ю

---

Юрасов Дмитрий	30
Юрлов	180
Юрлова Анна	177
Юровская Елена Васильевна	336
Юшина Вера Ивановна	53

---

# Я

---

Ягода	14, 27
Якушкин	486
Ямкин Василий	183
Ямкин Кирилл Данилович	177
Ямкин Николай Николаевич	183
Ямкина Груня	183
Ямкина Елена	183
Ярцев Константин	327
Ярцев Костя	41
Ярцева Е.	327

---



## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i> .....	3
<i>Директора комбината</i> .....	6
<i>Матвеев В.:</i> «Сего числа 1(2) июля 1935 года вступил в обязанности начальника Норильскстроя НКВД. Основание: приказ наркома Внудела Ягоды» .....	8
<i>Матвеева Е.:</i> «...я как-то давно была разочарована жизнью за несправедливость к моему мужу Володе...» .....	34
<i>Завенягин А.:</i> «От вашей продукции зависит очень многое в работе всей нашей промышленности» .....	42
<i>Вуколова-Бизяева Л.:</i> «...я запомнила слова Завенягина на всю жизнь» .....	48
<i>Панюков А.:</i> «Мы очень часто шумим, кричим, а с движением вперед очень слабо дело обстоит. Мы обязаны организовать труд заключенных по-ударному» .....	72
<i>Зверев В.:</i> «В Норильске можно жить только по максимальному режиму» .....	76
<i>Логинов А.:</i> «Меня учили так: выгляди веселым и уверенным, даже если кошки скребут на сердце» .....	79
<i>Дроздов В.:</i> «Норильск научил размаху, смелости. Нигде я не чувствовал себя таким счастливым» .....	82
<i>Долгих В.:</i> «Чтобы отбиться от предлагаемых сверху глупостей, надо придумать что-то умное» .....	85
<i>Машьянов Н.:</i> «Организовать выездные комплексные бригады проектировщиков на важнейших пусковых объектах...» .....	91
<i>Колесников Б.:</i> «Самое приятное для меня... все социальные показатели выражены в цифрах, превышающих сугубо производственные» .....	94

<b>Колесникова Н.:</b> «... не избалованный жизнью человек...» .....	98
<b>Фалалеев В.:</b> «...высшая оценка директору...» .....	126
<b>Васильев М.:</b> «Борис умел быть другом...» .....	138
<b>Григорьянц Э.:</b> «...удивительный урок...» .....	150
<b>Махновецкий М.:</b> «Педагогический смысл са- пог...» .....	154
<b>Козлов А.:</b> «...он все хотел знать сам — не с чьих- то слов» .....	156
<b>Андросова И.:</b> «... своим спасителем считаю Бо- риса Ивановича...» .....	158
<b>Тепнадзе Н.,</b> директор городской киносети (1973—1996 гг.): «...просто свой человек!» .....	162
<b>Горр А.:</b> «Их главная должность — Человек» .....	166
<b>Кизим А.:</b> «... в ЛЮБОЙ ситуации он оставался надежным и принципиальным человеком» .....	192
<b>Брилев С.:</b> «... за годы работы он никого никогда не унизил» .....	207
<b>Албегов Б.:</b> «...Норильск — главный город в моей жизни...» .....	212
<b>Смирнов А.:</b> «... я с трудом добился перерас- пределения в Норильск» .....	264
<b>Мансурова Е.:</b> «...среди расстрелянных трупов он (папа) нашел и вытаскивал своего отца» .....	300
<b>Львов А.:</b> «Всем горожанкам горожанка» .....	322
<b>Херувимова-Лапина Е.:</b> «И Козырев, и Гумилев читали много стихов, особенно Лев Николаевич» .....	348
<b>Лукашевич О.:</b> «... всю жизнь летела, как на крыльях, в обнимку с интересной, любимой рабо- той...» .....	386
<b>Волошина-Куц Н.:</b> «Очень многие честные люди учили меня жизни просто фактом своего сущест- вования» .....	404
<b>Бычков Н.:</b> «... в прошлом мы черпаем силы...» .....	424
<b>Вождаева-Шубина И.:</b> «...как будто окунулась в атмосферу подозрительности, враждебности и доносов...» .....	440
<b>Всесвятская Н.:</b> «...с Владимиром Николаевичем я прожила красивую долгую жизнь» .....	456

---

<b>Назарова Л.:</b> «Мы, молодые архитекторы, не сда- вались и свято верили лозунгу «Все во имя человека, все для блага человека» .....	472
<b>Читайте в книге шестой...</b> .....	552
<b>Именной указатель</b> .....	556

**О ВРЕМЕНИ,  
О НОРИЛЬСКЕ,  
О СЕБЕ...**

Редактор-составитель  
Г.И. Касабова

Корректоры  
*В.Л. Соловьева,  
Е.А. Лебедева*

Компьютерная верстка  
*О.Г. Егин,  
Н.А. Аринчева*

**ООО «ПолиМЕдиа»**

Лицензия ИД № 03287 от 20.11.2000 г.  
143000, Московская обл., г. Одинцово-3, а/я 101

Подписано в печать 17.08.2004. Формат 84×108 1/32.  
Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Объем 18,5 печ. л.  
Заказ № .  
Тираж 2000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в  
ОАО «Полиграфический комплекс «ОРИУС»  
398055, Липецк, ул. Московская, д. 83